

ГРМО СЕКРЕТНОСТИ СЛЯТ

ДЕЛО № 11-001

СЕКРЕТНЫЕ ОБЪЕКТЫ «ВЕРВОЛЬФА»

А.С. Пржедомский

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Annotation

События, описанные в книге, связаны с поразительной тайной — исчезновением Янтарной комнаты. Автор, как человек, непосредственно участвовавший в поисковой работе, раскрывает проблему с совершенно новой, непривычной для нас стороны — со стороны тех, кто прятал эти сокровища, используя для этого самые изощренные приемы и методы. При этом он опирается на трофейные материалы гитлеровских спецслужб, оперативные документы советской контрразведки, протоколы допросов фашистских разведчиков и агентов. Читатель, прослеживая реализацию тайных замыслов фашистского руководства по сокрытию ценностей на объектах организации «Вервольф», возможно, задумается над тем, а все ли мы сделали, для того, чтобы напасть на след потерянных сокровищ...

- [Андрей Станиславович Пржездомский](#)

- [От автора](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Эпилог](#)
- [Об авторе](#)
- [Иллюстрации](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)

- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)

- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)

- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)

- [203](#)
 - [204](#)
 - [205](#)
 - [206](#)
 - [207](#)
 - [208](#)
 - [209](#)
 - [210](#)
 - [211](#)
 - [212](#)
 - [213](#)
 - [214](#)
 - [215](#)
 - [216](#)
 - [217](#)
 - [218](#)
 - [219](#)
 - [220](#)
-

Андрей Станиславович Пржездомский

Секретные объекты «Вервольфа»

Памяти Николая Васильевича Орлова посвящается

От автора

Перед вами, уважаемый читатель, не документальная хроника, не научное исследование и не приключенческая повесть. Перед вами попытка художественной реконструкции событий конца Второй мировой войны и нашего времени, связанных с поразительной тайной последнего века нынешнего тысячелетия — исчезновением Янтарной комнаты.

Для тех, кто первый раз слышит об этом восьмом чуде Света, что кажется просто невероятным, напомним, что Янтарная комната, или, как она тогда называлась, Янтарный кабинет, была создана данцигскими мастерами в 1701–1709 годах по проекту известного немецкого архитектора Шлютера. Она была подарена прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I русскому царю Петру Великому в знак уважения к России и надежды на более тесное военное сотрудничество ее с Пруссией.

Сначала Янтарный кабинет был помещен в Летний, а затем Зимний дворец императорской семьи в Санкт-Петербурге и только в 1755 году был смонтирован в одном из залов Екатерининского дворца в Царском Селе. Двенадцать янтарных панно, разделенных длинными узкими зеркалами в золоченых рамах с капителями, украшенными женскими головками, превосходные орнаменты, изящные резные украшения, четыре мозаичные картины флорентийских мастеров с аллегорическим изображением пяти человеческих чувств — это лишь поверхностное перечисление того, что представляла собой Янтарная комната. В лучах солнца она сияла изумительным блеском, который может дать только янтарь. Это был самый удивительный, самый редкостный экспонат дворца-музея в городе Пушкине под Ленинградом.

О нем с восторгом говорили все, видевшие его, от маститых ученых-искусствоведов до рядовых посетителей.

Молниеносное наступление немцев на Ленинград в 1941 году не позволило своевременно демонтировать Янтарную комнату, и она оказалась в руках врага. 14 октября специальной оперативной группой под командованием уполномоченного по охране культурных ценностей германской группы армий «Север» ротмистра резерва графа Сольмс-Лаубаха и представителя начальника Управления военных музеев капитана Пёнсгена Янтарная комната, упакованная в двадцать семь деревянных ящиков, была вывезена из полуразрушенного Екатерининского дворца в западном направлении и спустя некоторое время оказалась в столице

Восточной Пруссии Кёнигсберге.

В первые годы войны Кёнигсберг был относительно спокойным тыловым городом, и гитлеровское руководство не опасалось за судьбу многочисленных культурных ценностей, свезенных сюда с оккупированных территорий и конфискованных у «врагов рейха». Янтарную комнату даже выставляли на некоторое время в одном из залов Королевского замка. Но после бомбардировки города союзниками в августе 1944 года все изменилось. Да и дела на фронте шли у немцев все хуже и хуже. Поэтому вскоре реально встал вопрос о том, что делать с многочисленными культурными ценностями, хранящимися в кёнигсбергских музеях, на складах трофейных частей, в частных собраниях нацистских бонз. Вывозить или прятать? Собственно говоря, этот вопрос являлся краеугольным как для тех, кто решал судьбу сокровищ, так и для тех, кто спустя годы, вплоть до сегодняшнего времени пытается найти их.

С полной уверенностью могу сказать: значительная часть сокровищ осталась на территории Калининградской области. При этом мне совершенно не хочется полемизировать со сторонниками других версий и взглядов, поскольку я это уже сделал в вышедшей более десяти лет назад в Калининграде книге «Янтарный призрак». Как человек, непосредственно участвовавший в поисковой работе и за тридцать лет перелопативший горы документов и материалов, считаю, что могу иметь свой собственный взгляд на обстоятельства исчезновения из Кёнигсберга Янтарной комнаты и других культурных ценностей. При этом ни в коем случае не хочу присвоить себе пальму первенства в этих вопросах, тем более что сам был знаком с настоящими профессионалами своего дела, прекрасными людьми, в разные годы занимавшимися поисками пропавших сокровищ. Анатолий Михайлович Кучумов, Вениамин Дмитриевич Кролевский, Владимир Ананьевич Боярский, Елена Евгеньевна Стороженко, Валерий Григорьевич Бирюков — вот далеко не полный перечень «открывателей» удивительного мира романтического поиска культурного достояния человечества. Общение с этими людьми, совместные обсуждения результатов и перспектив поисковой работы помогли мне более глубоко осмыслить проблему и выработать свою собственную позицию.

В этой книге я хочу рассказать о событиях, разбросанных во времени на несколько десятков лет. Участником отдельных из них был я сам, и о них мне писать, конечно, намного проще, поскольку это связано с личными впечатлениями и переживаниями. О других событиях я смог рассказать, опираясь на многочисленные документы, сохранившиеся в архивах, которые, наверное, будут закрыты еще очень долго для большинства

читателей. В связи с этим я не могу не принести глубокую благодарность за помощь и поддержку, оказанные мне руководством и сотрудниками Федеральной службы безопасности и Службы внешней разведки. Именно благодаря знакомству со множеством документов, доселе не доступных не только простому читателю, но и профессиональному исследователю, мне удалось реконструировать цепь событий, которые традиционно являются тайной. Иногда такие тайны сохраняются на долгие годы, иногда они покрывают реальные события своим мраком навсегда.

Совсем недавно выдающиеся российские мастера нашего времени воссоздали новый облик Янтарной комнаты, и ее солнечные панели снова сияют в Екатерининском дворце под Санкт-Петербургом. Сотни тысяч людей вновь получили возможность увидеть это чудо Света, с восхищением любоваться филигранной работой современных художников, резчиков по дереву, золотых и янтарных дел мастеров. Но современная Янтарная комната — это прекрасная и великолепная копия той, старой, созданной в XVIII веке, ставшей удивительным символом романтических поисков сокровищ человечества.

В предлагаемой вам книге, жанр которой я определил бы как опыт художественно-документальной реконструкции, я попытался посмотреть на проблему исчезновения Янтарной комнаты и других культурных ценностей с совершенно новой, не привычной для нас стороны со стороны тех, кто прятал эти сокровища, используя для этого самые изощренные приемы и методы. Смею заверить читателя, что подобная реконструкция событий не представляет собой беспочвенных фантазий и не является плодом большого воображения, поскольку опирается на достаточную документальную основу — трофейные материалы гитлеровских спецслужб, оперативные документы советской контрразведки, протоколы допросов фашистских разведчиков и агентов, сведения, добытые нашей разведкой в годы Великой Отечественной войны.

К сожалению, документальная основа, если ей следовать буквально, не позволяет увидеть целостную картину событий. Она позволяет восстановить лишь их отдельные фрагменты. И здесь, пусть простит меня строгий читатель, я позволял себе восполнять недостающие логические звенья авторской фантазией или, если хотите, интуицией. Там, где появлялся разрыв в череде описываемых фактов, я пытался на основе собственного восприятия документов, своего профессионального и жизненного опыта реконструировать обстановку и действия персонажей, абсолютное большинство которых существовали в реальной жизни. Как говорили древние греки, я попробовал восстановить события «ex ungue

леопет» — «по когтям льва»^[1]. Особо придирчивого читателя прошу не горячиться и не пытаться прижать автора к стенке несоответствием каких-либо из описываемых в этой книге фактов его собственным представлениям о событиях, почерпнутым им из книг других авторов. Тем более что недостатка в таких изданиях сегодня не просматривается. Правда, иногда диву даешься на бесцеремонность некоторых авторов в обращении с фактами, а нередко приходится сталкиваться с их прямой подтасовкой в угоду увлекательности сюжета.

И еще одно замечание. Приводя многочисленные документы, долгие годы пылившиеся на полках архивов и в массивных сейфах спецслужб, я старался ничего не искажать и сохранить их стиль, даже если это звучит не очень благозвучно и не всегда достаточно грамотно. По понятным соображениям изменены некоторые имена действующих лиц.

Я буду считать, что справился со своей задачей, если читатель не только пролистает страницы этой книги, но и вместе со мной совершит увлекательное путешествие по событиям минувших дней — проследит реализацию тайных замыслов фашистского руководства по сокрытию ценностей на объектах организации «Вервольф»^[2], сформированной гитлеровцами в конце войны для осуществления диверсионно-террористических актов в тылу советских войск, и задумается над тем, все ли мы сделали, чтобы напасть на след потерянных сокровищ.

Я посчитал бы большой удачей, если бы моя книга побудила всех, кому не безразличны интересы нашей страны и судьба дальнего западного островка нашей Родины, решительно выступить за сохранение наших, российских приоритетов в поиске ценностей, утраченных в годы Второй мировой войны. Мы не имеем права добавить к множеству исторических унижений, которые пережило наше государство в последние два десятилетия, еще одно — находку уникальных сокровищ цивилизации руками предприимчивых иностранных дельцов или собственного российского криминалитета. Мы в состоянии это сделать сами. Для этого у нашего великого народа есть все — гибкий ум, трудолюбие и самоотверженность. Нужны лишь люди, способные начать такую работу, поставить ее на высокий организационный и исследовательский уровень. Не для собственного обогащения или реализации личных амбиций, а в интересах России и последующих поколений, во имя российской культуры как неотъемлемой части мировой цивилизации.

Глава 1

Откровения Эриха Коха

Тяжелая железная дверь, покрашенная светлой масляной краской, со скрипом открылась, и на пороге в сопровождении надзирателя показался невысокий старичок. Одет он был в теплую куртку темного, почти черного цвета и линялые бежевые брюки. В руках у старика был непонятной формы головной убор — что-то вроде арестантской стеганой шапочки. Очки с толстыми стеклами на худом морщинистом лице придавали ему вид добродушного пенсионера, находящегося на заслуженном отдыхе в каком-нибудь интернате для престарелых.

Старичок, опираясь обеими руками на трости, довольно проворно вошел в комнату, слегка шаркая по цементному полу.

— День добрый! — проговорил он, чуть шепелявя.

— Здравствуйте! — Ожидавший его в комнате мужчина лет тридцати, не протягивая ему руки для пожатия, жестом указал старичку на одну из двух табуреток, стоящих посередине комнаты.

— Благодарю вас, — дружелюбно произнес «пенсионер», присел на табуретку и, протягивая надзирателю трости, произнес: — Вацлав, заberi, пожалуйста, пока это.

— Давай, Эрих, я пока отнесу их к себе!

Надзиратель, одетый в синюю униформу, был тоже немолодым. По тому, как он с готовностью взял протянутые трости, было видно, что между гам и его «подшефным» сохраняются доброжелательные отношения и не чувствуется никакой вражды, какую можно было бы ожидать между человеком, долгое время находящимся под стражей, и его тюремщиком.

— Вы хотели поговорить со мной. Я слушаю вас, господин...

— Урбан, — представился собеседник.

— Слушаю вас, господин Урбан! — Старичок равнодушно посмотрел на собеседника, своим безразличным видом давая понять, что делает большое одолжение, согласившись на разговор с ним.

Произнесено все было так спокойно и буднично, как будто два человека встретились для обсуждения какого-то малозначительного дела где-нибудь в страховой конторе или пенсионном отделе.

— Я — сотрудник Управления гражданской милиции в Ольштыне, — представился молодой мужчина. — По поручению Следственного бюро

МВД Польской Народной Республики я должен задать вам несколько вопросов о...

— Я могу отвечать на ваши вопросы, а могу не отвечать... Я достаточно хорошо знаю мои права и обязанности, господин Урбан! — резко ответил старик.

В один момент его испещренное морщинами лицо утратило всякие признаки благодушия. Он уже не походил на милого пенсионера, мирно беседующего со страховым агентом. Глаза зло смотрели на собеседника, кончики губ резко опустились вниз. Старик стал как-то тяжело дышать. Было видно, что ему не хватает воздуха.

Урбан слегка поежился, не ожидая такой агрессивной реакции от старика. «Да, если сейчас, когда ему около восьмидесяти, он так реагирует на неприятные ему вопросы, то как оно было тридцать лет назад? — подумал сотрудник польской милиции. — Тогда, наверное, к нему нельзя было и подступиться! Гаулейтер!^[3] Безграничный властитель Восточной Пруссии!»

Да, перед капитаном Урбаном сидел действительно один из некогда самых могущественных людей Третьего рейха, человек, имя которого проклинали миллионы людей на Украине, в Польше да и в самой Германии. Перед сотрудником польской милиции сидел бывший гаулейтер, обер-президент и комиссар имперской обороны Восточной Пруссии Эрих Кох, отбывающий срок пожизненного заключения в польской тюрьме. Это было девятнадцатого июля 1975 года.

На протяжении предшествующих лет фигура гитлеровского сподвижника не раз привлекала внимание прессы, а в 1958 году, когда состоялся судебный процесс в Варшаве, польские газеты подробно рассказывали о бывшем нацистском гаулейтере. После войны видному нацисту удалось скрыться. В течение пяти лет он проживал в Германии неподалеку от Гамбурга под именем Рольфа Бергера, но в 1950 году был арестован полицией и выдан Польше.

Из статьи в газете «Трибуна люду» от 22 октября 1958 года

«...Кох — владелец золотого партийного значка НСДАП^[4], партбилет № 90. Он был одним из тех, которые с самого начала были связаны с Гитлером и облегчили его приход к власти, а позже установили в Германии гитлеровский режим. Кох был одним из самых преданных людей Гитлера, благодаря чему за короткое время стал занимать высокие посты как в гитлеровской партии, так и в правительстве Третьего рейха. Исполняя свои

обязанности, Кох многократно участвовал в тайных переговорах с Гитлером, во время которых обсуждались важнейшие проблемы, касающиеся внутренней и международной политики гитлеровской Германии...»

— Господин Кох, скажите, пожалуйста, вы не знали некоего Збигнева Клепинского? — начал беседу капитан Урбан.

— Нет, не знаю, — не раздумывая, ответил Кох.

— Вспомните, пожалуйста! Вы еще с ним лежали в тюремной больнице семь лет назад.

Кох на мгновение задумался, как бы вспоминая. В глазах у него мелькнул недобрый огонек. С явным раздражением он снова резко ответил:

— Нет, не знаю.

По-видимому, капитан не ожидал, что с самого начала разговора Кох воспримет в штыки его вопросы, и чуть-чуть стушевался, подбирая слова. Кох же, видя смущение собеседника, сам начал:

— Вот вы меня спрашиваете про какого-то там... Да я не помню даже такой фамилии. Я уже давно в тюрьме и не могу упомянуть всех, с кем встречался. Да мне этого и не нужно. Вы лучше скажите, когда мне будут улучшены условия содержания? Здесь, в Барчеве, несколько не лучше, чем в Мокатовской тюрьме. А я все-таки не простой заключенный! Я...

— Господин Кох, — попробовал остановить его натиск капитан Урбан. — Я знаю, что вы содержитесь...

— Ничего вы не знаете! — старик резко перебил капитана. — Мне уже восемьдесят лет, а я сижу в такой вонючей камере!

Из статьи в немецкой энциклопедии «Дер гроссе Броккгаус». Том дополнений, 1935 год

«Кох Эрих, гаулейтер, Эльберфельд, 19 июня 1896, служащий железной дороги, воевал в мировой войне, затем работал в Верхней Силезии и Рурской области, в 1926 году уволен за свою политическую деятельность. В 1922–1928 был членом Гаулейтунга^[5] НСДАП в Рурской области; в 1928 году стал гаулейтером Восточной Пруссии, в 1933-м — обер-президентом этой провинции и государственным советником. Он разработал „Восточно-пруссский план“ и уже в 1933 году впервые устранил здесь безработицу. С 1930 года член рейхстага^[6]. Кох издает основанную им газету „Пройссише цайтунг“; он написал книгу „НСДАП“ (1933). Его статьи и речи опубликованы в книге

„Созидание на Востоке“ (1934)».

Урбан знал, что Кох с шестьдесят пятого года отбывает срок в одиночной камере Барчевской тюрьмы. Но он также знал и о том, что условия у бывшего гаулейтера были отнюдь не худшие. По сути дела, это была даже не камера, а небольшая комната с окрашенными салатовой краской стенами, побеленным потолком, большим решетчатым окном, затянутым внутри мелкой сеткой. Вдоль стены рядом с умывальником стояла металлическая кровать, а перед ней — этажерка на колесиках, какие обычно бывают в больницах. Кох много читал и слыл в тюрьме книголюбом.

— Господин Кох, я пришел для того, чтобы задать вам несколько вопросов. Что же касается условий содержания, то обращайтесь к тюремной администрации!

Все это Урбан проговорил жестким, не терпящим возражения тоном. Его уже стала раздражать манера поведения бывшего видного фашистского функционера. Мало того, что его за все преступления не казнили в сорок девятом, а сохранили жизнь, так он еще требует особого к себе отношения! «Вот сволочь!» — думал капитан, теперь даже с некоторой брезгливостью смотря на Коха.

Из книги «Палачи Европы. Портреты и памфлеты». Москва, 1945 год

«Гитлеровский рейхскомиссар Украины, гаулейтер прусской организации немецкой фашистской партии, Эрих Кох, пожалуй, один из наиболее изощренных специалистов не только массового убийства, массового грабежа, массового насилия, не только разрушения человеческого общества, но и разложения самой человеческой личности. Недаром же Кох, эта „белокурая бестия“ и черный вешатель, арийский „сверхчеловек“ и германский сверхграбитель, ефрейтор (да, да, опять ефрейтор!) армии кайзера Вильгельма в прошлую мировую войну, является учеником, другом и соратником... знаменитого в списках мировых разведок шпиона и провокатора Шлягетера^[7], работавшего одновременно и на немецкую и на французскую разведки!

Трус, стяжатель, прелюбодей — это нравственные черты самого Коха...»

Из книги Альберта Шпеера^[8] «Воспоминания». Смоленск —

Москва, 1997 год

«...На месте одной из самых знаменитых церквей Киева я обнаружил груды развалин. Мне рассказали, что при Советах здесь находился склад боеприпасов, который затем по неизвестной причине взлетел на воздух. Позднее Геббельс рассказал мне, что на самом деле рейхскомиссар Украины Эрих Кох решил уничтожить символ ее национальной гордости и приказал взорвать церковь. Геббельс был крайне недоволен его поведением и открыто возмущался жестокими методами управления оккупированными территориями России... Уже через полгода чинимые чиновниками германской администрации произвол и насилие привели к тому, что там повсюду появились партизаны».

После тирады капитана Кох как-то сразу обмяк, немного пошамкал губами и сказал:

— Ладно, задавайте свои вопросы! Я уже много раз отвечал на вопросы полиции. Ничего нового вы от меня не узнаете. Я рассказал вам все.

— Господин Кох, я интересуюсь этим человеком, я имею в виду Збигнева Клепинского, потому, что он совершил еще одно преступление, и вы, если его знаете...

— Я же сказал вам, что не знаю его! — теперь уже совершенно спокойно проговорил Кох. — Спросите про него кого-нибудь другого.

Разговор явно не клеился, и капитан, чтобы немного разрядить обстановку, вынул из кожаной папки, которую он все время держал на коленях, экземпляр немецкой газеты.

— Господин Кох, недавно в западногерманской газете «Дер Остпрройссенблатт»...

— Какой газете? — Кох с интересом посмотрел на Урбана. — Я не знаю такой газеты! Мне не дают читать прессу из Западной Германии. Я здесь читаю только «Нойес Дойчланд» и «Фрайе Вельт»! Ну-ка, покажите!

Капитан Урбан, чувствуя, что появилась возможность установить пусть очень хрупкий, но контакт с высокопоставленным заключенным, протянул газету Коху.

Из «Краткого справочника „Зарубежная печать“». Москва, 1986 год

«...„Остпрройссенблатт“ (Das Ostpreussenblatt — „Восточно-пруссский листок“). Еженедельная газета. Центральный орган реваншистской организации „Землячество немцев из Восточной Пруссии“. Издаётся в Гамбурге. Основана в 1950 г. Тираж 47,4 тыс.»..

— Это газета восточно-прусского землячества и «Союза изгнанных», — пояснил Урбан.

— А, понятно! — Кох заулыбался, — Вы называете такие газеты реваншистскими.

Капитан только кивнул в ответ. А сам подумал: «Что с него возьмешь? Фашист!»

Кох пробежал глазами по первой странице газеты с витиеватой готической надписью и стилизованными гербами в верхней части, затем развернул ее.

— Господин Кох, здесь есть новая статья о Янтарной комнате!

— Где же? — Кох вдруг оживился, стал внимательно просматривать газету, переворачивая одну страницу за другой.

Капитан указал на статью под заголовком «Польша — новые документы о Янтарной комнате».

Бывший руководитель Восточной Пруссии, о котором не раз говорили, что он-то уж точно знает, где находится Янтарная комната, с интересом погрузился в чтение. Минут пятнадцать он вчитывался, в общем-то, небольшой текст, по-старчески шевеля губами и время от времени издавая причмокивающий звук. Было видно, что он очень внимательно знакомился со статьей, несколько раз возвращаясь к прочитанному и останавливая свое внимание на казавшихся ему наиболее интересными моментах. Все время, пока Кох читал статью, губы его были растянуты в едва заметной ухмылке, но, когда он закончил чтение, старческое лицо его буквально расплылось от улыбки. От прежнего раздражения и недовольства не осталось и следа.

— Все это болтовня! Чушь и глупость — все, что они там пишут! — с усмешкой проговорил Кох. — Все эти домыслы, что Янтарную комнату вывезли на «Вильгельме Густлове»^[9], — чепуха! Надо же придумать так: вывезли из Восточной Пруссии и закопали на полигоне Штаблак!^[10] Это все выдумки!

— Да, но, документы...

— Какие документы, господин Урбан! Все это пустая трата времени! Я сам лично контролировал движение судов из Пиллау!^[11] Ничего, никакой

«комнаты» или других ценностей морским путем из Кёнигсберга не вывозилось! Там была только плановая эвакуация населения и раненых. Все!

— А может быть, все-таки на полигоне Штаблак? — предположил капитан, почувствовав, что тема явно интересует Коха и у него теперь есть шанс добиться расположения старого нациста. — Это теперь у русских. Видите, в газете пишут...

— Нет, нет и еще раз нет! В Штаблаке был лагерь военнопленных. Все это глупости! Ищут совсем не там, где надо искать! — перебил Урбана Кох.

Он проговорил это в таком возбуждении, что капитану показалось: еще немного, и Кох сам расскажет, где спрятаны сокровища.

Урбану было известно, что около десяти лет назад Кох в беседе с одним польским журналистом сделал заявление о том, что знает, где спрятана Янтарная комната. Тогда газеты поспешили разнести эту сенсационную весть по всему миру.

«Янтарная комната», вывезенная из дворца в г. Пушкине... спрятана в Калининграде. «Это я отдал приказ вывезти уникальные произведения искусств на сумму в 50 миллионов долларов золотом, — заявил Кох корреспонденту газеты „Трибуна люду“, — и могу гарантировать, что „Янтарная комната“ скрыта в бункерах кирхи в этом городе», — писала одна газета. «Кох утверждает, что знает два бункера возле старого костела в бывшем районе Понарт^[12], в которых спрятана личная картинная галерея гаулейтера. Подземелье старательно сровняли с землей, а находящиеся на поверхности строения взорвали. Коху трудно припомнить, в каком именно бункере положена Янтарная комната», — вторила ей другая газета.

И вот теперь капитан Урбан в беседе с некогда могущественным властителем Восточной Пруссии неожиданно для себя почувствовал, что очень близок к разгадке тайны. «А вдруг сейчас Кох возьмет да и скажет, где спрятана Янтарная комната?» — пронеслось у него в голове. — «И тогда я буду первым, кто узнает истинное ее местонахождение!»

Урбан даже забыл, зачем он пришел на беседу с Эрихом Кохом, так увлекла его мысль о грядущем открытии тайны века. «Да и бог с ним! Если он не помнит Збигнева Клепинского, ничего от этого не изменится. Подумаешь, надо установить возможную связь этого уголовника с Кохом! Да это надуманное все дело! А вот если Кох расскажет, где спрятаны сокровища, вот это будет информация! И добыл ее я, капитан Урбан! При таком повороте событий мне просто будет обеспечена блестящая карьера! И слава!»

Так или примерно так думал капитан Урбан, слушая Коха, возмущенного статьей в газете «Дер Остпрройссенблатт».

— Они пишут, пишут! А ничего не сделали, чтобы найти Янтарную комнату! Я им сказал... — Кох указал рукой куда-то в сторону окна. — Если хотите, я все расскажу и даже покажу вам! А то приезжал один русский. Профессор! Говорит мне: «Можете показать, где были бункеры?» А я говорю ему: «Могу. Дайте каргу!» А он подает мне такую... ну для туристов. Смешно! Как я на ней покажу, если это просто схема. Там даже улиц всех нет!

— Господин Кох, а вы могли бы мне показать, где находятся эти бункеры? — боясь спугнуть близкую удачу, робко спросил Урбан.

— Конечно! У вас с собой есть штабная карта Кёнигсберга?

— Сейчас нет, но...

— Ну так вот, найдите, а потом спрашивайте! Я же сказал, что покажу на карте и могу показать на местности, где что спрятано. Только у меня есть условия! Да, условия!

Капитан Урбан вопросительно взглянул на Коха.

— У меня есть условия. Я все расскажу и все покажу. Только польское правительство должно отпустить меня в Германию. Я уже старый человек и скоро, наверное, умру. Но я хочу умереть на родине, в Эльберфельде. Там похоронены мои родители и все мои родственники. Я знаю, вы, поляки, не можете простить мне, что я присоединил к Пруссии Цеханувский округ. А русские не могут простить мне Украину! Но чего держать в тюрьме старого, больного человека?

Было видно, что Кох сильно разволновался. Урбану было известно, что он уже не раз ставил вопрос о своем освобождении из польской тюрьмы, каждый раз заявлял об этом во время официальных бесед, несколько раз обращался к начальнику тюрьмы Леону Чая с просьбой передать инстанциям, что он готов в обмен на свободу сообщить информацию, представляющую интерес для польского правительства. На это добродушный начальник тюрьмы, как правило, говорил ему:

— Эрих! — В тюрьме Коха все надзиратели и обслуживающий персонал, включая санитаров, называли по имени. — Ты что же, думаешь, что польское правительство так глупо, что все простит своему главному врагу? Да и что ты можешь помнить? Кому нужны твои басни?! Иди к черту! И больше не обращай ко мне с такими тупыми предложениями!

После небольшой паузы, которая, наверное, нужна была Коху, чтобы перевести дух, он сказал, обращаясь к капитану Урбану:

— Господин Урбан, вы работаете в полиции...

— В милиции.

— Ну да, в милиции. Передайте своим начальникам все, что я вам сказал. Какой смысл держать меня здесь? В августе ко мне из Германии приедет племянница. Ее зовут Рут Хаусманн. Она там тоже хлопочет, чтобы я мог умереть на родине. Я могу даже поехать в Кёнигсберг к русским и показать им те места, которые я знаю. Конечно, все должно сохраняться в тайне. Скажите об этом своим генералам.

— Господин Кох, я все, конечно, передам своему начальнику. Но эти вопросы, как вы сами понимаете, решаются не здесь, а в Варшаве.

— Да, я понимаю, в Варшаве. И в Москве, конечно, — уже совершенно спокойно проговорил Кох. — Я жду...

— И все-таки, господин Кох, скажите, что же это за укрытия такие, в которых спрятаны ценности в Кёнигсберге?

— Я уже не раз говорил об этом. Это — подземные бункеры, над которыми были взорваны дома. Хорошие, герметичные бункеры, настоящая германская строительная технология! Ни вам, ни русским таких никогда не построить!

— Что, специально построенные для того, чтобы хранить в них...

— Да нет же! Строились они не для этого. Но, когда стало ясно, что русские вот-вот войдут в город, было решено использовать эти бункеры. Этим занимались люди из СД^[13]. Они...

— Какие люди? Вы помните фамилии? — Урбан, не замечая этого, даже перебил Коха, едва сдерживая волнение.

Но тот, как будто натолкнувшись на какое-то препятствие, будто опомнившись и почувствовав настроение собеседника, вдруг замолк. Так они сидели друг против друга — капитан Урбан, с замиранием сердца ждущий ответа на свои вопросы, и заключенный камеры номер двадцать в тюрьме города Барчево Ольштынского воеводства. Один, еще надеявшийся, что военный преступник Кох все-таки откроет завесу над тайной исчезновения Янтарной комнаты, и другой, уставший от бессмысленного для него разговора и все более и более теряющий надежду на освобождение.

Первым паузу нарушил Эрих Кох, так как Урбан, наверное, не решился бы это сделать, потому что еще рассчитывал на откровения бывшего гаулейтера. Кох же тяжело вздохнул и, посмотрев долгим немигающим взглядом на капитана, сказал:

— Ничего я не помню, ничего не хочу вспоминать. Я устал, господин Урбан. Если у вас больше нет ко мне вопросов, я пойду. А этого вашего... Збигнева я не помню.

Разговор явно был закончен. Стало понятным, что старый нацист не скажет больше ни слова на интересующую капитана тему. Так неожиданно всколыхнувшаяся надежда уступила место разочарованию.

Капитан Урбан встал, молча прошел к двери и позвал надзирателя. Тот сразу появился в комнате, видно, находился поблизости.

— Ну что, Эрих, наговорился? Бери свои палки и пошли, — беззлобно сказал надзиратель, которого Кох называл Вацлавом.

— До свидания, господин Урбан! — Кох сделал рукой движение, похожее на прощальный жест, и зашагал, опираясь на трости. Передвигался он тяжело, медленно переступая и шаркая ногами. Что-то было жалкое в этой сгорбленной фигуре человека, бывшего всего тридцать лет назад одним из самых могущественных людей в гитлеровской Германии. Когда-то его боялись, перед ним заискивали, замирали в страхе и почтении, проклинали, ненавидели и презирали, а советский разведчик Николай Кузнецов безуспешно пытался убить его даже ценою своей жизни. Теперь же это был доживающий последние годы старик, к которому самый последний надзиратель в польской тюрьме обращался на ты и называл запросто Эрихом.

Из Аналитической справки об Эрихе Кохе

«... Гаулейтер и обер-президент, комиссар имперской обороны Восточной Пруссии, Э. Кох обладал огромной властью.

Исходя из принципа фюрерства, существовавшего в нацистской Германии, гаулейтер на территории своего гау являлся, в сущности, самодержавным властителем, поскольку по закону 1934 года гаулейтер одновременно являлся и рейхсштатгальтером (наместником имперского правительства) провинции, то есть осуществлял функции как партийного, так и государственного руководителя области.

Как гаулейтер и комиссар имперской обороны Э. Кох осуществлял руководство работой всех партийных организаций... возглавлял и координировал все области военной экономики, находившиеся на территории гау...»

Капитан Урбан закурил, постоял немного у окна, пытаясь осмыслить результаты встречи с бывшим видным нацистом. Если поначалу он никак не мог избавиться от чувства неприязни к Коху, то сейчас оно совершенно ушло, уступив место жалости к этому беспомощному старику с шаркающей походкой. Когда час назад Урбан шел на встречу в тюрьму, его

занимало только одно — знает ли Кох Збигнева Клепинского, в отношении которого следственный отдел в Ольштыне вел уголовное дело.

Шеф поручил молодому сотруднику, недавно приехавшему в Ольштын из Варшавы, провести эту встречу лишь потому, что Урбан прекрасно владел немецким языком и, кроме того, был очень обходительным и вежливым. Именно эти качества, по мнению начальника, должны были позволить «разговорить» Коха и получить от него необходимые показания.

Газету «Дер Остпрройссенблатт» капитан Урбан взял сам, на всякий случай. Будучи наслышанным о поисках Янтарной комнаты, он заранее решил попытать счастья и расспросить самого осведомленного человека по этой части. Но, как оказалось, просчитался. Кох практически ничего не добавил к тому, что Урбан и так знал о поисках Янтарной комнаты. Но было в этой мимолетной встрече нечто такое, на что капитан не мог не обратить внимание. Это была, конечно, ироничная улыбка Коха, когда он читал статью о том, что Янтарная комната вывезена из Кёнигсберга и находится где-то далеко за его пределами. Эта была горячность, с которой Кох, все более распаляясь, говорил о «герметичных бункерах» и о «людях из СД», причастных к укрытию Янтарной комнаты.

«Похоже, он все-таки что-то знает, но не говорит, — думал Урбан. — Как же его разговорить? Как заставить Коха дать показания о том, где находятся спрятанные гитлеровцами ценности? Почему наши вместе с русскими не договорятся, чтобы выпустить его из тюрьмы? Все равно он глубокий старик и скоро умрет. Если он не расскажет, что знает о всех этих делах, то скорее всего, унесет тайну с собой в могилу и никто никогда не узнает, где же спрятаны Янтарная комната и другие сокровища!»

Капитан Урбан вынужден был прервать свои рассуждения. За решетчатым окном, затянутым серыми разводами грязи, он увидел фигуру, одиноко бредущую по уложенной каменными плитками дорожке. Окно выходило на тюремный двор, куда, очевидно, выпускали на прогулку заключенных. Этот же сгорбленный и тяжело передвигающийся старик, бывший некогда грозным гаулейтером и рейхскомиссаром обороны Восточной Пруссии, по-видимому, имел лишь одно небольшое преимущество перед другими заключенными — его иногда выводили во двор, когда там никого не было. Он бродил, опираясь на тросточки, вдоль стены, пока сам не уставал или надзирателю не надоедало его ждать. Урбан даже представил, как надзиратель кричит: «Эй, Эрих! Хватит шлаться! Пошли в камеру!»

Маленькая фигурка в черной куртке и арестантской шапочке, надвинутой на самый лоб, повернулась и стала удаляться вправо так, что

Урбану было ее уже не видно из окна. За высокой сеткой открывалось свободное пространство между зданиями, а дальше — опять серая стена с пятнами зарешеченных окон. Эриха Коха уже не было видно.

* * *

На столе начальника одного из отделов Пятого управления КГБ СССР^[14] лежало два листка шифровки, поступившей от представителя Комитета госбезопасности в Варшаве. На красном бланке со строго предупреждающей надписью «Снятие копий запрещается» четкими буквами лег текст информации для руководства КГБ СССР.

В шифртелеграмме со ссылкой на следственный отдел «друзей»^[15] в польском городе Барчеве сообщалось о состоявшейся беседе с Эрихом Кохом, а также о том, что он заявил о своем согласии оказать помощь в розыске Янтарной комнаты. При этом отбывающий пожизненное заключение нацистский преступник якобы утверждает, что она не была вывезена на Запад, а спрятана в подземных бункерах на территории нынешнего Калининграда. Чтобы найти комнату, по мнению Коха, сообщалось в шифровке, потребуется всего лишь штабная карта города.

Представительство наших органов госбезопасности в Варшаве сообщало, что Кох даже готов принять личное участие в поисках Янтарной комнаты и других культурных ценностей на территории Калининградской области. Однако при этом он поставил несколько условий: обеспечение его безопасного возвращения из Калининграда в Польшу, оказание ему необходимой медицинской помощи, обеспечение его квалифицированным переводчиком, и, разумеется, полное сохранение тайны его пребывания за пределами Польши. В конце телеграммы содержалась приписка о том, что полученная на доверительной основе дополнительная информация направляется в Москву почтой.

Но самым удивительным в шифровке была резолюция, начертанная на ней рукой одного из руководителей Комитета госбезопасности: «Тов. Абрамову И. П., Тов. Смолину П. П. Кто этим теперь занимается?»

«Как, кто? — может спросить любопытный читатель. И тут же предположить: — Ну, наверное, какой-нибудь там отдел в одном из управлений КГБ».

Благодаря перу бойких журналистов в сознании обывателей даже укоренилось представление о том, что именно в органах безопасности

находятся точные данные о Янтарной комнате. Некоторые даже досочинялись до того, что несметные сокровища, которые потеряло человечество в годы войны, в том числе Янтарная комната, находятся в подвалах КГБ и строго охраняются от посторонних глаз. Дескать, и искать ничего не надо! Все специально спрятано «до лучших времен»!

Конечно же, все было не так! Специально проблемой розыска утраченных в годы Второй мировой войны культурных ценностей, а уж тем более поиском Янтарной комнаты, в КГБ не занимался никто! Все делалось лишь мимоходом — попадали в сферу деятельности органов госбезопасности какие-то материалы, которые могли пролить свет на эту проблему, сотрудники наводили дополнительные справки, а при необходимости передавали информацию в Министерство культуры РСФСР или непосредственно в Калининградскую экспедицию. Целенаправленный же поиск информации, а тем более ее добывание с помощью специальных форм и методов работы не проводились. Поэтому авторитетный руководитель КГБ, знавший о проблеме поиска Янтарной комнаты отнюдь не понаслышке, тем не менее задавал в своей резолюции столь недоуменный вопрос.

Между тем среди множества людей, в разное время занимавшихся поисками Янтарной комнаты, есть один человек, имя которого почти не известно, несмотря на то что он не был ни законспирированным сотрудником органов госбезопасности, ни скрывавшим свою пагубную страсть кладоискателем. Имя этого человека — Вениамин Дмитриевич Кролевский, бывший секретарь Калининградского обкома КПСС, которому сама судьба предначертала в течение десяти лет, что называется, держать главный пакет акций в увлекательной истории, которая называется поисками Янтарной комнаты.

* * *

Неожиданный вызов в обком не сулил ничего хорошего. Подъезжая к знакомому кирпичному четырехэтажному зданию под черепичной крышей, плавным полукругом вытянутому вдоль заснеженной улицы, Кролевский гадал, какое же это такое срочное дело заставило первого секретаря обкома внезапно вызвать к себе членов бюро буквально на ночь глядя. Еще утром, когда Вениамин Дмитриевич был у него на совещании по вопросам совершенствования работы областных культурно-просветительных учреждений, ничто не предвещало этого срочного вечернего вызова.

Владимир Васильевич Щербаков^[16] в свойственной ему манере внимательно выслушал каждого, в том числе и Кролевского, заместителя председателя облисполкома, задал несколько вопросов о том, что требуется для расширения сети кинотеатров и кинопередвижек, сколько средств понадобится для ремонта областной культпросветшколы, и в заключение предложил:

— А не включить ли нам в повестку десятой сессии Областного совета вопрос о работе культпросветучреждений? Подумайте!

И вот теперь какой-то тревожный вызов к Щербакову.

Большой черный ЗИМ описал полукруг, развернувшись перед центральным подъездом. «Смотри-ка, Федоров и Демин тоже здесь!», — отметил про себя Кролевский. Действительно, чуть поодаль стояли машины начальников управлений МГБ^[17] и МВД.

Кролевский кивнул вставшему навытяжку милиционеру и поднялся по широкой лестнице на третий этаж. В приемной, как он уже догадался, были Федоров и Демин. Рядом с ними стоял командующий армией генерал-майор Горбатов. Как только Кролевский появился в дверях, все разом посмотрели на него.

— Опаздываешь, Вениамин, — с упреком сказал Федоров. — Скажи спасибо, что Владимир Васильевич не вызвал. У него там Егоров. Время-то — уже девятый час. У тебя что, нет часов?

— Да есть, конечно. Я, как только мне позвонили... — Кролевский посмотрел на секретаря Щербакова, миловидную женщину в строгом сером костюме, печатающую какую-то бумагу на пишущей машинке. — Сразу поехал. Да что тут ехать-то...

Он не договорил. Дверь кабинета первого секретаря открылась, и из нее вышел помощник Щербакова, молодой человек в строгом армейском френче без погон и в очках в металлической оправе.

— Товарищи, заходите. Владимир Васильевич ждет вас.

Кабинет у первого секретаря был скромным. Несмотря на большие размеры, мебели в нем почти не было — письменный стол, традиционный стол для заседаний под зеленым сукном да два книжных шкафа, полностью заставленные книгами. На стене висели портреты Ленина и Сталина, небольшая карта области, в углу справа от стола стояли громадные напольные часы из дерева, с вензелями и короной наверху.

На письменном столе лежала пачка документов, какие-то папки, большой красный конверт с надписью «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). Центральный комитет. Щербакову В. В.». За столом

для заседаний уже сидел Егоров, председатель Калининградского облисполкома, непосредственный начальник Кролевского, человек доброжелательный, но немного странный. Он мог неожиданно и даже неуместно рассказать анекдот, вспомнить пословицу или вообще содейть какую-нибудь хохму.

— Садитесь, товарищи, — секретарь обкома сделал приглашающий жест. — Я вызвал вас по очень важному, прямо скажу, неотложному делу. Сразу хочу предупредить: разговор будет совершенно доверительный, точнее сказать, секретный. О том, что я вам скажу, никто не должен знать. По крайней мере пока!

Все с предельным вниманием посмотрели на Щербакова. Если Владимир Васильевич так говорит, то, наверное, для этого есть соответствующий повод. Подобными словами он бросаться не привык и даже в самые напряженные моменты никогда не сгущал краски, был всегда ровным и уравновешенным. Будучи жестким руководителем, он, безусловно, обладал всеми необходимыми качествами для того, чтобы возглавлять парторганизацию в области, где очень остро стоял целый конгломерат проблем, требующих немедленного решения.

— Товарищи, мне только что позвонил Вячеслав Михайлович Молотов^[18]. Он интересовался, ищем ли мы Янтарную комнату. Я сказал: «Нет, не ищем». А он спросил: «А почему?» Дело в том, что его спросил товарищ Сталин: «А где Янтарная комната?» — и Вячеслав Михайлович ничего ответить на это не мог. Тогда товарищ Сталин поручил товарищу Молотову связаться со мной и выяснить все. Что вы можете по этому поводу сказать?

Наверное, для всех, кто присутствовал на совещании, эти слова первого секретаря показались неожиданными. Область только оправлялась от послевоенной разрухи, с невероятным трудом восстанавливались предприятия, развивались новые производства, только началось серийное производство башенных кранов для жилищного строительства, совсем недавно была пущена в строй бумажная фабрика, начали решаться вопросы с размещением и трудоустройством переселенцев, всего месяц назад в Германию был отправлен последний состав с полутора тысячами немцев, высококвалифицированных специалистов, участвовавших в восстановлении города.

— Ну так, что же вы молчите? Кто может что-нибудь сказать по этому поводу? Товарищ Кролевский, вы отвечаете у нас за культуру!

— Владимир Васильевич, к сожалению, я ничего не знаю. Мы этим не занимались.

Повисла напряженная тишина. Никто не решался выразить свое отношение к сказанному первым секретарем.

— Владимир Васильевич, — проговорил Егоров, — я вам уже докладывал: мы занимались этим делом. Как только город был взят нашими войсками, начался и поиск вывезенных из Советского Союза музейных ценностей. Сюда приезжал полковник Брюсов^[19] со своими сотрудниками, представители всяких организаций и музеев, из Комитета по делам искусств... Приезжал Кучумов^[20] из Ленинграда. Они здесь обыскили все, что можно. Вели раскопки в замке... Тогда еще был жив немец... Его звали, кажется, Роде... Да, Роде. Он работал при немцах директором музея в замке...

— Но ведь я сейчас говорю только о Янтарной комнате! Мне не надо рассказывать все, что вы знаете! — недовольно проговорил Щербаков. И, помолчав немного, добавил: — Был такой древний римлянин Клавдий. Он как-то сказал: «Не говори, что знаешь, а знай, что говоришь». Прошу вас быть более конкретным, Федор Иванович!

— А я и говорю, Владимир Васильевич, у этого Роде и находилась Янтарная комната...

— Но ее же тогда не нашли!

— В том то и дело! Насколько я помню, этот немец сказал, что Янтарная комната спрятана в каком-то бункере неподалеку от замка. Они даже с Брюсовым туда ходили. Но потом, когда Роде уже умер, этот бункер найти никто не смог. Хотя, конечно, надо было...

— Подождите, Федор Иванович, в замке все-таки какие-то работы велись же?

— Велись. Все там перекопали, да ничего не нашли. Подорвали несколько стен, обыскили подвалы, конечно, доступные... Полковник Брюсов, когда копался там, нашел на втором этаже обгоревшие скобы и ручки от Янтарной комнаты...

— Так она что, вы считаете, сгорела?

— Трудно сказать, может, и сгорела. Даже специальный акт Брюсов составил по этому поводу. Он где-то у нас есть...

Щербаков жестом остановил Егорова, немного помолчал, затем сказал:

— А ведь я после разговора с Вячеславом Михайловичем переговорил с Москвой. В Министерстве культуры мне сказали, что ничего подобного — Янтарная комната не сгорела. Брюсов ошибся! Сюда вслед за ним приезжал ученый из Ленинграда... Ну, этот, вы называли...

— Кучумов, — подсказал Егоров.

— Да, Кучумов. Так вот, он убедился в том, что Янтарная комната не сгорела. Потому что в ней были зеркала и бронзовые украшения. А среди углей не было обнаружено ни того, ни другого^[21]. Я думаю, что эта информация каким-то образом дошла до товарища Сталина и он поинтересовался, где же все-таки Янтарная комната. Нашли ли ее? А если не нашли, то почему не ищут?

— Владимир Васильевич, к сожалению, я об этом ничего не знаю, — снова повторил извиняющимся тоном Кролевский.

— А придется теперь узнать, товарищ Кролевский. Вы хоть знаете вообще, что такое Янтарная комната?

— Ну, Владимир Васильевич, конечно. Я даже ее видел до войны...

— Да? Ну, вот и хорошо. Теперь это будет ваша главная забота. Мы должны рассматривать озабоченность о судьбе Янтарной комнаты, проявленную товарищем Сталиным, как поручение и во что бы то ни было разыскать ее! Я думаю, это всем ясно?

Все дружно молчали. Кролевский вдруг вспомнил, как первый раз увидел восьмое чудо Света. Это было в 1932 году. Он тогда учился в Томском артиллерийском училище. Однажды их группу отправили в Ленинград для встречи с преподавателями и курсантами Ленинградского артиллерийского училища. Две недели пролетели незаметно в калейдоскопе событий — каждодневные экскурсии по городу, посещения Эрмитажа, Русского, Морского и Артиллерийского музеев, крейсера «Авроры»... Все это после монотонных будней напряженной учебы казалось удивительным праздником.

Петродворец произвел на молодых курсантов неизгладимое впечатление своими фонтанами, скульптурами и великолепием дворцов. Но еще большее впечатление произвели на них дворцы в Павловске и Пушкине. «Во как жили!» — имея в виду царскую фамилию, говорили будущие артиллеристы. Осматривая залы Павловского дворца, павильоны и мостики в Павловском парке, молодые ребята из разных городов большой страны удивлялись мастерству скульпторов и резчиков по дереву, художников и золотых дел мастеров прошлого.

В Пушкине курсанты побывали в Екатерининском дворце, великолепие которого поразило даже самых безразличных к произведениям искусства однокашников Вениамина, мечтающих только о кружке пива или о прогулке на речном теплоходике в компании красивых девушек. Лионский зал, Зеленая столовая, Синий кабинет, Голубая гостиная, Кленовая спальня — анфилады прекрасных комнат следовали одна за другой. Но то, что они увидели в конце золотой анфилады парадных

покоев, потрясло практически всех. Это была знаменитая Янтарная комната!

Вениамина тогда поразила неповторимая красота этого зала, стены которого, казалось, сверкают изумительным блеском, наполняя все помещение каким-то внутренним теплом. Отовсюду — от янтарных панелей, зеркал, излучающих серебряный свет, золоченых украшений и мозаичного паркета — лилась торжественная энергия солнечного сияния. Курсант Томского артиллерийского училища лейтенант Кролевский стоял в центре этого зала, пораженный увиденным, не слыша ни рассказа экскурсовода, ни вопросов курсантов.

— Веня, ты что стоишь, как столб? — ехидно спросил у него курсант Филиппов, слывший в их группе эрудитом, хотя приехал в училище из далекого, захолустного Кургана. — Любуешься?

— Да! Это же надо, такая красота! А я никогда и не думал, Вася, что янтарь такой красивый!

— Ты, Веня, смотри, не задерживайся здесь! А то...

— Что «а то»?

— А то! Янтарь ведь очень влияет... — Филиппов серьезно смотрел на Кролевского.

— На что? — с недоумением спросил тот.

— А на то! Потом узнаешь, да будет поздно!

Вениамин с недоверием смотрел на товарища, все еще не понимая, шутит он или говорит серьезно. Филиппов же не смог долго сохранять серьезное выражение лица и расплылся в улыбке.

— Ладно, Веня, пошли! Что тебе далась эта Янтарная комната? Увидел раз в жизни, и хватит!

Все это мгновенно пролетело в памяти Кролевского, пока Щербаков что-то говорил генералу Демину. Страхивая с себя вдруг нахлынувшие воспоминания, Вениамин Дмитриевич как будто очнулся.

— ...выделить для этого. Может быть, это не понадобится, но вы, Александр Семенович, все-таки выделите для этих работ полсотни солдат... Как вы думаете, товарищ Кролевский, этого хватит?

Тот, пока еще до конца не поняв, о чем идет речь, поспешил согласиться с первым секретарем:

— Конечно, хватит, Владимир Васильевич.

— Ну и хорошо. Товарищ Федоров, вас тоже прошу помочь. Организуйте все, как надо.

— Слушаюсь, Владимир Васильевич, все сделаем, поможем Кролевскому, — ответил, немного шепелявя, начальник УМГБ^[22].

Вениамин Дмитриевич уже давно обратил внимание на то, что у Федорова много передних железных зубов, отчего его речь была иногда недостаточно внятной, но спросить главного чекиста о причине этого считал как-то неудобным. Вообще с Федоровым у Кролевского сложились хорошие отношения. Они были почти ровесниками и очень скоро перешли в личном общении на ты.

Щербаков нажал расположенную в крышке стола кнопку вызова и пригласил в кабинет своего помощника, с которым участники совещания встретились только что в приемной.

— Сергей Сергеевич, срочно подготовьте проект постановления бюро обкома по этому вопросу. Включите в комиссию еще Якубовича. Кролевский будет старшим... — И он посмотрел на Вениамина Дмитриевича. — Да, да, вам, товарищ Кролевский, теперь предстоит организовать всю работу. Дадим вам солдат. Вот... Федоров и Демин помогать будут... Но спрос будет с вас. Учтите, это не мое поручение и даже не поручение обкома. Это поручение товарища Сталина! Осознаете ответственность?

— Осознаю, Владимир Васильевич! Сделаю все, что...

— Ладно, не обещайте! Лучше больше сделать, чем сказать об этом. Еще Монтескье говорил: «Люди, которые мало делают, много говорят». Договорились?

— Да!

— Тогда все! С завтрашнего дня комиссия приступает к работе! Докладывать мне еженедельно! Все свободны. До свидания!

Поздним вечером первый секретарь Калининградского областного комитета ВКП(б) Щербаков подписал постановление.

Из Постановления бюро Калининградского обкома ВКП(б) от 14 декабря 1949 года

«О Янтарной комнате

Бюро Обкома ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Поручить комиссии в составе: т.т. КРОЛЕВСКОГО (председатель), ДЕМИНА, ФЕДОРОВА, ЛАЗАРЕВА и ЯКУБОВИЧА приступить к розыску янтарной комнаты, вывезенной в Кёнигсберг немцами из Екатерининского дворца-музея.

2. Просить тов. ГОРБАТОВА А.В. выделить на 15–20 дней 60 солдат для производства раскопок и тов. ДЕМИНА 40 человек.

Секретарь обкома ВКП(б) В. ЩЕРБАКОВ»

Работа по поискам Янтарной комнаты началась буквально на следующий день после выхода постановления бюро обкома. Вскоре в Калининград приехали Анатолий Михайлович Кучумов и Александр Яковлевич Брюсов, а из Берлина для консультаций был приглашен референт Министерства просвещения Германской Демократической Республики доктор Герхард Штраус, бывший в свое время сотрудником Инспекции по охране памятников Восточной Пруссии.

Комиссия под руководством Кролевского вела интенсивный поиск сокровищ в развалинах Королевского замка и на других объектах города и области, используя для этого прикомандированные военные команды. Брюсов, снова оказавшись в городе, почувствовал, что ему очень трудно узнать облик даже ближайшей к замку местности, так как многие коробки и фронтоны зданий к этому времени обрушились или были взорваны ввиду опасности новых обвалов. Часть улиц уже была расчищена от груд обломков и щебня.

Вместе с членом комиссии инженером Якубовичем немецкий специалист облазил близлежащие к замку развалины, тщетно пытаясь натолкнуться на то здание, в котором видел когда-то вход в бункер. Безуспешными были также и поиски в руинах Королевского замка. Скучные результаты в виде обнаруженных осколков фарфоровых сервизов и серебряных бокалов да спрессованных пачек сгоревших документов Государственного архива Пруссии, которые буквально рассыпались в руках, не добавляли энтузиазма.

И все-таки тогда, в сорок девятом, еще «по горячим следам» первые поисковики пришли к выводу о том, что Янтарная комната, безусловно, сохранилась и укрыта, скорее всего, в одном из подземных сооружений Королевского замка или вблизи его. Об этом тогда достаточно красноречиво написал в своей записке Брюсов, раскаявшийся к тому времени в своем поспешном выводе о гибели Янтарной комнаты в огне пожара, охватившего замок.

Из записки Брюсова «Дополнительные предположения по поводу поиска Янтарной комнаты» от 25 декабря 1949 года

«1. Полагаю, что Янтарная комната сохранилась, так как:

а) на месте, где, по словам Роде, она хранилась (в Орденском зале) и где она якобы сгорела, оказались только следы сгоревших дверей от нее и не сохранилось ни кусочка от бронзовых частей

ее;

б) другие сотрудники музея, бывшие в Кёнигсберге... ничего не знали о том, что комната сгорела, а это — невероятно;

в) по словам д-ра Штрауса (сказано 23.XII.1949 года в присутствии т. Кучумова), Роде перед смертью заявил, что Янтарная комната цела...

3. Комната могла быть скрыта в самом замке. Но при этом надо обратить внимание на следующее:

...при моих раскопках в 1945 г. двух комнат Художественного отдела, которым заведовал Роде, были найдены многие вещи большой художественной ценности, как, например, картины итальянских мастеров XIV в. Вещи лежали в помещении 1-го этажа в южном крыле здания, по-видимому, подготовленные к упаковке и переносу их оттуда, так как рядом стояли ящики, корзина и лежал упаковочный материал. Следовательно, только в самую последнюю минуту Роде собирался переместить эти вещи, но не успел... Даже очень ценные вещи до самого конца не были вывезены из замка (из отдела, которым заведовал Роде)...»

Уже тогда в комиссии Кролевского стали приходить к выводу о том, что Янтарная комната спрятана в подземельях Королевского замка и, скорее всего, в его южном крыле, а именно — в подвалах Прусского музея, или же в юго-восточной части замка, откуда вели, по разным данным, рыцарские подземные ходы под старый город. Но никаких точных данных на этот счет, конечно, не было.

С самого первого дня Кролевский почувствовал какое-то непонятное ему нежелание Федорова, начальника УМГБ, оказывать помощь в работе. Игорь Петрович, несмотря на дружеские отношения с Кролевским, неприязненно относился к этим поискам, считая их пустой тратой времени, бессмысленной и не имеющей никаких перспектив работой.

— Вениамин, чего ты лазаешь по этим развалинам? Комната сгорела! Это же установлено! То, что говорят тебе, — пустые рассказы... — увещевал Кролевского Федоров.

— Да как же я могу, Игорь, ты же знаешь, поручение Сталина! С меня же спросят! Да потом, я все-таки думаю, что Янтарная комната не сгорела. Вот и Кучумов так думает, да и Брюсов теперь тоже...

— Да бредни все это! Я читал документы из Москвы! Там точно сказано: сгорела!

— Игорь, но ты все-таки покажи мне все, что у вас есть. Ты уже

сколько здесь! Посмотри, может, чего найдешь, документы какие...

— Да все мы смотрели! Ничего у нас нет! Вениамин! Тебе школами надо заниматься, поликлинику новую открывать! А ты целыми днями на развалинах торчишь в замке!

— Тебе поручили мне помогать? Так помогай!

— А я и помогаю! Переводчика тебе дал? Дал! Нужно будет еще — дам еще! Но верить меня во всю эту чепуху не проси! И участвовать во всех этих ваших авантюрах я не хочу! Да и не могу! Нет у меня на это времени! Тут, понимаешь, со своими делами управиться надо, а ты! Шваль всякая бродит по лесам, дезертиры да предатели, пособников немецких каждый день ловим... Ладно, Вениамин, не приставай ко мне! Поручено тебе — делай! Но меня не трогай!

— Но, если что будет, Игорь, скажешь?

— Скажу! Но учти — ничего не будет! Кончай заниматься глупостями! Лучше закругли все так: мол, к сожалению, комната сгорела и искать ее смысла больше нет. А то найти ее — ты не найдешь, а по шее получить можешь! Так что думай сам!

Но Крелевский, несмотря на скептические замечания начальника госбезопасности и отсутствие пока каких-либо заметных результатов в работе, продолжал интенсивные поиски. Спустя полтора месяца он уже докладывал Щербакову о проделанной работе в специальном отчете.

Из Отчета о работах, проведенных по отысканию Янтарной комнаты в г. Калининграде в период с 13 декабря 1949 года по 1 февраля 1950 года

«По отысканию Янтарной комнаты в г. Калининграде и области проведена следующая работа:

1. В бывшем замке Пруссских королей в г. Кёнигсберге:

а) разобраны завалы в южной и западной стороне замка 590 куб. м;

б) заложено шурфов в дворцовой части замка на глубину 3–4 метра (16);

в) заложено шурфов на всех подвальных помещениях северной и восточной частей замка на глубину от 4–5 метров — 24;

г) пробито кирпичных перекрытий — 11, разобрано стен и других конструкций — 13, с выбросом строймусора 125 куб. м;

д) проведено взрывных работ 41 взрыв, израсходовано 150 кг тола;

е) проверена щупом (глубина до 3-х метров) берма^[23] восточной, южной и северной сторон замка (190 проверок);

ж) проверка подхода электрокабеля к замку и внутри его — 470 пог. м.

2. В зданиях, расположенных вблизи с Королевским замком:

а) проведена проверка всех подвалов и обследована дворцовая площадь;

б) проведена проверка Имперского банка с проведением раскопов и взрывных работ;

в) обследовано 14 подвалов по ул. Штайндамм и ей смежных, причем обнаружен подвал, уходящий на 3 этажа вниз, полное обследование которого не произведено ввиду заполнения его на втором этаже проточной водой;

г) обследовано 6 подвалов у озера Шлосстайх^[24].

3. Для проведения всех вышеперечисленных работ были привлечены 42 человека рабочих (солдат, саперов), подвижная электростанция и подвижная водонасосная станция.

4. Раскопки проводились без наличия документов, указывающих на точное или приблизительное нахождение Янтарной комнаты...

...несмотря на большой объем работ по раскопкам и розыскам, Янтарная комната не была найдена. Для получения сведений о местонахождении Янтарной комнаты приняты следующие меры:

а) получение сведений о Янтарной комнате у бывшего провинциального хранителя памятников Восточной Пруссии доктора Фризена. По его распоряжению доктор Роде (директор музея) упаковал в январе 1945 года Янтарную комнату;

б) получение сведений о Янтарной комнате у военного преступника Коха. Бывший генерал Кох находится в распоряжении правительства Польской республики. Кох также давал в свое время распоряжения об укрытии Янтарной комнаты;

в) получение сведений о Янтарной комнате у бывшего генерала германской армии Ляша^[25]. Ляш, военнопленный, находится около Москвы. Ляш оставался до пленения его войсками Советской Армии комендантам города Кёнигсберга, мог знать, где спрятана Янтарная комната;

г) получение сведений о Янтарной комнате у

военнопленного майора немецкой армии Еванского, который сейчас этапирован из Минска в Калининград. Бывший майор Еванский участвовал со своей командой в захоронении ценностей в Кёнигсберге в январе — марте 1945 года.

Прошу Вашего разрешения раскопки по розыску Янтарной комнаты временно прекратить до получения каких-либо наводящих сведений, хотя бы о приблизительном местонахождении Янтарной комнаты».

Уже тогда Вениамин Дмитриевич Кролевский понял, что без наличия более или менее конкретной информации о том, где следует искать Янтарную комнату, поиски обречены на провал. Можно перерыть все развалины в городе, осмотреть все доступные подвалы, проверить щупом громадные завалы кирпича и щебня, обследовать миноискателем груды обломков, но не добиться никакого результата, если нет хотя бы самого малого намека на то, где же, собственно говоря, следует вести поиски.

Вместе с тем очень скоро после начала развертывания поисковых работ такой намек был получен. И не от кого-нибудь, а от самого начальника УМГБ, который крайне скептически относился к поискам Янтарной комнаты.

Однажды уже где-то во втором часу дня в кабинете Вениамина Дмитриевича раздался телефонный звонок.

— Вениамин, привет! Как дела? Чем занимаешься? — услышал Кролевский в трубке знакомый голос Федорова.

— Здравствуй, Игорь. Как чем занимаюсь? Готовлюсь к областной партконференции. Уже скоро — десятого числа же!

— Знаю, знаю! А как с твоими поисками? Янтарную комнату, случаем, не нашел?

— Нет пока! Но мы сейчас...

— Вениамин, — прервал Кролевского Федоров, — слушай! Мы тут неподалеку обнаружили один немецкий бункер. Я сейчас еду смотреть его. Ты как? Если хочешь, поехали вместе. Думаю, тебе будет интересно!

— Сейчас? — Кролевский посмотрел на часы, оценивая свои возможности оторваться от дел. На шестнадцать он назначил начальнику Управления кинофикации, а в пять — уже заведующему облздравотделом. «Ладно, надо позвонить и перенести, ведь не каждый же день находят бункер! А Федоров вообще приглашает первый раз!» — подумал Вениамин Дмитриевич и, обращаясь к Федорову, спросил:

— За пару часов успеем?

— Да успеем. Я же говорю — это совсем недалеко. К северу от Калининграда.

— Ладно. Я готов. Где встречаемся?

— Я заеду за тобой через... двадцать минут. Идет?

— Идет!

Через полчаса они уже ехали на федоровской «Победе», сопровождаемой юрким ГАЗ-67 с охраной. Мимо мелькали пригороды Калининграда. Шел снег с дождем. Было сыро и зябко. Февраль пятидесятого года выдался, как это часто бывает на Балтике, сырым и малоснежным.

— Понимаешь, вчера вечером мне сообщили, что недалеко от шоссе в лесочке местные мальчишки обнаружили немецкий бункер. Знаешь, они же тут лазают по всем развалкам, собирают оружие, патроны, порох. Беда! Только в прошлом месяце уже подорвались по области восемь человек! И все ребята от восьми до четырнадцати лет! Трое умерли!

— Да, я слышал об этом! А что за бункер? Что-нибудь там нашли?

— Это типичный бункер диверсантов из «Вервольфа»... Была у гитлеровцев такая организация в конце войны... Ну, в общем, двое мальчишек раскапывали траншею, немецкую. А там, видимо, бомба упала или снаряд разорвался. Воронка рядом большая. Они раскопали немножко, смотрят — дыра. Один залез внутрь, а там автоматы немецкие, ящики с патронами, всякое снаряжение, а главное... Знаешь, что там было?

— Что?

— Консервы! Много ящиков немецких мясных консервов! Они, конечно, открыли банки, наелись вдоволь. Могли ведь отравиться! Кто знает, из чего немцы их готовили?

— Да нет, думаю, немцы плохих не делали. Я как-то ел трофейные консервы — очень хорошие!

— Ну, может быть! Вот на этих консервах они и погорели! Принесли целый мешок домой, а родители спрашивают: «Откуда взяли?» Пришлось рассказать. А когда отец одного парня посмотрел, понял, что дело серьезное, и сообщил нам...

— Понятно! Ну а какое это отношение имеет к Янтарной комнате?

— Никакого.

— Тогда зачем ты меня сорвал? У меня времени и так мало.

— Подожди, узнаешь! Да, кстати, Кролевский! Я хочу давно тебя спросить: откуда у тебя такая фамилия? Почти как «Королевский»? От «короля», что ли? Ты благородных кровей, что ли?

— Нет! Не от «короля», а от «кролика»!

— От «кролика»? Как это? Расскажи! А то ведь я все равно узнаю!

— Дело было так: в 1855 году, ты знаешь, была война с турками. Севастопольская оборона. И вот в этой севастопольской обороне участвовал мой прапрадед Василий Иванович Кролик. Он был бомбардир. Крепостной с Воронежской губернии. Он очень отличился в бою, и его наградили солдатской медалью Георгия Победоносца первой степени. И когда вручали ему эту медаль... Уже Корнилова не было, он погиб, Нахимова тоже не было, он был ранен... И вот кто-то из адмиралов сказал: «Герой не может быть трусом. Василий, с сего числа твоя фамилия будет „Кролевский“! Повтори!» Тот ответил: «Слушаюсь, ваше благородие!» После у него оторвало ногу, он лежал в госпитале в Одессе, а потом...

— Извини, Вениамин, мы уже подъезжаем! Доскажешь потом. Ладно?

— Да я все уже рассказал.

— Ну и хорошо! — И, обращаясь к шоферу, Федоров строгим голосом приказал: — Заезжай прямо туда, по лесной дороге... Видишь, там наш солдат стоит? Давай!

Машина, подскакивая на ухабах, заехала в лес, но через пару сотен метров остановилась. Глубокая воронка, заполненная водой, преграждала им дорогу.

— Здесь, товарищ полковник, придется выйти, дальше не проехать, — сказал водитель Федорова.

Они выбрались из машины. Автоматчики из ехавшего сзади автомобиля уже вышли, двое из них продвинулись вперед по лесной дороге. Федоров и Кролевский пошли вслед за ними.

Бункер оказался совсем небольшим — как стандартное немецкое бомбоубежище. Бомба действительно, видно, попала рядом с траншеей и обрушила ее бруствер, обнажив открывшийся лаз куда-то в глубь земли. Лаз был неширокий, но достаточный для того, чтобы в него протиснуться. Похоже, что солдаты несколько расширили проход, чтобы можно было забраться вовнутрь и осмотреть бункер.

— Товарищ полковник, оружие, боеприпасы — все достали. Внутри саперы тщательно все проверили — не заминировано, — доложил лейтенант-особист в добротной серой шинели.

— Хорошо проверили? А то... — Федоров с улыбкой посмотрел на Кролевского. — Зампредисполкома еще подорвем!

— Нет, товарищ полковник, все тщательно проверено!

Рядом на разостланных кусках брезента было выложено с полсотни девятимиллиметровых автоматов МР-40, десятков штурмовых винтовок STG-44, называемых у немцев «штурмгевер», несколько пулеметов MG-42,

целая гора «панцерфаустов» и даже четыре мощных реактивных противотанковых ружья кумулятивного действия «панцершрек» с более чем полутораметровыми трубами и большими щитками. В четырех ящиках лежали, упакованные в промасленную бумагу, ручные гранаты М-24 с длинной деревянной рукояткой и яйцевидные осколочные гранаты М-39.

— Ты видишь, сколько здесь этого добра? Целый арсенал! Хорошо хоть, что мальчишки ничего не растащили!

— Да! Такого количества оружия я со времен училища не встречал.

— А ты в каком учился?

— В артиллерийском. В Томске.

— А потом где служил?

— В Иркутске. Но по состоянию здоровья был уволен...

— Болел много?

— Да нет! Однажды мы шли в левом боковом охранении, наш Т-26 пополз во время дождя, опрокинулся... Погиб механик-водитель. А мне... домкратом ли, то ли чем еще... в общем, поломал себе позвоночник. Четыре месяца провалялся в госпитале в Иркутске, потом...

Лейтенант, обращаясь к Федорову, прервал рассказ Кролевского:

— Товарищ полковник, провизию выносить?

— Выноси, выноси! — скомандовал тот.

Шестеро солдат в бушлатах, встав в цепочку, стали передавать ящики и коробки с продовольствием, которые крайний укладывал тут же, рядом с оружием и боеприпасами. Чего тут только не было! Банки мясных консервов, аккуратно обернутые в промасленную бумагу, множество чуть-чуть покрытых плесенью деревянных ящичков, похожих на посылочные, несколько больших бидонов-контейнеров с чем-то маслянисто-липким, какие-то коробки и мешочки, завернутые в резиновую упаковку с аккуратными алюминиевыми бирками. Из подземного сооружения солдаты, помогая друг другу, выкатили три железных бочонка и множество канистр с горючим.

— А это уже не продукты, — проговорил Федоров, указывая на герметично защищенный металлический ящик-сейф, который тащили два солдата. — Это, скорее всего, документы. Разбирать будем в управлении.

— Товарищ полковник, помните, мы в таких же сейфах на объекте под Гвардейском обнаружили солдатские и офицерские книжки, продаттестаты, справки из эвакогоспиталей, командировочные предписания нашего образца. А еще там были всякие документы вермахта для гражданских лиц, восточных рабочих и военнопленных... — промолвил лейтенант.

— Да помню, конечно. Это был такой же объект «Вервольфа». Только

этот, похоже, будет немного поменьше, да?

— Так точно, товарищ полковник. Там и устроено все было более основательно — и сам бункер глубже, метрах в трех от поверхности, и оснащение всякое там было... дизель, вентиляция... А какие там были автоматические люки! А здесь...

— Что здесь? Здесь тоже... Вон сколько оружия хранилось! А радиостанция есть?

— Есть. Две. Но полностью упакованные в чехлы. Мы их специально не выносили... пока... — И он посмотрел на заместителя председателя облисполкома, прибывшего вместе с начальником управления. — И кодовые таблицы, и все...

— Ладно, потом! В Управлении разберемся! — перебил его Федоров. И, обращаясь к Кролевскому, сказал: — Вот видишь, Вениамин Дмитриевич, сколько находок! А позвал я тебя все-таки за другим. Лейтенант, покажи-ка рамки!

— Слушаюсь, товарищ полковник.

Лейтенант отошел в сторону, приподнял наброшенный на кучу каких-то предметов край брезента и что-то взял в руки. Сначала Кролевский не понял, что это. И только тогда, когда лейтенант подошел к ним, он увидел: в руках особиста — резная багетовая рамка. Самого же полотна не было видно.

— Вот, полюбуйся! — Федоров протянул ему рамку размером с большую папку. Позолота, покрывающая рельефный орнамент багетовой рамки, немного поблекла, но все еще сохраняла блеск. Кролевский повертел в руках рамку, затем перевернул ее и только тут увидел, что с обратной стороны торчат ошметки холста. Было видно, что ткань грубо вырезали ножом, не удосужившись даже вынуть картину из багета. Кролевский в недоумении посмотрел на Федорова.

— Да, да. Это картины. И кто-то вырезал полотна из рам. Там таких рамок двадцать семь...

— Двадцать шесть, товарищ полковник, — поправил лейтенант из Особого отдела.

— Не важно! Главное, кто-то вырезал картины уже после того, как бункер был законсервирован...

— Может быть, это пацаны... ну, которые обнаружили бункер? — предположил Кролевский.

— Нет, вряд ли. Ребят мы уже всех допросили. Они только ели консервы и шоколад. Даже оружие не тронули! А картины лежали в дальнем углу... Как они лежали? — Федоров обратился к лейтенанту.

— Товарищ полковник, они были, видимо, сложены в деревянные ящики. Там в нише лежат обломки досок, много войлока и обрывки прорезиненной ткани. Там и лежали эти рамки навалом...

— Понимаешь, Вениамин, наверное, кто-то из «вервольфов» уже после окончания боевых действий вытащил картины из ящиков, вырезал их из рамок и забрал с собой! — предположил Федоров.

Кролевский, все еще не выпускающий из рук багетовую рамку, снова внимательно стал осматривать ее с обратной стороны и, к своему удивлению, обнаружил на тыльной стороне надпись. Черной тушью на дереве проглядывала вереница готических букв.

— Вы не можете перевести? — Кролевский протянул лейтенанту рамку.

— «Карло Чинжани (1628–1719). Аполлон и Дафния», — прочитал лейтенант. — Так это была не немецкая, а итальянская картина... Тут еще цифры стоят. Наверное, инвентарный номер...

— Вот видишь, Вениамин Дмитриевич, что мы нашли! А ты копаешься на развалинах замка, где уже все насквозь перерыто. Ищешь эту Янтарную комнату, от которой остались одни угли... Ну, в общем, ты знаешь мое отношение!

— Да, Игорь Петрович, знаю. Но эта находка лишний раз подтверждает, что...

— Да ничего она не подтверждает! Немцы прятали свои ценности, экспонаты там всякие, картины и золото везде, где можно. Сколько люди находят по подвалам да по чердакам всякого барахла... Ну не только барахла, ценности тоже находят. Видно, перед тем, как сдать город, они попрятали кое-что и в бункерах. Правда, такие находки... — Федоров кивнул на рамку. — Мы встречаем впервые.

— Разрешите, товарищ полковник? — неожиданно проговорил лейтенант. — Нашли тогда еще... помните, там, в леспромхозе под Нестеровом... целый ящик с серебряными подсвечниками, шкатулками всякими, часами... Он тоже в бункере был. И совершенно не тронут!

— Помню. Но это, уважаемый Вениамин Дмитриевич, — уже обращаясь к Кролевскому, холодно проговорил Федоров, — не имеет, как вы говорите, никакого отношения к Янтарной комнате, которую вы ищете! Поехали! Мне все ясно!

Через несколько минут они уже двигались в обратный путь. Федоров, наверное, отягощенный своими непростыми заботами, молчал. Молчал и Кролевский, из головы которого все никак не уходила картина увиденного: заснеженный лес, разрытая траншея, черный провал бункера, разложенные

на брезенте находки и, конечно, позолоченная багетовая рамка с вырезанным из нее полотном итальянского художника Чинжани.

«О чем говорят эти находки? — думал Кролевский. — Может быть, о том, что надо искать не только Янтарную комнату, но и множество других награбленных гитлеровцами ценностей, пропавших в огне войны? Хотя товарищ Сталин говорил только о Янтарной комнате и спрос с нас... с меня... будет только за нее!»

— Вениамин, видишь, мы уложились всего за полтора часа. Теперь можешь продолжать готовиться к партконференции, — прервал размышления Кролевского Федоров. — Советую тебе: бросай искать эту комнату, будь она неладна! Столько времени потеряешь, а не найдешь! Лучше занимайся делом... школами, клубами, ну там еще... больницами. Пользы больше будет! А нам если что попадетсЯ, сразу сообщим тебе!

— Игорь, у меня поручение, и я буду работать. А за обещание помочь — заранее спасибо!

Уже снова сидя в своем кабинете на втором этаже и просматривая поступившую почту, Кролевский все никак не мог отделаться от того, что не может поймать, ухватить какую-то невнятную, все время ускользающую от него мысль. Она вертелась где-то рядом, не давая сосредоточиться на документах.

Он встал, подошел к окну, отдернул штору и, всматриваясь в сгущающиеся сумерки, задумался. Раздался громкий бой напольных часов. Снова промелькнули в голове картина увиденного рядом с обнаруженным гитлеровским бункером, рассказ особиста о находках, ироничные замечания начальника УМГБ. И только тут наконец Кролевского осенило: «А может быть, Янтарная комната спрятана совсем не в подвалах Королевского замка, а в каком-нибудь бункере, расположенным рядом с ним? В одном из бункеров, подготовленных фашистами для диверсионных отрядов „Вервольфа“? Ведь кто-то спрятал же в таком же бункере картины и серебряные изделия? Кто знает, сколько таких бункеров скрыто в толще калининградской земли?»

Рассуждая так в далеком 1950 году, Вениамин Дмитриевич Кролевский, конечно, не знал, насколько он был тогда близок к истине. Как не знали этого и те люди, которые еще многие десятки лет после него вели поисковую работу на территории Калининградской области.

Глава 2

«СМЕРШ» против СД

Буквы на толстой глянцевой бумаге лежали ровными четкими строчками. После того как машинистка второго отдела управления контрразведки «СМЕРШ»^[26] Катя Скоморохова сменила ленту на пишущей машинке, документы стали получаться еще более аккуратными и, можно даже сказать, красивыми. Катя вообще много внимания уделяла правильному расположению текста на листе, старалась, чтобы ее работа всегда выглядела надлежащим образом. За это ее раньше не раз хвалили в штабе фронта, а теперь здесь, в Управлении контрразведки Земландской группы войск, она считалась образцовой машинисткой, и даже такой строгий и скупой на похвалу начальник, каким был подполковник Ратнер, один раз поставил ее в пример, сказав: «Если за дело возьмется наша Катюша, то документ не стыдно будет отправить самому товарищу Сталину». Лучшей похвалы Катя не могла себе и представить.

Через полуоткрытое окно в комнату проникали весенние запахи талого снега и согревающейся земли. Лучи солнца наполняли комнату таким ярким светом, что хотелось зажмуриться, отложить все в сторону, слегка потянуться и предаться мечтам о ближайшем будущем. Война подходила к концу, и теперь все Катины мысли были о том, что скоро наступит день, когда можно будет сбросить эту опостылевшую военную форму, надеть легкое, воздушное платье и снова стать той хрупкой и миловидной девочкой, какой была всего три года назад.

— Катя, не отвлекайся! — Строгий голос подполковника вернул ее на грешную землю. — Мы должны напечатать документ до обеда. Генерал вызывает меня ровно в три. Будь повнимательнее, — добавил он, слегка улыбнувшись, и продолжил диктовать.

Из Докладной записки о результатах розыска агентуры противника органами контрразведки «СМЕРШ» Земландской группы войск в марте 1945 года

«...Разведывательные и контрразведывательные органы противника, организации фашистской партии и молодежи, командование „фольксштурм“^[27], штурмовых и СС частей и отрядов и особенно разведорган „Вервольф“ еще до вступления

войск Красной Армии на территорию Восточной Пруссии заблаговременно подготовили отряды диверсантов, террористов, разведчиков, которые были оставлены на оседание с задачей — развернуть активную подрывную работу в тылах Красной Армии на случай отступления немецких войск. Подготовка и комплектование диверсионно-террористических групп осуществлялась в различных пунктах Восточной Пруссии...»

Начальник отдела, время от времени перебирая стопку исписанных мелким почерком листов, диктовал, четко выговаривая слова, делая паузы в необходимых местах, для того чтобы машинистка могла расставить все знаки препинания и не допустить ошибки.

Впрочем, подполковник Ратнер знал, что Катя даст фору по грамотности многим не только в отделе, но и в управлении контрразведки. Три курса филфака МГУ не прошли даром, да и любовь к литературе развила у Кати чутье к тому, как правильно написать то или иное слово, какой оборот употребить, где расставить знаки препинания. К Кате, как к палочке-выручалочке, прибегали девчонки со всего управления: «Кать, как пишется „деслоцируется“ или „дислоцируется“? «А „в пути“ пишется вместе или раздельно?».

Из Докладной записки о результатах розыска агентуры противника органами контрразведки «СМЕРШ» Земландской группы войск в марте 1945 года

«...Для диверсионно-террористической деятельности используются члены фашистской партии и гитлерюгенда^[28], фолькештурмовцы, военнослужащие немецкой армии, в частности, из СС и штурмовых частей, оставляя или перебрасывая их под видом гражданского населения, не успевшего эвакуироваться, с установкой привлечения для подрывной работы лиц из гражданского населения, военнослужащих немецкой армии, оставшихся в окружении...»

Подполковник Ратнер диктовал текст докладной записки комиссару государственной безопасности второго ранга Абакумову — начальнику Главного управления контрразведки «СМЕРШ» о результатах работы контрразведчиков Земландской группы войск.

Управление контрразведки «СМЕРШ» размещалось в особняке, чудом уцелевшем среди многочисленных развалин небольшого немецкого

городка, расположенного всего в каких-нибудь сорока километрах от Кёнигсберга — этого «логова фашистского зверя», блокированного нашими войсками со всех сторон еще в конце января. Впрочем, в сторону Пиллау — крупного порта и военно-морской базы на Балтике — немцам удалось пробить узкую брешь, в которую устремились тысячи жителей окруженного города. Повозки и конные фуры, грузовики и автобусы, толпы людей, тащащих, толкающих впереди себя, катящих за собой тележки, коляски, санки и просто ящики со своим скарбом, — все это смешивалось с липким снегом, как никогда обильно выпавшим в это время. Постоянные бомбежки и непрекращающиеся артобстрелы превращали следующие по заснеженной дороге колонны в сплошное месиво искореженного металла, расщепленного дерева, рассеянных повсюду вещей и валяющихся по обочинам трупов в самых причудливых позах.

Появлялись все признаки агонии блокированного города. Наступал завершающий этап битвы в Восточной Пруссии.

Из приоткрытого окна доносилось эхо глухих разрывов. Наши самолеты бомбили сосредоточение войск на ближних подступах к Кёнигсбергу и морские транспорты в Пиллау. К этим звукам за годы войны Катя привыкла настолько, что, казалось, не замечала их вовсе. Тем более что сейчас все было довольно далеко от того места, где сейчас размещался «штаб». Именно так называли все сотрудники место дислокации управления контрразведки. Так было привычнее, понятнее и не так угрожающе.

Ближе к обеду они наконец закончили печатание докладной записки. Подполковник аккуратно сложил свои бумажки, а Катя, бережно вытащив из машинки последний напечатанный лист и подколов к одиннадцатистраничному докладу синюю копирку — в управлении строго следили за соблюдением всех правил секретного делопроизводства, — отдала свою работу Ратнеру.

— Катюша, ты, как всегда, все делаешь быстро и аккуратно. Молодец! — похвалил подполковник. — Можешь отдохнуть, а то вечером у нас будет очень много работы. Ребята взяли несколько немецких агентов. Будем работать на допросах.

— Разрешите идти? — Катя, вся засияв от вдруг появившегося свободного времени, вытянулась перед подполковником.

— Иди!

Катя задержалась на несколько минут в просторном холле на первом этаже виллы. Несмотря на то что часть мебели была, по-видимому,

вынесена отсюда, для того чтобы уступить место массивным металлическим шкафам, которые были завезены сразу после размещения управления контрразведки, помещение еще хранило в себе черты торжественности и незаурядности.

Полукругом сходящая вниз лестница с резными перилами, паркетный пол, совсем недавно очищенный от битого стекла и штукатурки, два массивных, обитых синей материей с золотым узором кресла с экзотическими подлокотниками по обеим сторонам спинки. В центре холла — изящный столик с витыми ножками, соединенными внизу тонкими перекладинами.

На фоне этого странно смотрелся угловатый письменный стол с облезлыми краями и ободранной, выцветшей зеленой материей на верхней крышке. За столом сидел дежурный офицер. Перед ним на столе стояло пять-шесть полевых телефонных аппаратов, на подоконнике громадного окна, забитого фанерой, — радиостанция, которую все называли ласково «эр-бэ-эмкой». Старший лейтенант Ланцов — именно он сегодня дежурил по «штабу» — вопросительно посмотрел на Катю, остановившуюся в задумчивости посреди холла.

— Что, Катюха, подполковник отпустил?

— Да, пойду пройдуся. А то уже надоело сидеть взаперти.

— Далеко не уходи. Фронт рядом. Вчера здесь, на окраине, на чердаке поймали «гитлерюгенда». Молодой, звереныш! Хотел жахнуть из «фауста»^[29] по нашей колонне. Еле скрутили. Кусался, гад! Ребята хотели тут же расстрелять, да майор Терещенко не дал. Пацан, говорит, еще. Накостыляли ему по шее и вышвырнули на улицу. А он не убегает, скулит... Я бы его, конечно, кончил. Сколько волка...

— Тебе бы, Ланцов, только убивать! — перебила его Катя. — Война скоро закончится, что делать будешь? Ты ж ничего другого не умеешь! Допросы да вопросы! Да в расход пустить! Скучный ты человек!

— Сержант Скоморохова! Как разговариваешь со старшим по званию?!

— Подумаешь! Иди ты!

Ланцов даже привстал из-за стола от такой наглости. Наверное, он хотел что-то еще сказать, может быть, даже выругаться, но Катя, сорвав с вешалки шинель, выбежала на улицу, громко хлопнув входной дверью. Часовой, стоящий с наружной стороны, с удивлением посмотрел на девушку, неожиданно выскочившую из дома.

Перед двухэтажной виллой с внешней стороны каменной ограды

стояло два «студебекера» и черный «виллис». Чуть поодаль сбились в кучу солдаты, одетые кто в шинели, кто в ватники. Слышался голос одного из них, прерывающийся время от времени громким хохотом. Вся земля вокруг дома была вытоптана солдатскими сапогами, снег уже сошел, хотя кое-где, особенно в тени вдоль стен, были видны оставшиеся корки тающего льда. Деревья с ободранными, израненными стволами были еще голыми, вокруг них земля была усеяна упавшими ветками и сучьями — все это говорило о прошедшем здесь совсем недавно свинцовом дожде.

Катя повернула за угол. Около массивного сарая из красного кирпича стояла пятнистая «летучка» — радиостанция управления. Повсюду небрежно болтались нити телефонных проводов. Похоже, связисты поленились аккуратно зацепить их за ветки деревьев или закрепить на крыше сарая. Никто уже не рассчитывал надолго задержаться в этом городке. Впереди был Кёнигсберг, и все со дня на день ожидали нового мощного наступления.

Из сообщения Советского Информбюро от 29 марта 1945 года

«...Войска 3-го Белорусского фронта 29 марта завершили ликвидацию окруженной восточнопрусской группы немецких войск юго-западнее Кёнигсберга.

За время боев с 13 по 29 марта немцы потеряли свыше 50 000 пленными и 80 000 убитыми, при этом войска фронта захватили следующие трофеи: самолетов — 128, танков и самоходных орудий — 605, полевых орудий — свыше 3500, минометов — 1440, пулеметов — 6447, бронетранспортеров — 586, радиостанций — 247, автомашин — 35 060, тракторов и тягачей — 474, паровозов — 232, железнодорожных вагонов — 7673, складов с боеприпасами, вооружением, продовольствием и другим военным имуществом — 313...»

Со стороны прилегающего к дому сада показалась группа немецких солдат, сопровождаемых конвоем. Несколько автоматчиков вели семерых немцев в расстегнутых грязно-серых шинелях, под которыми виднелась советская форма. Все были без шапок. Грязные, небритые лица, тусклые, потухшие взгляды, походка, как у пьяных. У самого молодого из них был сильный кровоподтек под глазом, разбиты губы. По всему было видно, что этому немцу изрядно досталось в момент пленения. Несмотря на то что немцы были одеты в советское обмундирование, именно эти признаки выдавали в них деморализованных солдат некогда сильного противника.

Катя проводила пленных равнодушным взглядом. Сколько она насмотрелась их за последние годы. Только раньше многие из них были другими, какими-то напыщенными, что ли, высокомерными. А сейчас почти все пленные были одинаковые — с обреченными взглядами, со смертельной тоской в глазах и каким-то полным безразличием к окружающему. Теперь даже самому последнему глупцу было ясно, что война проиграна, что Германию постигла самая большая, какую только можно представить, катастрофа, что удел немцев теперь — сполна испить горькую чашу побежденных.

Конечно, Катя не могла знать, что мимо нее только что провели оставшихся в живых из состава немецкого диверсионно-разведывательного отряда, действовавшего в тылу наших войск. Этот отряд нарвался ночью на одну из оперативно-разыскных групп отдела контрразведки «СМЕРШ», выброшенную в лесной массив около поселка Шёнвальде после того, как были получены данные о возможном нахождении в ближних тылах частей сорок третьей армии вражеских лазутчиков.

Из дневниковых записей Йозефа Геббельса^[30] от 27 марта 1945 года

«...Я занят сейчас организацией в широких масштабах так называемой акции „Вервольф“. Целью этой акции является организация партизанских групп в областях, занятых противником. Больших приготовлений к этому еще не сделано. Данное обстоятельство объясняется тем, что военные действия на западе развертывались с такой стремительностью, что у нас вообще не было для этого времени. Но, кстати, ведь и в занятых нами в свое время вражеских областях дело обстояло так же; партизанская деятельность разворачивалась лишь спустя некоторое время, но потом нарастала скачкообразно...»

Бой был недолгим. Немецкие диверсанты, забаррикадировавшись в полуразрушенном доме, отчаянно отстреливались от нападающих на них советских солдат. Через полчаса на двух грузовиках к нашим прибыла подмога, солдаты выкатили на прямую наводку пушку. Немцам стало ясно, что этот дом на окраине поселка станет через несколько минут для них могилой, и они решили прекратить сопротивление. Два одиночных выстрела, прозвучавшие в стенах дома и утонувшие в шуме перестрелки, свидетельствовали о том, что часть диверсантов сделали свой выбор. Как-то неожиданно выстрелы из оконных проемов и проломов в стенах дома

прекратились, наступила небольшая пауза, после которой кто-то из немцев отчетливо крикнул по-русски: «Сдаемся! Не стреляйте!»

— Выходи, фашисты, по одному! Вафэн хинлегэн!^[31] — громко крикнул старший группы.

Через несколько минут в провале, бывшем некогда дверным проемом, показались фигуры в шинелях. Все диверсанты были одеты в советскую военную форму. Выходя из дома, каждый из них бросал оружие на землю, обхватывал руками затылок и медленно, не без опаски двигался в сторону готовых открыть шквальный огонь солдат оперативно-разыскной группы.

Когда первый из них, с лейтенантскими погонами на шинели, поравнялся с нашими автоматчиками, рослый сержант, зло выругавшись, сильно размахнулся и ударил диверсанта по лицу.

— У-у! Сука! Погоны еще наши надел! — с ненавистью в голосе проговорил он.

Немец отшатнулся, схватился рукой за щеку. Из носа и разбитой губы брызнули струйки крови. Он промычал что-то нечленораздельное и вдруг, изловчившись, выдернул из-за голенища сапога кинжал с массивной ручкой и тонким лезвием.

Никто ничего не успел толком понять — и сержант в один миг рухнул бы, схватившись за перерезанное от молниеносно и профессионально нанесенного удара в горло, если бы не молодой солдатик, быстро среагировавший на неожиданное движение немца. Автоматная очередь прошла грудь диверсанта, и он, покачнувшись, рухнул плашмя с высоко вытянутой рукой, сжимающей кинжал, всего в полуметре от сержанта. Тот стоял бледный как мел.

Словно очнувшись, сержант с ненавистью выпустил в труп врага длинную очередь из своего ППШ^[32], превратив безжизненное тело врага во что-то омерзительно хлюпающее и расползающееся по мокрой земле. Остальные немцы в животном страхе сбились в кучу, ожидая неизбежной расправы.

Командир оперативно-разыскной группы лейтенант Михайлов, брезгливо пошарив в карманах пропитанной кровью гимнастерки убитого, достал оттуда документы: небольшую серую книжечку с надписью «Народный Комиссариат Обороны СССР» — удостоверение личности, вещевую книжку офицера Красной Армии и два временных удостоверения о награждении медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу».

— Ясно! — ни к кому не обращаясь, проговорил лейтенант. — Задержанных обыскать и в машину! Прозоров, — обратился он к сержанту,

еще не пришедшему в себя, — обеспечить надежную охрану и не делай больше глупостей! Понял?

Сержант, как будто очнувшись, привычно ответил:

— Есть, товарищ лейтенант.

Через час захваченных диверсантов затолкали в темный и насквозь продуваемый сарай на самой окраине небольшого немецкого городка, расположенного на берегу реки Дейме^[33]. Обе двери, закрытые на тяжелые железные засовы, сторожили солдаты из взвода охраны, приданного управлению контрразведки «СМЕРШ».

Стылая мартовская ночь давала о себе знать. От кирпичных стен сарая веяло ледяным холодом, и только в самой середине, там, где были свалены в кучу какие-то доски, казалось, было чуть теплее. Пахло сыростью, гнилью и еще чем-то, похожим на мазут. Ночь была темная. Разглядеть очертания помещения в наглухо закрытом пространстве было абсолютно не возможным.

Немцы, плотно прижавшись друг к другу, сидели на досках. Никто не спал. Да и спать в таком холодище было невозможно. Один из пленников, правда, полулежал, привалившись головой к опоре стропил. Закрыв глаза, он время от времени стонал, сжимая раненую руку. Русская медсестра перевязала ее, когда их доставили в поселок. Но боль после этого не утихла, а даже усилилась. Все были подавлены и молчали, считая, что участь их достаточно определена. Некоторые из них уже не раз побывали в тылу советских войск и знали, что русские смертельно ненавидят предателей и шпионов. То, что с ними не расправились сразу после боя, ничуть не говорило о том, что диверсантам удастся избежать смерти. «Допросят, а потом расстреляют», — примерно так думая каждый.

— Ну, что, кажется, попались! — сказал один из них. — Мирус, ты поспорил мне ящик французского коньяка! Но, кажется, расплачиваться со мной будут уже русские. Ты слышишь меня?

В ответ не раздалось ни возгласа. Все молчали, и только раненый продолжал тихо и жалобно стонать.

— Мирус! Дерьмо! Ты что, оглох?

— Заткнись! Оставь меня в покое! Скоро русские начнут допросы, и ты еще сможешь блеснуть своим красноречием. Они подпалят твои тараканьи усы!

Кто-то в темноте слегка усмехнулся.

— А, это ты, Иоганн! Чего ржешь? Твоя шкура ничуть не дороже моей! На месте русских я за нее не отдал бы и пфеннига!

- Копейки!
- Что-о-о?
- Копейки, говорю.
- А, иди ты в з...!

Наступила долгая пауза. Никто не хотел ни о чем говорить. Все было предельно ясно. Война подходит к своему концу. Германия в руинах. Русские не сегодня завтра возьмут Кёнигсберг. Впереди — самое лучшее — сибирские лагеря, но скорее всего — пуля в затылок у стены любого сарая, может быть, этого самого, в котором они коротают свою первую ночь пленников.

Тот, что начал разговор, встал, похлопал себя занемевшими от холода руками по бокам и сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, как будто разминался на занятиях по физической подготовке. Тихим голосом, почти шепотом, но так, чтобы слышали все, он сказал:

— Мне глубоко плевать, что каждый из вас скажет на допросе у русских. Тем более что это не имеет теперь никакого смысла...

— Но, господин шарфюрер^[34], долг чести...

— Заткнись, Мирус! Ты не на собрании молокососов из гитлерюгенда!

— Господин шарфюрер...

— Я сказал, заткнись! Тут нет шарфюреров! Здесь есть только солдаты вермахта! Ублюдок! Ты первый всех сдашь! Из-за своей глупости!

Раздался какой-то kloкочущий звук, и послышалась возня в том месте, откуда доносился шепот человека, которого называли шарфюрером.

— Ах ты, скотина! — громко вскрикнул он.

Все услышали глухой удар и звук, будто кто-то со всего размаху швырнул на пол тяжелый мешок.

По всей видимости, возню внутри сарая слышали и часовые, стоящие снаружи. Один из них сильно стукнул прикладом в дверь и громко крикнул:

— Эй, фрицы! Не орать! Руэ!^[35] Буду стрелять!

Немцы притихли, понимая, что русский шутить не будет и может дать очередь через дверь. Теперь молчание воцарилось надолго.

Вдали слышались гул канонады, эхо отдельных взрывов, протяжный звук летящих далеко самолетов. Где-то на окраине поселка отчетливо простучала трель автоматной очереди. Мартовская ночь на подступах к Кёнигсбергу была тревожно-жуткой, готовой в любую минуту разорваться грохотом взрывов и громом артиллерийских орудий.

Спустя некоторое время шарфюрер снова заговорил приглушенным голосом, почти шепотом, но теперь уже совсем другим, примирительно-

доверительным тоном:

— Камрады, так вышло, что мы заканчиваем войну в этом вонючем сарае. Завтра, быть может, нас всех расстреляют. Каждый в этой ситуации выплывает сам. Вы можете рассказывать русским все, что заблагорассудится: говорить правду, болтать чушь о том, что вы всегда сочувствовали коммунистам и пошли в диверсионный отряд только для того, чтобы перейти на сторону русских. Скажу сразу, можете поверить мне на слово, русских вы не проведете. Они уже давно не верят в пролетарский интернационализм немцев и готовы растерзать любого, кто им кажется «истинным фашистом».

Говоривший замолк, как будто подбирая слова для убедительности. Затем зашептал снова:

— Но я хочу всех предупредить, особенно тебя, Хорст Мирус. Не дай бог, если вы проговоритесь об объекте «Б-Зет»! Уверяю вас, что у СД руки достаточно длинные, чтобы дотянуться до вас и сюда. Если русские сохранят вам жизнь и пойдут на перевербовку, то это не значит, что вы спасены. Вспомните Фингера! Русские выудили из него все, что могли, заставили его стать предателем, но горло ему перерезали все-таки ребята из СД!

— Господин шарфюрер, не надо нас убеждать в этом. Большинство из нас не первый раз на задании. Мы уже повидали всякое. Да и испугать нас, наверное, уже нельзя... — проговорил кто-то из прежде молчавших. — Кроме того, все кончено. Вы все это знаете. Германия погибла. И нет смысла жить...

— Эрнст, ты всегда был отменным философом. Только именно из-за вас, интеллигентов, Германия оказалась в дерьме. Фюрер открыл для всех нас дорогу в будущее, а вы своей болтовней и вечным нытьем привели народ к гибели. Один ваш Штауффенберг^[36] чего стоит! Все предатели — это интеллигенты...

За дверью раздались голоса. Затем шум отодвигаемого засова.

— Выходи по одному! Ком, ком!^[37]

Первым из сарая вышел тот, кого все называли шарфюрером.

Катя недолго гуляла среди голых деревьев сада, примыкавшего к вилле. Солнышко светило уже довольно ярко, отражаясь веселым блеском в лужах талой воды. Под его лучами, казалось, вот-вот проснутся деревья и на голых ветках распустятся ярко-зеленые почки. Чирикание воробьев дополняло картину ранней весны, придавало ей веселое настроение, когда

точно знаешь, что скоро, очень скоро наступит теплое лето, о котором мечталось долгой и холодной зимой. Предчувствие лета! Оно всегда вселяет в душу человека какое-то внутреннее ликование и радостное возбуждение.

Около особняка уже не было ни солдат, ни грузовиков. «Наверное, уехали на операцию», — подумала Катя. Работая в «СМЕРШе», она уже привыкла к тому, как быстро меняется обстановка, как новые люди, неожиданно появившись, вдруг надолго исчезают, уходя на выполнение какого-то задания. Привыкла к перевернутому графику работы, когда очень часто ночами ведутся продолжительные и изнурительные допросы и Кате приходится до боли в пальцах и рези в глазах стучать по клавишам трофейного «Континенталя»^[38], а днем — урывками спать, не раздеваясь, приткнувшись где-нибудь на кожаном диване в секретной части.

Вот и сегодня, прежде чем отпустить Катю отдохнуть, подполковник предупредил, что вечером и ночью ожидается работа. «Наверное, будут допрашивать тех немцев, которых я встретила в саду», — подумала Катя. И не ошиблась. Когда она поднялась по ступенькам и часовой с улыбкой на лице открыл входную дверь виллы, Катя увидела в просторном холле тех же семерых немцев в грязных шинелях под охраной нескольких автоматчиков. Они стояли лицом к стене, по-прежнему держа руки за головой. Лишь один из них, должно быть, раненый, стоял с одной опущенной вниз рукой. Из-под рукава шинели торчали обрывки пропитанного кровью бинта.

По скрипящим ступеням деревянной лестницы спустился старший лейтенант Третьяков, оперуполномоченный второго отделения. Всегда подтянутый, в начищенных до блеска сапогах, со сверкающими и позванивающими при движении медалями на груди, он выглядел бравым офицером-контрразведчиком, как будто сошедшим с плаката героем-победителем. Черные густые волосы, чисто выбритое лицо, острый, пронзительный взгляд, самоуверенная пружинящая походка — все выдавало в Третьякове человека, знающего себе цену, особенно если дело касалось женского пола.

В самом начале года, когда он только прибыл в управление после почти четырехмесячного лечения в госпитале, Третьяков попытался заигрывать с Катей, всем своим видом подчеркивая, что делает великое одолжение девушке только тем, что обратил на нее внимание. Но Катя сразу дала ему резкий отпор в присутствии девушек-связисток и других офицеров, сказав, что он абсолютно не в ее вкусе. Надо было видеть лицо Третьякова, который не привык к такому обращению! Он как-то делано

усмехнулся и, резко повернувшись, вышел из комнаты под смешки окружающих. С тех пор он проходил мимо Кати, абсолютно не замечая ее. Даже тогда, когда по долгу службы ему надо было забрать у нее какие-либо документы или передать поручение подполковника, делал это демонстративно равнодушно, не глядя на нее и стараясь всем видом показать, как она ему безразлична.

«Ну и пусть, — думала Катя. — Надо держаться подальше от таких наглых и самоуверенных. Мама предупреждала, что именно такие мужчины способны сломать жизнь девушке, не испытывая при этом ни малейших чувств».

Вот и сейчас старший лейтенант Третьяков пролетел мимо, даже не взглянув на нее. Он подошел к группе задержанных немцев и, четко отделяя одно слово от другого, сказал им по-немецки:

— Сейчас все вы по очереди называете свою фамилию, имя, звание, номер и местонахождение части, цель заброски группы. После этого вас отведут в подвал. Затем каждый будет допрошен, вы доставлены в контрразведку. Любая ложь будет расцениваться как сопротивление. За это по законам военного времени — расстрел! Понятно?

Он повернулся к немцу, стоящему ближе к окну.

— Кто такой?

Это был самый высокий по росту, можно сказать, долговязый немец лет пятидесяти, из группы захваченных диверсантов, с типично «фрицевским» лицом — длинный орлиный нос, узкие губы, белые космы давно нечесанных волос. Совершенно нелепо и неуместно сидела на нем красноармейская суконная шинель с сержантскими погонами, прожженная и порванная в нескольких местах.

— Грюцки Альберт, ефрейтор, полевая почта 15017...

— Не полевая почта, а номер части или наименование разведшколы, — перебил Третьяков немца.

Тот потупился, сделал резкое глотательное движение, как будто протолкнул застрявший ком в горле, и еле выдавил из себя:

— Отряд 038, Разведывательная школа СД в Кёнигсберге...

Из Справки о разведывательно-диверсионном органе в Кёнигсберге

«С 20 февраля по 2 марта 1945 г. на одной из улиц Кёнигсберга в районе военного городка дислоцировался орган немецкой разведки (наименование не установлено) — п.п. 15017... предназначенный для подрывной деятельности в тылу

советских войск.

Начальник — ЭРБРИХ Вилли, немец, около 40 лет, высокого роста, брюнет. Переводчик КЕЦЕЛЬ, унтер-офицер, около 30–35 лет, шатен.

При вербовке — заполнение анкеты с установочными данными. После этого со всем личным составом... несколько занятий по диверсионному делу... 2 марта 1945 г. — от агентов отобрана подписка о неразглашении своего обучения, даны псевдонимы...»

— Цель заброски?

— Диверсия на участке ближних тылов тридцать девятой армии.

— Кто старший?

— Убит. Капитан Адамский.

Немец посмотрел исподлобья на контрразведчика.

— Убит одним из ваших во время сдачи отряда в плен...

— Ясно! — Старший лейтенант повернулся к другому немцу.

— Солдат Мирус Хорст. Военнослужащий вермахта. К этим... — он кивнул на долговязого, — не имею никакого отношения. Отстал от своей части...

— А форма, русская форма? — со злой усмешкой спросил Третьяков.

— После боя моя пришла в негодность, и я надел то, что оказалось под рукой.

— Снял с пленного? А может быть, убил и снял? — с угрозой в голосе проговорил старший лейтенант.

— Н-н-нет! Нет! — вдруг взвизгнул молодой немец, поняв, что совершил глупость, пытаясь неуклюже соврать русскому контрразведчику.

— Ладно. С тобой, Мирус, все ясно. Если будешь врать на допросе — расстреляем сегодня же ночью.

— Фабрициус Иоганн...

— Кюн Вальтер...

— Вокенфусс Эрнст...

Немцы по очереди представлялись и отвечали на поставленные вопросы. После такого быстрого десятиминутного блиц-допроса все были уведены в подвал, а старший лейтенант Третьяков, мельком взглянув на стоящую поодаль Катю, нехотя процедил сквозь зубы:

— Сержант Скоморохова, поднимитесь в розыскной отдел.

Через три часа Катя уже заканчивала оформление протокола допроса

одного из диверсантов. От длительной работы на машинке у нее заболели пальцы, а в ушах еще звучала ненавистная немецкая речь. Раньше, еще студенткой, она любила немецкий — язык Гёте и Шиллера, Фейхтвангера и Ремарка. Но за время войны немецкий язык стал ассоциироваться у нее с головорезами из СС, убийцами из зондеркоманд, шпионами, диверсантами и лазутчиками всех мастей. Разболелась голова. Но об отдыхе теперь не приходилось и думать — впереди была ночь, в течение которой должны быть допрошены вновь доставленные диверсанты. И хотя в соседних комнатах тоже шли допросы — оттуда слышался стук пишущей машинки, — работы вполне хватало до утра.

Эта группа немцев показалась Кате совсем не такой, какие у них побывали на допросах в прежние дни уже здесь, в Восточной Пруссии. Куда делись спесь и заносчивость их предшественников? Или этим немцам теперь стало окончательно ясно, что война проиграна и нет смысла молчать о своем задании и своих начальниках, а главное, любыми средствами выжить, убедить победителей, что они, бывшие враги, не представляют теперь для русских никакой опасности, что не успели сделать ничего такого, что побудило бы к суровой каре.

Об этом же думал и майор Завьялов, начальник четвертого отделения в отделе у Ратнера, отвечающий за розыск агентуры немецких разведывательных органов.

В последнее время на отделение, в составе которого были всего восемь офицеров, буквально обрушился шквал информации. Разведчики и агенты «пачками» стали попадать в руки смершевцев. Если за весь 1944 год контрразведка 1-го Прибалтийского фронта задержала четыреста двадцать лазутчиков, то только за февраль 1945-го были схвачены сто двадцать четыре вражеских агента. Несмотря на то что спецслужбы гитлеровской Германии работали с предельным напряжением, развернув неслыханный фронт тайной войны против наступающей Красной Армии, общая деморализация охватила и их. «До последнего вздоха с именем фюрера» готовы были умирать лишь единицы — либо безнадежные фанатики со сдвинутой психикой, либо желторотые юнцы, ничего в жизни не видавшие, кроме лагерей юнгфолька^[39] и гитлерюгенда. Правда, еще были и те, кто знал, попадись они в руки русских, их неминуемо ждет веревка или пуля в лоб. За их плечами были зверства в лагерях военнопленных и гестаповских тюрьмах, массовые убийства мирного населения, сожженные деревни и разграбленные церкви.

Майор сидел за столом, обхватив голову руками. Бледная переносная

лампа, питаемая от движка, пульсирующим светом освещала разложенные на столе документы. Завьялов, как и большинство офицеров управления, давно не мог как следует выспаться. То в районе местечка Зеерапен^[40] в подвале отдельно стоящего дома был обнаружен целый ворох документов, принадлежащих радиогруппе какого-то немецкого разведывательного органа, и оперативники вместе с переводчиками двое суток подряд разбирали радиограммы, донесения, ключи к шифрам.

То в районе Инстербурга^[41], можно сказать, в глубоком тылу наших войск, была окружена и захвачена группа диверсантов-штурмовиков в количестве двадцати шести человек. Они уже успели произвести несколько подрывов железнодорожного полотна на перегоне Гумбиннен^[42] — Инстербург, совершить нападение на танковую колонну в районе Гросс-Скайспиррена^[43], перерезать кабель в районе командного пункта стрелковой дивизии вблизи Гольдбаха^[44], коварно убить около десятка советских офицеров.

Совсем недавно в тридцати километрах юго-западнее того же Инстербурга немцы выбросили парашютный десант в составе двадцати пяти диверсантов, окончивших «партизанскую школу» в Иенкау под Данцигом^[45]. Головорезы, прошедшие специальную подготовку, были в гражданских костюмах, поверх которых были одеты красноармейские шинели. Каждый имел, кроме диверсионной экипировки, солдатскую книжку или рабочую книжку восточного рабочего, естественно, на вымышленную фамилию.

В донесении, направленном в управление «СМЕРШ», сообщалось, что эти громилы передвигались, искусно маскируясь под советских солдат, конвоирующих пленных. Потом, после того, как в результате короткого, но ожесточенного боя они были захвачены оперативно-разыскной группой контрразведки, у каждого из них при тщательном обыске были обнаружены капсулы с ядом, зашитые в пояса кальсон. Однако крайне примечательным было то, что ни один из диверсантов им не воспользовался, может быть, надеясь на удачу или на милость победителей. В конце войны никто не хотел умирать.

Майор Завьялов встал из-за стола, прошелся по комнате, достал из кармана пачку трофейных сигарет «Фемина», с удовольствием затянулся, глубоко вдыхая ароматный дым. Как только войска вступили на территорию Германии, он вдруг неожиданно для самого себя переключился на немецкие сигареты. Нет, ему нравились наши папиросы «Дукат» и «Казбек», но трофейные сигареты казались более приятными из-за их

тонкого аромата и слабого душистого табака. В этом, конечно, Завьялов не мог признаться никому, боясь неправильно быть понятым. Впрочем, наблюдательный подполковник Ратнер сразу заметил перемену в привычках своего подчиненного и укоризненно сказал: «Даже если б я курил, никогда в рот не взял эту немецкую гадость».

Подполковник Ратнер смертельно ненавидел немцев — его жена и две дочери были расстреляны фашистами на второй день сразу после того, как немецкие войска ворвались в Бобруйск. Когда он допрашивал какого-нибудь разведчика или диверсанта, с его лица не сходила гримаса брезгливости и нескрываемой ненависти. Немцы при этом сразу чувствовали, что этого русского подполковника им следует опасаться больше всего. В отличие от других, например, от старшего лейтенанта Третьякова, который мог во время допроса вскочить со своего места и заорать во все горло «Говори, фашистская сволочь!» или, чего греха таить, со всего размаха садануть в скулу допрашиваемого немца, Ратнер только сузит глаза — и сидящий перед ним с ужасом ощущает безжалостную ненависть подполковника, сникает обреченно, понимая, что от этого человека ему не ждать пощады.

Завьялов попытался обобщить первые полученные данные о захваченном накануне отряде диверсантов-разведчиков, которых допрашивали сейчас сразу три оперработника.

Во-первых, все они из одного разведывательно-диверсионного отряда, заброшенного в наш тыл.

Во-вторых, диверсантов подготовил и направил разведорган, расположенный в Кёнигсберге и имеющий условный номер полевой почты «15017».

В-третьих, по ранее поступившим из Центра ориентировкам было установлено, что еще в октябре прошлого года в «гинденбургских казармах» в Кёнигсберге действовала разведывательная школа СД по подготовке разведчиков-диверсантов и радистов для действия в нашем тылу. В школу набирались, как правило, опытные фронтовики, получившие по несколько ранений на Восточном фронте и непригодные для дальнейшей службы в действующей армии...

«Стоп! — Завьялов прервал свои мысленные обобщения. — Тут что-то не вяжется. Если в школе проходили подготовку опытные фронтовики, то почему среди восьми захваченных лазутчиков, включая убитого, двое восемнадцатилетних — этот строптивый Мирус и слишком неразговорчивый Кюн?»

Завьялов закурил еще одну сигарету. «Да, да, конечно. Сегодня же не

октябрь сорок четвертого, а конец марта сорок пятого. Немцы вынуждены готовить и посылать на задание тех, кто есть, в том числе и этих молодых фанатиков, не знающих никакого другого воспитания, кроме гитлеровского».

Майор Завьялов был прав. Человеческие ресурсы Германии, впрочем, как и военно-экономические, были на исходе. В разведшколы агентуру набербовывали в массовом порядке, уже долго не раздумывая о профессионализме или навыках, полученных на фронте. Главное управление имперской безопасности в Берлине требовало от всех периферийных органов СД активизировать работу по заброске агентуры в тыл наступающих советских войск для того, чтобы «парализовать и деморализовать противника». Не менее активно работала и военная разведка, оправившаяся после разгрома абвера в 1944 году^[46]. IV отдел РСХА, больше известный как гестапо, также, где только мог, насаждал свою агентуру из бывших восточных рабочих, перемещенных лиц, немецкого гражданского населения.

Он снова сел за письменный стол, заваленный бумагами, еще раз стал листать документы — списки выявленной и разыскиваемой агентуры, спецсообщения, справки, протоколы допросов. Надо было выявить прямую взаимосвязь между сведениями, полученными от захваченных диверсантов, и ранее добытыми данными о конкретном разведоргане, расположенном в Кёнигсберге. «Речь идет о СД. Значит, военную разведку и гестапо отбрасываем», — рассуждал майор Завьялов. Напрягая глаза, в бледном свете лампы он пытался в не раз уже просмотренных материалах увидеть нечто такое, что позволило бы впоследствии пролить свет на замыслы врага.

Из Списка агентов немецких контрразведывательных органов, арестованных отделами контрразведки «СМЕРШ» Земландской группы войск в марте 1945 года

«Краткие установочные данные: Шокк Вальтер, 1925 года рождения, уроженец города Лейпциг, немец, по профессии токарь, член организации „Гитлерюгенд“, ефрейтор 1-го запасного разведдивизиона немецкой армии.

Дата и краткие обстоятельства вербовки: 5/1-45 г. в составе группы солдат 1-го разведдивизиона был отобран и направлен в школу.

Проходил ли обучение: Обучался в так называемой партизанской школе в деревне Иенкау в районе Данцига.

Характер полученного задания; срок выполнения: Совершать диверсионные акты на железной дороге Инстербург — Кёнигсберг.

Время, способ переброски, легенда: 8 марта 1945 г. с Гдыньского аэродрома самолетом выброшен в 40 км юго-западнее города Инстербург.

Дата и обстоятельства задержания: 17/III-45 г. задержан военными Красной Армии в районе станции Пушдорф^[47].

Дата ареста: 22/III-45».

«Нет, не то, — рассуждал Завьялов. — Школу под Данцигом^[48] мы знаем. Знаем также множество других объектов по подготовке диверсантов на территории Восточной Пруссии, в том числе разведшколу СД в „гинденбургских казармах“. Еще в начале марта контрразведчикам удалось обезвредить группу диверсантов, укомплектованных исключительно советскими военнопленными. Во главе ее стоял бывший капитан Красной Армии Фролов, попавший в немецкий плен в 1941 году и уже несколько лет сотрудничавший с оккупантами. Эта группа, как показали на допросах захваченные лазутчики, готовилась именно в кёнигсбергской разведшколе».

Об этой школе стало известно немного. Во всяком случае, все смогли сообщить имя ее начальника, скорее всего, вымышленное, — Эрбрих Вилли. Подготовкой же диверсантов руководил человек, называвший себя майором Айером. Все из группы Фролова утверждали, что в разведшколе были только русские, украинцы и прибалты, а немцев, дескать, совсем не было. Информация же из Центра говорила об обратном — в школе готовили диверсантов из числа немецких военнослужащих и членов гитлеровских молодежных организаций. До появления захваченного на днях отряда, солдат которого допрашивали сейчас в трех комнатах этого большого особняка, в управлении контрразведки терялись в догадках, идет ли здесь речь об одном и том же разведывательном органе немцев или о совершенно разных разведшколах, расположенных в блокированном Кёнигсберге. Определиться в этом вопросе — значит выбрать верные средства для подавления деятельности немецкой разведки, избрать правильный путь для выявления и идентификации агентуры противника.

Завьялов встал из-за стола, подошел к окну, слегка отодвинул край завешивающего его байкового одеяла. На улице была кромешная темнота. Только вдали в направлении Кёнигсберга полыхало зарево — результат прицельного бомбометания нашей авиации.

«Да, война, наверное, скоро закончится, — думал майор. — Но сколько нам еще предстоит выловить здесь, в Германии этой нечисти. Ведь к подпольной террористической работе они стали готовиться задолго до того, как наши солдаты ступили на немецкую землю». Он отчетливо вспомнил, как летом прошлого года подполковник Ратнер пригласил его и еще двух начальников подразделений к себе в кабинет, располагавшийся в одной из комнат сельской школы, и дал почитать каждому совершенно секретный документ, поступивший из Москвы. Это была ориентировка Центра, подготовленная на основе информации разведки. Нашему агенту, внедренному в Интеллидженс Сервис^[49], удалось перехватить ценнейший документ, из которого явствует, что гитлеровцы приступили к формированию нацистского подполья на территории Германии.

Из Спецсообщения 1-го управления Интеллидженс Сервис № 185 от 13 июня 1944 года

«...Наш польский друг передал нам следующую информацию, датированную апрелем с.г., полученную им от источника, находящегося в тесном контакте с официальным работником германской военной разведки в Стамбуле.

1. Состоявшееся 10 января 1944 г. совещание руководства НСДАП^[50] возложило на Гиммлера руководство подготовкой нацистской партии к нелегальной работе после войны.

2. В планы на ближайшее время после войны входит организация партизанской борьбы на территории Германии силами отрядов СС, СА и гитлерюгенда. Для ведения разведывательной работы и связи предлагается использовать детей...

Партизанское движение строится по принципу гау, причем каждая гау будет функционировать в качестве отдельного отряда. Руководители отрядов будут сотрудничать между собой.

3. Планы на будущее предусматривают обучение... будущих руководителей нелегального движения.

Обучение происходит главным образом в национал-социалистских орденских замках...

4. Финансирование нелегального политического движения будет происходить за счет средств, которые уже переведены в Швейцарию.

5. Разведывательная работа нацистской партии будет вестись через коммерческие организации за границей, в которые уже

внедрены специально подготовленные для этого нацисты».

«Вот, вот! Именно так. Уже тогда предлагалось использовать детей. А эти Мирус и Кюн — совсем еще сосунки, еще вчера были школьниками. Семнадцать лет! Мальчишки! Вот что делают фрицы — оболванивают молодежь, а затем бросают ее на верную смерть!»

Майор Завьялов помнил, как тогда, почти год назад, контрразведчики крайне скептически отнеслись к информации Центра. Откуда было им знать, что сведения эти являлись одним из главных стратегических секретов гитлеровского руководства на перспективу. Ведь в начале сорок четвертого еще не всем было очевидным, что грандиозная мировая бойня закончится через год. Не знали они и о том, что эти исключительно важные сведения дошли до Москвы очень сложным путем. Спецсообщение англичан, перехваченное закордонным агентом НКВД «Джоном», было подготовлено на основе добытого Интеллидженс Сервис письма резидента польской военной разведки в Стамбуле, получившего эту информацию от своего агента «Нури» — офицера связи германской военной разведки.

Из-за стены соседней комнаты доносился громкий голос старшего лейтенанта Третьякова. Он проводил допрос всегда в жесткой манере, постоянно повышая голос и угрожая задержанному. Это нередко приводило к тому, что допрашиваемый вообще прекращал давать показания. Третьяков еще более возбуждался, начинал ходить по кабинету, выкрикивать ругательства, осыпая самыми непристойными эпитетами сидящего перед ним немца, а заодно всех немцев, ненавистную ему Германию и «их проклятого фюрера».

Вот и сейчас, когда майор Завьялов вошел в кабинет, Третьяков, размахивая какой-то тетрадью, кричал вжавшему голову в плечи молодому немцу:

— Ты, скотина! Кретин! Вы и ваш фюрер сами загнали вашу вонючую Германию в з... цу! Так почему же ты...

— Старший лейтенант, поумерьте свой пыл! Это допрос, а не выяснение отношений в воровской малине. Вы — офицер контрразведки и ведите себя подобающим образом! — майор прервал готового лопнуть от злости Третьякова. — К тому же площадная брань не украшает мужчину, особенно если он это делает в присутствии женщины. — Майор посмотрел на девушку, сидящую за пишущей машинкой.

«Откуда он знает столько немецких ругательств? — подумал Завьялов. — На курсах их явно не преподавали. Но язык-то знает очень

хорошо. Способный, но очень несдержанный парень», — отметил он про себя.

— Продолжайте.

Третьяков постоял немного, как бы успокаиваясь, полистал тетрадь в дерматиновом переплете, произнес теперь уже совсем другим, совершенно ровным голосом:

— Так когда, вы говорите, у вас была отобрана подписка о неразглашении сведений?

Немец, почувствовав перемену в голосе советского контрразведчика, быстро заговорил, как бы закрепляя готовность к спокойному разговору на интересующую русских тему:

— Подписку о неразглашении сведений мы дали сразу после прибытия в разведшколу. Это было примерно второго-третьего февраля...

— Еще раз: цель заброски?

— Господин обер-лейтенант, я уже говорил, что наш отряд должен был, базируясь в лесу в районе Шёнвальде, совершать диверсионные акции в полосе наступления и в тылу вашей тридцать девятой армии. Нам была поставлена задача любыми средствами помешать движению войск по шоссе Кёнигсберг — Лабиау^[51] на участке Нойхаузен — Наутцен^[52]. Но в этом районе столько ваших войск, что практически невозможно передвигаться незамеченными. Поэтому мы практически все время провели на базе «Вервольфа»...

— Опишите месторасположение базы, — продолжал задавать вопросы Третьяков.

Майор Завьялов, видимо, не желая сковывать своим присутствием старшего лейтенанта, вышел из кабинета.

Допросы захваченных накануне диверсантов продолжались всю ночь, и к утру вконец вымотанные офицеры разыскного отдела собрались на совещание у подполковника Ратнера. Он попросил каждого еще до завершения оформления материалов допросов кратко доложить свои соображения по поводу захваченной агентуры противника.

В общем-то, у всех сложилось единое мнение: диверсанты были подготовлены и направлены СД для осуществления диверсионных акций на транспортных магистралях в тылу наших войск. Это уже третий разведывательно-диверсионный отряд, посланный с такого рода заданием Кёнигсбергской разведшколой, проходящей под условным наименованием «полевая почта № 15017». И, наконец, все допрашиваемые рассказали о известных им замаскированных базах «Вервольфа» — «Берта» под

Тапиау^[53], «Остров Робинзона» в районе Вартенбурга и, разумеется, о той самой базе, на которой они скрывались около недели, имеющей романтическое наименование «Замок Зигфрида».

Контрразведчики не в первый раз сталкивались с подобными вещами. В Литве им приходилось обезвреживать немало тайных баз «лесных братьев» и всякого рода «партизан», захватывая при этом буквально горы оружия, боеприпасов, мин и различного диверсионного снаряжения.

Из информации о разгроме банды на территории Литвы. 1945 год

«...Стычка лейтенанта Естюшева с заслоном банды явилась сигналом для главного отряда банды, которая располагалась в землянках... В тактическом отношении она была в наиболее выгодном положении. Бандиты засели в 4-х бункерах, расположенных друг от друга в радиусе 250 метров...

Благодаря смелым и решительным действиям... удалось быстро зажать банду в клещи с трех сторон. Однако банда, имея преимущество в тактическом отношении, все усиливала огонь из винтовок, ручных пулеметов, автоматов, забрасывала личный состав гранатами, пустила в дело немецкие фаустпатроны...

Свыше трех часов вела бой комендатура с озверелым и обнаглевшим врагом. Личный состав проявлял исключительную стойкость, мужество и отвагу.

На поле боя оказалось 43 вражеских трупа, два бандита были взяты в плен, подобрано 3 ручных пулемета, 7 автоматов, 17 винтовок, два охотничьих ружья, 35 гранат, 10 фаустпатронов, около 10 тысяч разных патронов. В землянках врага обнаружен радиоприемник... пишущая машинка и... документы...»

Все офицеры сошлись на том, что взятые в плен диверсанты уже на первых допросах оказались готовы говорить о подробностях их подготовки и о самой разведывательной работе. Теперь дело было уже за разматыванием клубка сведений о других известных им агентах и разведывательно-диверсионных группах. Ведь в самое ближайшее время Кёнигсберг будет взят и вся Восточная Пруссия окажется в руках наших войск. Пресечь деятельность оставленной агентуры — значит сохранить жизни многих наших солдат и офицеров, не дать врагу развернуть на своей территории партизанскую войну, а следовательно, приблизить долгожданную победу над фашизмом.

У оперативников второго отдела управления контрразведки «СМЕРШ»

были разыскные списки сотрудников и агентов немецко-фашистских разведывательных и контрразведывательных органов, согласно которым, они сверяли все сведения, получаемые в результате допросов военнопленных и фильтрации гражданского населения. Некоторые из этих списков базировались на данных советской разведки, которая очень активно работала в приграничной полосе накануне войны. Один из таких списков, подготовленный НКГБ^[54] Литвы в апреле 1941 года, должен был помочь выявить возможных вражеских диверсантов и разведчиков спустя четыре года — во время боев в Восточной Пруссии и штурма Кёнигсберга.

Из Списка чиновников полиции и жандармерии Восточной Пруссии. 23 апреля 1941 года, г. Каунас

«...КОВАЛЬЧУК — лейтенант жандармерии, командир Кёнигсбергского городского отделения жандармерии...

ДАГИС — литовец, ранее служил в Литовской политической полиции, из Литвы бежал с приходом Красной Армии. В настоящее время работает официальным сотрудником гестапо в Кёнигсберге по линии разведки против СССР. Вербовку и инструктаж агентуры производит в Кёнигсберге по ул. Беккер, в конторе „Балтийское сообщение“.

НОДНЫЙ — начальник разведывательного Управления Восточной Пруссии, дислоцируемого в гор. Кёнигсберге, около 48 лет, чин майора. Низкого роста, лицо круглое, красноватое, глаза голубые, волосы стриженные, по характеру выдержанный, считается неплохим работником, имеет несколько фамилий, из которых упомянутая является настоящей...

ПИКО — начальник разведывательного поста мест. Пилькален^[55]. Около 40 лет. Женат. Бывают случаи выпивок, но чаще всего со своими сослуживцами. По складу своего характера довольно выдержанный, хитрый. Жена его также работает в разведывательном посту...

ВАЙДАС (по другим данным, ВАЙЧАК) — работник разведывательного поста в мест. Ширвиндт^[56]. Имеет чин старшего лейтенанта запаса. Около 50 лет. По характеру выдержанный. Хладнокровный. Не пьет; сам лично ведет разведывательную работу с агентурой глубокого тыла...»

Таких разыскных списков-ориентировок было множество, но в реальной работе по выявлению диверсантов «Вервольфа» они помогали

мало. В «Вервольф» подбирались люди, в основном, молодые, непосредственно не связанные в предвоенные годы со службой в полиции, жандармерии или тем более в СС.

После того как все вкратце доложили подполковнику Ратнеру результаты ночной работы и уже готовы были с облегчением отправиться по своим комнатам, чтобы вздремнуть часок-другой, старший лейтенант Третьяков в свойственной ему манере заявил:

— Товарищ подполковник, не знаю, кто как, а я обратил внимание на одно крайне важное обстоятельство. Разрешите доложить?

— Вечно ты лезешь, Третьяков, со своим особым мнением, — недовольно проговорил полнолицый капитан. — Поумничать хочешь? Думаешь, толковее других?

— Перестаньте, Исаев! Я слушаю вас, Третьяков! — прервал капитана Ратнер.

— Товарищ подполковник, я обратил внимание на то, что немцы, а это следует из всех докладов, указали только три известные им базы «Вервольфа», а на вопросы о том, знают ли они еще какие-нибудь тайные объекты или замаскированные бункеры, отвечали категорически «нет». Вместе с тем немец Кюн, которого я допрашивал, показал, что сам не видел, но слышал об объекте «Б-Зет», который расположен где-то в самом центре Кёнигсберга и готовится на случай взятия города нашими войсками. Сказав это, Кюн сам так перепугался, что в течение четверти часа я не мог добиться от него ни слова. Но я так понял, что никто из остальных даже не упомянул об этом объекте. Считаю, что следует в процессе следующих допросов акцентировать внимание немцев на этом факте. У меня все.

— Спасибо, Третьяков. Очень ценное наблюдение. Эта информация для нас крайне важна в связи с подготовкой штурма города. Впереди тяжелые уличные бои. Поэтому знать о замаскированных базах «Вервольфа», тайных складах оружия и боеприпасов, подземных бункерах и укрытиях — одна из главных задач, которые нам следует решать в ближайшее время. Прошу всех обратить на это особое внимание. В ходе допросов попытайтесь выяснить, что знают немецкие агенты про объект «Б-Зет», а этого вашего...

— Кюна, — помог Третьяков.

— Да, Кюна. Пусть допросит... — Ратнер оглядел присутствующих и, слегка усмехнувшись, закончил фразу: — Пусть допросит капитан Исаев.

После совещания, уже в пятом часу утра, офицеры разошлись по комнатам — кто на первый этаж этой же виллы, кто в соседние дома, занятые офицерами «штаба», связистами и обслугой.

Но ни на следующих допросах, ни давая письменные показания, ни один из немцев не упомянул о таинственном объекте «Б-Зет». Более того, Вальтер Кюн, которого допрашивал старший лейтенант Третьяков в первую ночь, обнаружил полные провалы в памяти и категорически отрицал, что что-либо говорил об этом объекте. Он десять раз повторял одно и то же, каждый раз называя три известные базы «Вервольфа», рассказывая во всех подробностях о том, как был завербован капитаном СД Фуссом в январе 1945 года, о том, какие предметы преподавали в разведшколе и какого цвета глаза у ее начальника Эрбриха. Но категорически отрицал, что ему что-то известно о кёнигсбергском объекте «из двух букв немецкого алфавита». Сколько Исаев ни бился, Кюн молчал об этом. Даже тогда, когда по указанию подполковника Ратнера на допрос пришел Третьяков и по привычке заорал на подследственного: «Говори, не то хуже будет!»

Товарищи подтрунивали над старшим лейтенантом: «Что, Третьяков, не обнаружил еще объект, где сидит Гитлер?», «Третьяков, какой тебе сегодня приснился сон на ночном допросе?».

Старший лейтенант злился, особенно, когда насмешки звучали в присутствии девушек управления. Однажды, когда от очередной насмешки Третьяков чуть было не вспылil, Катя громко, чтобы все слышали, сказала:

— Нечего смеяться над человеком. Я работала тогда на допросе и точно помню, что тот тощий немец говорил что-то про этот объект. И в тексте протокола так записано. Просто этот немец сболтнул, наверное, что-то такое, чего говорить ему было никак нельзя. Вот он и отказывается от своих слов.

Катя выпалила это все неожиданно для самой себя. Ей абсолютно не хотелось выгораживать или заступаться за старшего лейтенанта, и, поймав удивленный взгляд Третьякова, заспешила к двери.

После нескольких допросов одного немца разыскники передали оперативникам. Похоже там наклеывался вариант с перевербовкой и направлением его, теперь уже как нашего агента, в Кёнигсберг. Оперативная игра — высший пилотаж контрразведывательного искусства.

Остальных же диверсантов этапировали дальше, им предстоял отнюдь не долгий путь: кому в лагерь, кому во внутреннюю тюрьму на Лубянке, кому — получить пулю в затылок за расстрелы советских партизан и парашютистов. Правда, через некоторое время до контрразведчиков дошла весть о том, что один из диверсантов был задушен в своей камере где-то далеко отсюда.

Поскольку сведений об объекте «Б-Зет» больше не поступало, а шутки

над старшим лейтенантом Третьяковым уже надоели, все довольно быстро забыли об этой странной аббревиатуре.

Правда, подполковник Ратнер где-то через неделю на совещании оперативного состава, когда разбирали факт задержания на одном из контрольно-пропускных пунктов трех немцев, оказавшихся агентами разведки, попросил начальников отделов управления контрразведки и начальников подразделений «СМЕРШ» в частях обращать особое внимание на сведения, касающиеся подпольных баз на территории самого Кёнигсберга.

— Чем раньше мы об этом будем знать, тем лучше, — подчеркнул подполковник.

Но в очередную докладную записку начальнику Главного управления контрразведки «СМЕРШ» сведения об объекте «Б-Зет» не попали. Контрразведчики хотя и нередко пользуются «оперативной информацией, нуждающейся в дополнительной проверке», но докладывать наверх непроверенные данные не спешат. А то ведь начальство может и спросить, а что же сделано для того, чтобы получить более достоверные сведения.

Катя никак не могла понять, что с ней происходит. После того случая, когда она вступилась за старшего лейтенанта Третьякова, над которым все подшучивали по поводу таинственного объекта, он стал как-то странно смотреть на нее. Если совсем недавно он намеренно даже не замечал ее присутствия, то теперь она нередко ловила его взгляд, когда вдруг случайно сталкивалась с ним в холле или на лестнице. Несколько раз она печатала протоколы допросов, которые проводил Третьяков. На этот раз попадались одни женщины, завербованные гестапо.

Сначала привезли задержанную в Лабиау при фильтрации^[57] двадцатипятилетнюю девушку-украинку, которая была завербована гестапо в пересыльном лагере в Кёнигсберге для выявления лиц, проводящих антифашистскую агитацию и готовящих побег. Потом некую Воронину из города Струги Красные, которая сама выразила готовность помогать гестапо якобы для того, чтобы отомстить за репрессированного органами НКВД отца, бывшего помещика. Еще была немка Каумштадт, которая работала стрелочницей на сортировочной станции и, как агент железнодорожной полиции, помогала гестапо выявлять противников нацистского режима среди немецких рабочих и служащих.

Вопреки обыкновению старший лейтенант Третьяков ни разу не сорвался на крик, хотя слушать рассказы этих жалких женщин было нельзя без чувства гадливости и омерзения. Предатель, даже если это молодая

симпатичная женщина, всегда остается предателем — высшим символом человеческой подлости и вероломства. Слезы, оправдания, попытки объяснить сиюминутной слабостью или безвыходностью своего положения — все это только усиливало раздражение против этих женщин, желание поскорее закончить обременительное для души и сердца занятие — выслушивать их исповеди. Катя несколько раз замечала, как старший лейтенант бросал на нее долгий вопрошающий взгляд, как будто спрашивал ее, когда же наконец закончится эта изнуряющая работа. Но надо было задавать вопросы, получать на них обстоятельные ответы и тщательно фиксировать все в протоколе.

Однажды, когда подследственную увели, кажется, это была немка стрелочница, Катя еще занималась оформлением протокола, а девушка-переводчица складывала свои листки, старший лейтенант задумчиво сказал, обращаясь к обеим:

— Неужели у этих стерв есть любящие мужья? — И, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты.

Утром на следующий день Катя встретила старшего лейтенанта Третьякова у входа в особняк. Он тщательно очищал свои сапоги от налипшей грязи.

— Вот, ночью ездили на фильтрационный пункт. Весь измазался, — проговорил извиняющимся тоном Третьяков. — А сейчас вызывает подполковник. Увидит грязные сапоги — выгонит из кабинета!

Он как-то странно, с прищуром посмотрел на Катю, как будто видел ее в первый раз.

Катя, сама не ожидая того, вдруг улыбнулась и, смутившись, быстро зашла в дом.

«Что со мной? Почему он на меня так смотрит? Почему я улыбаюсь ему, как дура? Ведь он же хам. Это знают все в „штабе“. Хам и бабник. И вообще мерзкий тип!» — говорила она себе, все больше чувствуя, что все это — ерунда по сравнению с тем неожиданно волнующим чувством, которое просыпалось в ней в эти последние мартовские дни.

«Наверное, это весна», — подумала Катя. Весна звенела капелью, сияла лучами яркого солнца, дышала запахами прогревающейся земли, звучала чириканьем воробьев... Весна будоражила душу, вселяла в сердце девушки ожидание чего-то нового, неизведанного... И улыбка, и долгий взгляд с прищуром старшего лейтенанта второго отдела управления контрразведки «СМЕРШ» — это тоже была весна.

Весь день Катя летала, как на крыльях. У нее все получалось очень быстро — она успела перепечатать расшифровку перехваченных

радиограмм из немецкого разведцентра, напечатать дюжину справок и спецсообщений, разобраться в своем шкафу, который стоял в секретариате, и подготовить акт на целую пачку подлежащих уничтожению документов.

Девчонки-переводчицы с удивлением смотрели на всегда такую спокойную и даже несколько флегматичную Катю.

— Катюх, что сегодня с тобой? Никак письмо из дома получила?

Катя только радостно кивала головой.

Вечером, когда она уже собиралась спросить у майора Завьялова, будут ли сегодня ночные допросы, она вдруг неожиданно столкнулась на лестнице со старшим лейтенантом Третьяковым. Он был одет необычно для себя — в маскировочном халате, поверх которого была накинута плащ-палатка. Ни медалей, ни знаков различия. На голове — каска.

Наверное, он не ожидал увидеть Катю. Это было видно по его смущенному лицу.

— К-Катя, добрый вечер!

— Добрый вечер!

«Никакой он не хам», — отметила про себя Катя.

— А я вот... — Третьяков слегка замялся. — Катя, мне нужно поговорить с вами! — И он вдруг положил свою руку на ее руку. Она почувствовала его горячую ладонь на своей вмиг похолодевшей руке, крепко держащейся за перила лестницы. — Я через пару часов вернусь и зайду за вами...

Катя, не отнимая руки, внимательно посмотрела в его глаза. Наверное, первый раз за все время. Она и не знала, что они такие красивые. Такие умные. И такие ласковые.

Краска залила ее лицо. Она молча кивнула и быстро, стуча по ступеням изящными сапожками, побежала вверх по лестнице.

Он не пришел через два часа. Он не пришел и на следующий день. Он не мог прийти. Его убили. Как это случилось, потом рассказали участники короткого, но жестокого боя.

Оперативно-войсковая группа, которую возглавил старший лейтенант Третьяков, срочно выехала в район Тапиау, откуда была получена информация о подозрительных лицах в гражданской одежде, замеченных в одном из фольварков^[58] на краю леса. Это было как раз в том месте, в котором, по показаниям немецких агентов, находилась уходящая глубоко под землю база «Вервольфа» под названием «Берта».

Как и следовало ожидать, это был один из разведывательно-диверсионных отрядов, заброшенных немцами для действия в тылу

советских войск. Более роты солдат блокировали фольварк, но без боевого столкновения не обошлось.

В ходе ожесточенного, но непродолжительного боя было убито восемь и ранено три диверсанта. Остальные сдались в плен. В перестрелке погибли двое наших солдат и один офицер. Этим офицером был старший лейтенант Третьяков. Говорили, что пуля диверсанта сразила его, когда он попытался с группой солдат приблизиться к фольварку со стороны леса. Пуля попала в голову, и старшему лейтенанту не пришлось мучиться. Смерть была мгновенной. Командование представило его к ордену Боевого Красного Знамени. Посмертно.

До начала штурма города-крепости оставалось чуть больше недели.

Глава 3

Путь предательства

Наверху грохотало. Даже стены глубокого подвала старого дома не являлись помехой для звуков взрывов и канонады, глухо проникавших через толщу кирпичной кладки. С потолка то и дело сыпались остатки штукатурки, а через трещину в самом углу при каждом близком разрыве тонкой струйкой стекал песок. Его насыпалась уже довольно большая кучка.

Подвал был небольшой по размерам, но с высоким сводчатым потолком, позволяющим не только стоять в нем в полный рост, но и, подняв вверх руки, прикоснуться лишь к шершавой металлической балке, пересекающей потолок от стены до стены. С одной стороны были ниша и несколько ступеней, которые вели к массивной железной двери с тяжелым металлическим кольцом вместо ручки, с другой стоял ржавый паровой котел с открытой дверцей и торчащей из него колосниковой решеткой.

Окон в подвале не было, и дневной свет сюда не проникал. На стенах играли лишь отблески пламени какого-то самодельного светильника — не то фитиля, прикрепленного к консервной банке, не то свечки, помещенной в алюминиевую кружку.

Пол рядом с печью был загроможден сваленным в кучу хламом — коробками, тряпьем, разным бытовым мусором. Было сыро, пахло затхлостью, как это бывает в давно не проветриваемом помещении, но достаточно тепло.

На грязных ящиках, лежащих на полу, сбившись в кучу, сидели люди — четверо мужчин и одна молодая женщина с маленьким ребенком на руках. При каждом взрыве малыш, а это был мальчик лет трех, вздрагивал. Мать шептала ему что-то успокаивающее. Остальные безучастно, даже как-то обреченно молчали. Старший из сидевших, мужчина лет шестидесяти пяти, в темном изодранном плаще, слегка покачивался из стороны в сторону, зажав руками голову. Когда шум на мгновение смолкал, было слышно, что он непрерывно повторяет одно и то же слово: «Лотта! Лотта! Лотта!» Наверное, имя своей жены или дочери.

Другой, одетый в коричневую кожаную куртку, все время шарил руками по внутренним карманам, будто пытаясь найти в них что-то очень важное. Когда раздавался близкий взрыв и через щель в подвал

просыпалась очередная порция песка, он замирал, словно застыв, потом снова продолжал свой бессмысленный поиск.

Двое довольно молодых солдат в грязной униформе, время от времени тревожно прислушиваясь к грохоту на улице, переговаривались между собой. Было видно, что разговор этот волнует их не меньше, чем происходящее наверху. Такие серьезные и обеспокоенные были у них лица.

Один из них, со всклокоченной копной светлых, давно не мытых и не стриженных волос, с тревогой в голосе продолжал, похоже, уже давно начавшийся спор:

— Но, Пауль, даже если мы ни слова не скажем о «команде», русские все равно докопаются... Ты же знаешь...

— Даже и не думай! Стоит тебе заикнуться о «команде» — считай, ты уже труп! — ответил ему резко немец постарше. Он держал в руках солдатский ранец с притороченным к нему тонким одеялом мышинного цвета. — Они рыщут по всему фронту, отлавливая наших, а ты хочешь сам отдаться им в руки. Не вздумай, Рольф! Умереть геройской смертью за фюрера ты всегда успеешь.

Наверху где-то совсем рядом раздался страшный взрыв. Весь дом тряхнуло так, что, казалось, сейчас он рассыплется, как карточный домик, и погребет под своими обломками обитателей маленького подвала. Огонь свечи вздрогнул и погас.

Ребенок, всхлипнув, залепетал тонким голосом: «Мути! мути!» Мать еще крепче прижала его голову к своему плечу, пытаясь накрыть мальчика толстым шерстяным пледом.

В установившейся между взрывами тишине стало слышно, как громко зажурчала вода за стеной подвала — наверное, прорвало водопроводную или канализационную трубу и из еще чудом сохранившейся емкости жидкость стала вытекать в полость между завалами.

«Не затопило бы нас здесь!» — должно быть, подумал каждый.

— Пауль, — продолжил молодой солдат прерванный разговор, — я думаю, что русские все равно нас обнаружат, даже если наши документы... — Он несколько понизил голос. — Не вызовут у них подозрений.

— Камрады, — неожиданно для солдат обратился к ним еще не сказавший ни слова нервный человек в кожаной куртке, — я предлагаю, пока нас не обнаружили русские, выбраться наверх и дворами пробраться в сторону Ломзе^[59]. Там сейчас сплошные болота, и русские вряд ли сунутся туда. Я надеюсь, вы не забыли о присяге на верность фюреру? — И, не дожидаясь ответа, добавил: — Мы еще покажем русским, как могут

сражаться за Родину настоящие национал-социалисты!

Солдаты в ответ не проронили ни слова.

В тишине между разрывами все услышали, как только что говоривший человек в куртке поднялся, повозился немного со свертком, который лежал рядом с ним на полу, достал из него какой-то предмет. Раздался характерный металлический звук, известный всем фронтовикам, когда в короб ручного пулемета вставляется снаряженный магазин. «МГ-34», — отметил про себя каждый из солдат.

— Господин, ортсгруппенлейтер^[60], — неожиданно раздался голос женщины. — Пощадите нас, уходите отсюда. А то, если придут русские, они перебьют нас всех. Пожалейте хотя бы моего ребенка! Прошу вас!

Человек в кожанке зло выругался.

— Трусы и мерзавцы! Предатели! Дождетесь, что вас перебьют в этом вонючем подвале, как бешеных собак!

— Если нам суждено здесь погибнуть, то только из-за вас, проклятые «наци»! — тихо проговорил старик. — Все несчастья Германии от вас. И Кёнигсберг, и мой сын, и моя бедная Лотта — они погибли из-за вас...

— Старик, если ты не замолчишь, я размозжу тебе голову!

В подвале воцарилась напряженная тишина, прерываемая далекими глухими разрывами.

— Вы идете со мной? — с угрозой в голосе снова обратился к солдатам бывший руководитель местной организации НСДАП. — Я сейчас посмотрю, что делается наверху, а вы выйдите через пять минут. И ни минутой позже! Я заставлю вас, трусливые твари, сражаться до последней капли крови! Иначе вы подохните еще до того, как сюда придут «иваны»!

Оба солдата, Пауль и Рольф, поняли, что этот «золотой фазан»^[61] — просто нацистский фанатик, который запросто перебьет всех, кто не согласится с ним продолжать борьбу «до последней капли крови». Поэтому на угрозу ортсгруппенлейтера они поспешили быстро ответить:

— Так точно! Мы выходим вслед за вами!

«Может быть, это и есть самый лучший выход из нашего положения, — подумал Рольф, вставая вслед за своим напарником. — Убьют, так убьют! А может, еще и выживем!»

Громко заскрипела отворяемая дверь. Слабый отраженный свет проник в подвал, штрихом очертив в темноте подвала фигуры-призраки, ожидающие своей участи. Слышались гулкие шаги «наци», поднимающегося по ступеням из подвала на улицу.

— Придется последовать за этим типом, Рольф. Эти бешеные

фанатики способны на все! Они готовы сдохнуть сами и прихватить с собой других!

— Да, я думаю, лучше...

Слова солдата утонули в шуме раздавшейся рядом резкой автоматной очереди. И совсем уже близко, громким эхом отдаваясь в сводах подвала, застучал пулемет. Автоматная очередь оборвалась.

— Вот мерзавец! Теперь сюда непременно ворвутся русские! Бежим скорее!

Но было уже поздно. Послышались приближающийся шум стрельбы, скрежет танковых гусениц, едва различимые в шуме боя истошные крики.

Раздался оглушительный взрыв, дверь под воздействием взрывной волны резко отворилась, с размаху ударившись о стену. В подвал ворвалась мощная струя горячего воздуха и едкого дыма, а с ней липкие кровавые ошметки, наверное, то, что осталось от ортсгруппенлейтера.

Обитатели подвала оцепенели от ужаса.

Спустя некоторое время дым рассеялся, через открытую дверь слышались громкие голоса. Совсем близко, наверное, в дверной проем крикнули по-русски:

— Фашисты, получайте!

Раздалась длинная автоматная очередь. Пули забарабанили по косяку металлической двери, рикошетом отскакивая в разные стороны. Подвал наполнился пылью и металлическим звоном. Все разом бросились на пол, стремясь хоть как-то укрыться от ворвавшейся в подвал смерти.

Вскрикнул старик, ойкнул от обжегшей щеку боли Рольф. В повисшей после взрывов и стрельбы тишине было слышно, как, поднывая, плачет ребенок.

— О, мой Бог!.. Избавь меня от врагов моих! Защити меня и мое дитя от восстающих на меня! Избавь меня от делающих беззаконие, спаси от кроважанных! — всхлипывая, запричитала женщина.

— Э-э-э! Да тут баба! — раздалось снаружи.

По лестнице слышались осторожные шаги, и через мгновение в проеме двери появились фигуры советских солдат. Разгоряченные боем, готовые к немедленному подавлению любого сопротивления, потные и грязные, но лихорадочно возбужденные, они, держа перед собой оружие, всматривались в сумрачные очертания подвала.

— Вот они, «фрицы»! Наложили в штаны от страха! Вставай! Но-о! Хох! Гитлер капут!

Немцы медленно поднялись с пола. Оба солдата подняли руки вверх, всем своим видом показывая, что считают для себя войну законченной и

сдаются в плен. Из рваной царапины на щеке Рольфа текли струйки крови. Она капала на форменную куртку, оставляя грязно-коричневые разводы на ткани.

Старик, по-видимому, задетый осколком или срикошетившей пулей, стоял, опустив голову и зажав рукой плечо. Только женщина, беззвучно плача и шепча молитву, продолжала сидеть на полу. Из-под пледа на вошедших русских смотрели испуганные и одновременно любопытные глаза ребенка. Впервые за несколько дней он увидел новых людей в этом сумрачном подвале, людей, которыми его долго пугали и которых он представлял, вероятно, как диких и страшных животных.

Но русские были совсем не страшные. Казалось, что, увидев женщину с ребенком, они сменили злобу и ненависть на некое подобие жалости. Не опуская дула автомата, все еще направленного на обитателей подвала, один из русских проговорил:

— Не бойся, фрау! Вир них шисэн!^[62] Война капут!

От русских слегка разило водочным перегаром, смешанным с запахом дорогих духов. Похоже, ни женщина с ребенком, ни старик их уже не интересовали. Повернувшись к Паулю и Рольфу, русский с тремя лычками на погонах грозно спросил:

— Оружие есть? Вафэн?^[63]

— Найн, найн! — в один голос ответили немцы.

— Хорошо!

Сержант кивнул одному из солдат. Тот, лихо забросив автомат за спину, нехотя подошел к немецким солдатам, брезгливо провел руками сверху вниз, обыскивая их.

— Не! Ничего нет, товарищ сержант!

— А часы, часы есть? Ури, ури!^[64] — Сержант для ясности показал на запястье.

Оба немца с готовностью расстегнули браслеты и протянули русским желанные трофеи: Пауль — совершенно новые, сравнительно недавно купленные им великолепные часы швейцарской фирмы, а Рольф — свои старые часы, подаренные ему в Польше еще в прошлом году одним офицером.

— Хорошо! Гут! — Русские были явно довольны результатами своей «цап-царап-акции»^[65], особенно трофеем, доставшимся от Пауля. — Нихт геен!^[66] Сидите здесь! Если пойдете наверх — капут! Шисэн! Ферштэен?^[67]

Все всё поняли. Русские приказывали пока оставаться в подвале, по

всей вероятности, дожидаясь окончания боевых действий в городе и подхода тыловых частей, когда пленных можно будет отконвоировать в места сбора, а местных жителей предоставить самим себе.

Всю ночь наверху были слышны разрывы снарядов и грохот рвущихся бомб. Но это было теперь уже не так близко, как накануне. Похоже, что агония Кёнигсберга завершалась последними конвульсиями сопротивления силам превосходящего противника. Привычные ко всему обитатели подвала тем не менее с нескрываемым ужасом слушали душераздирающий вой «сталинских оргáнов» — мощных реактивных установок, катюш, которые превращали в сплошное месиво последние очаги сопротивления в центре города.

Из книги Отто Ляша «Так пал Кёнигсберг. Борьба и гибель восточнопрусской столицы». Мюнхен, 1958 год

«...В течение всей ночи городской район... находился под тяжелым артиллерийским огнем. Летчики непрерывно сбрасывали бомбы... Весь день шли уличные бои между проникшим сюда противником и бойцами немецких опорных пунктов... Многие опорные пункты ввиду бесперспективности и безнадежности положения, недостатка боеприпасов и перенапряжения нервов выбросили белые флаги...

Руины зданий образовали завалы на улицах и исключили возможность подвижного ведения уличного боя. С каждым часом слабело руководство боевыми действиями, все средства связи были уничтожены... Предоставленные самим себе, защитники опорных пунктов держались, пока еще хватало последних боеприпасов. Бункеры переполнялись ранеными солдатами и гражданскими лицами... В центре города, где у окон подвалов и за каждым углом мог подстеречь выстрел из фаустпатрона, русские танкисты продвигались очень осторожно... Мы никогда не узнаем о героических поединках, которые разыгрывались на улицах города, слишком мало людей уцелело в этих последних схватках...»

Когда наступали минуты затишья, сидящие в подвале немцы прислушивались к голосам наверху, пытаясь уловить настроение расположившихся наверху русских, понять, как складывается обстановка и не возникает ли чего-нибудь такого, что могло бы снова угрожать их жизни. Но русские наверху вели себя на удивление мирно: всю ночь пели песни,

смеялись, что-то громко выкрикивали, иногда, правда, постреливали, но, похоже, просто так, для развлечения или устрашения спрятавшихся по щелям солдат вермахта, фольксштурмовцев и жителей города.

Было совершенно очевидно — часы Кёнигсберга сочтены, гарнизон города-крепости разгромлен, советские солдаты, выбивая сопротивляющихся немцев из подвалов и подземных бункеров, становятся настоящими хозяевами того, что было некогда крупным европейским городом. Городом, который еще несколько месяцев и даже недель назад назывался «неприступной крепостью», «алькасаром Восточной Пруссии»^[68]. Теперь же он, объятый пламенем, заполненный дымом, заваленный искореженной военной техникой и тысячами трупов, лежал в руинах, как поверженный и смертельно раненный великан, ожидающий своей участи.

К причитаниям женщины и плачу ребенка добавились стоны старика, который теперь уже не звал свою Лотту, раскачиваясь из стороны в сторону, а жалобно поскуливал и время от времени просил пить.

— Старик, потерпи, — тихо проговорил Пауль. — Наступит утро, и ты пойдешь домой...

— Да нет у меня теперь дома! У меня нет теперь ничего: ни жены, ни детей, ни дома, ни моего университета — нашей прекрасной Альбертины. Ведь я же вел семинар на факультете теологии. Барт, Бруннер, Шляейрмахер... Кому все это теперь нужно? Боже! Да умрет душа моя смертью праведников...

— Ладно, старик. Хватит причитать! И без тебя тошно!

Рольф и Пауль отошли в угол комнаты и стали тихо переговариваться друг с другом.

— Слушай, о «команде» рассказывать не надо. У нас вполне приличная легенда для того, чтобы затеряться в этой массе военнопленных. Ты учти — русские идут за нами по пятам. И, если им только дать намек на то, что мы были в «команде», они спустят с нас шкуру. Ты хочешь болтаться на виселице в Смоленске, Борисове или в родной Одессе? Я тоже не хочу!

— Но, Пауль... — пытался возразить Рольф.

— Ты слушай меня. Мы — солдаты вермахта. В наших солдатских книжках записано, что мы — солдаты первой роты триста тридцать второго батальона сто девяносто второго гренадерского полка. Были в боевой группе «Шуберт», сформированной из остатков различных частей. Все будет хорошо! Главное — не трусь!

— Пауль, но я очень боюсь, что они узнают о Борисове и Могилеве. И

еще об «объекте»...

— Заткнись! Забудь об этом! Если наложишь в штаны, можешь рассказывать о чем угодно, но только не об этом. Учти! В лучшем случае — они тебя перевербуют, а в худшем... — Он слегка замялся. — А в худшем, как я уже сказал, — виселица или двадцать лет сибирских лагерей, где ты сдохнешь уже на второй год... Правда, в первом случае тебя грохнут сами немцы.

На этом разговор двух ожидающих своей участи пленных закончился.

Под утро канонада прекратилась совсем. Только иногда слышались далекие разрывы да почти не прекращался гул пролетающих самолетов. Но теперь, похоже, они уже летели бомбить Пиллау. В Кёнигсберге, наверное, совсем не осталось для них работы.

Остаток ночи прошел в тревоге, но без эксцессов, которых боялись обитатели подземелья. Больше никто к ним не спускался, а часовые снаружи к утру совсем утомонились.

Из Спецсообщения Управления контрразведки «СМЕРШ» 3-го Белорусского фронта от 27 апреля 1945 года № 2/12658

«В результате проводимых агентурно-оперативных мероприятий среди задержанных советских граждан, находящихся на сборно-пересылочном пункте в гор. Кёнигсберге, Отделом контрразведки „СМЕРШ“ 50-й армии 3-го Белорусского фронта выявлены и арестованы официальные сотрудники „Зондеркоманды 7Б“:

Херциг Пауль Фридрихович, 1918 года рождения, уроженец дер. Моргентау Кмелинского района бывшей Республики немцев Поволжья, немец, из крестьян, образование 8 классов, со слов, не судим, бывший член ВЛКСМ, гражданин СССР. В Красную Армию призывался в 1940 году.

Дитман Рольф Людвигович, 1924 года рождения, уроженец с. Мангейм Беляевского района Одесской области, немец, из крестьян, образование 6 классов, беспартийный, гражданин СССР...»

Пауль Херциг никак не мог прийти в себя от того, что на первом же допросе на сборном пункте, размещенном в громадных запахах железнодорожных мастерских в Понарте^[69], был опознан как сотрудник немецкой контрразведки. Допрашивавший его старший лейтенант в теплой меховой душегрейке, надетой поверх полевой формы, сверившись с каким-

то списком, на хорошем немецком языке произнес:

— Никакой вы не Франц Коппель из сто девяносто второго гренадерского полка. В боевую группу «Шуберт» вы были направлены из «Зондеркоманды 7Б». Ваше имя Пауль Херциг. Вас узнал наш агент-опознаватель. Молчать глупо. Сейчас вас доставят в штаб и там допросят. Но прежде, чем мы отправим вас туда, скажите, кого еще среди этого сброда... — Он кивнул в сторону двери, за шторой слышался гул, производимый массой людей. — Вы знаете, как сотрудников разведки или контрразведки?

— Господин старший лейтенант, но...

Советский офицер даже не стал слушать возражения немца, повысив голос, спросил еще раз:

— Я сказал, кого вы знаете из числа пленных как сотрудников или агентов гестапо, разведки или контрразведки, нацистских руководителей, пособников фашистов и других предателей? Покажешь — может, останешься жить!

Немец потупил голову. Он понимал, что катастрофически падает вниз, буквально гибнет, но сделать уже ничего не может. Русские уже знали, что он был сотрудником «зондеркоманды», и теперь им не составляло никакого труда разматывать всю историю его измены, выяснять подробности его работы в СД, все глубже загонять его в трясины нового предательства.

— Ну! Говори же!

— Со мной еще один... сотрудник «зондеркоманды».

— Имя!

— Дитман Рольф. У него тоже документы на солдата 192-го гренадерского полка. Мы вместе с ним попали...

Офицер перебил его:

— Сейчас пойдешь и покажешь его.

Пауль Херциг с безысходностью кивнул.

Из Справки о деятельности «Зондеркоманды 7Б». Сентябрь 1947 года

«„Зондеркоманда 7Б“, согласно имеющимся материалам, появилась на оккупированной немецкими войсками советской территории в августе 1941 года.

„Зондеркоманда 7Б“ (полевая почта № 18555) подчинялась „Айнзатцгруппе Б“, была придана по июль 1943 г. 2-й танковой армии, а с июля 1943 года по март 1945 г. 4-й танковой армии...

„Зондеркоманда 7Б“ поддерживала контакт в работе с

военными разведывательными и контрразведывательными органами абвера, „Абвергруппой 107“, условно именовавшейся „Виддер“ и „Абвергруппой 307“.

„Зондеркоманда 7Б“ вела контрразведывательную работу среди гражданского населения, в лагерях военнопленных и гражданских лиц, выявляла и арестовывала советскую агентуру, партизан и лиц, проводивших антигерманскую деятельность, разыскивала и уничтожала советских и партийных работников, а также лиц еврейской национальности...»

Когда Рольф заметил русских солдат, пробирающихся к нему сквозь толпу оборванных и грязных военнопленных, у него как будто что-то оборвалось внутри. А когда увидел плетущегося за ними Херцига, Рольф Дитман все понял: Пауль сдал его русским! Сдал, хотя сам еще в подвале уговаривал молчать о том, что они служили в «команде».

«Теперь конец, — пронеслось в голове Рольфа. — Они, конечно, припомнят мне Могилев».

— Прости, Рольф! — тихо прошептал Пауль. — Они уже все знали. Я тебя не выдавал.

— Замолчать! Руэ! — Охранник в теплом ватнике угрожающе приставил к груди немца дуло автомата. — Прикончу гадов!

— Не бузи, Петро! Сейчас повезем этих фрицев в «СМЕРШ». Там они получают сполна!

Через час открытый джип с двумя пленниками, тремя автоматчиками из роты охраны и офицером, проводившим первичный допрос, трясся по вдрызг разбитым дорогам кёнигсбергского пригорода.

Город горел во многих местах, повсюду по сторонам дороги стояли дома с пустыми глазницами окон. Все кюветы были забиты сброшенной с дороги искореженной военной техникой, автомобилями и повозками, раздавленными танками, разорванными тюками, вывороченными чемоданами и пустыми коробками. И повсюду — в придорожных канавах и у стен домов, в горах мусора и грязных лужах — в самых разнообразных, порою неестественных позах лежали трупы. Десятки, сотни трупов солдат и офицеров «непобедимой армии фюрера», малолетних и престарелых фольксштурмовцев, клочья и обрывки того, что еще несколько дней назад называлось людьми.

Не только все дороги, но и все пространство между домами и хозяйственными постройками было буквально забито входящими в город войсками — мощными танками, изрыгающими клубы сизого дыма,

«студебекерами», «виллисами» и «джипами», самоходками, тягачами с прицепленными к ним пушками...

Все это гудело и взывало натруженными моторами, пело и гомонило голосами русских солдат, сидящих в кузовах машин, окатывало брызгами грязи и мутной воды из луж талого снега, и, главное, все это неумолимо втягивалось в горловины улиц горящего и разрушенного города, подавляя его мощью и силой Победителя.

На фоне движущейся армады, не скрывающей своего торжества и превосходства, длинные змееподобные колонны оборванных солдат и офицеров почти уже побежденной гитлеровской армии выглядели жалко. Их серые, сосредоточенные на одной-единственной мысли лица, большей частью угрюмые, реже — отмеченные неким подобием улыбки существ, выживших в смертельном аду, представляли собой зеркало деморализованной немецкой армии, которая с падением Кёнигсберга теряла последний оплот обороны на Востоке. Думающие только об одном — как выжить в условиях плена, — бывшие солдаты и офицеры вермахта, летчики люфтваффе^[70] и военные моряки, фольксштурмовцы и служащие нацистских учреждений с тоской смотрели на закопченные стены домов, сохранившие еще надписи: «Смелость и верность!», «Кёнигсберг останется немецким!», «Мы победим, несмотря ни на что!», «Победа за нами!».

Первым на допрос вызвали Рольфа Дитмана. Дом, в котором его допрашивали, казалось, чудом сохранился среди развалин поселка, куда привезли их с Паулем Херцигом со сборного пункта немецких военнопленных. Молодой парень из конвойной команды, настроенный довольно благодушно, слегка подтолкнул немца в спину дулом автомата, предлагая войти в приоткрытую дверь.

В комнате за массивным письменным столом, совершенно не гармонирующим с обстановкой жилой комнаты, сидел капитан контрразведки, у окна за маленьким круглым журнальным столиком с пишущей машинкой — худенькая девушка с сержантскими погонами. Оба — капитан и девушка-машинистка — с неприязнью посмотрели на вошедшего немца. На их лицах была написана глубокая усталость, вызванная, по-видимому, напряженной работой последних дней. Кроме этого Рольф прочитал в их глазах почти нескрываемое презрение и даже безразличие. «Так смотрят, наверное, на предателей», — подумал немец.

— Садитесь, Дитман.

Капитан развязал тесемки тонкой папки, раскрыл ее, пробежался глазами по тексту на двух листках бумаги. Потом достал из папки

солдатскую книжку Дитмана, нехотя, как бы делая Рольфу одолжение, бегло перелистал ее, останавливаясь лишь на отдельных ее страницах и вчитываясь в скупые данные казенного документа.

— Так, Дитман. Допрос будем вести по-русски. Вы, как одессит, владеете русским свободно, не правда ли?

— Да.

— Хорошо. — И, обращаясь к машинистке, добавил: — Катюша, начнем.

Она в ответ молча кивнула.

— Дитман, расскажите коротко свою биографию.

Немец, стараясь не волноваться, стал рассказывать о себе:

— Я, Дитман Рольф Людвигович, родился в 1924 году в селе Мангейм Беляевского района Одесской области в семье крестьянина-середняка. До 1941 года находился на воспитании родителей. С 1932-го по 1938 год учился в сельской начальной школе и окончил шесть классов, а затем работал в колхозе «Колос»...

Из протокола допроса Рольфа Дитмана от 13 апреля 1945 года

«...Отец, ДИТМАН Людвиг Иосифович, в 1932 году после болезни умер. Мать — ГУЛЬМ Мария после смерти отца в 1937 году вышла замуж за БИРК Антона Степановича, по национальности немец-колонист, который до оккупации немцами Одесской области состоял членом колхоза „Колос“. Я в мае 1942 года поступил в Одесскую школу ФЗО^[71] и учился в гор. Одесса. 15 июля 1941 года дирекция школы меня вместе с другими слушателями эвакуировала в тыл Красной Армии, но 23 июля 1941 года в районе гор. Херсон Одесской области попали в окружение противника, а затем были задержаны...»

Воспоминания нахлынули на Рольфа. Он вдруг впервые со всей остротой почувствовал, что от той, почти детской жизни его отделяет бездонная пропасть. Те полтора месяца до начала войны, когда он учился в школе, наверное, были самыми счастливыми в его жизни.

Попад в Одессу, Рольф увидел, сколь интересна и многообразна жизнь в большом городе, в корне отличающаяся от тихого и размеренного хода событий в деревне. В те несколько предвоенных недель он успел подружиться с одним парнем из своей группы, который мечтал стать машинистом турбинных двигателей. Хотя еще у них не успели начаться занятия по специальным дисциплинам, ребят уже несколько раз водили в

цеха Одесского машиностроительного завода. То, что Рольф увидел там, потрясло его воображение — мощные гидравлические прессы, громадные штамповочные станки, тяжелые ковочные молоты, исполинские кран-балки.

А потом вдруг все неожиданно кончилось. Война ворвалась в жизнь Рольфа воем сирен воздушной тревоги и жестокими бомбежками, массовыми выездами рабочих, учащихся школ и техникумов на окопные работы — рытье противотанковых рвов и земляных укреплений.

Потом был приказ об эвакуации школы. В спешке погружая самое ценное имущество на полуторки, выделенные горкомом партии, ребята еще не представляли себе, что ждет их впереди, и сожалели, что не смогут принять участие в защите Одессы от приближающегося врага. С песнями и боевым настроем вместе с директором и двумя преподавательницами они ехали навстречу стягивающимся к фронту войскам, приветствуя доблестных солдат Красной Армии, которые, конечно же, должны были в считанные дни разгромить коварного агрессора и пройти победоносным маршем по его территории.

Спустя несколько дней машины попали в жесточайшую пробку в районе реки Ингул, где был взорван мост и надо было ехать в объезд на другую переправу. Когда немецкие самолеты стали бомбить скопление транспорта и тысячные массы беженцев, началась страшная паника. Кружа несколько дней по дорогам где-то в районе Николаева, они неожиданно наскочили на ехавшую по шоссе передовую часть немецких мотоциклистов, неизвестно откуда взявшихся в этих местах. Один грузовик был сразу подбит, а ребята, ехавшие на нем, бросились врассыпную. А через пару часов их нагнала колонна немецких танков, поднимающая за собой столбы пыли. Немецкие солдаты безбоязненно сидели на броне и корчили гримасы, показывая руками на ребят, в испуге сгрудившихся у свалившейся в обочину полуторки.

Двое суток ребята вместе со старым директором и двумя учительницами бродили по лесу, боясь выходить на дороги и обходя стороной деревни, поселки и открытые пространства. Повсюду слышались выстрелы, разрывы снарядов и мин, пулеметные очереди, лязг танковых гусениц и рокот моторов. Измученные жаждой и голодом, они уже не могли больше бесцельно блуждать среди лесов, тем более что двое из ребят, казалось, серьезно заболели.

Они вышли из леса и где-то в районе ближних предместьев Херсона были задержаны патрулем немецкой полевой жандармерии. С директором, который пытался что-то объяснить немцам, разговаривать не стали, а

только избили до полусмерти.

А обеих учительниц сразу увели куда-то под одобрительный гогот собравшихся солдат. Больше их никто никогда не видел.

Это было двадцать третьего июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны.

Из протокола допроса Рольфа Дитмана от 13 апреля 1945 года

«ВОПРОС: После задержания как немцы с вами поступили?

ОТВЕТ: После задержания один немецкий офицер меня коротко спросил, интересовался, где родился и жил, кто по национальности, в каких школах учился, а затем предложил остаться на службе в немецкой армии. На это предложение я не согласился и попросил офицера, чтобы он отпустил домой. Офицер удовлетворил мою просьбу, и я поехал домой...»

Рольф очень хорошо помнил тот знойный августовский день, когда он наконец добрал до своего села, носящего странное название Секретарька. Помнил, как из дома выскочили мать и отчим, которого Рольф так и не научился называть отцом, а называл дядей Антоном, брат Людвиг и десятилетняя сестренка Анита. Они радостно обнимали его, наперебой расспрашивая, как удалось ему выбраться из полосы боевых действий, говорили, что уже не чаяли увидеть Рольфа в живых.

Потом начались привычные деревенские будни. Рольф работал вместе с отчимом в поле, помогал матери ухаживать за скотом, ездил на заготовку сена и дров. Дело в том, что немецкие власти, стремясь привлечь на свою сторону советских немцев, проживающих на оккупированной территории, так называемых фольксдойче^[72], распределяли между ними колхозные земли, скот и инвентарь. Родители Рольфа получили двадцать пять гектаров земли, несколько коров и лошадей, большое количество кур и гусей и теперь могли считаться довольно зажиточными людьми.

Фронт откатился далеко на восток, и война, казалось, уже больше не придет в дом Дитманов. Но в один из январских дней сорок третьего года из одесской ортскомендатуры^[73] Рольфу неожиданно пришла повестка — тогда-то и тогда-то явиться для призыва в немецкую армию. Это было словно гром среди ясного неба! Мать зарыдала, причитая, а всегда молчаливый отчим вдруг стал многословно говорить о том, что он поедет в Одессу, встретится с ортскомендантом и уговорит его не призывать Рольфа на службу. Дескать, хозяйство у них большое, они регулярно осуществляют продовольственные поставки для вермахта и что Рольф нужнее и полезнее

для Германии был бы здесь, трудясь «во славу немецкого оружия» в крестьянском хозяйстве.

Но соседи, сын которых также получил повестку, отговорили старшего Дитмана от опрометчивого шага.

— Ты же немец и знаешь, что немцы любят порядок. Ортскомендант тебя даже слушать не будет. Если только ты заикнешься о том, чтобы твоего сына освободили от призыва в армию, они, скорее всего, назовут тебя саботажником и отправят в лагерь. А потом, мы же — фольксдойче. Мы должны помогать доблестным солдатам вермахта громить большевиков. Ведь, если они снова вернутся, нам несдобровать. Ты же не хочешь сдохнуть в Сибири? — убеждал Рольфова отчима сосед.

К назначенному сроку Рольф явился в одесскую ортскомендатуру. Там было уже по меньшей мере около сотни таких же, как он, бывших советских немцев. Все они подлежали призыву на фронт.

Из протокола допроса Рольфа Дитмана от 13 апреля 1945 года

«...я прошел медицинскую комиссию, и зачислили меня в группу в сто человек, подлежащих к отправке во вторую танковую армию. Других призывавшихся немцев зачислили в морской флот, артиллерию, СС-части и в пехоту. В немецкой комендатуре один майор немецкой армии нам сказал, что... мы поедem на фронт. В Одессе мы пробыли два дня, а 25 января 1943 года нас... направили в город Киев...»

Все произошло так быстро, что Рольф не успел заметить, как стал солдатом «доблестного вермахта». Всех их одели в старую танкистскую униформу — линялые хлопчатобумажные костюмы с бледными следами от нашивок и эмблем, без знаков различия и без ремней. Почти два месяца новоиспеченные танкисты проболтались в каких-то грязных бараках, огороженных высоким забором. Их никуда не пускали, кормили отвратной баландой и поили противным эрзац-кофе. Один парень, тоже из фольксдойче, не выдержавший мерзких условий, ночью перелез через забор, наверное, чтобы убежать со сборного пункта, но был тут же застрелен часовым.

На следующий день всех построили на плацу, и какой-то хромой оберлейтенант с железным крестом на серой куртке и перчатками, небрежно подоткнутыми за кожаный ремень, в течение получаса поучал новобранцев, то угрожая им расстрелом за дезертирство, то призывая стать «верными оруженосцами тысячелетнего рейха» и солдатами «великой армии-

победительницы».

Наконец, уже в марте, когда растаял снег и зазвучала весенняя капель, Рольфа вместе с остальными «танкистами» отправили на вокзал, посадили в два товарных вагона и в составе военного эшелона отправили в Орел.

Город произвел на Рольфа угнетающее впечатление: бесчисленные руины домов, огромные завалы на месте улиц, забитое, испуганное население, пытающееся спрятаться при первом появлении на улице немецких солдат или офицеров.

Вот здесь-то, в Орле, началась настоящая боевая подготовка. С раннего утра до поздней ночи их гоняли по плацу, а обер-фельдфебель в черной танкистской форме гортанным голосом выкрикивал строевые команды. Молодым парням, большинство из которых были выходцами из деревни, привыкшими к размеренной жизни сельского захолустья, было трудно привыкать к военной дисциплине, к жесткой регламентации и строгому распорядку дня. Тем более что от них требовалось выполнять все по минутам, не допуская никакого отклонения от требований строгих немецких уставов.

В большой казарме, на облупленных стенах которой еще красовались выгоревшие довоенные плакаты и были видны следы от висевших некогда портретов, начались интенсивные занятия по изучению материальной части немецких танков — всяких узлов и устройств, схем электропитания, механизмов зарядки... Во дворе на приколе стояло два немецких танка — средний танк Т-III с 37-миллиметровой пушкой и громадный Т-IV, весом около двадцати пяти тонн. Здесь будущие танкисты изучали устройство танка в натуре, по очереди залезая внутрь и до автоматизма отрабатывая команды, которые подавал инструктор. В ближайшее время должны были начаться занятия на полигоне — где-то недалеко за городом, но Рольфу этого было не суждено дожидаться.

Ровно через десять дней после прибытия в Орел произошло событие, круто изменившее жизнь молодого человека. Против своей воли становясь солдатом вражеской армии, он еще как бы оставался заложником ситуации, жертвой жизненных перипетий, которые оправдывали Рольфа хотя бы перед самим собой. Но, сделав один шаг, ему неминуемо пришлось бы делать второй. И назавтра Рольф оказался бы уже на поле боя, лицом к лицу с бывшим товарищем по школе ФЗО или своим земляком, ставшим бойцом Красной Армии. Он должен был встать перед ними с оружием, как враг, как солдат другого государства, поставившего своей целью поработить народ страны, в которой он жил. Сидя в немецком танке за рычагами управления или в качестве стрелка-радиста, он должен был стать частью злобной и

безжалостной машины уничтожения, которая вторглась в пределы чужой страны, сжигая, громя и уничтожая все на своем пути. Став солдатом армии противника, Рольф должен был в конце концов разделить участь многих из них — погибнуть на поле боя или изведать все тяготы и унижение плена. Но в отличие от немцев из Германии, которым было куда вернуться, хотя страна их была повергнута в руины и, казалось, уже никогда не возродится из пепла, таким, как Рольф, возвращаться было совершенно некуда. Участь предавшего свою родину всегда трагична, позорна и безысходна.

Но тогда, в марте сорок третьего, ничего этого Рольф Дитман не знал да и, наверное, не задумывался столь глубоко о возможном развитии событий. Не знал он и того, что судьба уготовила ему еще один резкий поворот, который уже не оставит ему никаких шансов на будущее. Став на путь предательства, он не знал, что в один прекрасный день перед ним разверзнется земля и откроется страшная пропасть. Пропать предательства...

Советский капитан продолжал допрос. Он ставил Рольфу Дитману вопрос за вопросом, уточнял отдельные обстоятельства, пытаясь воссоздать картину его службы в немецкой армии. Конечно, капитана контрразведки больше всего интересовало, какие задачи решал конкретный карательный орган и, главное, какую агентуру и где он оставил. Именно это было наиболее важным в те апрельские дни 1945 года, когда Советская Армия добивала восточнопрусскую группировку противника.

Пленный продолжал:

— Двадцать пятого марта 1943 года нашу роту построили в полном составе, пришел командир с одним обер-лейтенантом, сотрудником СД, и по списку вызвал двадцать человек русских немцев, в том числе и меня. Нам приказали собраться для отправки в другую часть...

«Странно все-таки это звучит — русских немцев», — отметил про себя капитан и спросил:

— В какую часть вас зачислили и чем вы там занимались?

— В тот же день обер-лейтенант привез нас на Черкасскую улицу, кажется, в дом номер сорок пять. Там с нами побеседовал «шеф» — штурмбаннфюрер Карл Раабе. Он сказал, что мы будем проходить службу в «Сихер-гайц-полицай» и «Сихер-гайц-динц»...

— «Зихерхайтсполицай» и «Зихерхайтсдинст», — поправил капитан.

— Ну, да. Сокращенно — СД, что в переводе на русский язык означает: первое — «полиция безопасности», а вторая — «служба

безопасности». Обер-лейтенант сказал нам, что мы будем служить переводчиками при допросе следователями политических заключенных, а также арестованных за кражу и другие виды преступлений...

— Скажите, Дитман, вы сразу поняли, куда вы попали? Ну, что это за орган такой — СД?

— «Шеф» Раабе нас сразу предупредил, что орган, в котором мы будем работать, является секретным, и все, что мы будем делать в стенах этого органа, мы никому не имеем права рассказывать. Что, работая в этом органе, также не имеем права встречаться с гражданскими лицами и говорить им что-либо о методах работы СД. А если кто-либо из нас будет рассказывать тайные методы работы СД, то он подлежит расстрелу. После этого Раабе сказал, что мы попали в «Зондеркоманду 7Б», фельдпост 18555^[74], что означает в переводе на русский — «особая команда», которая непосредственно подчинялась «Оперативной группе Б», находившейся в то время в Смоленске...

Из Докладной записки 8 отдела 4 управления НКГБ СССР от 10 августа 1944 года

«...Деятельностью оперативных команд (эйнзатцкомандос) полиции безопасности, действовавших и действующих на оккупированной немцами территории, руководят соответствующие оперативные группы (Эйнзатцgruppen) полиции безопасности, подчиненные непосредственно начальнику Р.С.Х.А.^[75], а через него — ГИММЛЕРУ.

На оккупированной в прошлом территории Советского Союза действовали 4 оперативные группы полиции безопасности и СД:

1. Оперативная группа „А“...
2. Оперативная группа „Б“ — на территории центральной армейской группировки (Белоруссия, Смоленская, Орловская, Московская области). Начальником ее был СС бригадефюрер НЕБЕ, бывший начальник Управления криминальной полиции Главного управления имперской безопасности. В конце декабря 1942 г. его сменил СС бригадефюрер НАУМАН.
3. Оперативная группа „Ц“...
4. Оперативная группа „Д“...

Оперативные группы создали оперативные команды (эйнзатцкомандос). Каждая команда действовала на территории одной из армий, входившей в состав армейских группировок.

Кроме того, для работы в оккупированных крупнейших городах Советского Союза оперативные группы создали особые команды (зондеркомандос) полиции безопасности и СД...

Оперативные команды (эйнзатцкомандос) и особые команды (зондеркомандос) имели 4–5 „внешних отрядов“ (ауссентруппе), которые в зависимости от обстоятельств направлялись в населенные пункты в районы действия команды».

Капитан Исаев, слушая показания немца, сопровождаемые стрекотом пишущей машинки, вдруг подумал: «Сколько же их я видел за последнее время! Предателей, изменников, провокаторов! Странно, мне кажется, что они почти все на одно лицо. Какие-то безликие, с бегаящими глазами, дрожащими руками, втянутой в плечи головой. Наверное, там они были не такими — наглыми, грубыми, самоуверенными...» Правда, этот молодой немец не производил на капитана такого впечатления. Какой-то щуплый, испуганный. Казалось, он таким был всегда. Запутавшийся, заблудившийся в дебрях войны парень, которого теперь не ждет ничего другого, кроме закономерного конца всех предателей...

Тем временем Дитман продолжал рассказывать:

— На пятый день нам всем выдали форму СД, а старую форму танкистов мы сдали обратно. Меня оставили при «зондеркоманде», а остальных распределили и разослали по «трупам»^[76], что в переводе на русский означает «оперативная группа»...

Исаев слегка усмехнулся. «Действительно, по трупам. Они теперь все — трупы. И этот тоже».

— Находясь на службе в «зондеркоманде», вы принимали присягу?

— Да, в июне сорок третьего я вместе с другими переводчиками принял присягу на верность службе Германии.

Рольф отчетливо помнил тот день, когда их построили во дворе большого четырехэтажного дома, где размещалась «зондеркоманда». Раньше в этом доме была средняя школа. В больших классных комнатах кое-где еще стояли парты, а на стенах висели черные грифельные доски. На небольшой спортивной площадке, где с довоенных времен сохранились турник и лестница с перекладиной и канатами, были построены все вновь прибывшие, в том числе и Рольф. Они стояли лицом к строю, образованному сотрудниками четырех отделений штаба «зондеркоманды». Ее начальник штурмбаннфюрер^[77] Раабе, стройный блондин лет тридцати пяти, с истинно арийским, чуть с горбинкой носом произносил слова присяги, а Рольф и еще четверо «новобранцев» повторяли за ним чеканные

фразы: «Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и канцлер империи, быть верным и мужественным. Клянусь тебе и назначенным тобой начальникам беспрекословно повиноваться до самой смерти. Да поможет мне в этом Бог!».

В какой-то момент Рольфу показалось все это чистым безумием — он, бывший гражданин Советского Союза, вдруг принимает эсэсовскую присягу. В каком страшном сне могло ему присниться, что он, одетый в униформу вражеской армии, будет произносить имя Гитлера как высшего божества, ради которого он должен пожертвовать всем — совестью, честью, Родиной и самой жизнью! Но все было взаправду — и штурмбаннфюрер Раабе, и ряды солдат в полевой форме с двумя молниями на черных петлицах, и офицеры с нашитыми на рукава ромбами «СД», и слова присяги на верность Адольфу Гитлеру. Не удержавшись на краю пропасти, Рольф падал на самое ее дно. Это не оставляло ему никакой надежды на спасение.

— Расскажите о своей практической работе в качестве переводчика «Зондеркоманды 7Б», — продолжал допрос капитан Исаев.

Было видно, что девушка-машинистка, которая печатала протокол, едва поспевала за показаниями Рольфа. Она несколько раз с нескрываемой ненавистью смотрела на немца, всем своим видом показывая, что даже слушать его ей противно и делает это она вынужденно. Работа такая. От ее взглядов, от строгого голоса контрразведчика, от нахлынувших вдруг воспоминаний у Рольфа стало так тягостно на душе, что он хотел бы умереть прямо здесь, в этом немецком доме, который занимает штаб «СМЕРШ». И не вспоминать больше о прошлом, и не думать больше о том, что все могло бы сложиться совсем иначе, если бы...

Из Спецсообщения Управления контрразведки «СМЕРШ» 3-го Белорусского фронта от 27 апреля 1945 года № 2/12658

«...Из показаний арестованных видно, что „зондеркоманда“ состояла из 4 отделов: первый отдел вел борьбу с лицами, совершившими уголовные преступления, второй отдел назывался „политическим“ и занимался контрразведывательной деятельностью, одновременно вел следствие по делам арестованных советских граждан. Третий и четвертый отделы также занимались контрразведывательной работой, выявлением и задержанием партизан, советских разведчиков-парашютистов и лиц, имевших связи с ними...

Основной работой этих „зондеркоманд“ в Восточной

Пруссии являлось — подготовка кадров для разведывательно-диверсионных групп, оставляемых немцами в тылу Красной Армии, устройство блиндажей и землянок в лесных массивах для этих групп и снабжение последних взрывчатыми веществами, оружием и боеприпасами...»

— Дитман, я вас спрашиваю! Чем вы занимались в «зондеркоманде»?

— Я попал в оперативную группу гауптштурмфюрера^[78] Борга. Работал переводчиком при тюрьме, был начальником караула по охране арестованных, дежурным по «зондеркоманде» и оперативной группе, конвоировал и водил на работу арестованных, доставлял их к следователю на допрос.

«Как сейчас меня», — промелькнуло в голове немца.

— Принимали ли вы участие в облавах на советских парашютистов?

— Да, принимал. В начале декабря сорок четвертого командование «зондеркоманды» послало нас, всего тридцать человек, в Кольтопские леса Алленштайнского округа. Там советские самолеты сбросили парашютистов. Мы три дня прочесывали лес, но так и не нашли ни одного парашютиста. В другой раз нас послали в конце декабря сорок четвертого в Валькадерские леса. Но и в этот раз мы ни одного парашютиста не обнаружили. Хотя на прочесывании были пять или шесть дней...

— Да?! — капитан, как показалось Дитману, недоверчиво взглянул на него. — Все вы теперь говорите одно и то же: не поймали, не участвовали, не мучили, не убивали... А кто тогда убивал? Они сами, что ли, себя?

Воцарилась гнетущая тишина. Было слышно только, как дребезжат стекла. Это советская бронетехника мощной лавиной двигалась в глубь Земландского полуострова, запруживая все дороги — автобаны с бетонным покрытием, мощенные брусчаткой шоссе, едва заметные проселки и аккуратные прямолинейные просеки.

Рольф Дитман почувствовал усиливающееся чувство тревоги, которое все больше переполняло его, затуманивая рассудок и подавляя волю. «Знают ли они о Могилеве и Борисове?» — стучала кровь в висках. Он посмотрел на свои руки — они дрожали мелкой дрожью.

Капитан как будто прочел мысли Рольфа:

— Расскажите, что было под Могилевом в мае сорок четвертого.

«Знают! Они все знают! — пронеслось в голове немца. — Все пропало! Теперь я — труп!»

— Что было тогда под Могилевом? — повторил свой вопрос советский контрразведчик.

— Под Могилевом... — как эхо, повторил Рольф. — Под Могилевом в конце апреля прошлого года я был прикомандирован к оперативной группе, начальником которой был оберштурмфюрер^[79] Эрнст. Там я работал переводчиком. Переводил документы... Несколько раз меня вызывали на допросы, где я тоже работал как переводчик...

Рольф Дитман хорошо помнил тот день, несмотря на то что потом старался не вспоминать о нем, отгоняя картины кошмара и ужаса. Но они преследовали его по ночам, они врывались в его сознание неожиданно: во время пьяного застолья или кратковременного отдыха на берегу тихой речки, в кругу друзей или в полном одиночестве. Тот день двадцать девятого апреля Рольф запомнил на всю жизнь, потому что это был день окончательного его падения, после чего, он понимал это сам, у него уже не было пути назад.

Была суббота. И Рольф рассчитывал, что после обеда ему наконец удастся отдохнуть от изнурительных допросов. Лица мелькали калейдоскопом — партизаны, схваченные при облавах; подпольщики, выданные провокаторами; советские парашютисты, наткнувшиеся на посты боевого охранения. Мужчины, женщины, дети. Их были сотни. Одни презрительно молчали в ответ на вопросы, задаваемые следователями «зондеркоманды»; другие долго и многословно говорили о себе и своих товарищах, пытаясь спасти себе жизнь; третьи рассказывали всяческие небылицы, пытаясь оттянуть время.

Их почти всегда били. Били зверски и чем попало — резиновыми шлангами, деревянными палками, металлическими прутами... Это называлось «мерами физического воздействия».

Из Справки 2-го отдела 2-го Главного управления МГБ СССР о деятельности «Зондеркоманды 7Б»

«...Следствие в „Зондеркоманде 7Б“ велось самым упрощенным методом, во время допросов применялось физическое воздействие. Судьба арестованного полностью находилась в руках следователя, который в конце следствия давал заключение, где выносил меру наказания. Заключение утверждалось начальником, после чего судьба арестованного была решена. Мерами наказания являлись: расстрел или удушение в „душегубке“, отправление в концентрационные лагеря или на принудительные работы в Германию...»

Прослужив в «зондеркомаиде» уже около года, Дитмаи привык к крикам, виду чужой боли и крови, стараясь встать или сесть в кабинете во время допроса так, чтобы не оказалась испачканной его аккуратно выглаженная униформа. С того момента, как он ее надел, это был предмет его гордости. В ней он чувствовал себя не двадцатилетним парнем с Украины, а мужественным воином. Форма сидела на нем, в общем-то, неплохо и действительно придавала его фигуре особый шик и мужественность.

Правда, однажды во время допроса одного советского агента, выброшенного с парашютом, о котором СД знала практически все от выдавшего его связника, но который тем не менее упорно молчал, Дитман услышал слова, обращенные непосредственно к нему:

— Ты русский?! Ты хорошо говоришь по-русски! Предатель! — Он добавил еще несколько грубых выражений и вдруг неожиданно для Рольфа плюнул ему прямо в лицо.

Дитману потом очень долго казалось, что он не может смыть этот плевок. Он по нескольку раз в день мыл лицо, протирал его одеколоном, а однажды даже не пожалел для этого ста граммов спирта. Русского парашютиста уже давно перестали допрашивать, несмотря на истязания, так и не добившись от него ни слова. А потом Рольф от кого-то узнал, что парашютиста расстреляли, как расстреляли сотни советских разведчиков, попавших в лапы фашистов. С тех пор у него даже вошло в привычку тереть рукой правую щеку, как будто она у него покрыта коростой.

Это уже было в Борисове — небольшом белорусском городке, расположенном на берегу Березины. В тот день после обеда Рольф Дитман уже собирался пойти к оберштурмбаннфюреру Раабе, чтобы получить увольнительную до конца дня. У него явно «наклевывался» неплохой вечер — хорошенькая переводчица Мария, девушка лет двадцати, служившая в «зондеркоманде» еще со Смоленска, согласилась пойти с Рольфом в казино «Белый медведь», расположенное в уцелевшем здании столовой мебельной фабрики. Там по вечерам собирались свободные от службы офицеры многочисленных частей, дислоцированных в Борисове и его окрестностях. Звучала музыка, песни. Можно было потанцевать или поиграть в карты. Кроме того, там иногда показывали кинофильмы. В эту субботу обещали демонстрировать немецкую кинокомедию «Мюльхаузен», и Рольф уже предвкушал веселый и многообещающий вечер.

Но все случилось по-иному. Дитман еще не успел дойти до кабинета начальника, как его окликнул дежурный:

— Дитман, по приказанию господина оберштурмбаннфюрера вы

направляетесь в Могилев — в оперативную группу Эрнста. Там сегодня намечается много работы. Машина уходит через полчаса. Поторапливайтесь!

«Все пропало! Теперь не будет ни брюнетки Марии, ни казино, ни „Мюльхаузена“», — с досадой подумал Рольф.

Через сорок минут он уже трясся в кузове трофейного французского грузовика «берле», который, преодолевая заторы, ехал в сторону Орши по вдрызг разбитой дороге, запруженной войсками, военной техникой и периодически попадающимися навстречу колоннами военнопленных. Вместе с ним в Могилев отправлялись «на усиление» шарфюрер Куфлер, трое резервистов СС, еще один переводчик, Пауль Херциг и один из русских. Последнего все называли Георгием. Ему было около тридцати. Поговаривали, что он в прошлом — лейтенант Красной Армии. Каким ветром его занесло в «зондеркоманду», Рольф не знал.

Да здесь и не было принято расспрашивать друг друга о путях, приведших в стан противника. «Меньше знаешь — целее будешь», — говорили в «зондеркоманде».

Дорога заняла по меньшей мере около восьми часов. Сто тридцать километров до Орши они ехали более-менее сносно, правда, около часа простояли у понтонной переправы через Днепр. Спецпропуска позволяли им двигаться без задержек, но фронт проходил всего в сорока километрах восточнее Орши, и вся местность прифронтовой полосы была забита войсками, тыловыми частями и лазаретами, что, естественно, несколько затрудняло движение.

Под гул дальних разрывов они свернули в сторону Могилева, и вот здесь дорога превратилась в кромешный ад. Их машина двигалась теперь вдоль фронта, и они постоянно попадали в заторы, каждые полчаса звучали команды воздушной тревоги, и всем приходилось вылезать из кузова и прятаться в придорожных канавах, полных талой воды. Пару раз их накрывал пулеметный огонь советских истребителей, которым удавалось преодолеть линию противовоздушной обороны.

Только к восьми вечера грузовик с сотрудниками «зондеркоманды» прибыл к месту назначения. Не доезжая до города, водитель, сверившись с картой, свернул на проселочную дорогу, ведущую прямо в лес. На опушке их встретили двое из полевой жандармерии в мотоплащах, с нагрудными бляхами и автоматами МР-40.

Шарфюрер Куфлер открыл дверку кабины, предъявил жандармам предписание, и они двинулись дальше. Наступали сумерки, но дорога, петляющая между деревьев, была еще видна. Нестихающий дальний грохот

канонады и яркие всполохи света на темном небе говорили о том, что фронт где-то совсем рядом. «Какого черта нас привезли в этот лес, да еще на ночь глядя?» — подумал Дитман. Но скоро все стало понятным.

На большой поляне несколько полицейских при тусклом свете фар с маскировочными щелями копали глубокую яму. Рядом стояли два офицера в шинелях. Приглядевшись, Рольф узнал их: это были сотрудники могилевской оперативной группы, с которыми он не раз встречался во время прочесывания местности в поисках парашютистов и партизан. Шарфюрер Куфлер о чем-то поговорил с одним из них и, обращаясь к приехавшим, приказал:

— Берите лопаты и помогите быстро закончить с этим. — Он небрежно кивнул в сторону ямы.

Яма была размером метра три на четыре. Шестеро полицейских уже стояли в ней по пояс и, быстро взмахивая лопатами, выбирали грунт. На поверхности образовалось уже две большие кучи.

Земля была мягкая и легко поддавалась лопате. Только корни деревьев, торчащие по краям ямы, иногда мешали работе. Так как стало уже совсем темно и блеклого света автомобильных фар явно не хватало, на краю ямы поставили два аккумуляторных фонаря, освещающих яму и тех, кто работал в ней.

За каких-нибудь полтора часа работа была закончена, и все отправились на двух грузовиках в Могилев. Рольф Дитман уже все понял: завтра эти ямы заполнятся человеческими телами и, скорее всего, ему придется принять в этом участие.

Из протокола допроса Эмиля Зоммера от 29 мая 1945 года

«...В конце апреля или начале мая 1944 года в 5 километрах от города Могилев в лесу около шоссе Могилев — Орша по приказанию начальника ЭРНСТ Рихарда мной вместе с полицейскими были выкопаны две ямы размером 3 на 4 метра и около 2 метров глубиной, которые, как мне было известно от начальника ЭРНСТ, были предназначены для советских граждан, которые должны были быть умерщвлены путем „душегубки“.

На другой день я дважды из тюрьмы в этот лес сопровождал душегубку, куда были посажены по 35–40 человек. Таким образом, в этот день душегубкой было уничтожено около 80 человек. Кроме того, что я сопровождал из тюрьмы до леса душегубку с советскими гражданами, я принимал участие в закапывании трупов.

Кроме меня, в закапывании трупов принимали участие выше мною упомянутые полицейские: ГОЛОВИН, КРИВЧЕНКОВ, ПОЗДНЯКОВ, переводчики ХЕРЦИГ и ДИТМАН и еще несколько человек, имен которых я не знаю».

Так Рольф Дитман стал соучастником одной из десятков тысяч акций фашистов по уничтожению людей на оккупированной советской территории. Конечно, он и раньше знал о том, что «зондеркоманда» проводит не только контрразведывательную и разведывательную работу, но и осуществляет настоящие карательные экспедиции, проводит казни и массовые расстрелы. Но до сих пор ему не приходилось принимать непосредственное участие в подобных акциях, и он уже подумывал, что судьба благосклонно позволит ему оказаться в стороне от «грязной» работы. Но, увы! Ему не удалось сохранить роль не запятнанного преступлениями переводчика!

Дитман, словно во сне, наблюдал за тем, как из открытых задних дверей «заурера» длинными крюками двое полицаев и водитель вываливали на землю клубок тел, замерших в самых неестественных позах, истерзанных, в изодранной одежде, с гримасами ужаса и боли на лицах. Среди них было много женщин.

Поддевая крюком очередную жертву, водитель «заурера» сбросил на землю два каких-то маленьких скрюченных тела. «Карлики, что ли? — подумал Рольф и тут же понял: — Нет, не карлики — дети!» Это были трупы мальчика и девочки. Обоим было не больше десяти. В отличие от взрослых, их позы были более спокойными. Мальчик как будто заснул, вытянув руки вдоль тела, а девочка почему-то сцепила пальцы обеих рук, да так, видимо, и настигла ее смерть.

Трудно сказать, почему, но Рольф сам неожиданно для себя подошел к лежащим на земле телам детей. Какая-то непреодолимая сила заставила его сделать это. Мальчик лежал лицом вниз, а девочка — на боку, странно подогнув под себя ноги. У нее была длинная шелковистая коса. Лица ее не было видно — его закрывала длинная челка светлых волос, и казалось, что девочка жива. Просто прилегла, несмотря на еще холодное апрельское утро, на покрытую прошлогодней травой землю. Хотя должна знать, что лежать на сырой земле нельзя, потому что можно заболеть.

Порыв ветра отбросил волосы с лица девочки, и Рольф увидел ее широко открытые остекленевшие глаза. Они смотрели прямо на него. От ужаса немец вскрикнул так, что в его сторону повернули голову стоящие рядом солдаты и офицеры.

— Ты чего, Рольф? Дохлятины не видел? — спросил насмешливо переводчик Херциг.

Все заготовали.

— Он подбирает себе парочку для развлечений, — с какой-то злобой сказал Георгий, приехавший с Рольфом из Борисова.

А Рольф не мог даже пошевелиться. Устремленный на него взгляд мертвой девочки как будто гипнотизировал его. Будто ее глаза говорили: «Что же вы наделали? Зачем меня убили? Я хочу жить!»

— Ну, хватит! А то мы здесь сами задохнемся и ляжем в яму вместе с этими трупами! — пресекая болтовню, проговорил шарфюрер Куфлер.

Действительно, из открытых дверей «газвагена» еще тянулся сизый дымок с едким запахом. Хотя машину «проветрили» после того, как в нее было прекращено поступление газа и все находившиеся там люди погибли от удушья, чувствовался еще очень сильный запах.

— Говорил вам не раз, — продолжал шарфюрер, — нельзя давать сразу полный газ. Они же подышают от удушья, а должны тихо-мирно засыпать. Понятно? А теперь вот возитесь с дерьмом!

Здоровый верзила из резервистов СС, недавно прибывший в «зондеркоманду» после излечения в госпитале, подцепил хрупкое тельце мертвой девочки длинным крюком и сбросил в яму, уже наполовину наполненную трупами.

— Дитман, не прохлаждайся! А то мы не управимся до обеда. — Шарфюрер протянул ему железный крюк, похожий на длинную кочергу, заостренную и загнутую на конце.

До обеда они успели все закончить. Машина съездила в Могилев и привезла еще одну партию удушенных газом. Там тоже были женщины и дети. Но Рольф уже отошел от кошмарных видений и теперь безразлично, так же, как и все, орудовал крюком, а потом засыпал лопатой наполненные трупами ямы.

После того дня в жизни переводчика «Зондеркоманды 7Б» Рольфа Дитмана было много подобных вещей — несчетное число акций по захоронению удушенных газом, участие в расстрелах и облавах на партизан и советских парашютистов, когда их травили собаками и насмерть забивали прикладами и коваными сапогами. Сам Рольф в отличие от некоторых сотрудников «зондеркоманды» не испытывал никакого удовольствия от участия в этих акциях. Более того, если удавалось, он всячески пытался отлынить от них, предпочитая сидеть в комнате над переводом какого-нибудь документа или, на худой конец, выступать в роли переводчика на допросах советских партизан, подпольщиков, диверсантов и других

«антигерманских элементов».

Из Справки 2-го Главного управления МГБ СССР о деятельности «Зондеркоманды 7Б». Сентябрь 1947 года

«...Для уничтожения советских граждан „Зондеркоманда 7Б“ имела в своем распоряжении специально оборудованную автомашину, так называемую „душегубку“ („газваген“).

Только на 20 августа 1941 года общее число уничтоженных „Зондеркомандой 7Б“ советских граждан составило 886 человек...

Следствие в „Зондеркоманде 7Б“ велось самым упрощенным методом, во время допросов применялось физическое воздействие, судьба арестованного полностью находилась в руках следователя, который в конце следствия давал заключение, где выносил меру наказания, заключение утверждалось начальником, после чего судьба арестованного была решена. Мерами наказания являлись: расстрел или удушение газами в „душегубке“, отправление в концентрационные лагеря или на принудительные работы в Германию...»

Но даже по прошествии месяцев Рольф Дитман не мог забыть того страшного апрельского утра в лесу под Могилевом, когда увидел устремленный на него взгляд мертвой девочки, задушенной выхлопными газами. Уже потом он понял, что она, эта девочка, очень напоминала его сестренку Аниту, которая осталась в той, другой, не запятнанной еще кровью жизни.

«Наверное, я никогда теперь их не увижу», — с горечью думал Рольф.

На допросе в отделе «СМЕРШ» Рольф Дитман вынужден был рассказать о том, что знает об акции по захоронению трупов восьмидесяти советских граждан, уничтоженных в «душегубке», что слышал об этом от сотрудников оперативной группы, но сам участия в ней не принимал. Ему очень хотелось надеяться, что русские не узнают не только об этом, но и о многих других постыдных в его предательской жизни поступках. Но где-то рядом допрашивали Пауля Херцига, и Рольф мог только рассчитывать на то, что тот его не выдаст. Конечно, он еще не знал, что советская контрразведка, используя опознавательную агентуру, выявила и арестовала многих сотрудников «зондеркоманды», которые могли пролить свет на то, что делал все эти месяцы переводчик Рольф Дитман.

В руках у «СМЕРШ» оказались: гауптшарфюрер^[80] Фриц Гаупнер, оперативный работник третьего отдела; переводчики Иван Панневитц и Герберт Рейнгардт; шарфюрер Эмиль Зоннберг, писарь Эберт Штром, эсэсовец с довоенным стажем; десятки изменников и пособников оккупантов из числа бывших советских граждан.

— Ну что ж, Дитман, на сегодня хватит, — проговорил в конце допроса капитан Исаев. Девушка-машинистка, поворачивая валик каретки, вытащила листы с копиркой, просмотрела их и передала капитану. Тот в течение десяти минут вчитывался в протокол, потом протянул эти несколько листов Дитману.

— Распишитесь!

Протокол заканчивался фразой: «Показания с моих слов записаны правильно, мне прочтены, в чем и расписываюсь». Дитман не стал читать текст, а сразу поставил свою подпись.

Капитан, приоткрыв дверь, кликнул конвоира:

— Морозов! Отведи гада!

Глава 4

Тайники «Вервольфа»

— Именно в эти дни, начиная с двадцать четвертого декабря вплоть до самого Дня Трех Святых королей, шестого января, в темноте ночи ходят по Видминнену^[81] удивительные существа — медведь, аист и козел. А вместе с ними — музыканты. Они заходят в дома самых богатых жителей и начинают представление: медведь танцует, аист щелкает клювом и клюет молодых девушек за ноги, козел бодает рогами ленивых юношей, а музыканты в это время играют на губных гармониках и на скрипках. Такой шум! От них можно отделаться только бутылочкой крюшона, большим ломтем пирога да куском жареного мяса. А могут еще и деньги потребовать! Вот такой у нас здесь обычай, в Видминнене. Уже много-много лет, а может, и веков.

Старик перестал рассказывать, прислушиваясь к приближающемуся гулу самолетов.

— Вот, обещали, что ни один русский самолет не появится над Германией. А теперь каждый день... Да что там — каждый день! В день по несколько раз!

— Ладно, старик, не ной. И без тебя тошно.

На кирпичных стенах в полумраке угадывались очертания различных предметов сельского быта — колеса от телеги, хомуты, какие-то деревянные лопатки, вилы, конская сбруя. Посреди зала стояла громадная деревянная колода с воткнутым в нее топором, рядом на стене висела двуручная пила.

В небольшом зале гостиницы «Альтер хегер» за деревянным столом сидели только что освободившиеся от дежурства сотрудники «зондеркоманды» и вели непринужденный разговор. Старик, владелец гостиницы, рассказывал им всякие истории и ворчал по поводу того, что в его размеренную жизнь вдруг ворвалась война, как будто сидящие за столом в первую очередь были повинны в этом.

— Говорят, русские уже перешли границу Пруссии. А правда, что фронт скоро подступит к нам?

— Старик, не слушай никого! — резко сказал изрядно выпивший офицер в зимней меховой парке. — «Иванов» очень скоро остановят, и именно здесь, у нас, в Восточной Пруссии! Ты же, наверное, слышал об

указе фюрера от восемнадцатого октября. По всему рейху создается народное ополчение — фольксштурм. Все мужчины от шестнадцати до шестидесяти лет, способные носить оружие, встанут на защиту отечества. Мы победим, несмотря ни на что! Так сказал фюрер. Налей-ка еще вина!

— Господин оберштурмфюрер, вам, наверное, не следует... — попытался его остановить небритый человек в темном пальто, из-под воротника которого небрежно торчал грязносерый шарф.

— Отстань, — ответил пьяный офицер, поднимаясь из-за стола. — На все плевать! Пле-вать! Слышите!

Упал, опрокинувшись, стул, на который пытался было он опереться. Штатский в пальто предпринял попытку поддержать оберштурмбаннфюрера.

— Не надо! — резко сказал тот и неровными шагами направился к двери.

Не успел он дойти до двери нескольких шагов, как она открылась и на пороге появилась фигура фельдфебеля Зоммера в стеганом утепленном костюме, в которых обычно ходят парашютисты, забрасываемые в зону боевых действий. За спиной у него на ремне висел пистолет-пулемет МП-38 с укороченным стволом, обычно называемый «шмайссером».

— Господин оберштурмфюрер, вас просят к телефону, — проговорил вошедший.

— Черт! Иду! — недовольно проговорил Поссельман, тридцатипятилетний блондин «арийского типа», заместитель командира «Зондеркоманды 7Б», вступивший в эту должность после июльских событий 1944 года^[82], вслед за тем, как его предшественника неожиданно увезли сотрудники гестапо, прибывшие из Берлина в польский город Августов, где тогда дислоцировалась «зондеркоманда». Тяжело покачиваясь, он вышел из зала, сильно хлопнув входной дверью.

— Наверное, наш Гансик пошел за новым заданием, — с нескрываемой издевкой проговорил человек в штатском. — А обратите внимание, какой у него неподвижный взгляд. Это верный признак непреклонной решимости и воли к победе!

Все надолго замолчали. Было слышно, как на улице воет ветер, как хлопает о стену дома сорванная с петель половинка решетчатой ставни с изображением охотничьего рожка посередине. Все потихоньку потягивали темное красное вино из высоких стаканов. Говорить ни о чем не хотелось, и, казалось, компания пребывала в состоянии вялого и безразличного ожидания.

Через полчаса тихое застолье нарушил все тот же фельдфебель

Зоммер.

— Камрады, оберштурмфюрера вызвали «на озеро».

Все удивленно посмотрели на фельдфебеля. «Озером» осведомленные сотрудники «зондеркоманды» называли штаб-квартиру фюрера «Вольфшанце»^[83], которая находилась в каких-нибудь тридцати километрах от Видминнена. Станным было то, что Поссельмана вызывали не на командный пункт Гиммлера, расположенный совсем рядом, под местечком Гроссгартен^[84], а именно в ставку фюрера. Слух о том, что Гитлер отбыл оттуда в Берлин в связи с приближением линии фронта к границам Восточной Пруссии уже циркулировал несколько дней. Но тогда зачем вообще туда ехать? Ведь вместе с фюрером из «Волчьего логова» неизбежно должны были уехать и другие службы. Во всяком случае, не было никаких видимых причин для подобного вызова руководства «зондеркоманды».

Все объяснилось поздно вечером, когда оберштурмфюрер вернулся и оперативный состав «зондеркоманды» был срочно собран в старой кирхе. Это было очень странное зрелище: полумрак, мерцание свечей, блики на цветных витражных стеклышках, три десятка фигур в теплой зимней униформе, сидящих на скамьях для прихожан, голос эсэсовца, гулким эхом пропадающий где-то под сводами храма. Никого, кроме «своих», в кирхе видно не было. По всей вероятности, всех служителей церкви попросили уйти. У входных дверей в кирху и за алтарем угадывались в темноте силуэты солдат в касках — боевое охранение «зондеркоманды», неременное условие обеспечения безопасности и секретности любого из проводимых мероприятий.

У алтаря, перед высоким деревянным распятием, на том месте, где обычно священник читает свои проповеди, стояли начальник «зондеркоманды» оберштурмбаннфюрер Готцель и его заместитель Поссельман. У обоих в руках были папки с документами.

— Прошу внимания всех сотрудников «зондеркоманды», — проговорил начальник. — Мы получили новый боевой приказ, подписанный начальником «Оперативной группы Б» оберфюрером^[85] Бёме. Оберштурмфюрер Поссельман только что прибыл из ставки. Он зачитает вам приказ и даст некоторые пояснения.

— «Всем „зондеркомандам“ „Оперативной группы Б“, — начал зачитывать приказ Поссельманн. — Для выполнения особых заданий в тылу вражеского фронта вводится в действие организация „Вервольф“. Сокращенно — Организация „W“. Руководство ее деятельностью

возлагается на генерал-инспектора по вопросам специальной обороны обергруппенфюрера^[86] СС Прютцманна. Боевое использование этой организации осуществляется мелкими группами („W-группами“) только на немецкой территории...»

Голос Поссельмана звучал монотонно. Рубленые фразы приказа, звучащие одна за другой, смешивались под сводами готического храма в сплошной гул.

Рольф Дитман, сидящий в третьем ряду, слушал слова приказа, но мысленно был далеко отсюда — от этой кирхи в глубине восточнопрусских лесов, от сидящих рядом «товарищей по волчьей стае», как он мысленно называл других сотрудников «зондеркоманды», от бушующей за окном церкви метели. Путь предательства и преступлений, ставший для него таким привычным, приводил его теперь к логическому концу. Красная Армия вступила на территорию Германии, бои шли под Варшавой и Будапештом. Болгария и Румыния уже полностью были очищены от немецко-фашистских войск, а союзники вышли к границам рейха с запада. Правда, доходили восторженные сообщения о победоносном наступления вермахта в Арденнах, но у Рольфа не оставалось никаких иллюзий относительно того, что это, наверное, последние обнадеживающие вести в этой войне. Конец был неминуем, крах — очевиден, расплата — неотвратима.

«Зачем тогда эти бессмысленные потуги? — думал Рольф. — Должно быть, всем понятно, что война проиграна и никакие „вервольфы“ не спасут положения. Скорее всего, это только озлобит русских. Возмездие будет страшным!»

— ...начальникам отделений по личному составу, техники и снабжения к восьми утра представить предложения по формированию групп, а начальнику оперативного отделения — предложения по их агентурному обеспечению, — закончил инструктаж оберштурмфюрер Поссельман.

— Камрады! — в заключение сбора обратился к сотрудникам оберштурмбаннфюрер Готцель. — Фюрер призывает нас напирать последние силы. Еще немного, и азиатские орды будут остановлены, как в древние времена Тевтонский орден остановил нашествие монголов и спас европейскую...

Совершенно неожиданно для всех Готцель оборвал свою речь на полуслове и уставился немигающим взглядом куда-то поверх голов сидящих в зале. Хотя в церкви было темно и лишь отблеск пламени свечей падал на его лицо, все увидели — оберштурмбаннфюрер как-то странно

рассматривает свисающий с высокого сводчатого потолка светильник. Многие с недоумением повернули головы в том направлении, куда смотрел их начальник.

«Наверное, спятил», — мелькнула мысль в голове у Рольфа. Лицо Готцеля, еще мгновение назад казавшееся недоуменно-сосредоточенным, вдруг исказила радостная гримаса. Вытянув вперед руку, указывая на светильник, он громко прокричал:

— Это Провидение! Камрады, мы собрались в этом старинном лютеранском храме не случайно! Посмотрите на обод светильника! Вы видите! Вы видите!

Рольф присмотрелся: в полумраке на блестящем металлическом ободе старого кованого светильника отчетливо виднелись... знаки свастики!

— Это великий знак Тора — бога тевтонов! Это символ воздуха, грома и молнии! Это — символ удачи! Камрады! Этой церкви больше трехсот лет, и сегодня великий символ свастики благословляет нас на священное дело защиты Тысячелетнего рейха! Зиг хайль!

Все повскакивали со своих мест, громяхая сапогами, задевая амуницией за деревянные спинки скамей.

— Хайль! — раздался нестройный хор голосов.

Кто-то поднял руку в нацистском приветствии, кто-то сразу плюхнулся на свое место, кто-то один — похоже, это был тот самый штатский, с небритым лицом и в темном пальто — продолжал сидеть не шелохнувшись.

«Чертовщина какая-то! — подумал Рольф Дитман. — Русские в сорока километрах отсюда, а этот умалишенный фанатик твердит о каком-то тевтонском боге! Бред!»

Словно подтверждая справедливость этих мыслей, раздались дребезжание витражных стекол и отзвук дальних взрывов. «Похоже, русские самолеты совершают свой очередной бомбовый налет где-то неподалеку, может быть, в Лике или Лётцене^[87]», — решил Рольф.

Совещание закончилось, но расходились все неохотно. На улице был мороз. Как только открылась дверь кирхи, в лицо ударили ледяной ветер и острые иголки летящего снега. Декабрь в этом году в Восточной Пруссии выдался холодным.

Оперативный состав «зондеркоманды» расходился по своим подразделениям. Задачи были поставлены, срок их выполнения назначен. Для этого впереди была целая ночь.

Дорога до Ангербурга^[88], а затем и до самого Гольдапа^[89] была вполне

приличной. Три армейских грузовика с брезентовым верхом в сопровождении боевого охранения в составе четырех мотоциклов с пулеметами добрались без приключений до места назначения. Несмотря на то что дорога проходила в полосе обороны, особого сосредоточения войск не наблюдалось. Пару раз их останавливал патруль полевой жандармерии, для того чтобы проверить документы. И каждый раз жандармы вытягивались перед Поссельманом, убедившись, что перед ними руководитель одной из спецгрупп СС.

Перед выездом оберштурмфюрер сообщил, что они будут оборудовать скрытое подземное сооружение для одной из диверсионных групп «Вервольфа» в районе лесничества, расположенного в громадном лесном массиве неподалеку от Роминтена^[90].

Они долго петляли по лесным дорогам, засыпанным снегом. Несколько раз один из грузовиков застревал в глубоких сугробах, и им приходилось вытаскивать его с помощью лебедки, установленной на другой автомашине. Это был самый тяжелый грузовик в колонне. В нем везли ящики с оружием, боеприпасами и продовольствием, несколько бочек с горючим, множество разных мешков, шанцевый инструмент и различное снаряжение.

Наконец спецгруппа «Зондеркоманды 7Б» прибыла на место. Среди громадных вековых деревьев в самом глухом уголке Роминтенской пустоши царило оживление — солдаты привлеченного строительного подразделения вермахта вели интенсивные земляные работы. Под охраной взвода СС в ямах копошились десятки людей в грязных робах. Как поняли вновь прибывшие, это были заключенные из какого-то концентрационного лагеря, расположенного в Восточной Пруссии.

— Зоннберг, Гаупнер и Дитман, вы отвечаете за оборудование бункера номер три. Вся документация на строительство и оснащение у меня. Вот. Вы, Дитман, будете старшим. — Оберштурмфюрер протянул ему одну из папок, которые только что перед этим достал из портфеля.

Рольф развязал тесемки — внутри лежал наспех сделанный инженерный чертеж «углубленного сооружения № 4», схема электрооборудования, гидроизоляции, вентиляции и дренажных устройств, перечни имущества, которое следовало разместить в бункере.

Строители уже почти завершали заливку бетона в опалубку, уходящую куда-то глубоко под землю. Снег вокруг был вытоптан, рядом работали бетономешалка и насос для закачки раствора. Обер-лейтенант, руководивший строительными работами, поприветствовал Дитмана и его коллег легким прикосновением руки к каске, окрашенной в белый цвет.

— Господа, мы завершим строительные работы завтра к вечеру. Потом нам нужна пара дней для отделочников и электриков. Но уже сейчас вы можете осмотреть бункер и высказать свои пожелания...

— Обер-лейтенант, делайте свое дело так, как предусмотрено проектом. Мы вряд ли сможем быть полезны вам в ваших профессиональных вопросах. Но бункер давайте посмотрим, — проговорил Рольф.

— Прошу, — офицер сделал приглашающий жест и улыбнулся. — Добро пожаловать в наш «кёнигсбергский У-банн^[91]»!

Они подошли к круглому отверстию, вертикально уходящему в глубь земли. Края его были аккуратно обложены досками. Бетонные круги, из которого был сложен спуск в бункер, создавали впечатление, что перед ними глубокий колодец. Вниз уходили толстые металлические скобы, вмурованные в бетон. Офицер первым подошел к краю, придерживаясь за край, стал осторожно спускаться вниз. Из глубины раздался его голос:

— Осторожно! Держитесь крепче и не стукнитесь головой! Здесь довольно тесно!

Вслед за обер-лейтенантом в колодец спустились сотрудники «зондеркоманды». Достигнув «дна», они с удивлением для себя обнаружили, что находятся в довольно большом помещении. На железном крюке висела шахтерская газовая лампа, бледный свет которой освещал бункер. От стен пахло сырым бетоном и веяло могильным холодом.

«Да это не метро, а склеп! — подумал, поживаясь, Рольф Дитман. — Неужели кому-то доведется сидеть здесь многие месяцы?!»

— Помимо этого, самого большого помещения, в «сооружении № 4» будет еще шесть — три комнаты для отдыха личного состава, по пять человек в каждой, дизельная, санузел и кухня. Наш бункер здесь самый большой. — В голосе обер-лейтенанта сквозили нотки гордости за профессионально сделанную работу.

— Вы, наверное, строитель? — спросил Рольф.

— Я работал инженером в строительной фирме «Рунау унд Лебрехт» в Кёнигсберге. Мы строили подземные гидротехнические сооружения...

— Понятно. А сколько человек работают в этом бункере?

— Семь солдат из саперного батальона шестьдесят девятой пехотной дивизии, двадцать шесть пленных из лагеря и отделение охраны.

При упоминании о пленных у Рольфа Дитмана возникло нарастающее чувство тревоги. Из своего опыта он уже знал, что привлечение пленных и заключенных из концлагеря к каким-либо секретным работам всегда заканчивалось только одним — их ликвидацией, а проще говоря,

убийством. Но тревога Рольфа проистекала не из-за угрызений совести или других переживаний морального свойства. После случая под Могилевом, когда он первый раз принимал участие в захоронении трупов, Дитмана неотступно преследовал страх. Страх расплаты. От этого липкого чувства он терял присутствие духа, погружался в глубокие раздумья или предавался тревожным мечтам о том, каким образом ему удастся избежать неминуемого возмездия.

Вот и сейчас, наблюдая за движением серых, безликих фигур, он испытывал чувство страха, как будто бы угроза исходила непосредственно от них. Двое пленных, выбиваясь из сил, волочили по полу тяжелый металлический предмет. Он цеплялся углами за шершавые стены, оставляя полосы на еще не до конца высохшем бетоне.

— Эй, вы! Осторожнее! — громко крикнул обер-лейтенант. — Охрана, смотрите за ними! А то они разнесут весь объект еще до того, как мы его успеем сдать.

Стоящий рядом охранник подскочил к пленным и с размаху ударил одного из них прикладом карабина. Удар пришелся по голове. Пленный ойкнул и медленно стал оседать на пол. Это еще больше вывело охранника из себя. Он стал с остервенением бить пленного кованными сапогами, злобно рыча и брызжа слюной.

— Свинья! Свинья! Я научу тебя работать! — орал охранник.

В его крике, похожем на лай разъяренной овчарки, ощущалась не только ненависть к представителям «низшей расы», которым уготована лишь одна участь — умереть послушными рабами, но и ужас перед неминуемо надвигающимся концом войны, уже вступившей на немецкую землю. Пленный пытался закрываться руками, но, обессилев, распластался на полу, никак не реагируя на удары. А охранник все бил и бил его, методично нанося удары, пока изо рта у пленного не потекла тонкой струйкой кровь и тело его не стало дергаться в едва заметных конвульсиях.

— Прекратите, ефрейтор! — прокричал обер-лейтенант. — Вы забьете его насмерть!

Охранник как-то нехотя повернулся на крик. И в это время совершенно неожиданно для всех второй пленный, до сих пор молча наблюдавший, как охранник избивает его товарища, вдруг сделал резкий прыжок в сторону охранника и вцепился обеими руками в шею. От неожиданности охранник выронил карабин, стал размахивать руками, чтобы освободиться от цепких объятий. Но этого сделать ему не удавалось — руки русского мертвой хваткой обхватили горло ефрейтора. Он захрипел задыхаясь.

Четверо немцев в оцепенении смотрели на то, что происходит. И

только тогда, когда раздался сдавленный хрип охранника, Рольф вышел из оцепенения. Рука его медленно потянулась к кобуре. Но его опередил шарфюрер Гаупнер. Он выхватил свой «зауэр» и, нацелив его прямо в голову пленного, хладнокровно выстрелил три раза. В глухом подвальном помещении выстрелы прозвучали так громко, что зазвенели, завибрировали барабанные перепонки. Пленный рухнул, обливаясь кровью. Брызги ее попали и на охранника, освободившегося от цепких рук русского. Продолжая хрипеть, он держался обеими руками за шею. В его глазах, несколько мгновений до того злобных и яростных, стоял ужас. Он все еще не мог прийти в себя.

Теперь на полу распласталось две фигуры — труп пленного, застреленного Гаупнером, и подергивающееся тело человека, избитого охранником. Шарфюрер также хладнокровно, как это он сделал первый раз, методично выпустил еще три пули, теперь уже в голову второго русского. Тот дернулся и застыл. В подземелье воцарилась тишина. Только с улицы доносились встревоженные голоса охраны.

Через минуту в бункер спустились несколько эсэсовцев и оберштурмфюрер Поссельман.

— Что здесь произошло, Дитман? — оглядывая трупы убитых и все еще стонущего охранника, с угрозой в голосе спросил начальник спецгруппы.

— Я пристрелил этих свиней, — медленно проговорил Гаупнер. — Но стоило бы еще шлепнуть и этого. — Гаупнер кивнул в сторону охранника. — Еще бы немного, и русский уложил бы здесь нас всех!

— Уберите трупы, — небрежно бросил командиру взвода эсэсовской охраны Поссельман. — И этого тоже уберите отсюда. Подальше. И наведите порядок! У нас слишком мало времени. «Иваны» могут перейти в наступление в любой момент. Если мы не закончим строительства и оборудования объекта... — Он безнадежно махнул рукой. — Продолжайте работу!

Через шесть дней все пять бункеров неподалеку от лесничества в районе Роминтенской пустоши были закончены. Поссельман в сопровождении трех сотрудников «зондеркоманды» и одного штатского, прибывшего в последний день из Кёнигсберга, осмотрел все сооружения, соединенные между собой узким поземным коридором. Они дотошно приняли каждое помещение, проверили буквально каждый агрегат, будь то вентиляционная установка или система канализации. Сверяясь с описями и перечнями, они поштучно просчитали все виды снаряжения, коробки и ящики с продовольствием, канистры с горючим. Особенно внимательно

были проверены оружие и боеприпасы. Все — от дизеля до радиостанции — находилось в рабочем состоянии.

Подземные помещения отделялись друг от друга массивными металлическими дверями, а выходы наружу закрывались мощными люками, имеющими гидравлические приводы. Сверху весь объект был искусно замаскирован — в специально вырытые в земле ямки посажены деревья и кусты. Предполагалось, что с наступлением теплых весенних дней растения пустят корни и зацветут на новом месте, как ни в чем не бывало. Превосходная маскировка — залог безопасности.

— В этой берлоге можно переспать не одну зиму, — неуклюже пошутил Поссельман. — Если русские сунутся в лесничество, то вряд ли обнаружат наш объект. Если только никто не наведет их на это место.

Оберштурмфюрер пристально посмотрел на окружавших его офицеров и сотрудников «зондеркоманды». Казалось, его глаза буравили каждого, пытаясь проникнуть в самые сокровенные уголки души и обнаружить там хотя бы признак возможного предательства.

— Обершарфюрер, — обратился он к командиру взвода охраны СС, — вы отвечаете головой за то, чтобы ни один из рабочих не смог сообщить противнику никаких сведений о подземных сооружениях.

— Господин оберштурмфюрер, все вопросы согласованы с Кёнигсбергом. Вы можете не беспокоиться — уже сегодня будет проведена ликвидация. Мы отвезем...

— Не надо подробностей... — Поссельман поморщился. — Это ваше дело, как вы обеспечиваете секретность и безопасность объектов, имеющих исключительную важность для рейха.

К вечеру в районе лесничества остались только прибывшие из Видминнена сотрудники «Зондеркоманды 7Б» и штатский из Кёнигсберга. Военнопленных увезли еще ночью под усиленной охраной, саперный батальон снялся под утро. Молодой обер-лейтенант-строитель напоследок пожал Рольфу Дитману руку и пожелал удачи.

Оставив наверху двух часовых, оберштурмфюрер Поссельман приказал всем спуститься вниз. По очереди пропадая в открытом люке колодца, все очень скоро оказались в том самом помещении, где в первый день произошло чрезвычайное происшествие. Они построились в две шеренги — двадцать пять человек в зимних эсэсовских костюмах на меховой подкладке, с капюшонами.

— Камрады, приказ оберфюрера Бёме нами выполнен. Объект полностью оборудован и оснащен всем необходимым. Теперь можно с чистой совестью сказать: «„Оборотни“ готовы к атаке!» — произнес свою

тираду Поссельман. Затем добавил: — Для действий в тылу противника здесь остаются: Гаупнер, Зоннберг, Фаруга, Панкратц...

Поссельман назвал десять фамилий сотрудников «зондеркоманды». В их число, к своему облегчению, Рольф Дитман не попал. Все они сделали шаг вперед и теперь стояли, повернувшись лицом к строю.

— Вашей диверсионно-разведывательной группе присваивается условное наименование «Вальдтойфель»^[92]. Вашим командиром и начальником назначен Лесник. — Поссельман повернулся к рядом стоящему человеку в теплом зимнем костюме егеря. Тот сделал едва заметное движение вперед.

— Он не раз бывал в тылу у русских и будет для вас надежным старшим товарищем, — продолжал Поссельман. — Он поставит перед вами боевые задачи, даст пароли и псевдонимы. Связь с «зондеркомандой» в Видминнене и «Оперативной группой» в Кёнигсберге будете поддерживать по радио. Теперь всем бойцам спецгруппы полчаса для того, чтобы переодеться в гражданскую одежду и сдать документы. Разойдись!

Обращаясь к оставшимся, Поссельман сказал:

— Через час мы убываем в Видминнен. Дитман и Кунц, организуйте прием обмундирования и документов. Петке, передайте шифровку о том, что мы выдвигаемся в Видминнен.

Из протокола допроса Пауля Херцига от 13 апреля 1945 года

«...Построили мы 5 или 6 бункеров, оборудовали их для жилья и как склады, загрузили их продовольствием и боеприпасами. Затем тщательно их замаскировали... закончив работу, уехали, а сама группа „Вервольф“ осталась там...»

Из протокола допроса Рольфа Дитмана от 13 апреля 1945 года

«...Будучи там на работе, я о диверсионной группе и устройстве блиндажей узнал следующее: в... лесу имеется два дома лесника, возле этих домов небольшое озеро, от этих домов на юго-запад идет дорога, пройдя по этой дороге 5 км, будет развилка налево, по которой нужно идти еще один километр, и с левой стороны от этой дороги расположены блиндажи с подземными ходами сообщения, но эти землянки устроены под землей, сверху никаких признаков не видно, что там имеются какие-то блиндажи. Блиндаж сверху имеет дверцу. Судя по толщине этой двери, которая толщиной примерно один метр,

можно полагать, что верхняя стенка блиндажа толщиной не менее одного метра или даже полтора.

В этих блиндажах они имеют запас продуктов примерно на один год, а также взрывчатые вещества, две радиостанции и т. д.».

Вечером в зале видминненской гостиницы «Альтер хегер» за массивным деревянным столом сидела та же компания, что и неделю назад: оберштурмфюрер Поссельман, четверо сотрудников «зондеркоманды», среди них Рольф Дитман, а также человек в темном пальто, из-под воротника которого торчал грязно-серый шарф.

Услужливый старик, владелец гостиницы, время от времени исчезал за высокой стойкой, увешанной конской сбруей, а затем появлялся с очередной порцией бутылок из последних запасов. Все страшно продрогли после долгой дороги по заснеженному лесу и теперь с наслаждением потягивали ликер со странным названием «казацкий кофе»^[93].

— Господин оберштурмфюрер, этот ликер лучше всякого вина или водки. Очень старый и добрый напиток. По преданию, первый раз он был изготовлен одним виноделом в маленькой деревушке в Йоханнесбургской пустоши к югу отсюда. С тех пор его у нас очень любят. Да, по-моему, и в рейхе тоже.

— А по мне, лучше «беренфанга»^[94] нет, — растягивая слова, произнес Поссельман. Было видно, что он уже изрядно захмелел.

— К сожалению, господин оберштурмфюрер, у нас не осталось ни бутылочки...

— Ладно, ладно, — недовольно прервал его Поссельман, — наливай эту мутную бурду. Любимый напиток казаков. Вот скоро они будут здесь. Ты будешь поить их, а они будут плясать впрысядку и кричать: «Давай, давай!»

Последние слова он произнес по-русски, подняв вверх и вращая над головой руку, как будто размахивал невидимой шашкой. Наверное, в этот момент Поссельман представлял себе разгулявшихся казаков.

— Господин оберштурмфюрер, — прервал его человек в штатском, ни имени, ни фамилии которого никто не называл, — вам не надо столько пить. Вызовет оберштурмбаннфюрер Готцель...

— А мне плевать на вашего Готцеля! Мне вообще плевать на всех! Готцель! Подумаешь! Идите вы все...

За столом воцарилась тишина. Поссельман, тяжело дыша, поднял стакан и резко опрокинул его содержимое в горло. Потом хлопнул им по столу, едва не разбив.

— Мне абсолютно безразлично, кто что скажет про меня. Я — боевой офицер, я всю войну честно сражался с большевиками и бандитами...

«Да какой ты боевой офицер! — подумал про себя Рольф Дитман. — Боевые офицеры на фронте. А ты полицейская ищейка и палач. Впрочем, как и я сам».

Поссельман не на шутку разошелся. Никого не слушая и мутными глазами обводя окружающих, он продолжал:

— Строим норы, в которых сами же и подохнем! Кому это надо?! Сволочи! Предатели! Все — предатели! Я был в ставке фюрера. В ставке фюрера! — Поссельман поднял вверх палец, как бы подчеркивая исключительную важность того, о чем говорит. — А там! Что там творится! Грузят ящики, жгут бумаги. Все бегает, как будто русские будут через полчаса. Штаб ОКВ^[95] бежал! Штаб ОКХ^[96] бежал! Штаб ОКЛ^[97] бежал! Гитлер тоже бе... уехал! Все мечутся — всякие там стенографистки и офицеры связи...

Он остановился на полуслове. Пьяная улыбка на лице, блуждающие глаза, подрагивающие руки. Было видно, что Поссельман сильно пьян и надо немедленно его увести отсюда, чтобы он не наговорил чего-нибудь такого, за что придется расплачиваться не только ему, но и всем присутствующим.

Рольф Дитман и сидящий рядом с Поссельманом сотрудник «зондеркоманды» попытались поднять пьяного начальника из-за стола, подхватив его под руки. Но не тут-то было. Поссельман резко встал и, отбрасывая руки удерживающих его соседей по столу, заорал на весь зал:

— Не прикасаться ко мне! Я — доверенное лицо рейхсфюрера Гимmlера! Я выполняю секретное задание, порученное самим фюрером! Не Готцель, а я...

— Но, господин оберштурмфюрер... — попытался было урезонить разбушевавшегося Поссельмана Рольф.

— А ты, русский, заткнись! Еще неизвестно, что ты тут делаешь! Придут казаки, и ты будешь жрать водку с ними! Знаю я вас! Все предатели...

— Уведите его, — громко сказал человек в пальто. — Он сам не знает, что говорит. — И, обращаясь к Поссельману, спокойным голосом произнес: — Ганс, иди проспись.

Тот вдруг как-то сразу обмяк, покачиваясь, приподнял голову, посмотрел на говорившего.

— Хорошо, Карл. Я пойду. Извините меня.

Перемена в поведении Поссельмана была такой неожиданной, что все

установились на него, не зная, что и подумать. Еще минуту назад казалось, что урезонить пьяного не представляется никакой возможности. А учитывая, что на ремне у него висела кобура с пистолетом, можно было ожидать чего угодно.

— Ну что стоите? Отведите оберштурмфюрера! — Штатский поднялся из-за стола. — Спасибо за компанию, господа.

Хотя он пил наравне со всеми, походка его была устойчивой, и только покрасневшее лицо выдавало его состояние.

Взяв под руки Поссельмана, Рольф Дитман и еще один сотрудник вывели его из зала гостиницы, плотно прикрыв за собой дверь. Вслед за ними вышли остальные.

— Господи, когда это все кончится! Как я устал! — Слова старика, стоящего рядом со стойкой, прозвучали глухо в опустевшем зале.

Задрезбуждали оконные стекла и посуда в резном буфете. Эхо дальней канонады свидетельствовало о том, что линия фронта находится всего в каких-нибудь сорока километрах от Видминнена.

Из Справки отдела 2-Е Второго главного управления МГБ СССР от 9 сентября 1947 года

«...В период нахождения в Восточной Пруссии „Зондеркоманда 7Б“ принимала непосредственное участие в создании подпольных баз для групп „Вервольф“, а также готовила диверсионно-разведывательные группы, снабжала эти группы оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, продовольствием, рациями и оставляла их на территории, занимаемой Советской Армией, для ведения диверсионно-разведывательной работы...

Эти группы находились в заранее подготовленных, хорошо замаскированных подземных блиндажах, откуда они должны были вести свою подрывную деятельность...»

В течение полутора месяцев сотрудники «зондергруппы» выезжали то в одну, то в другую точку Восточной Пруссии, без усталости работая над созданием скрытых объектов и различных тайников, покрывая прифронтовую полосу, а также ближние тылы сетью подземных хранилищ и опорных пунктов для ведения разведывательно-диверсионной работы в тылу советских войск. К строительству объектов привлекались саперные части, а также группы советских военнопленных под усиленной охраной СС. Судьба этих бедолаг была предрешена с того момента, как только они

прибывали на строительство объекта. Как правило, их расстреливали сразу после завершения строительства, не допуская контактов с другими военнопленными. Что же касается саперов, то они давали подписку, что ни при каких обстоятельствах не разгласят сведения о дислокации тайных объектов. Гестапо брало их под свое «агентурное сопровождение», и не дай бог было проболтаться или дать хотя бы намек на то, что они были причастны к этой «тайне рейха», — в лучшем случае им была обеспечена штрафная часть, в худшем — расстрел по суду военного трибунала. СД надежно защищала государственные секреты гитлеровской Германии.

До середины января 1945 года на территории Восточной Пруссии возникло множество подземных объектов, о местонахождении которых знал ограниченный круг лиц. Кроме пяти бункеров в Роминтенской пустоши, где разместился отряд «Вальдтойфель»^[98], были оборудованы не менее мощные сооружения в Иоганнесбургском лесу неподалеку от бывшей ставки Гитлера, в районе Тройбурга^[99] буквально в семи-восьми километрах от линии фронта, под Лётценом, Инстербургом, Велау^[100] и Тапиау.

Кроме мощных подземных сооружений, в прифронтовой полосе повсеместно строились отдельные бункеры, рассчитанные на кратковременное размещение в них небольших групп разведчиков и диверсантов, а также складирование оружия, боеприпасов, средств радиосвязи.

В специальных, герметически защищенных металлических ящиках-сейфах были сложены тщательно изготовленные четвертым рефератом кёнигсбергского СД документы военнослужащих Красной Армии — солдатские и офицерские книжки, продаттестаты, справки из эвакогоспиталей, командировочные предписания. Кроме того, в этих хранилищах были заложены сотни разновидностей документов солдат вермахта, гражданских лиц, восточных рабочих и военнопленных — военных билетов, различных удостоверений, медицинских выписок, санитарных памяток, увольнительных записок, направлений и справок.

А деньги! Здесь были тысячи аккуратно упакованных пачек рейхсмарок, советских рублей и американских долларов, поступивших в декабре 1944 года в распоряжение обергруппенфюрера СС Ганса Прютцманна прямоком из Имперского банка, а затем разосланных по территориальным подразделениям СД для обеспечения деятельности организаций «В». Все это должно было пригодиться для легализации агентуры СД на оккупированной советскими войсками территории.

Из Спецсообщения Управления контрразведки «СМЕРШ» 3-го Белорусского фронта от 29 мая 1945 года

«...личный состав „Зондеркоманды 7Б“ использовался на охране строительства специальных бункеров для диверсионно-террористических групп „Вервольф“, намечаемых к насаждению в тылу советских войск для террористическо-диверсионной деятельности.

Как показали арестованные БУРХАРДТ и ШТРОМ, „Зондеркоманда 7Б“ принимала непосредственное участие в создании подпольных баз для групп „Вервольф“, получая указания по этому вопросу от „Оперативной группы Б“ Центрального фронта, дислоцировавшейся в гор. Кёнигсберге.

Участники групп „Вервольф“ подбирались преимущественно из местных жителей, фольксштурмистов или „лесников“. Руководящий состав групп назначался из официальных работников СД, в частности, из „Зондеркоманды 7Б“. Радисты, входившие в группу, подбирались из войск СС».

Но недолго довелось гитлеровским «зондеркомандам» заниматься оборудованием подземных бункеров для «Вервольфа» в прифронтовой полосе восточнопрусской обороны. Утром тринадцатого января по всей линии фронта раздался оглушительно-пронзительный вой «катюш». Началась мощнейшая артподготовка, ознаменовавшая новое наступление Красной Армии. И хотя в немецких штабах было известно о дате и времени его начала, противостоять мощи советских войск гитлеровцы уже не могли. Фронт был прорван.

В течение второй половины января шли кровопролитные, бои на всем участке фронта. В условиях непрекращающихся снегопадов и метелей, затрудняющих действие авиации как с той, так и с другой стороны, немцы откатывались в глубь Восточной Пруссии, оставляя один город за другим. Шестнадцатого января пал Пиллаллен^[101], двадцатого — Гумбиннен^[102], двадцать первого — Танненберг^[103], двадцать второго — Алленштайн^[104], Дойч-Эйлау^[105] и Остероде^[106], двадцать третьего — Гросс-Скайсгиррен^[107], Ликк^[108], Морунген^[109], Тройбург и Даркемен^[110].

В ночь на двадцать четвертое января «зондеркоманда» вынуждена была в срочном порядке покинуть Видминнен, так как бои развернулись в непосредственной близости от города и советские снаряды уже

разрывались на его улицах. Очень скоро все превратилось в сущий ад: от прямого попадания тяжелых снарядов взлетели в воздух кирпичные здания почты и гостиницы «Альтер хегер», горели склады и скопления военной техники на окраине, чадил черным дымом старый амбар, в котором были свалены бочки с дизельным топливом. Отступающие части вермахта и фольксштурма, горожане, покидающие в панике свои дома, раненые и больные — все перемешалось в охваченном огнем и дымом городке.

На шести размаляванных камуфляжем грузовиках без всякого боевого охранения сотрудники «Зондеркоманды 7Б» бежали дальше от фронта. По радио они получили приказ из Кёнигсберга срочно выдвигаться в сторону Лётцена, Бартенштайна^[111] и дальше, до Хайлигенбайля^[112]. Прорыв русских угрожал отрезать это крайне нужное спецподразделение СД от его главного штаба — «Оперативной группы», расположенной в восточнопрусской столице.

На выезде из города путь машинам преградил отряд фольксштурмистов — стариков и молокососов с белыми повязками на рукавах и фаустпатронами в руках. Какой-то старый вояка с усами а-ля Бисмарк, резко дернув за ручку двери, распахнул ее и закричал:

— Вылезайте, трусы! Русские врываются в город, а вы драпаете! — Он угрожающе наставил на сидевшего рядом с водителем офицера свою винтовку — редкостный экземпляр маузера конца прошлого века. — Вылезайте! И марш на-позиции! А не то я...

Он не успел договорить. Офицер встал на подножку и грубо, к полной неожиданности старика, приказал:

— Прочь с дороги, идиот! Убери свой арбалет и не ори! А то я тебя пристрелю, как последнюю свинью! Я выполняю приказ командования, а ты занимайся своим делом! И вы... — Он окинул взглядом стоящих рядом со стариком фольксштурмистов. — Делайте то, что вам приказано!

Моторы взревели, и колонна автомашин, обдав стоящих на обочине ополченцев комями снега, спешно тронулась дальше.

«Слава богу, что идет снег и низкая облачность! А то бы русские размолотили нас еще в дороге», — подумал оберштурмбаннфюрер Готцель, начальник «Зондеркоманды 7Б». Отправляясь в сторону Лётцена, он уже знал о секретном приказе из Берлина, полученном буквально за несколько часов до эвакуации из Видминнена. Приказ имел наивысший гриф секретности, и радист, расшифровав столбцы цифр, передал его лично Готцелю, не записывая в журнал и не делая никаких отметок на нем, как обычно полагалось. О содержании приказа не знал пока никто. Но спустя несколько часов оберштурмфюрер должен был не только довести до

личного состава то, что предписывалось, но и задействовать часть сил «зондеркоманды» на выполнение особо важного задания.

В приказе речь шла о «Вольфшанце» — «Волчьем логове» — ставке фюрера, расположенной всего в нескольких десятках километров от Видминнена. Перед Готцелем была поставлена задача прибыть самому и взять с собой десятка три надежных людей для того, чтобы принять участие в мероприятиях по ликвидации этого стратегического объекта — акции, получившей условное наименование «Инзельшпрунг». После отъезда Гитлера из Растенбурга двадцатого ноября и перенесения ставки в замок Цигенберг, в одиннадцати километрах к западу от Бад-Наухайма в Западной Германии, сразу начались тайные работы по подготовке сооружений «Вольфшанце» к подрыву. Никто не должен был знать о том, что бывшая ставка фюрера должна взлететь в воздух.

Имперская служба безопасности — РСХА — приложила немало усилий для того, чтобы скрыть все работы, связанные с уничтожением объекта. Для этого даже имитировалось продолжение работ по благоустройству отдельных сооружений — известная берлинская фирма монтировала новое оборудование для газоубежища в бункере фюрера. В то же время в «Вольфшанце» было завезено более сотни тонн взрывчатки: тяжелые, крытые брезентом «бюссинги» ночью доставляли на охраняемую территорию деревянные ящики со взрывчатыми веществами, инженеры-саперы после точных расчетов закладывали их в специально оборудованные ниши, подводили проводку, монтировали электродетонаторные устройства.

Подготовка акции «Инзельшпрунг» была завершена еще в начале января, и все ждали приказа о конкретном сроке ее проведения. Прорыв фронта и стремительное наступление советских войск в Восточной Пруссии заставили гитлеровское руководство незамедлительно принять решение о ликвидации объекта двадцать четвертого января. В противном случае ставка могла оказаться в руках передовых частей Красной Армии.

Дорога до Растенбурга оказалась забитой в спешке подтягиваемыми к фронту частями и беспорядочно отступающим в панике населением. Парализованные страхом люди перед лицом приближающихся «монголо-большевистских орд», как именovala Советскую Армию гитлеровская пропаганда, бросали свои дома и имущество. Вереницы беженцев заполняли занесенные снегом восточнопруссские дороги, усаженные липами, волоча или толкая перед собой санки и тележки с необходимым скарбом. Начался трагический исход немецкого населения в сторону залива Фришес Хафф^[113], закончившийся гибелью тысяч людей на заснеженных

полях Восточной Пруссии.

Колонна проехала охваченный смятением Растенбург, забитый до отказа войсками, брошенными автомашинами, для которых уже не было горючего, с улицами, наспех перегороженными баррикадами, горящими после недавней многочасовой бомбежки домами. Мимо промелькнули шпили кирхи Святого Георгия и Польской кирхи, мрачные башни рыцарского замка, в котором разместился госпиталь, серые оборонительные стены Старого города.

На выезде из города около остова сгоревшего дома их остановил наряд полевой жандармерии, вооруженный автоматами, с большими нагрудными бляхами. После проверки документов и краткого объяснения оберштурмбаннфюрера Готцеля со старшим машины пропустили дальше. Здесь колонна разделилась: две автомашины направились в сторону местечка Шварцштайн^[114], от которого до ставки было рукой подать, а четыре других грузовика двинулись по запруженной беженцами дороге на Бартенштайн^[115]. Готцель, направляясь в ставку, условился с одним из своих заместителей, возглавивших движение «зондергруппы» в сторону Бартенштайна, воссоединить колонну к пяти утра следующего дня.

Сразу за Шварцштайном начиналась зона безопасности ставки Гитлера — минные поля, бункеры, смотровые вышки.

Из книги Я. Здуньяка и К.-Ю. Циглера «Волчье логово». Ольштын, 1998 год

«...Вся штаб-квартира фюрера была окружена минными полями. Их общая длина составляла 10 км. Минные поля на открытой местности имели ширину 100–150 м и простирались на отрезке в 4 км. В лесу же или в заболоченной местности минные поля достигали длины в 6 км и ширины 80 м.

По обеим сторонам минных полей имелись заграждения из колючей проволоки и высокая сетка, препятствующая попаданию на мины животных из леса.

Система минных заграждений была очень сложной. Использовались мины различных систем... противотанковые, противопехотные и сигнальные. Многие из них принадлежали к стандартному вооружению вермахта (Т-42, Z-42, Мх-43, S), и их относительно легко было обезвредить. Но использовались также и комбинированные мины, обезвредить которые без специальных знаний саперы могли только с трудом...»

У контрольно-пропускного пункта третьей зоны ограждения под названием «Ост» их уже ждал офицер СД. Он поприветствовал Готцеля, встал на подножку автомобиля, чтобы показать дорогу. Машины на быстром ходу промчались мимо открытого шлагбаума второй зоны ограждения, кирпичного здания вокзала, очертания которого проглядывали между стволами высоких сосен. Справа среди деревьев замелькали какие-то строения — серые бетонные блоки и легкие деревянные щитовые домики. Вокруг — ни души.

Машины миновали железнодорожный переезд. Здесь начиналась первая зона ограждения — святая святых ставки. Раньше сюда допускались машины по спецпропускам, подписанным только руководством РСХА. Усиленная охрана, расставленная по периметру этой зоны, обеспечивала непрерывное наблюдение за передвижением всех транспортных средств и посетителей ставки. Свыше двух тысяч офицеров и обслуживающего персонала из числа гражданских лиц несли здесь службу. Спецподразделения СС и СД несли бессменную вахту по обеспечению безопасности Адольфа Гитлера и других высших чинов рейха. Три роты батальона охраны фюрера расположили свои посты по всей территории. Кроме того, целый ряд воинских частей, расположенных в радиусе семидесяти километров вокруг «Вольфшанце», например, парашютно-десантный батальон в Инстербурге, эсэсовская школа истребителей танков в Карлсхофе и полицейский батальон в Хохвальде, готовы были в любой момент выступить по тревоге.

Теперь же здесь царил запустение. Хотя охрана по-прежнему бдительно несла службу, никакого движения практически заметно не было. Только у отдельных построек стояли крытые автомашины, рядом с которыми сутились солдаты, выносящие из бетонных бункеров и грузящие в кузова какие-то ящики и тюки.

Машины, сопровождаемые офицером охраны ставки, обогнув плоское бетонное здание, выехали на узкую аллею, проложенную между высокими деревьями. Почти повсеместно над проезжей частью и пешеходными дорожками были натянуты маскировочные сети с серо-зелеными и коричневыми листьями из бакелита^[116], покрытыми сверху толстым слоем снега. Эти нависающие сети создавали иллюзию, будто машины двигаются по какому-то причудливому туннелю.

Проехав еще немного, грузовики пересекли очередной ряд ограждения из колючей проволоки и наконец буквально уперлись в торец невысокого здания с наружной лестницей перед входом и двумя широкими окнами по обеим сторонам.

— Вылезай! Становись! — раздались гортанные команды. Откинулись брезентовые пологи камуфлированных грузовиков, и на площадке перед зданием стали строиться сотрудники «зондеркоманды». Делали они это явно нехотя, понимая, что здесь их ждет какая-то тяжелая работа, возможно, даже на морозе. И они не ошиблись.

Через пару минут из здания вышел офицер в белом маскировочном костюме, надетом поверх униформы. Его знаков различия видно не было, но сотрудники, заметив, как вытянулся перед ним Готцель, встали по стойке «смирно».

— Перед вами стоит задача, — начал он, никак не обратившись к строю, — в течение двух часов вынести из здания металлические ящики и погрузить их на машины, которые прибудут сюда через несколько минут. Делать все быстро, но осторожно! Не курить! Не отходить в сторону дальше двадцати метров! Приступайте!

Рольф Дитман вместе с тремя другими сотрудниками, надрываясь под тяжестью громадных ящиков, проклинал все на свете: и тот день, когда связал свою жизнь со службой в «команде», и войну, все перевернувшую в его судьбе, и Готцеля, постоянно покрикивающего на подчиненных, и офицера в камуфляже, заставившего выполнять непосильную работу.

«Какого черта мы таскаем эти ящики?! — с раздражением думал Рольф. — Все равно это бессмысленно! Тупая, глупая работа! Русские через несколько часов будут здесь. Надо как можно быстрее уносить ноги, пока кольцо окружения не замкнулось за нами, а мы здесь ковыряемся с никому не нужными ящиками!» И он с ненавистью посмотрел на еще довольно большую пирамиду сложенных в помещении ящиков.

На каждом из них была какая-то маркировка — буквенно-цифровые индексы и надпись «РСХА. Берлин».

— Поторапливайтесь! — подгонял своих подчиненных оберштурмбаннфюрер Готцель. — Объект будет взорван... — Он посмотрел на часы. — Через два с половиной часа. Нам надо успеть все погрузить и самим убраться отсюда.

«Сволочи! — думал Рольф Дитман. — Дотянули до самого последнего момента, а мы теперь отдувайся за них! Почему мне так не везет? Почему я не оказался с теми, кто поехал в Хайлигенбайль?»

Вместе с тем было заметно, что суeta вокруг постепенно нарастает. Взывали автомобильные моторы, мимо уже несколько раз пробежала группа солдат, разматывающих катушки электрокабеля, слышался громкий стук какого-то металлического предмета, как будто кто-то безуспешно долбит бетонную стену.

— Рольф, а тут рядом бункер фюрера, — шепотом проговорил обершарфюрер Отто Шройтер, следователь «зондеркоманды», с которым Дитман был знаком еще с Могилева.

— Откуда ты знаешь?

— А я здесь был в декабре, когда мы приезжали сюда с Поссельманом. Здесь, в этом здании, — кивнул он на окружающие их голые стены, — размещалась охранная команда СС и РСХА, а там... — Он указал глазами на виднеющееся среди деревьев сооружение. — Там стоит барак, где произошел взрыв двадцатого июля. Понимаешь? Где Штауффенберг взорвал свою бомбу!

Дитман на минуту замер, вглядываясь в проступающее через снегопад и стволы сосен прямоугольное пятно.

«Так вот, значит, где все это произошло! А если бы тогда Гитлера убили, может, и война уже закончилась бы?» — подумал Рольф и сам испугался своих мыслей.

— А бункер фюрера туда дальше. — Следователь показал взглядом левее от барака. — Метров шестьсот отсюда. Громадный, как скала. Говорят, толщина стен у него восемь метров! Представляешь! Тоже, наверное, взорвут.

Когда оба грузовика были загружены полностью и в комнатах здания не осталось ни одного металлического ящика, снова появился офицер в маскировочном костюме. Он о чем-то быстро поговорил с Готцелем, после чего тот скомандовал:

— По машинам!

Через пять минут грузовики развернулись на пятачке перед зданием и двинулись в обратном направлении. Теперь дорога была уже не так свободна — впереди стояла колонна «бюссингов» с большими двухосными прицепами. Скорее всего, около переезда образовалась пробка, поэтому движение застопорилось. Грузеным автомашинам с громоздкими прицепами трудно было передвигаться по узкой, петляющей среди деревьев и бетонных сооружений дороге.

Не менее получаса простояла колонна, пока пробку удалось ликвидировать. Команды, крики, ругань, рокот моторов, эхо дальней канонады — все слилось в единый гул, наполненный злобой, нервозностью и страхом. Все знали, что бои идут не далее тридцати километров отсюда и русским танкам, если они прорвутся на шоссе Ликк — Николайкен, потребуется не более полутора часов, чтобы достичь Растенбурга. Кроме того, впервые за несколько дней перестал сыпать снег, а это означало, что скоро может рассеяться низкая облачность и для советских самолетов

откроется блестящая возможность наносить удары по вереницам автомашин, растянувшимся на долгие километры по восточнопрусским дорогам, таким прекрасным с точки зрения маскировки, но совершенно беззащитным при отсутствии прикрытия с воздуха.

Сидевшие в кузове одного из грузовиков молчали, прислушиваясь к дальним взрывам и пытаясь понять, не приближается ли фронт. По всему чувствовалось, что машины выехали на шоссе и, преодолев обе линии внешнего ограждения, уже движутся в сторону города.

«Пронесло! Теперь — скорее из этой мышеловки! — думал Рольф Дитман, прислоняясь к холодной спинке откидывающейся скамьи. — До Бартенштайна не более часа езды, и если нас не задержит очередная пробка, мы еще засветло будем в Хайлигенбайле. Во всяком случае...»

Дитман не успел продолжить свои мысленные рассуждения. Прогремел страшный взрыв. Машину сильно потрянуло взрывной волной; резко хлопнул полог брезента. Водитель нажал на тормоза, и все сидящие в кузове, чертыхаясь, повалились друг на друга. Вслед за первым взрывом раздался второй, потом третий...

Сидящие у заднего борта отстегнули зажимы, удерживающие край полога, и приподняли брезент. В образовавшуюся щель Рольф увидел, как над лесом, откуда они только что выехали, поднимается сплошная пелена снега, а сверху на землю падают ветки деревьев, град камней и земляных комьев.

Тут раздался новый, еще более сильный взрыв. Ударная волна хлестнула по пологу, отбросив его внутрь кузова. Машина буквально подпрыгнула на месте. И все в изумлении увидели, как вздыбилась земля, как взлетели вверх, словно спички, громадные деревья и тысячи обломков. По немыслимой траектории разлетались в разные стороны громадные куски бетонных конструкций, обломки металлической арматуры — то, что еще несколько минут назад называлось ставкой фюрера «Вольфшанце».

Из книги Я. Здунька и К.-Ю. Циглера «Волчье логово». Ольштын, 1998 год

«...24 января 1945 года, когда Красная Армия вступила в Ангербург, немецкие саперы подорвали все объекты в „Вольфшанце“. Как потом было подсчитано, для подрыва только одного тяжелого бункера потребовалось примерно 8 тонн взрывчатого вещества. Мощные многотонные бетонные глыбы разлетелись в радиусе 50–80 метров от места взрыва. Не все объекты оказались уничтоженными одновременно.

Потребовались многочисленные, следующие один за другим взрывы...»

Взревел мотор. Водитель резко рванул с места, и они понеслись по заснеженной дороге в сторону Растенбурга, навстречу неизвестности. Позади осталась оседающая на землю обломки одного из самых мощных и тщательно охраняемых сооружений гитлеровской Германии.

Через двое суток, двадцать шестого января, пали Лётцен и Мариенбург^[117], а на следующий день советские войска вступили в Николайкен^[118] и Растенбург^[119]. В «Вольфшанце» солдаты Красной Армии застали полное запустение: взорванные бункеры и газоубежища, искореженные груды металла и железобетона, сплошные завалы из растерзанных, расщепленных стволов деревьев, месиво из остатков деревянных конструкций и разорванных маскировочных сетей. В святая святых Третьего рейха солдаты тридцать первой армии 3-го Белорусского фронта вступили без боя, с удивлением рассматривая руины, но не решаясь проникать внутрь уцелевших помещений. То, что все вокруг было тщательно заминировано, не оставляло никаких сомнений — советские солдаты не в первый раз оказывались на захваченных объектах противника.

К вечеру двадцать четвертого января, несмотря на заторы на дорогах и непрекращающиеся бомбежки, обе автомашины с сотрудниками «зондеркоманды» прибыли в Хайлигенбайль. Город горел в разных местах, окна домов, выходящие на улицу, были выбиты, кое-где заложены мешками с песком. Повсюду возведены баррикады, несколько бронеколпаков виднелось на перекрестках. Улицы и переулки были переполнены толпами беженцев — они пытались укрыться от холода и снега в подъездах домов, под навесами сараев, забирались в сгоревшие остовы автомашин и автобусов, прятались под брезентовыми пологами повозок. Плач детей, вопли женщин, мольбы стариков о помощи, стоны раненых, команды военных, тарахтение моторов мотоциклов, автомашин, тягачей и танков — все смешалось в непрерывный гул.

Мороз был несильный, но холодный ветер с моря делал его совершенно невыносимым. Как будто сама природа ополчилась против жителей Восточной Пруссии, вспомнив о страшном морозе сорок первого, когда солдаты вермахта стояли в нескольких километрах от Москвы. Теперь пришел черед испить чашу горя и несчастий тем, кто еще несколько лет назад радовался победам немецкого оружия над, казалось тогда, поверженным врагом.

Грузовики, сделав крутой поворот около здания городской ратуши с

причудливыми коринфскими колоннами, остановились перед входом. Солдаты, одетые в серые шинели, поеживаясь от холода, выносили из здания крайсхауза^[120], в котором размещались основные городские учреждения, и складывали на землю ящики и коробки. Рядом, разбрасывая искры, полыхал костер. Несколько человек в эсэсовской униформе и штатские в пальто выгребали из открытых сейфов и металлических ящиков дела, толстые папки, скоросшиватели, кипы бумаг и бросали все это в огонь. У костра грелись несколько женщин с детьми, укутанными в платки и одеяла. Поодаль рядом с мотоциклом курили двое полевых жандармов.

«Кёнигсбергер штрассе, № 7–9», — рассмотрел через щель брезентового покрытия аккуратно прикрепленную на кирпичной стене табличку с названием улицы Рольф Дитман. «Вот, теперь и до Кёнигсберга недалеко. Там, под прикрытием мощной линии обороны, будет понадежнее, чем здесь — в этих брошенных на произвол судьбы восточнопрусских городках».

Оберштурмбаннфюрер Готцель и еще один сотрудник, предъявив удостоверения, вошли в здание крайсхауза. Но уже через пару минут они показались в дверях в сопровождении человека, одетого в теплую меховую куртку. Он что-то объяснял Готцелю, подкрепляя свои слова энергичными жестами. Рольфу стало понятно, что здесь их не ждали и сейчас они поедут куда-то в другое место. Так и получилось. Оберштурмбаннфюрер снова сел в кабину, и они поехали дальше по запруженным улицам города.

На Файерабендплатц, где в большой красной казарме размещался когда-то полк штурмовиков, а теперь готовилась к обороне часть фольксштурма, грузовики снова остановились. Рядом с большими воротами уже стояли четыре камуфлированных грузовика, прибывшие сюда, по-видимому, несколько часов назад. Многие с облегчением вздохнули: стало ясно, что эта казарма станет для них временным пристанищем, во всяком случае, на ближайшие сутки. Сотрудники «Зондеркоманды 7Б» должны были разместиться в нескольких помещениях, прежде чем начальство в Кёнигсберге определит дальнейшее место дислокации их подразделения. Измотанные дорогой, которая не позволила им отдохнуть после тяжелой работы в ставке, они кое-как разгрузили имущество, находившееся в кузовах, и беспорядочно повалились на пол казармы, устланный старой и слегка гнилой соломой.

В небе слышался гул самолетов, вдали раздавался грохот разрывов — советская авиация наносила все новые и новые бомбовые удары по скоплениям германских войск и порту Пиллау. Дни восточнопрусской группировки немецких войск были сочтены, как были сочтены дни всех

тех, кто оказывался в петле окружения. Особое подразделение СД, «Зондеркоманда 7Б», оставившая свой кровавый след в городах и деревнях России, Белоруссии и Литвы, оказывалась в смертельной западне, выхода из которой уже практически не было. Но об этом пока еще не знали ни ее начальник Фриц Готцель, пытающийся связаться по радиации с «Оперативной группой» в Кёнигсберге, ни следователь Отто Шройтер, перебирающий полученные еще полгода назад из дома письма, ни переводчик Пауль Херциг, спящий мертвецким сном на охапке сена в углу комнаты, ни Рольф Дитман, тревожно прислушивающийся к дальним разрывам. Не знали они и того, что им придется соприкоснуться с еще большими, чем прежде, тайнами агонизирующего Третьего рейха.

Глава 5

Объекты «W»

Трехэтажный особняк в кёнигсбергском районе Марауненхоф^[121] ничем особенным не обращал на себя внимания. Стоящий на пересечении улиц Лёнсштрассе и Ховербекштрассе^[122], несколько в глубине от брусчатой мостовой, он производил впечатление просто большого дома, не выделяющегося изысканностью архитектурных форм в отличие, например, от красивых, даже экзотических зданий Амалиенау^[123] — самого престижного района Кёнигсберга. Правда, в нижней части здания имелся широкий полукруглый выступ — эркер с удлинёнными окнами и строгими пилястрами, а наверху — балкон с изящной каменной балюстрадой. Черепичная крыша, непременно завершение почти каждой кёнигсбергской постройки, была местами повреждена, надо полагать, во время одного из последних обстрелов города с самолетов. Черепица кое-где осыпалась, оголяя брусья обрешетки.

Перед домом находился небольшой палисадник, густо усаженный кустами, ветки которых в эти мартовские дни были еще голыми. Железная ограда с высокими прямоугольными столбиками, увенчанными небольшими металлическими лепестками, прерывалась справа от дома решетчатой калиткой, оборудованной электрическим замком с громкоговорящей связью и большими воротами с механическим приводом.

Снаружи на тротуаре прямо перед домом стоял часовой с автоматом за спиной, а внутри у входа в само здание маячили фигуры в штатском. Окна с давно уже выбитыми стеклами были наглухо заколочены досками, но по каким-то едва заметным признакам, может быть, по дымку, струящемуся из трубы, да по чуть уловимому гулу движка чувствовалось, что дом живет своей, скрытой от внешних глаз жизнью.

Дело в том, что в доме № 3-а по улице Лёнсштрассе располагалось кёнигсбергское отделение организации «Вервольф» с условным наименованием «Вилла W». Руководителем этого разведывательно-диверсионного подразделения с конца января 1945 года был назначен оберштурмбаннфюрер СС Фриц Готцель, бывший начальник «Зондеркоманды 7Б». После ее прибытия в полностью блокированный советскими частями Кёнигсберг руководством «Оперативной группы Б» было принято решение перед неминуемым штурмом города собрать в кулак

все спецподразделения СД и СС для того, чтобы организовать надежную систему скрытного противодействия Красной Армии и создать условия для развертывания ожесточенной партизанской войны в тылу противника.

Из дневниковых записей Йозефа Геббельса.

29 марта 1945 года, четверг

«...Все-таки я недоволен деятельностью нашей организации „Вервольф“. Ее акции развертываются очень уж медленно, что, очевидно, объясняется недостаточным нажимом на нее сверху. Во время очередного доклада фюреру я по возможности постараюсь добиться, чтобы руководство ею перешло в мои руки. Я придам ее действиям совсем иной размах, чем это было до сих пор».

На втором этаже особняка в большой прямоугольной комнате, заставленной хорошей полированной мебелью в стиле модерн, за крупным письменным столом с массивными ножками в виде львиных лап склонились несколько человек. Ярко, но едва заметно пульсируя, светила настольная лампа с красивым стеклянным абажуром в форме морской раковины. Она освещала топографическую карту и ворох каких-то бумаг, небрежно разложенных на столе.

— Господин оберфюрер, число объектов «Вервольфа» на всей территории, занятой противником, не превышает тридцати. Некоторые из них, по нашим данным, уже обнаружены и уничтожены русскими. Это относится, в частности, к объектам «Берта» под Тапиау, «Остров Робинзона» в районе Вартенбурга и «Замок Зигфрида». Сведений о действиях наших групп и объектах в Йоханнесбургском лесу и Роминтенской пустоши, к сожалению, пока не имеем. Спецгруппы «Лесника» и «Охотника» прекратили сеансы радиосвязи сразу после прорыва русских к морю...

Фриц Готцель обстоятельно докладывал начальнику «Оперативной группы Б» оберфюреру Бёме о положении дел. Он уже успел организовать новую систему управления и перегруппировку личного состава после объединения двух спецподразделений — «Зондеркоманды 7Б» и «Зондеркоманды 9» — в единую боевую единицу.

— Таким образом, господин оберфюрер, в моем распоряжении сейчас имеется восемь разведывательно-диверсионных групп, буквально сегодня готовых к боевым действиям в тылу русских... — продолжал Готцель. — Если мы сюда приплюсуем личный состав бывших разведывательных школ в Гросс-Мишене^[124], Гроссрауме^[125] и Бальге, которые в настоящее время

дислоцируются в Кёнигсберге, спецподразделения зафронтной разведки «Фалост-І-Ц», все боевые группы и резидентуры СД и гестапо, а также тридцать первый полицейский полк и курсантов пожарной школы из Метгетена^[126]...

— Готцель, вы витаете в облаках. Во-первых, никто нам с вами не отдаст спецподразделения вермахта и военно-морского флота. Во-вторых, даже не думайте покушаться на гестапо. Четвертое управление РСХА решает свои задачи, и резидентуры ГСП^[127] действуют на оккупированной Советами территории самостоятельно. В-третьих, вы знаете, что гаулейтер Кох и крайслейтер^[128] Вагнер являются организаторами фольксштурма и никто не будет делиться с вами людьми, направленными туда партией и гитлерюгендом. Так что...

— Но, господин оберфюрер, если мы хотим всерьез создать эффективно действующее подполье и...

— Я еще раз говорю вам, Готцель... — Бёме поморщился. — Не питайте иллюзий. Рассчитывайте только на те силы и средства, которые мы в состоянии мобилизовать на решение нашей задачи.

В комнате воцарилось напряженное молчание. Было слышно только, как тикают большие старинные напольные часы, стоящие в углу.

Двое других офицеров — это были оберштурмфюрер Крайхен, бывший начальник отдела обеспечения «зондеркоманды», и оберштурмфюрер Вурц, в течение последних четырех месяцев возглавлявший одну из опергрупп, — молча стояли в присутствии высокого начальства и даже не пытались вставить хотя бы одно слово.

Бёме пристально вглядывался в карту, испещренную разноцветными значками и микроскопическими надписями. Как бы несколько меняя тему разговора, он сказал:

— Доложите о ходе работы по подготовке конспиративных и явочных квартир, оборудовании тайников и законсервированных радиоточек на территории Кёнигсберга и его пригородов.

Готцель, сверившись со списком, стал докладывать, водя карандашом по карте.

— Господин оберфюрер, в настоящее время нам удалось полностью завершить все мероприятия по переводу конспиративных и явочных квартир СД для работы в условиях русской оккупации. Из числа имевшихся ранее удалось сохранить только девятнадцать конспиративных и двадцать семь явочных квартир. Остальные оказались разрушенными в ходе бомбардировок прошлого года и уже в этом году. Часть квартир, по нашим

данным, могут быть легко расшифрованы русскими, поскольку их владельцы оказались либо в действующей армии, либо в фольксштурме. Поэтому нам пришлось подбирать новые, а это сделать в совершенно разрушенном городе, господин оберфюрер, вы сами понимаете, очень трудно. Большая часть квартир расположена в сохранившихся районах города — в Йудиттене^[129], Понарте^[130], Вестенде^[131], Розенау^[132], Шпайхерсдорфе^[133] и Ротенштайне^[134]. Гораздо труднее было подобрать квартиры в центре, но и тут у нас есть несколько квартир — в Трагхайме, Хуфене, в Закхайме^[135]. Здесь, в Марауненхофе^[136] и Амалиенау^[137], мы практически отказались от их размещения — полагаем, что русские в первую очередь будут занимать сохранившиеся особняки и виллы этих районов. Мы сменили почти всех содержателей конспиративных и явочных квартир, сохранив лишь старую и проверенную агентуру, новые же содержатели завербованы в последние месяцы, в основном, из числа граждан, не являющихся членами НСДАП, но сочувствующих движению и преданных фюреру...

При этих словах оберфюрер Бёме слегка поморщился. Потерев переносицу, он отошел от стола, приблизился к массивному сейфу с изображением старинного прусского орла, открыл толстую дверцу, сверкнувшую блестящими замками. Стоящие у стола невольно проследили взглядом за оберфюрером. В глубине сейфа виднелась стопка аккуратно сложенных папок, завязанных шелковыми тесемочками.

Оберфюрер Бёме перебрал несколько сверху лежавших папок, взял одну из них и, прикрыв тяжелую дверцу сейфа, мягко щелкнувшую при этом замками, вернулся к столу.

— Вас, Крайхен, прошу подождать в приемной, — небрежно бросил Бёме одному из участников совещания.

Тот, щелкнув каблуками, вышел из комнаты.

— А теперь доложите, что у нас с агентурой, оставляемой в городе.

Готцель, полистал свою рабочую тетрадь, открыл ее на одной, только ему известной странице.

— Господин оберфюрер, нашим отделением «Вервольфа» в течение двух последних месяцев завербованы и подготовлены для работы в условиях оккупации восемьдесят семь агентов. Часть из них были на связи СД до 1940 года, а потом были исключены из агентурного аппарата на основании известной вам директивы, некоторые были нам переданы в прошлом году, как «сторожевая агентура» абвера.

Всем агентам отработаны легенды прикрытия и линия поведения. Они

снабжены необходимыми документами, либо подтверждающими их нелояльность к режиму, либо фиксирующими факты, которые должны отвести любые подозрения русской контрразведки...

— То есть? — Бёме поднял брови.

— Например, двум бывшим активным членам НСДАП, которые работали в наших низовых организациях, мы организовали исключение из партии «за пораженческие настроения». Соответствующие записи сделаны в партийных формулярах, необходимые бумаги направлены в Берлин. Об этих «фактах» знают их сослуживцы и соседи...

— Хорошо. — Оберфюрер прервал Готцеля. — Скажите мне, сколько из общего числа агентов... Их, по-моему...

— Восемьдесят семь, — помог Готцель.

— Да. Сколько из них составляют русские, украинцы, литовцы и поляки? Вы же сами понимаете, что немецкое население будет полностью выселено из Восточной Пруссии в Германию или Сибирь. Об этом Сталин уже договорился с Черчиллем и Рузвельтом. Они этого не скрывают. Поэтому я спрашиваю: сколько из них смогут остаться здесь «на длительное оседание»?

— К сожалению, господин оберфюрер, несмотря на то что «ненемцы» составляют более половины всей агентуры, говорить о том, что вся она сможет быть оставлена «на длительное оседание», очень трудно. Вы же знаете отношение русских к своим военнопленным и «насиленно угнанным»... — Готцель усмехнулся. — Они их всех считают предателями, и тут уж совсем ничего нельзя гарантировать. Рассчитывать на то, что их совершенно не тронут, не приходится...

— Да, я знаю.

— Среди агентов из числа немцев, на которых мы серьезно рассчитываем, могу назвать агента «Геккон». Это — служащий почтового отделения в Ратсхофе^[138]. Он был завербован СД еще в 1937 году и активно работал по линии третьего отдела. Хорошую подготовку имеют агенты «Мустанг», «Барс» и «Утконос»...

— «Утконос»? — Бёме хмыкнул и с иронией посмотрел на Готцеля. — Прямо зоопарк какой-то!

— Из числа агентов-ненемцев наиболее перспективны агенты «Сайгак», «Мастер» и «Лилия»...

— Женщина?

— Да, из восточных рабочих. В сорок первом была завербована гестапо. Двадцать три года. На ее счету десятки выявленных «врагов рейха». Не допустила ни одного прокола...

— Ладно, Готцель! Достаточно! Я доверяю вашему опыту и профессионализму. Он известен и в Берлине. О вашей работе я слышал, когда еще работал в каунаском СД. Я хочу вас попросить об одном: подберите трех-четырех агентов из числа русских или литовцев для очень важного и, прямо скажу, деликатного дела...

— Слушаю вас, оберфюрер.

— Пока могу сказать только одно: это должны быть исключительно надежные агенты, имеющие большой опыт работы в тылу врага и способные решительно действовать в одиночку.

— Я вас понял, оберфюрер.

— Так, теперь доложите, как обстоит дело с оборудованием тайников и радиоточек.

— Господин оберфюрер, прошу разрешения, чтобы об этом доложил оберштурмфюрер Вурц. Он непосредственно занимается подготовкой подземных сооружений.

— Докладывайте.

Вурц, высокий блондин со смутным, испещренным мелкими оспинами лицом, стал обстоятельно докладывать о том, какие подземные объекты удалось приспособить и оборудовать для размещения тайных хранилищ оружия, боеприпасов и снаряжения групп «Вервольфа».

Собственно говоря, скрытые подземные сооружения стали строиться еще в 1944 году, когда гитлеровцы почувствовали, что фронт неумолимо приближается к границам Германии. В рамках так называемой Егер-программы стали срочно возводиться укрытия для размещения ценного оборудования предприятий и учреждений, которые по каким-либо причинам не могли быть эвакуированы с территории, занимаемой противником.

Новый импульс активности эта работа получила сразу после издания двадцать седьмого июля 1944 года гитлеровским Генштабом приказа, обязывающего гаулейтеров Восточной Пруссии, Данцига-Западной Пруссии, Померании, Верхней и Нижней Силезии обеспечить строительство оборонительных сооружений на всей территории «немецкого восточного пространства». Однако серьезные работы по оборудованию тайников начались только после того, как советские войска завершили окружение кёнигсбергской группировки и вышли к побережью Балтийского моря.

— Мы приспособили для нужд «Вервольфа» ряд подземных сооружений, построенных в рамках «Егер-программы», в частности, углубленные бункеры во дворе универмага «КЕПА»^[139], около

Штайндаммской кирхи, на хозяйственном дворе пивзавода «Понарт» и в районе Замкового пруда. Кроме того, с соблюдением предельной конспирации были проведены работы по переоборудованию нескольких старых подвалов в домах центральной части города и на окраинах. Как правило, это подвалы в частично или полностью разрушенных домах, жильцы которых погибли или эвакуировались из Восточной Пруссии. В отдельных случаях мы вынуждены были для маскировки объектов подорвать стоящие над ними развалины, не нарушив скрытого доступа...

— Подождите, Вурц. А система коллекторов?

— Здесь, господин оберфюрер, есть целый ряд проблем. Мы, конечно, занимаемся и канализационными коллекторами. Но русские, как только войдут в город... — Вурц замялся, почувствовав, что сказал что-то лишнее.

— ...если войдут в город, — поправил Бёме.

— Простите, оберфюрер... если русские войдут в город, то они, конечно же, в первую очередь будут обследовать подземные коллекторы. Тем более что чертежи и планы достать будет нетрудно, даже если мы постараемся уничтожить все, что имеем. На насосных станциях и по обслуживанию канализационной системы работали множество людей...

— Я согласен с вами. Но не пренебрегайте исключительной возможностью для передвижения диверсионных групп, которую нам дают подземные коммуникации. Вурц и вы, Готцель, вспомните Варшавское восстание в прошлом году, вы, конечно же, читали доклад РСХА о том, как эффективно действовали поляки, используя подземные коллекторы Варшавы. Их мобильные боевые отряды стремительно передвигались под землей из одной части города в другую, нанося неожиданные удары по войскам вермахта и полиции. Коллекторы Кёнигсберга надо использовать, и использовать активно!

— Так точно, оберфюрер!

— Сколько законсервированных радиоточек вы размещаете в городе?

— Четыре. К сожалению, только четыре.

— Ладно, этого, наверное, хватит. Что еще можете доложить?

Вурц замялся. Готцель, как бы помогая ему, негромко сказал:

— В городе есть объекты, имеющие хорошо укрепленные и оборудованные подземные сооружения. Но они находятся в ведении гаулейтера, под непосредственным управлением его аппарата.

— Вы имеете в виду...

— ...бункеры под Домом труда на Росгартен и гаражом на Хоймаркт^[140], а также в районе Гросс-Фридрихсберга^[141]. И еще...

— Ну...

— ...господин оберфюрер, есть еще один объект, который, по-моему, не следует исключать из плана подготовки подразделений «Вервольфа». Я имею в виду Королевский замок. Мы знаем, что это объект исключительного подчинения гаулейтеру...

— Хорошо. Я поговорю с гаулейтером.

На этом совещание закончилось. Готцель и Вурц собрали свои документы, аккуратно свернули топографическую карту и, отдав честь, вышли из комнаты.

В приемной их ждал Крайхен, которого оберфюрер Бёме попросил подождать за дверью, да так больше и не пригласил в кабинет. Как в любой спецслужбе, в СД каждый должен был знать только то, что непосредственно относится к его деятельности. Порядок этот был незыблемым. А вопросы, которые обсуждались у начальника «Оперативной группы Б» оберфюрера Бёме, были настолько секретными, что даже старому, испытанному члену НСДАП, штурмовику с пятнадцатилетним стажем, оберштурмфюреру Крайхену не полагалось присутствовать при их обсуждении. И это несмотря на то что Крайхен сам, непосредственно участвовал в указанной работе и уже более двух лет служил в «Зондеркоманде 7Б».

Из дневниковых записей Йозефа Геббельса.

30 марта 1945 года, пятница

«Я сейчас очень много занимаюсь так называемой акцией „Вервольф“. С ее помощью мы должны активизировать нашу партизанскую деятельность в областях, оккупированных противником. Эту партизанскую деятельность еще ни в коей мере нельзя считать по-настоящему развернутой. Лишь в некоторых районах отмечены отдельные серьезные акции (например, расстрел назначенного американцами бургомистра Аахена), систематических же выступлений пока нет. Я охотно взял бы в свои руки контроль над этими партизанскими действиями и, соответственно, буду просить фюрера предоставить мне необходимые полномочия...

Акция „Вервольф“ должна стать в условиях нынешнего положения на фронтах... сосредоточием всех активистов нашего движения, не согласных с курсом на уступки и примирение...»

Мартовское солнце тысячами искр отражалось в очистившейся всего пару недель назад ото льда глади залива. Даже большие пятна мазута на

воде давали яркое радужное отражение. Свежий морской ветер, перемешанный с запахами пробуждающейся земли, приносил дыхание весны, которая приходила на смену ужасно долгой зиме.

Но весна не приносила на эту землю радости и надежды. Вернее, она вселяла надежду далеко не во всех людей, проживающих или волею судьбы оказавшихся на старой прусской земле. Советские и французские военнопленные, а с ними тысячи «остарбайтеров» — советских граждан, угнанных немцами в неволю, с волнением ожидали наступления Красной Армии. К чувству радости, связанной со скорым избавлением от мук плена, примешивалось тревожное ожидание: как «наши» отнесутся к ним, оказавшимся у врага, не заклеят ли презрением как предателей и изменников?

Смертельную тоску и тревогу испытывало немецкое население Кёнигсберга, готовящееся ощутить на себе «зверства восточных варваров», — фашистская пропаганда повсю живописала о том, как «большевики» насиловали женщин, убивают детей и стариков, грабят и разрушают все вокруг. «Перед лицом азиатских орд немцы, с молоком матери впитавшие дух тевтонов, должны или отстоять свою родину, или умереть в бою», — призывала нацистская пропаганда.

Паника уже давно охватила осажденную восточнопрусскую столицу. Тысячи людей с январских дней прорыва русских к морю пытались выбраться к спасительному порту Пиллау через узкую горловину южной части Земландского полуострова, запруживая шоссейные и грунтовые дороги, занимая любые сохранившиеся строения и лесные массивы. Все это перемешивалось с войсками, растерянными и деморализованными, понимающими, что дни кёнигсбергской группировки сочтены и очень скоро наступит апофеоз «героической обороны» — Красная Армия начнет генеральное наступление и штурм Кёнигсберга. В то, что «форпост на Востоке» устоит, верили только либо потерявшие разум фанатики, либо не выдавшие еще крови юнцы с фаустпатронами да престарелые «ветераны Первой мировой», надеявшиеся своими «фольксгеверами»^[142] остановить семь советских армий. Регулярные пятничные чтения по радио передовиц Геббельса из еженедельника «Дас Райх» вызывали у людей уже не уверенность, а раздражение и скрытую злость.

Шестисотметровый пролив, разделяющий полуостров, на котором находился порт Пиллау, и северную оконечность косы Фрише Нерунг^[143], был запружен десятками судов. Часть из них была в полузатопленном положении, некоторые лежали на боку на дне пролива, загромождая

акваторию и мешая перемещаться военным кораблям и транспортным судам. Время от времени раздавался вой сирены воздушной тревоги, сразу вслед за этим рев бомбардировщиков Пе-2 и разрывы бомб. Немецкие зенитки вяло огрызались. Почти повсеместно на этом участке фронта в воздухе господствовала советская авиация.

Петляя между обломками судов по воде, затянутой мазутными пятнами, залив пересекал небольшой военный катер с тремя пассажирами на борту — высоким шатеном в камуфлированном костюме без знаков различия и двумя эсэсовцами с автоматами.

Это был начальник «Оперативной группы Б» оберфюрер Бёме с охраной. Он только что прибыл в Пиллау и должен был через полчаса встретиться с гаулейтером Восточной Пруссии Эрихом Кохом в его теперешней резиденции Нойтифе^[144] на косе Фрише Нерунг.

Каких-нибудь четыре часа назад в управление СД в Кёнигсберге пришла радиограмма, предписывающая Бёме срочно прибыть к гаулейтеру на доклад. Последний раз он виделся с Кохом на совещании в бункере у крайслейтера Вагнера, расположенном под Домом труда^[145] на улице Росгартен^[146]. Тогда они обсуждали проблемы организации обороны в городе. Кох был задумчив и немногословен. Зато Вагнер прямо-таки сыпал цитатами из выступлений фюрера и доктора Геббельса. Гаулейтер, не выдержав, остановил не в меру многословного коллегу и предложил перейти к обсуждению конкретного плана размещения огневых и фугасных зарядов для подрыва объектов.

Теперь Бёме спешил к гаулейтеру, который расположился со своим штабом в бункере в непосредственной близости от резиденции. Оберфюрер недолюбливал Коха за его высокомерие и пристрастие к роскоши. «Сам вышел из простых железнодорожников, а дорвавшись до власти, стал жить, как вельможа», — с раздражением думал Бёме. По роду своей деятельности Бёме знал, что Коха не любил и его шеф — рейхсфюрер Гиммлер. Когда-то, еще до прихода Гитлера к власти Кох «путался» с левонацистской группой Отто Штрассера^[147], за что чуть было не оказался жертвой террора в «ночь длинных ножей» в 1934 году. Но потом ему удалось все-таки завоевать доверие Гитлера, и он, простив Коха, назначил его гаулейтером Восточной Пруссии. Однако Гиммлер и особенно аппарат СД так и не смогли избавиться от недоверия к Коху, считая, что он в трудную минуту может предать фюрера.

Из мемуаров Эриха Коха «Краткий очерк политической карьеры», написанных им в польской тюрьме.

Июнь 1951 года

«...Летом 1933 года Гитлер вызвал автора этих строк в Мюнхен и заявил ему в присутствии Гесса и Фрика буквально следующее: „Кох, „старый господин“ (он имел в виду Гинденбурга) заявил, что если я назначу вас обер-президентом провинции Восточная Пруссия, то он подаст в отставку. Он (Гинденбург) перед лицом людей своего круга не может назначить обер-президентом радикального социалиста, такого, как вы. Однако я прошу вас дать мне время подумать. Вы никогда не были моим другом, но зато всегда были другом моего самого большого врага — Грегора Штрассера^[148]. Вы никогда не пользовались ни моей помощью, ни моей протекцией. Все, что создано в Восточной Пруссии, создано целиком вами, без моей помощи. Вы будете обер-президентом Восточной Пруссии, только дайте мне время. „Старый господин“ уступит. Я знаю, что, если вы принесете мне присягу, то вы будете ей верны“...

Это дословное высказывание Гитлера. Я сразу же его записал...»

У причала пассажиров катера ждал «опель», раскрашенный в грязно-коричневые цвета камуфляжа. На этой стороне было полно войск, переправившихся из Пиллау и готовящихся к обороне. Повсюду выкапывались окопы, делались завалы из остовов сгоревших автомобилей, обустроивались долговременные огневые точки. Пункт приема раненых, оборудованный во дворе сгоревшего дома, был переполнен. Сновали санитары с носилками, медсестры помогали передвигаться ходячим, перед палатками на земле лежали десятки тел с белеющими повязками, не то еще живых, не то уже скончавшихся от ран людей. И среди этого прифронтового хаоса бродили оборванные фигуры в гражданской одежде — перебравшиеся на эту сторону кёнигсбержцы, рассчитывающие найти спасение на косяке и теперь блуждающие в поисках временного пристанища и пищи.

Поселок Нойтиф был уже частично разбит бомбовыми ударами советской авиации. Несколько домов горело, и никто, конечно, не собирался их тушить. Колонна грузовиков стягивалась к старой крепости, расположенной на берегу моря чуть в стороне от поселка. Там шли интенсивные приготовления к долговременной обороне: завозились боеприпасы, вооружение, запас продовольствия, минировались подступы к

капонирам.

«Опель», подпрыгивая на рытвинах, образовавшихся на некогда безукоризненно ровной дороге, беспрепятственно выехал из поселка. Патруль полевой жандармерии, увидев автомобиль, вытянулся, приветствуя высокого посетителя. Дело в том, что «опель» принадлежал штабу гаулейтера и все охранники знали, что если машина едет в сторону резиденции, то она, скорее всего, везет кого-то на доклад к Эриху Коху.

Проехав мимо аэродрома с громадными ангарами, разбитыми во время последних бомбардировок, и обломками сожженных «фокке-вульфов» и «мессершмиттов», автомобиль свернул на узкую бетонную дорогу. Здесь уже не было ни души, так как патруль никого не допускал в район резиденции без спецпропусков. А их имели только немногочисленная обслуга, высшие чины НСДАП, ну и, само собой разумеется, отдельные руководители СД и гестапо.

Проехав по прямой дороге около пяти километров, автомобиль остановился перед глухими металлическими воротами. Резиденция гаулейтера была окружена высоким деревянным забором, покрашенным в темно-зеленый цвет. Повсюду на высоких шестах с оттяжками была развернута маскировочная сеть — штаб гаулейтера тщательно маскировался, чтобы, не дай бог, его не заметили с воздуха. Пока, по видимому, советские летчики ничего не знали о резиденции. Бомбы ложились в районе аэродрома, в поселке, у старой крепости. Здесь же не было ни одной воронки.

Охрана в маскировочных костюмах проверила документы у вновь прибывших, небрежно козырнув оберфюреру Бёме. «Совсем обнаглели, — с раздражением подумал он. — Если они охраняют гаулейтера, то уже не считают для себя обязательным с должным уважением относиться к старшим по званию». Охрану здесь нес взвод СС, подчиняющийся непосредственно Коху.

Ворота открылись, и автомобиль въехал на площадку перед домом. Здесь уже стояли несколько черных лимузинов, один крытый грузовик, десяток мотоциклов с колясками.

Дом был одноэтажный, с широкими двустворчатыми окнами, имеющими аккуратные ставни-жалюзи. Несколько ступенек вело к широкой двери с навесом, опирающимся на четыре граненые колонны. Черепичная крыша с мансардой, примыкающий к дому гараж с плоской кровлей из гофрированного железа, несколько хозяйственных построек поблизости — вот и вся резиденция. Для любящего роскошь и помпезность Коха это было несколько странным. Бёме, всякий раз бывая здесь с

докладами, испытывал чувство удивления: «Скромно живет наш гаулейтер. Совсем не так, как раньше, в Гросс-Фридрихсберге».

Сопровождающие оберфюрера охранники, спросив разрешение, ушли в караульное помещение, а Бёме, поднявшись по ступенькам, уже собрался открыть тяжелую дверь. Но стоявший рядом рослый эсэсовец с автоматом, указав рукой куда-то в сторону, проговорил:

— Господин оберфюрер, пройдите, пожалуйста, в бункер. Гаулейтер ждет вас там.

Бёме прошел под натянутой между деревьев маскировочной сеткой метров двадцать в указанном направлении и оказался у металлической двери в бетонном коробе спуска в бункер. Охранник услужливо открыл ее перед оберфюрером, и тот, придерживаясь рукой за перила, стал спускаться по довольно крутой лестнице в глубь подземелья.

Преодолев небольшой тамбур с вешалкой, Бёме оказался в просторном помещении, освещенном мягким электрическим светом. Деревянное покрытие стен создавало иллюзию легкости конструкции, как будто это не бункер, а какое-то легкое бунгало где-то в предгорьях Альп. На стенах висели несколько картин с сюжетами охоты и большая карта Восточной Пруссии с аккуратными шелковыми шторками.

Из-за стола поднялся адъютант Коха — двухметровый громила со шрамом на правой щеке — гауптштурмфюрер СС Гюнтер Ленц. Когда-то, будучи студентом Кёнигсбергского университета, он был одним из боевиков штурмового отряда Ремпа, громившего еврейские магазины и совершавшего налеты на рабочие кварталы Кёнигсберга. Потом служил некоторое время в четвертом моторизованном полку НСКК^[149]. Где «подобрал» его Кох, точно никто не знал, но уже на протяжении нескольких лет он был бессменным адъютантом гаулейтера.

— Добрый день, господин оберфюрер. Подождите немного, гаулейтер сейчас вас примет.

Бёме опустил в глубокое кресло, протянул руку к газете, лежащей на журнальном столике, но взять ее не успел. Дверь кабинета открылась, и на пороге показался сам гаулейтер.

Гаулейтер был невысокого роста, плотный, с широким лицом и уже обозначившимся вторым подбородком. Острые карие глаза, высокий лоб, темная, едва седеющая шевелюра с небольшими залысинами, массивный нос, придающий лицу несколько простецкое выражение. И, конечно же, знаменитые усики, известные каждому кёнигсбержцу. Вопреки обыкновению Кох был одет не в привычный френч с белой рубашкой и галстуком, на котором красовались петлицы с двумя золотыми дубовыми

листочками, увенчанными орлом с распростертыми крыльями, а в камуфляжную блузу с толстой шнуровкой, как какой-нибудь фельдфебель из гренадерской дивизии.

— Дружище Бёме, приветствую вас! Как добрались? Не попали под бомбежку? Проходите. — Кох слегка подтолкнул его в спину. — У меня здесь один гость. Нам нужно поговорить втроем.

Бёме прошел в кабинет.

В стороне от большого письменного стола на диване сидел седовласый мужчина в строгом темно-синем костюме. Рядом с ним на диване лежал набитый бумагами портфель. При появлении Бёме он встал с дивана и, сделав шаг навстречу оберфюреру, произнес:

— Рад встрече, господин Бёме. Как давно мы с вами не виделись.

Оберфюрер Бёме сразу узнал посетителя гаулейтера. Это был доктор Альфред Роде, директор художественных собраний Кёнигсберга, выдающийся ученый-искусствовед, имеющий мировую известность специалист по янтарю.

Первая мысль, мелькнувшая у Бёме, была: «Зачем он здесь? Он же совершенно штатский человек и никакого отношения к подготовке города к обороне не имеет!» Но тут же сообразил: «Кох наверняка неспроста сводит нас вместе в своем кабинете. Есть нечто такое, что для Коха не менее важно, чем оборона города...»

Бёме взгляделся в лицо доктора Роде. Оно было сосредоточенным и казалось несколько взволнованным. По всему было видно, что только что у них с гаулейтером шел какой-то чрезвычайно серьезный разговор. Роде нервно теребил ручку портфеля, передвигая ее из одной стороны в другую, как будто выполнял при этом только одному ему понятную работу.

«Нервничает! — подумал оберфюрер. — Сейчас, может быть, и я занервничаю...»

— Садитесь, господа. — Гаулейтер указал рукой на диван, а сам сел в кресло, стоящее рядом. — Я вызвал вас сегодня для того, чтобы вместе обсудить совершенно секретный вопрос. Не менее секретный, чем те, которыми вы занимаетесь, оберфюрер.

Кох сделал паузу. Провел рукой по густым волосам, потер ладони одна о другую, как бы раздумывая, с чего бы ему начать.

— Господа, положение вы знаете. Русские у стен Кёнигсберга. Наши героические солдаты дерутся, как тигры, отражая удар за ударом. Все, от мальчиков из гитлерюгенда до стариков фольксштурма, встали на защиту нашего города. Мы уверены, и об этом я доложил фюреру, что героические усилия нашего народа и наших солдат отбросят врага от стен Кёнигсберга.

Именно отсюда начнется перелом в битве с большевистскими ордами. Перед нами пример Фридриха Великого...

«Интересно, а сам он верит в то, о чем говорит? — подумал Бёме. — „Перелом“, „пример Фридриха“. Безумие! Он не хуже меня знает, что не только городу-крепости, но и всей кёнигсбергской группировке осталось сопротивляться не более двух-трех недель! Иначе бы зачем он дал указание готовить целый поезд для отправки сотрудников гауляйтунга в Саксонию? Железнодорожники уже сформировали этот состав, и он стоит в двух шагах от полицей-президиума в тупике на Северном вокзале».

Кох же, как бы убеждая самого себя, продолжал:

— ...Наша оборона неприступна. Наши солдаты тверды, как гранит. Но с трусами и предателями мы будем беспощадны. Расстрел на месте — вот наш ответ тем, кто сомневается в наших силах, кто не уверен в нашей победе!

Кох, видимо, почувствовав неуместность пафоса своей речи, вдруг осекся, как-то даже сник немного. Потом, собравшись с мыслями, продолжил уже более спокойно:

— Господа! Но мы должны с вами думать не только о судьбе города. Здесь, на этом клочке восточнопрусской земли остаются несметные богатства наших музеев и рыцарских замков, ценнейшие художественные собрания, боевые реликвии Пруссии и трофеи рейха. К сожалению, мы не смогли все вывести в глубь Германии. Коварный враг перерезал сообщение по суше, оставив нам единственную возможность — эвакуировать ценности морем или с помощью авиации. Но вы сами представляете себе, что и тот и другой вариант опасны, если не сказать хуже — практически невозможны. В небе господствуют русские самолеты, а на море хозяйничают русские корабли и подводные лодки...

Бёме почему-то вспомнилась речь Коха восемнадцатого октября прошлого года, когда в Кёнигсберг приехал Гиммлер для того, чтобы обратиться к вновь созданным частям фольксштурма. Гром оркестра, заклинания о неминуемой победе германского оружия, крики «хайль» — все это напоминало тогда шабаш ведьм на Броккене^[150]. Кох был особенно говорлив. Может быть, ему хотелось продемонстрировать свою решимость и преданность фюреру. Он буквально визжал, призывая новоиспеченных ополченцев «не щадить ни своей собственной крови, ни крови врага», «последовать героическому примеру борцов за свободу времен битвы народов под Лейпцигом», уверял, что «ни один вражеский солдат не ступит на священную землю Восточной Пруссии». Многим, но только не Бёме, тогда еще казалось, что русские не смогут прорваться к стенам

Кёнигсберга. Руководители спецслужб, как всегда, оказываются наиболее информированными и избавленными от иллюзий людьми.

— Вы меня слушаете, оберфюрер? — Голос Коха вернул Бёме из прошлогодних воспоминаний.

— Так точно.

— Я говорю о том, что вывезти ценности из города морем или по воздуху мы уже не сможем. Поэтому перед вами... — Кох сделал паузу и поправился: — ...перед нами стоит задача исключительной важности — обеспечить размещение сокровищ в надежных тайниках. Я разрешаю использовать все пригодные для этого укрытия, в том числе те, которые строились для размещения баз «Вервольфа», а также предназначались для проведения агентурной работы в городе на случай его захвата русскими. Дело это наисекретнейшее! Никто, кроме вас, господин Роде, и вас, господин оберфюрер, не должен об этом знать...

— Но, господин гаулейтер, для работ такого масштаба надо будет привлечь множество людей, — возразил Бёме.

Доктор Роде, как бы соглашаясь с точкой зрения оберфюрера, кивнул.

— Много людей? Привлекайте! Но делайте это... Как это у вас говорится в полиции? — Кох щелкнул пальцами и слегка улыбнулся. — «Втемную». Да! Делайте это «втемную». Вам помогут военные, вам окажет содействие гестапо. Я скажу крайслейтеру Вагнеру — и он тоже сделает все необходимое. Главное, чтобы круг лиц, знающих об этих объектах, был очень узким. Вы, Бёме, делать это умеете.

— Господин гаулейтер, разрешите? — Бёме, чувствуя, что сказанное занимает Коха ничуть не меньше, чем оборона города, решился задать вопрос.

— Да!

— Во-первых, мне нужно точно знать, о каких ценностях идет речь и где они сейчас находятся. Во-вторых...

— Подождите! Сразу решаем по первому вопросу. — Кох, повернувшись к доктору Роде, сказал — У господина профессора все есть: полные списки вещей, схемы их размещения, вероятные маршруты эвакуации... Речь идет о предметах, которые согласно моему распоряжению были укрыты в подземных бункерах и бомбоубежищах нашего города и в его окрестностях сразу после августовского налета вражеской авиации...

— Но, господин гаулейтер, часть из них не без нашей помощи была вывезена в прошлом году в глубь Германии, — не замедлил вставить Бёме. Но, почувствовав, что этим уточнением перебил Коха, смутился. —

Простите, гаулейтер!

Кох не привык, чтобы его перебивали. Даже друзья из числа «старой гвардии». Не говоря уже о том, что это было совсем непозволительно в служебных отношениях. Поэтому Кох слегка поморщился и резко сказал:

— Оберфюрер Бёме, я знаю, что говорю. И веду с вами речь не о тех ценностях, которые находятся в безопасном месте в рейхе. О них позаботятся... Я говорю об экспонатах и трофеях, за которые сейчас отвечает доктор Роде. А они, как вам известно, остались здесь, в городе...

— Простите, гаулейтер!

Кох резко встал. От некоего подобия добродушия, которое проявил Кох при появлении Бёме, не осталось и следа.

— Бёме! Я хочу сказать, что вы головой отвечаете за то, чтобы достояние рейха не попало в руки русских. Пусть оно будет погребено под руинами или похоронено на морском дне. Но оно ни в коем случае не должно достаться большевистским варварам!

— Так точно, гаулейтер. А то, что находится на складах в Меттетене?

— Часть по моему указанию была отправлена в рейх, часть мы разместили тут неподалеку — на двух подземных объектах в Пиллау.

— Господин гаулейтер, я могу быть свободен в выборе объектов для укрытия ценностей?

— Абсолютно, Бёме! У вас в руках все объекты «Вервольфа», все склады СС и СД. Вы знаете все, что связано с оборудованием подземных коммуникаций в интересах обороны города. Действуйте!

— Мы очень внимательно, господин гаулейтер, изучим возможности каждого объекта для размещения ценных предметов и выберем те из них, которые, по нашему мнению, будут наиболее надежными. Но я хотел бы спросить...

— О чем? — Кох насторожился.

— Я хотел бы спросить, разрешаете ли вы рассматривать в качестве объектов укрытия подземные сооружения Королевского замка?

Кох поднял брови.

— Вы считаете, что это потребуется?

— Господин гаулейтер, я полагаю, что некоторые предметы, хранящиеся у господина Роде, имеют такие габариты, что перевозка их в другое место будет слишком опасной.

— Какие, например?

— Ну, положим, Янтарный кабинет.

Оберфюрер Бёме посмотрел на доктора Роде, ожидая поддержки.

— Я согласен, господин гаулейтер, — проговорил до сих пор

молчавший Роде. — Янтарный кабинет, упакованный в ящики еще в прошлом году, лучше не перемещать по городу, а спрятать где-то в самом замке или поблизости от него. Если это, конечно, возможно. Он и так изрядно пострадал от...

— Хорошо! Можете использовать и замок! Но учтите, именно вы оба будете отвечать за то, чтобы ни одна живая душа не узнала об этом! Делайте, что хотите! Вы, Бёме, можете забросить любую дезинформацию, но только сделайте так, чтобы русские шли по ложному следу и искали там, где ничего найти невозможно. Вы же умеете это делать!

— Так точно, господин гаулейтер!

— Так, что еще?

— Господин гаулейтер, а ваша гросс-фридрихсбергская коллекция?

— А об этом, Бёме, не волнуйтесь. О судьбе моих коллекций я позаботился сам.

Было видно, что Кох крайне недоволен упоминанием о его личной коллекции. Лицо его побагровело, глаза сузились и зло смотрели на одного из руководителей кёнигсбергской СД.

Доктор Роде, почувствовав смену настроения гаулейтера, попытался загладить бестактность, допущенную Бёме:

— Господин гаулейтер, разрешите, мы обговорим с господином оберфюрером все детали, связанные с укрытием ценностей, и после того, как определимся по каждому вопросу, доложим вам наши предложения...

— Доктор! Да нет у нас времени определяться! Вы что, ничего не понимаете? Русские не сегодня завтра будут в городе, и все ваши коллекции пойдут прахом! «Определимся по каждому вопросу», «доложим», — передразнил Кох. — Да вы должны бегом бежать обратно в город и за три-четыре дня сделать все, чтобы ценности рейха не попали в руки большевиков!

Таким Коха не доводилось видеть Бёме никогда. Даже в самые трудные дни, когда у него случались большие неприятности, ни после возвращения Коха из Берлина, где Гитлер устраивал ему очередную головомойку, ни после двадцатого июля, когда было совершено покушение на фюрера, ни после прорыва русских и блокирования Кёнигсберга. От напыщенной речи, с которой Кох начал разговор, не осталось и следа. Перед ним был издерганный, близкий к истерике человек, осознающий неотвратимое приближение краха своей власти, своей карьеры, возможно, самой жизни.

Доктор Роде с удивлением, даже с испугом смотрел на Коха. Его обычно сосредоточенное лицо выражало высокую степень волнения — лоб

покрылся испариной, губы нервно поджаты, глаза, увеличенные стеклами в простенькой коричневой оправе, тревожно следят за гаулейтером. Только сейчас Бёме обратил внимание на неряшливый вид доктора искусствоведения — на съехавший галстук в мелкую полоску, несвежий воротник рубашки, мятый костюм, замызганные, давно не чищенные ботинки.

Оберфюрер Бёме давно знал доктора Роде, правда, поначалу только заочно. Еще в конце двадцатых годов, работая в одном из полицейских ревиров города, он наткнулся на книгу под названием «Кёнигсберг», которая очень понравилась Бёме своей обстоятельностью и оригинальностью. Потом ему не раз попадались книги Роде о янтаре, о коллекциях Королевского замка в Кёнигсберге, а в середине тридцатых, когда Бёме работал уже в полицай-президиуме, ему довелось посетить вернисаж восточнопрусских художников, устроенный в Выставочном зале рядом с башней Врангеля. Именно тогда он обратил внимание на молодого человека в очках — организатора выставки, которого все уважительно называли «доктор Роде».

Еще раз в поле зрения Бёме Альфред Роде попал уже накануне войны, летом тридцать девятого. Тогда по агентурным сообщениям, поступающим в возглавляемый Бёме третий отдел Главного сектора СД в Кёнигсберге, было установлено, что некое неизвестное лицо, занимающееся проблемами искусствоведения, завербовано и привлечено к сотрудничеству польской разведкой, имевшей свою резидентуру в восточнопрусской столице. Поначалу подозрение пало именно на доктора Альфреда Роде, занимавшего пост директора Художественных собраний Кёнигсберга. У него было много контактов с учеными из разных стран, в том числе из Польши. Именно поэтому контрразведка и приступила к его активной оперативной проверке, в ходе которой была глубоко изучена и фактически вывернута наизнанку вся жизнь уже известного ученого.

Однако вскоре выяснялась полная непричастность Альфреда Роде к шпионажу в пользу Польши, и один из сотрудников, занимавшийся этим делом, попросил у Бёме разрешения на конфиденциальную встречу с ученым. В ходе обстоятельной беседы сотрудник СД намекнул доктору Роде на то, что каждый гражданин, будь то простой рабочий слесарных мастерских или маститый ученый, обязан помогать в выявлении и разоблачении врагов рейха. Роде, естественно, не спорил, но и не проявлял готовности к сотрудничеству, постоянно подчеркивая, что наука отнимает у него все свободное время. Правда, при этом он вскользь упомянул о своем знакомстве с гаулейтером, о чем, впрочем, в СД уже знали. Именно по этой

причине Бёме не решился дать санкцию на вербовку доктора Роде и в дальнейшем контакты с ним продолжались на уровне доверительных отношений.

Доктор Альфред Роде был замкнутым и скромным человеком, пользовавшимся исключительным уважением и большим авторитетом у сотрудников Прусского музея, Общества древностей и многих других знавших его музейных работников. В 1938 году он вступил в нацистскую партию, что, безусловно, способствовало его блестящей карьере ученого в годы гитлеровского режима. Но в СД и гестапо было известно, что ученый придерживается либеральных взглядов, водит дружбу с некоторыми «подозрительными элементами». Его отношения с известным кёнигсбергским художником Эмилем Штумппом, уже во время войны арестованным гестапо, чуть было не стали причиной освобождения доктора Роде от должности.

Все это оберфюрер Бёме вспомнил, наблюдая за испуганной реакцией доктора искусствоведения на резкость Коха. Чтобы как-то сгладить возникшую напряженность, он сказал, обращаясь к гаулейтеру:

— Господин гаулейтер! Через четыре дня я доложу вам об исполнении приказа. Мы решим с господином Роде все вопросы, связанные с укрытием культурных ценностей. Если возникнут непредвиденные проблемы, прошу вас разрешить связаться с вами или обратиться к вашему заместителю господину Гроссхерру...

— Ни в коем случае, Бёме! Только со мной! Я полностью доверяю моему заместителю и товарищу по партии, но не надо его отвлекать от решения возложенных на него задач по подготовке города к обороне. Кроме того, мы уже договорились с вами, что все вопросы, связанные с укрытием ценностей, остаются между нами. Не будем отягощать ответственность других знанием того, что им совершенно не нужно. Желаю успехов!

Кох протянул руку, давая понять, что разговор окончен. Доктор Роде, а затем оберфюрер Бёме молча пожали ее и пошли к двери.

Дорога до Кёнигсберга заняла более двух часов, включая переправу через пролив у Пиллау и преодоление многочисленных пробок. Трижды броневый автомобиль оберфюрера Бёме проскакивал опасные места, буквально уворачиваясь от неминуемой бомбежки. Самолеты с красными звездами на крыльях безраздельно господствовали в воздухе. Они наносили удары по скоплениям войск, техники, по складам, вереницам машин на дорогах и наспех замаскированным огневым точкам, превращая все это в сплошное месиво искореженного металла, чадающей черным дымом резины и

кровавых ошметков, покрывающих землю. Но первоклассное броневое чудо техники, изготовленное на заводах германских фирм «Магирус» и «Даймлер-Бенц», именуемое «специальная машина 232», в котором ехали в Кёнигсберг Бёме и Роде, беспрепятственно добралось до города.

По дороге Бёме, сидя вместе с доктором в задней части броневомобиля, специально переоборудованной для двух пассажиров, ознакомился с «Перечнем ценных предметов», подготовленным Роде для доклада Коху. Это была папка-скоросшиватель в мягкой кожаной обложке, в которой насчитывалось не менее сорока листов машинописного текста, напечатанного через один интервал. В верхней части первого листа от руки было написано «Конфиденциально. Только для гаулейтера Э. Коха». По-видимому, эта пометка была сделана доктором Роде, подпись которого и стояла в конце длинного перечня.

Чего тут только не было! Живописные полотна выдающихся художников, изделия из золота и серебра, старинное оружие и доспехи, редкостные экспонаты знаменитого Пруссия-музеума и Художественного собрания Кёнигсберга, иконы и церковная утварь из православных храмов, изделия из слоновой кости и янтаря, уникальные средневековые рукописи и книги. Казалось, что вся география представлена в этом перечне — Германия и Польша, Россия и Украина, Белоруссия и Литва, Франция и Голландия, Япония и Индия...

Против каждого наименования указывалось число ящиков или коробок, а иногда просто количество предметов, а рядом карандашом доктором Роде была сделана надпись об их местонахождении в настоящий момент, например: «Западное крыло замка, подвальное помещение № 4» или «Бункер ПВО^[151] № 12, помещение № 9». И так далее.

Оберфюрер Бёме, знакомясь с документом, нашел упомянутый в разговоре с Кохом Янтарный кабинет из России, стоящий в перечне под номером 179. Почерком доктора Роде после перечисления количества ящиков было написано: «Северное крыло замка, подвальное помещение № 101». Бёме обратил внимание также и на запись о восьми ящиках, в которые была упакована Серебряная библиотека герцога Альбрехта, уникальное собрание книг XVI века по теологии в изумительных серебряных и позолоченных переплетах с превосходной чеканкой. Она тоже находилась в каком-то «бункере № 34».

Когда машина уже подъезжала к Кёнигсбергу и за окном замелькали ближние пригороды, оберфюрер Бёме договорился с доктором Роде о том, что они встретятся через пару часов на Лёнсштрассе для обсуждения всех необходимых вопросов, связанных с выполнением поручения гаулейтера.

— Жду вас на «Вилле W», дорогой доктор Роде. Времени у нас действительно очень мало. Не забудьте захватить все необходимые бумаги. До исхода ночи мы должны с вами четко определить новые места хранения ценностей... — Как бы спохватившись, Бёме поправился: — «Груза специального назначения».

Роде несколько удивленно взглянул на оберфюрера.

— Да, да, господин доктор. Теперь мы будем называть все ваши экспонаты и прочие ценности «грузом». Так проще и безопаснее. Давайте не будем привлекать ничье внимание к нашей затее. Договорились?

— Хорошо, господин Бёме. Я понял.

— Машину я за вами пришлю. До встречи.

Бронеавтомобиль притормозил на площади Адольф-Гитлер-платц^[152], там, где выезд со стороны Хуфена преграждала высокая баррикада, затем повернул в сторону полицей-президиума. Здесь Бёме распорядился, чтобы искусствоведа доставили на автомобиле на улицу Ланге Райе^[153], где в двух комнатах полуразрушенного здания бывшего Геолого-палеонтологического института размещались оставшиеся в городе сотрудники доктора Роде и некоторая документация, вывезенная ими из Королевского замка после памятной бомбежки в августе прошлого года. Сам же Бёме отправился на «Виллу W».

Через три часа в той же комнате, где накануне шло совещание о подготовке диверсионно-террористических групп «Вервольфа» к действиям в тылу советских войск, собрались четверо: начальник «Оперативной группы Б» оберфюрер Бёме, начальник кёнигсбергского отделения «Вервольфа» оберштурмбаннфюрер Готцель, ответственный за оборудование тайных складов диверсантов оберштурмфюрер Вурц и директор Художественных собраний Кёнигсберга доктор Роде.

На большом письменном столе с массивными ножками в виде львиных лап под ярким светом настольной лампы с красивым стеклянным абажуром в форме морской раковины лежал подробный план города, испещренный разноцветными карандашными пометками и значками.

— Я еще раз говорю вам, господин доктор, весь ваш «груз» разместить в абсолютно надежных укрытиях мы не сможем. У нас вообще не так много объектов, да и из тех, которые есть, не все могут быть использованы для этих целей. Поэтому, я повторяю, вы должны выделить из всего перечня десятка три-четыре наименований наиболее ценного «груза». Его мы разместим в стопроцентно неуязвимых подземных сооружениях. Остальное — будем рисковать!

— Ну как я, господин Вурц, могу определить, что наиболее ценное, а что...

— Тогда это сделаем мы!

Роде поморщился и приложил руку к затылку, как будто у него сильно болела голова. Затем безнадежно сказал:

— Хорошо. Я готов отметить наиболее ценные... наиболее ценный «груз». Но, поймите, как можно определить, что ценнее — картины Лукаса Кранаха или Икона Богоматери с младенцем, Янтарный кабинет или фолианты Серебряной библиотеки герцога Альбрехта?!

— Прошу вас, господин доктор, отметьте в перечне наиболее ценный «груз», — твердо проговорил оберфюрер Бёме. — У нас очень мало времени, да и к тому же работа с вами — не единственное занятие СД!

— Я понимаю, — обреченно проговорил Роде.

Он устало опустился на стул, стал просматривать свою папку-скоросшиватель, медленно водя пальцем по каждой строчке перечня. На полях его против отдельных записей стали появляться галочки, поставленные красным карандашом. Выделение наиболее ценного «груза» из всей массы культурных ценностей началось.

Через двадцать минут доктор Роде закончил эту явно не приятную и неимоверно тяжелую для него работу. Пока он делал отметки в перечне, участники совещания молча стояли у стола и по очереди читали полученный накануне приказ Гиммлера, Кейтеля и Бормана об активизации действий фольксштурма.

— Господа, я сделал все, что вы просили. — Доктор Роде протянул оберфюреру Бёме папку.

Тот небрежно взял ее и быстро стал просматривать страницу за страницей, обращая внимание на отмеченные доктором Роде пункты. Отдельные позиции вызывали у Бёме вопросы, и он спрашивал искусствоведа:

— Вот у вас отмечено: «Серебряные бокалы и кубки, XVIII–XIX век. 29 штук. Три ящика». «Янтарный кабинет. 14 ящиков». А какие размеры этих ящиков?

Роде давал обстоятельные пояснения по каждому предмету или группе предметов. Размеры «груза» стали приобретать для участников совещания более четкие очертания. Постепенно становилось понятным, какие из имеющихся тайных объектов могут быть использованы для складирования ценностей, в том числе путем тщательной их консервации на длительное время.

Оберштурмфюрер Вурц, в течение уже более двух месяцев

занимавшийся оборудованием тайных складов и укрытий «Вервольфа» на территории Восточной Пруссии, предложил сосредоточить «груз» в трех местах — на объектах «W-3», «W-17» и «W-19». Под первым условным наименованием фигурировал бункер глубокого залегания, расположенный между двумя кёнигсбергскими универмагами, «ДЕФАКА» и «КЕПА», построенный еще летом 1944 года. Два других объекта означали переоборудованные для нужд «Вервольфа» подвальные сооружения в районе форта № 3 под Кведнау^[154] и неподалеку от ипподрома.

— Вы сообщаете, что говорите, Вурц? — бурно среагировал на предложения своего подчиненного оберштурмбаннфюрер Готцель. — Мы готовили объект «W-3» для активного использования нашими боевыми группами, провели целый комплекс дополнительных работ по его маскировке, угробили массу сил...

— Подождите, Готцель! — прервал его Бёме. — Вы что же, думаете, что поручение гаулейтера менее важно, чем задачи «Вервольфа»?

— Господин оберфюрер, я считаю, что для целей укрытия «груза» ни в коем случае нельзя использовать те сооружения, которые подготовлены для боевых операций...

— Вы можете полагать себе что угодно! Но здесь решаю я! Продолжайте, Вурц!

По всему было видно, что Бёме не на шутку рассержен. Конечно, он понимал, что неожиданное задание гаулейтера нарушает все тщательно подготовленные планы организации нацистского подполья, но, как осведомленный человек, не мог не видеть тщетность любых попыток реально противостоять русским. Гитлеровский режим был обречен. Третий рейх доживал последние дни, и все, что делалось нацистской верхушкой для организации партизанской войны, было обречено на провал и лишь затягивало его предсмертные конвульсии.

Получив задание гаулейтера принять участие в укрытии ценностей, Бёме неожиданно для себя стал обретать еще неосознанную уверенность в том, что у него появляется шанс не только выжить, но и обеспечить себе какие-то перспективы на будущее. Он, оберфюрер СС с биографией «старого борца» и преданнейшего соратника Гиммлера, не мог рассчитывать на благосклонность победителей. Он понимал, что советская контрразведка сделает все для того, чтобы он не выбрался из кёнигсбергской западни. А там... Об этом оберфюреру Бёме думать не хотелось. Позади была долгая работа в СД — выявление советских разведчиков, подпольщиков и партизан, акции по уничтожению «нежелательных элементов», вербовки, перевербовки, оперативные игры и

заброска диверсантов в тыл врага и, наконец, теперь — организация нацистского подполья в тылу Красной Армии.

«Русские, конечно, не простят мне активную работу против них, — думал Бёме. — Они или убьют меня сразу, как „военного преступника“ или отправят в Москву, где будут допрашивать долгие годы». Разумеется, оберфюрер Бёме был прав: в списках агентов-опознавателей советской контрразведки он был обозначен под первым номером сразу после того, как Красная Армия вступила на территорию Восточной Пруссии и стала «добивать фашистского зверя в его логове». Сведения о нем дали также и попавшие в руки советских контрразведчиков диверсанты-террористы.

Из протокола допроса Пауля Херцига от 15 апреля 1945 года

«...БЁМЕ — оберфюрер, начальник Сихергейтцполицай и СД, айнзатцгруппы „Б“, 35–40 лет, высокого роста, шатен, лицо круглое, последнее время в Кёнигсберге был командиром СС (СС полк БЁМЕ). Оставался в городе Кёнигсберг. Где в настоящее время, мне не известно...»

— Вурц, доложите подробнее об объекте «W-3», — приказал Бёме.

— Господин оберфюрер, объект «W-3» был сооружен еще в апреле прошлого года в соответствии с директивой рейхсфюрера как запасной пункт хранения архивных материалов Главного сектора СД в Кёнигсберге...

— Я знаю, — перебил Бёме. — Мне докладывали о нем осенью, после террористического налета англичан...

— Там все подготовлено для размещения группы. В главном бункере, который расположен на глубине двенадцати метров, оборудованы помещения для размещения личного состава. Объект полностью укомплектован всем необходимым, в нем действует автономная электростанция, локальная сеть водоснабжения и канализации. Складские помещения загружены по полной описи...

— Понятно. А документов там не осталось?

— Господин оберфюрер, все материалы, включая картотеки и розыскные книги, уничтожены еще в январе, а личные дела агентуры, согласно указанию реферата IV–С из Берлина, микрофильмируются нашей спецлабораторией...

— Знаю. А сколько в бункере «W-3» свободного места?

— Свободного? — с недоумением переспросил Вурц.

— Ну, свободного места для размещения «груза», — уточнил Бёме.

— Господин оберфюрер, там свободного места нет совсем. Если вы дадите указание разместить в бункере «груз», тогда надо освобождать склады оружия, боеприпасов и продовольствия.

Бёме задумался. Конечно, это было заманчивым — укрыть большую часть ценностей в самом центре города, на одном из наиболее крупных и законспирированных объектов.

— Да, а как, кстати, с доступом на объект «W-3»?

— Объект тщательно замаскирован. Для его строительства была использована убедительная легенда, к земляным и проходческим работам привлекался строго ограниченный контингент, в основном, рабочие строительного батальона СС под командованием зондерфюрера Грёнера да несколько прикомандированных...

— Утечка информации об объекте исключена?

— Но... господин оберфюрер, исключать утечку нельзя...

— Можно, Вурц! Можно! Только все надо делать с умом! Ладно! Продолжайте.

— После завершения строительства площадка на поверхности была выровнена и на хозяйственном дворе ликерной фабрики организована торговля угольными брикетами. После налета в августе 1944 года вся площадка оказалась заваленной обломками стен стоящих вокруг зданий. Кроме того, при очистке проезжей части был организован вывоз мусора с ближайшего перекрестка. Так что теперь там горы кирпичей и щебня до второго этажа...

— А доступ? — с удивлением спросил Бёме.

Он, естественно, знал о существовании объекта, сам давал указания временно разместить там часть архива СД. Но ему ни разу не пришлось побывать там. Впрочем, этим занимались эсэсовские чины пониже.

— Проход в бункер обеспечивается с двух сторон. Один — из подвального этажа универсама «ДЕФАКА» по замаскированному колодцу, другой — из канализационного коллектора «северо-западного луча» — Ланге Райе — Гогенцоллернштрассе — Мюленплатц^[155].

— А его не зальет сточными водами?

— Ну что вы, господин оберфюрер! Полная герметизация, шлюзовая камера, абсолютно надежная маскировка!

Бёме хмыкнул и уставился на Вурца. В его взгляде наблюдались неприкрытая ирония и даже насмешка.

— Я что-то не так сказал, господин оберфюрер? — насторожился Вурц.

— Два входа! Один от другого на двести метров!..

— На сто восемьдесят! — поправил Вурц.

— Ну на сто восемьдесят! И вы предлагаете запихнуть туда «груз»? Да перед этим выволочь из бункера все, что туда напихали! Доктор Роде! — Бёме обратился к до сих пор молчавшему ученому. — Скажите, эти ваши ящики можно затащить через колодец или по подземному коллектору?

— Что вы, господин Бёме! Есть такие, что с ними не повернешься и на свободной площадке. Тяжелые и большие. Когда мы перетаскивали все в северное крыло замка, у меня на каждый ящик было по шесть-восемь человек...

— Вы слышите, Вурц? Восемь здоровых солдат должны тащить этот груз через этот ваш колодец! Я посмотрю на вас, как вы это все сделаете! Соображать надо головой, а не...

Оберфюрер не договорил — всем уже было ясно, что Вурц предлагает совершенно не приемлемый вариант.

— Ладно, объект «W-3» не подходит! Используйте его, как и намечалось! Кстати, за кем он закреплен?

— За гауптштурмфюрером Шлегелем.

— Хорошо. Он надежный парень и опытный офицер СД. Давайте дальше!

— Я предлагаю еще объект «W-17».

— В Кведнау?

— Да, рядом с фортом «Фридрих Вильгельм IV».

— Там тоже надо спускаться в колодец? — съязвил Готцель.

— Да, к сожалению. Это специфика наших объектов. Почти все они построены по одному принципу: углубленный бункер или переоборудованный подвал, имеющий два входа, как правило, это колодцы или узкие ходы, которые связаны с другим подземным сооружением или канализационной системой.

— А третий объект?

— «W-19»?

— Да.

— Это бункер в районе ипподрома, господин оберфюрер. Еще в тридцать девятом военные собирались построить там бетонное убежище противовоздушной обороны. Для этого были завезены строительные материалы и вырыт котлован. Но потом от строительства отказались...

— Короче, Вурц! — Оберфюрер Бёме поморщился. — Если мы будем выслушивать здесь все ваши истории, нам не хватит никакого времени. А к утру мы должны определиться.

— Извините, господин оберфюрер. Я хотел только...

Оберштурмфюрер Вурц не успел договорить. Стены дома сотряс мощный взрыв, затем второй. С потолка посыпалась штукатурка. Где-то за стеной зазвенела падающая посуда. Лампа под стеклянным абажуром в виде раковины потускнела, а затем и вовсе погасла. В комнате стало совершенно темно. Было слышно, как на улице кто-то истошно вопил: «Алярм! Алярм!»^[156]. Еле слышный гул самолетов не оставлял сомнения, что начался очередной налет.

— Тьфу ты, черт! Русские начинают свою ночную программу! — Голос Бёме был резким и встревоженным.

Дверь в кабинет распахнулась, и вошел дежурный офицер с фонарем в руке. Обращаясь к старшему начальнику, он сказал:

— Господин оберфюрер! Вам надо спуститься в бункер. Там все готово.

— Ну что ж, пойдете. Вурц и вы, Готцель, соберите все документы и карту. Продолжим внизу. — И, обращаясь к доктору Роде, проговорил: — Уважаемый господин доктор, прошу в наши подземные апартаменты!

В специально оборудованном подвале было намного тише и, конечно, безопаснее. Раскаты разрывов доносились сюда, как слабый отделенный шорох, и, хотя стены все-таки немного сотрясались от взрывов, здесь было намного уютнее, чем наверху.

Бёме продолжил совещание:

— Кроме всего прочего, господа, я прошу вас при складировании, транспортировке и укрытии ценностей не игнорировать опыт зондеркоманд Министерства иностранных дел. Если вы начинаете заниматься этим только сейчас, то они имеют богатейший опыт, приобретенный во Франции, генерал-губернаторстве^[157], в России, наконец. Конечно, это несколько иной опыт. Они не занимались строительством и оборудованием тайных укрытий. Но то, как четко была налажена работа у них, я имел возможность сам убедиться, будучи в Ревеле в августе сорок первого года.

Как только войска ворвались в город, зондеркоманда МИДа под командованием гауптштурмфюрера... Не помню его фамилии... эта зондеркоманда захватила практически все основные объекты русских — Совет министров и Наркомат внутренних дел, размещавшиеся в замке, штаб корпуса, немецкое, английское и французское посольства, топографический институт, статуправление, порт. И не только захватила, но и очень быстро смогла подготовить захваченные трофеи, в том числе множество документов, к вывозу в рейх. А как они работали! Быстро, четко, целенаправленно!

Из Сообщения о деятельности зондеркоманд МИД в Нарве, Тарту, Ревеле^[158] и Балтийском порту. 1941 год

«...Всюду эйнзатцкоманде удавалось первой найти и захватить интересующие ее объекты. К тому же один сотрудник бывшего немецкого посольства в Москве оказывал им большую помощь. Материалы вначале просматривались на специальных пунктах...

Было захвачено свыше 10 000 карт... Были вскрыты многочисленные сейфы и несгораемые шкафы при помощи специальных, первый раз применяемых в команде частей, оснащенных приборами автогенной резки. Этим самым значительно облегчалось хранение материалов...»

— Впрочем, я отвлекся. — Оберфюрер Бёме устало сел в кресло. — Вурц, продолжайте ваш доклад. Только без излишних подробностей. На это у меня нет ни времени, ни сил.

К утру, уставшие от бессонной ночи и непрерывного обсуждения наиболее подходящих вариантов укрытия ценного «груза», участники совещания в подземном бункере виллы на Лёнсштрассе пришли к окончательному решению: все мелкие ящики, которые можно довольно быстро переместить по городу, должны быть укрыты в четырех точках — небольших подземных хранилищах, расположенных в черте Кёнигсберга. В двух из них — рядом с развалинами Росгартенской кирхи и под склепом на кладбище в районе Шёнфлис^[159] — уже завершались работы по складированию боеприпасов, и следовало немедленно их прекратить. Другие были уже давно законсервированы на случай необходимости перебазирования диверсионно-разведывательных групп.

Большой подготовительной работы для размещения «груза» на этих объектах не требовалось. Вурц доложил, что все помещения очень тщательно отделаны гидроизоляционными материалами, снабжены дренажем, который в крайнем случае может обеспечить вывод из них просочившихся сточных вод. Размеры бункеров позволяли без особого труда загрузить в них все ящики и коробки, которые находились под «опекой» доктора Роде. Главная задача — не допустить расшифровки объектов.

— Все работы надо будет делать конспиративно! Нельзя допустить, чтобы кто-то из местных жителей догадался о том, что там проводятся какие-то работы! — наставлял Готцеля и Вурца оберфюрер Бёме. — Все

надо делать, как правило, ночью, а если днем, то маскируясь под обустройство укрепленных огневых точек или хозяйственные работы военного назначения. Ни одна живая душа не должна догадаться о местонахождении объектов.

— Господин оберфюрер, через опытных и надежных агентов мы доведем до оставшегося населения и расквартированных воинских частей соответствующие легенды. Уверяю вас, никто ничего не заподозрит. Техника у нас есть, в качестве грузчиков будем использовать военнопленных. С последующей ликвидацией.

— Разумеется, разумеется.

Чувствовалось, что Бёме смутился при последних словах Готцеля. Повернувшись к доктору Роде, он сказал:

— Ну как, доктор, вы согласны с предложенными вариантами размещения «груза»?

— Да, господин Бёме. Но мне пока непонятно, что мы будем делать с крупногабаритными вещами — большими картинами, коллекцией доспехов, Янтарным кабинетом, наконец...

— Что делать? Прятать, доктор! Прятать!

— Но где?

— По-видимому, там, где они сейчас и находятся: оружие и доспехи — в Лохштедтском замке, ваш «янтарный трофей» — в Королевском замке. Для картин мы освободим одно из помещений главного объекта «Вервольфа» — бункера рядом с Домом труда на Росгартен.

— Но там же располагается крайслейтер Вагнер!

— Не беспокойтесь, доктор. Я имею в виду другое место.

— Господин Бёме, а что мы будем делать с другими ценн... с другим «грузом»... ну, тем, который я не отметил в перечне?

— И здесь, доктор Роде, вы можете полностью положиться на СД. Оберштурмбаннфюрер Готцель сделает все возможное, чтобы этот «груз» не пропал и не оказался в руках у русских. От вас требуется только одно: четко выполнять наши рекомендации и не допустить, чтобы хоть еще один человек, кроме нас, узнал о местах укрытия ценностей.

— «Груза», — поправил Роде.

— Да, «груза», — поправился оберфюрер Бёме. — Доктор, вы делаете успехи в вопросах конспирации. Может быть, вы перейдете на службу в СД?

— Благодарю. Я не создан для подобной работы, — совершенно серьезно сказал Роде.

— Как знать! — Бёме смерил искусствоведа долгим и недобрый

взглядом. — Идите и отдохните немного. В десять утра к вам придут машины. Всеми погрузочно-разгрузочными работами будет руководить оберштурмфюрер Вурц.

Оберфюрер протянул доктору Роде руку. Тот вяло пожал ее и, взяв портфель, пошел к двери.

— Да, господин Роде! Я попрошу все ваши документы оставить здесь. И подготовьте, пожалуйста, к уничтожению бумаги, которые хранятся на Ланге Райе.

— Но, господин оберфюрер, там же картотека замковых коллекций, перечни экспонатов Прусского музея, все описи, переданные мне «Группой Кюнсберга»^[160].

— Сожалею, доктор! Но это нам с вами сохранить не удастся. Давайте будем думать о главном! До свидания!

Доктор Роде поставил портфель на длинную деревянную скамью, обвел глазами покрытое мраком помещение бункера и тихо прошептал:

— Это ужасно, господа. Это ужасно.

Дежурный офицер проводил его к стоящему во дворе «Виллы W» автомобилю. Было четыре часа утра двадцать девятого марта 1945 года. До штурма города советскими войсками оставалось восемь суток.

Из книги Отто Ляша «Так пал Кёнигсберг. Борьба и гибель восточнопрусской столицы». Мюнхен, 1958 год

«...28 января 1945 года. Генерал-полковник Рендулич в Кёнигсберге. Имперский комиссар обороны Кёнигсберга Кох покидает город со своей свитой и руководителями учреждений и оставляет за себя партийным уполномоченным крайслейтера Вагнера.

В середине дня взорван мост на автострате севернее Голлау. Мы теряем Людвигсвальде, Нойхаузен, Танненвальде^[161] 5-я танковая дивизия закрыла подступы к Кёнигсбергу с юга. В ночь на 29 января противник занимает форт „Дона“ и промежуточное укрепление Альтенберг^[162].

В ту же ночь успешная оборонительная операция севернее Кведнау, входе которой подбито 30 танков противника. Бои в пригородах Кёнигсберга с участием фольксштурма.

29 января 1945 года. Русские прорвались между Бранденбургом^[163] и Хаффштромом и подошли к заливу Фришес Хафф. В руках у противника — Годринен, Транквитц, Варген^[164]

...»

Глава 6

Пасхальные костры

Поднимать, а тем более тащить тяжелые ящики по узким коридорам замка было нелегко, и люди в грязно-серой униформе без знаков различия, кряхтя и чертыхаясь, с трудом поворачивались в узких дверных проемах и на лестницах. Замок сгорел еще летом прошлого года, когда англичане и американцы совершили свой «террористический налет» на город. Тогда полыхали ярким пламенем тысячи домов Кёнигсберга, в считанные минуты превратились в прах дома Альтштадта — Старого города, стали зловещими дымящимися руинами Кафедральный собор, университет, почтамт, оперный театр, биржа и многие другие сооружения восточнопрусской столицы.

Северное крыло Королевского замка, где проводились работы, представляло собой остов некогда могущественного сооружения, построенного в годы господства Тевтонского ордена. Даже сейчас, когда все было разрушено, можно было видеть могучие стены со стрельчатыми окнами-арками, длинный ряд прямоугольных отверстий на уровне третьего этажа — следы рыцарской турнирной галереи, каркас старинного винного погребка «Блютгерихт» — «Кровавый суд», «примостившегося» у закопченных стен. Сгоревший орденский замок не утратил своего прежнего величия, только казался теперь более зловещим. В пустых закопченных оконных проемах виднелись мрачные ниши в стенах, скошенные, готовые рухнуть балки перекрытий, металлические решетки...

В течение последних трех недель в развалинах замка проводились интенсивные фортификационные работы по подготовке его к обороне. Для того чтобы это сделать наиболее профессионально, к работам были привлечены компетентные специалисты своего дела: бывший старший советник по строительству Ганс Гербах и советник кёнигсбергского управления подземного строительства Эрнст Мунир. Оба инженера неплохо знали особенности объемно-пространственной архитектуры Королевского замка, в том числе его многочисленных подземных лабиринтов и сооружений. Гербаха разыскали по указанию крайслейтера Вагнера в одном из батальонов фольксштурма, где он нес караульную службу на военных складах Шёнбуша^[165], а Мунира — в подвале его полуразрушенного дома на Герхардштрассе^[166].

Гербах и Мунир после инструктажа у крайслейтера Вагенра в подземном бункере под Домом труда были представлены в СД оберфюреру Бёме.

— Господа, не буду долго говорить о том, что вы волею судьбы становитесь участниками работы государственной важности, — говорил Бёме. — Степень секретности этих работ столь высока, что мы были вынуждены отвергнуть не одну кандидатуру, прежде чем остановились на ваших, вас, господин Гербах, мы знаем как истинного патриота Германии, кавалера Железного креста второй степени за участие в боях на Марне в 1914 году, а вас, господин Мунир, как человека, к помощи которого мы ни раз прибегали, когда этого требовали интересы безопасности. Мы уверены в вашей преданности фюреру. Поэтому доверяем решение столь ответственных задач.

Оба инженера-строителя заверили Бёме в том, что он может полностью полагаться на их преданность и что они готовы выполнить любое поручение.

Бёме представил инженерам двоих офицеров — оберштурмфюрера Крайхена и оберштурмфюрера Вурца.

— Эти сотрудники отвечают за сооружение и переоборудование подземных объектов в Кёнигсберге в интересах СД. Они будут контактировать с вами по некоторым вопросам. Вы обязаны выполнять все их указания беспрекословно...

— Но, господин Бёме, — робко проговорил Гербах. — Крайслейтер Вагнер, когда мы были у него на прошлой неделе, сказал нам то же самое про себя...

— Не понял... — Оберфюрер поднял брови.

— Он сказал, что мы должны беспрекословно выполнять только его указания.

Бёме недовольно посмотрел на обоих. В его сузившихся глазах прочитывался едва скрываемый гнев.

— Я еще раз повторяю: вы обязаны беспрекословно выполнять указания моих сотрудников. Что вам говорил крайслейтер — это его дело. Он отвечает за организацию фольксштурма и оборону города по линии партии. Я же отвечаю за все. Прежде всего за то, чтобы враги рейха и фюрера не могли помешать нашим доблестным солдатам защищать священную землю тевтонов. Я подчиняюсь только двоим начальникам — нашему фюреру Адольфу Гитлеру и рейхсфюреру Гиммлеру. Понятно?

— Так точно, господин оберфюрер! — ответил вдруг четко, по-военному Гербах. Наверное, в эту минуту ему вспомнились годы службы в

кайзеровской армии и ротный фельдфебель, от зычного крика которого у них, молодых новобранцев, стыла кровь в жилах. — Все понятно, господин оберфюрер!

— Вурц, введите их в курс дела.

Так оба советника оказались посвящены в самые сокровенные тайны СД конца войны, в том числе связанные с созданием тайных баз «Вервольфа» на территории Кёнигсберга.

В течение буквально нескольких дней был прорыт туннель, соединяющий подземелье северного крыла Королевского замка с Альтштадтской кирхой. Он проходил через подвалы домов Старого города, петляя среди древних фундаментов, натываясь на дренажную систему, и соединялся с городским канализационным коллектором. На строительстве туннеля трудились свыше трех десятков человек, в основном польских рабочих из лагеря «Шихау» и строительного взвода «Оперативной группы Б».

Второй туннель, получивший условное наименование объект «Б-Зет», был сооружен в восточной части Королевского замка. Из подвалов здания Унфрида^[167] шел старый рыцарский подземный ход. От него был прорыт, вернее сказать, проложен среди фундаментов другой ход, который круто спускался вдоль Шмидештрассе^[168] в сторону Прегеля. Этот туннель уже не имел выхода в канализационный коллектор, но соединялся с рядом сохранившихся среди развалин Старого города водосточных колодцев. Гербах и Мунир руководили всеми работами по сооружению туннеля, не понимая только одного: зачем нужен подземный ход в этом направлении? Ведь поверхность земли здесь шла под уклон, дома были вдреизг разбиты еще во время августовской бомбардировки города, а близость реки позволяла опасаться, что даже после незначительного дождя ее воды могут затопить подземный туннель.

Руководивший этой работой оберштурмфюрер Вурц дважды пресекал неуместные вопросы инженеров о целесообразности строительства туннеля, а на третий раз просто пригрозил им:

— Господа! Ваш повышенный интерес к использованию объекта «Б-Зет», по-моему, заслуживает внимания гестапо.

Гербах и Мунир даже замерли от неприкрыто сделанной угрозы.

— Но, господин Вурц... — попытался что-то возразить советник Мунир.

— Ваше дело выполнять мои указания и не задавать глупых вопросов! Все!

На этом разговор был закончен, и инженеры больше ничего не спрашивали. Они тупо выслушивали указания оберштурмфюрера и продолжали руководить строительными работами.

К строительству второго туннеля были привлечены только русские военнопленные. Оборванные и грязные, они с трудом передвигались среди развалин, копошились в подземных казематах восточного крыла Королевского замка и многочисленных подвалах Старого города. Эсэсовская охрана покрикивала на них, подгоняла, заставляла быстрее выполнять невыносимо тяжелую работу — вытаскивать грунт и каменные обломки из подвалов, ломami и кирками пробивать толстые фундаменты, укреплять потолок туннеля металлическими балками и решетками.

В подземелье был протянут кабель и развешаны лампы-подсветки. В сумраке подвалов, при слабом свете этих ламп военнопленные казались призрачными тенями прошлых столетий. Охрана так их и звала — «призраки». Вся территория, где проводились работы, была оцеплена фольксштурмом, но ополченцы, стоящие в цепи, не могли видеть, а тем более знать характер работ, проводимых в замке. Они были осведомлены только об одном — в связи с подготовкой русскими генерального штурма города укрепляются все объекты, которые могут быть использованы для обороны. А в том, что скоро в Кёнигсберге развернутся уличные бои, не сомневался уже никто.

К тому моменту, когда оберфюрер Бёме получил от гаулейтера Коха указания об укрытии ценностей на объектах «W», то есть в подземных сооружениях «Вервольфа», а после этого согласовал все конкретные вопросы с доктором Роде, практически все объекты были построены, оборудованы и приспособлены для целей диверсионной борьбы. Теперь нужно было предпринять все необходимое, чтобы скрытно разместить в некоторых из них особо ценный «груз», предварительно освободив необходимые помещения от складываемых в них оружия, боеприпасов, снаряжения и продовольствия. Для этого уже не требовалась помощь Гербаха и Мунира. Оберфюрер Бёме лично поблагодарил их за четкое исполнение служебного долга, еще раз напомнил о том, что они обязаны все «забыть» и никогда, ни при каких обстоятельствах никому не сообщать о работах, в которых они принимали участие совместно с СД.

— Господин Гербах! Господин Мунир! Вы достойные солдаты фюрера! Вы профессионально выполнили поставленную перед вами задачу. Я обещаю вам, что руководство Имперского управления безопасности побеспокоится о ваших семьях и о вас лично. Я согласовал вопрос о вашей отправке в Германию морем. Вот пропуска и посадочные

предписания. — Бёме протянул Гербаху документы. — Прошу вас прибыть завтра в Пиллау и обратиться к гауптштурмфюреру Нолле — начальнику нашего отделения. Он обеспечит вас всем необходимым, временно разместит в гостинице «Золотой якорь», а потом организует отправку в Шлезвиг-Гольштейн^[169]. До Пиллау вас довезет наша машина. Она будет стоять на Гендельштрассе^[170] около второго входа в полицей-президиум. Удачи!

Этимися словами Бёме закончил непродолжительную беседу с Гербахом и Муниром в трехэтажном особняке на Лёнсштрассе, именуемом «виллой W».

Растроганные заботой оберфюрера, оба советника долго жали руку Бёме, подобострасно повторяя: «Спасибо, господин оберфюрер! Спасибо, господин оберфюрер!» Так как день был уже на исходе, они поспешили по домам, договорившись встретиться утром у полицей-президиума. Надо было срочно собрать вещи перед дорогой, которая могла стать спасением, казалось, уже совсем безвыходной ситуации. Со дня на день ожидалось, что русские ворвутся в город.

Ганс Гербах жил на Штайнштрассе, неподалеку от перекрестка с Хаммервег^[171]. Дома здесь почти не пострадали, несмотря на регулярные авианалеты. Несколько зажигалок, упавших на соседний дом, быстро потушила бригада содействия противовоздушной обороне, в которую входили жильцы близлежащих домов и члены организации «Гитлерюгенд».

Несмотря на то что дом сохранился, жильцов в нем почти не осталось. Соседями советника были высокопоставленные чиновники городской администрации, но большинство из них покинули Кёнигсберг. Городской советник Куно Раабе был арестован гестапо еще в августе прошлого года. Как выяснилось, он был одним из активных участников заговора против Гитлера и по приговору «Народного трибунала» в Берлине был осужден к смертной казни. Президент восточнопрусского финансового суда Риде вместе с семьей поспешно покинул Кёнигсберг еще в прошлом году, а советник фон Кноблох канул в безвестность во время налета на город в августе 1944 года. Во всем доме оставались лишь сосед Гербаха по этажу, престарелый университетский профессор Мерц, которому со своей больной женой уже некуда было ехать, да беженцы из Инстербурга, занявшие пустующую квартиру на первом этаже.

Советник Ганс Гербах, занятый последние несколько дней строительством укреплений, почти не бывал дома. Его жена Эмма, после

того как пришло известие о гибели их сына при наступлении англичан и американцев в Арденнах, постоянно сидела в старом кожаном кресле, перебирая письма и старые фотографии. Она словно помешалась — твердила какие-то бессвязные слова, время от времени плакала, потом надолго забывалась, закрыв лицо руками, и сидела так часами, не проронив ни звука. Ганс еженедельно приносил домой паек, получаемый в саперной части, к которой он был теперь приписан. Собственно, последнее время с продуктами в городе стало совсем плохо, и советник принес в этот раз лишь два фунта серого эрзац-хлеба, шесть банок сардин, две пачки маргарина, маленькую баночку суррогатного кофе и (о чудо!) аккуратно упакованную в цветную фольгу плитку темно-бордового, почти черного мармелада.

Из информации агента советской контрразведки Л об обстановке в городе перед штурмом его советскими войсками

«Снабжение населения Кёнигсберга продуктами питания было неплохое, и люди, в общем, жили лучше, чем раньше по карточкам... В большинстве случаев вместо говядины выдавалась конина. Картофель был почти что в каждом погребе, так как заранее был на основании приказа распределен по погребам...

Населению иногда выдавался дополнительный паек. На Пасху выдали пшеничную муку и сахар и, кроме того, водку... Я впоследствии не встретил ни одного человека, который утверждал бы, что ему пришлось голодать во время осады города. Управление здравоохранения давало слабосильным, желудочным больным и другим подобным гражданам ордера на получение молока, белого хлеба, жиров и т. д.».

— Эмма! Мы уезжаем! Завтра утром! — радостно выпалил Гербах, как только открыл дверь в квартиру.

В полумраке прихожей угадывались очертания книжных стеллажей и узкого шкафа, в котором у Гербаха хранились многочисленные чертежи и бумаги с инженерными расчетами. Дверь в комнату была прикрыта, и только узкая полоска у пола светила слабым светом. Он торопливо разделся, повесив пальто на вешалку, прошел в комнату.

Жена сидела, как всегда, неподвижно в кресле. Перед ней на круглом обеденном столе стояла керосиновая лампа, тусклым, дрожащим светом освещая большую комнату, и лежали стопка писем сына да два альбома со старыми фотографиями.

— Эмма, опять? — укоризненно проговорил Ганс Гербах. — Прошу тебя, перестань! Его не вернешь. А нам надо жить.

Она посмотрела на мужа долгим потухшим взглядом. Помолчала, затем пошевелила губами, как бы собираясь что-то ответить, но выдавила из себя только тяжелый вздох. Потом, видно, собравшись с силами, сказала:

— А зачем? Зачем жить?

Гербах подошел к жене, положил руки ей на плечи, затем стал осторожно и нежно гладить ее по аккуратно уложенным волосам.

— Эмма, прошу тебя! Не надо! Завтра мы уедем. Уедем в Саксонию, к Крамерам. Они нас примут. А здесь будет кошмар. Поверь мне! Здесь...

— Иоханнес, я не хочу никуда уезжать! Что мы будем делать там, в Саксонии? Здесь у нас дом. Здесь жил наш мальчик.

— Эмма, ты ничего не понимаешь! Здесь будет ад! Я говорю тебе это потому, что я знаю. Сюда придут русские, и мы все погибнем. Я это знаю точно. Наци собираются уйти в подземелья и оттуда воевать с русскими. Это — безумие! Потом, когда война закончится, мы вернемся. Эмма, нам надо уехать!

— Ты знаешь, Иоханнес, вчера заходил профессор Мерц и показал мне русскую листовку, которую они сбросили с самолета. Русские пишут, что дадут нам отпраздновать Пасху, а потом все будет кончено. Это правда?

— Эмма, это сущая правда!

— Иоханнес, Пасха ведь сегодня?

— Да, Эмма.

— Как наш мальчик любил Пасху! Помнишь, Иоханнес, мы прятали крашеные яйца у тебя в кабинете, а он искал их... А помнишь, мы стояли все вместе у витрины кондитерской на Штайндамме, и Эрих смеялся на трех пушистых зайчиков...

Горькая улыбка скользнула по ее лицу.

— Не надо, Эмма. Прошу тебя, собери все необходимое в дорогу, а я схожу к профессору Мерцу и попрошу его приглядеть за квартирой, пока мы будем в отъезде.

— Хорошо, Иоханнес. Пусть будет так, как ты хочешь. Но я слышала, что в Саксонии тоже творится страшное. В Дрездене погибли тысячи беженцев, город в руинах...

— Да, это так, Эмма. И все же...

— Хорошо. Я буду собираться.

Ганс Гербах, успокоившись, что ему все-таки удалось уговорить супругу, вышел на лестничную площадку и постучал в дверь соседа. На ней блестела латунная табличка с надписью «Курт Вальтер Мерц. Доктор,

профессор университета, доцент».

«Зачем людям нужно так много титулов, — подумал Ганс Гербах. — Это, скорее, похоже на надпись на кладбищенском памятнике. Не хватает только указать годы жизни». Потом вдруг спохватился. Ему стало даже немного стыдно.

Профессор Мерц всегда очень по-доброму относился к Гербахам. Это был интеллигентный, высокообразованный человек. Он жил своей размеренной, спокойной жизнью, никому не мешая и ни во что не вмешиваясь. В 1936 году он защитил диссертацию по философии эпикурейцев на философском факультете университета, где и вел семинар. Профессор Мерц и жил, сообразуясь с учением древнегреческого философа Эпикура, воздерживаясь от участия в общественной жизни и считая государство источником всех бед и несчастий человека. «Живи скрытно» — таков был девиз профессора, который он любил повторять в случаях, когда его приглашали в гости или предлагали поучаствовать в каком-либо увеселительном мероприятии. Жена у него умерла, детей не было, а большая красивая овчарка, с которой он выходил гулять по утрам и вечерам, совсем недавно бесследно исчезла, о чем профессор искренне горевал.

Профессор Мерц долго не открывал на стук Гербаха. Потом послышались шаркающие шаги и голос:

— Кто там?

— Это я, профессор Мерц, ваш сосед.

Раздались скрежетание замка, звон цепочки, и наконец дверь открылась.

— Господин Гербах, как я рад вас видеть! Проходите, пожалуйста.

В квартире все было, как раньше. Профессор любил порядок, и хотя жил один, у него всегда было убрано, чисто, опрятно. Богатая мебель говорила о том, что в этом доме всегда был достаток, что хозяин очень тщательно следит за тем, чтобы у каждой вещи было свое место. Книжные шкафы, картины в золоченых багетовых рамах, целая полка старинных ваз и кубков с краснофигурной росписью, блестящий фракийский шлем в стеклянной витрине в виде пирамиды, хрустальная люстра со множеством стеклянных «капелек», диковинные статуэтки на низком круглом столике — все это придавало квартире профессора вид музея. Говорили, что в молодые годы он много путешествовал по миру, участвовал в археологических раскопках и экспедициях.

— Проходите, пожалуйста, господин Гербах. Как давно вас не было видно. Я слышал, что вы призваны в фольксштурм. Это правда?

— Да. То есть теперь нет.

— Как это?

— Да так. Два месяца назад меня отозвали из Шёнфлиса, и я работал здесь, в городе.

— В городе?

— Да, в основном в Королевском замке.

— Где? В Королевском замке?! Да ведь он разрушен! Что же вы там делали? Восстанавливали его?

Вопросы сыпались как из рога изобилия. Гербах даже слегка улыбнулся — любознательность профессора совершенно не гармонировала с его образом жизни. Замкнутость и нелюдимость соседствовали с живым умом и ироничностью.

— Нет, господин Мерц. Мы не восстанавливали замок. Мы готовили его к обороне.

— К обороне?

— Да. Кёнигсберг не сегодня завтра будут штурмовать русские. Наверное, бои развернутся в самом городе...

— Неужели так плохо, господин Гербах? А диктор говорит, что мы «отстоим наш алькасар от еврейско-большевистских орд», что еще немного, и мы погоним русских от стен Кёнигсберга. Да еще и «чудо-оружие»...

— Не надо, профессор. Не шутите. Все действительно слишком плохо. Мы с Эммой уезжаем. Вам тоже надо бы уехать.

— Уезжаете? Куда?

— В Саксонию. К родственникам жены.

— А я слышал, что эвакуация уже закончилась, что в Пиллау уже нет ни одного корабля или катера, на котором можно было бы спастись. А дорогу на Пиллау разве русские еще не перерезали?

— Нет, не перерезали. Мы с Эммой получили специальный посадочный талон...

— Да что вы? А где дают такие талоны? Я что-то ничего не слышал об этом.

Гербах смутился. Он знал, что практически массовая эвакуация из города уже прекратилась, так как действительно было уже не на чем выбраться из города — поезда не ходили, дороги были загромождены разбитой техникой и войсками, скопившимися на узкой полоске суши вдоль залива Фришес Хаф.

— Нам устроили это в СД. Я последнее время работал под их руководством и выполнял очень важное задание по строительству.

— В СД? Господин Гербах, я знаю вас как прекрасного инженера-строителя, но СД — это же полиция. Причем тут полиция и вы?

— Извините, я не могу вам всего сказать. Я обещал оберфюреру Бёме держать все в тайне.

— Бёме? Это не тому ли Бёме, который работал раньше в полицей-президиуме? Я слышал, что он работал в Кауэне^[172]. Сейчас он, по-моему, возглавляет всю службу безопасности Восточной Пруссии.

— Да, господин профессор.

— Ну, Гербах, вы стали большой птицей, если получаете указания от самого Бёме. Он вам и дал талон?

— Да.

— Странно, странно.

— Что странно?

— Да я вспомнил одного своего университетского товарища. Он рассказывал мне (не знаю, откуда уж ему это известно), что этот самый Бёме — настоящий зверь.

— ???

— Вы помните советника Вальтера Шварца? Он работал в магистрате. В прошлом году после «злодейского покушения на нашего дорогого фюрера» его арестовало гестапо. Так вот, этот Бёме лично бил его так, что у бедного Шварца трескали кости и лопалась кожа. А еще мне рассказывали...

Профессор Мерц приблизился к Гербаху и, перейдя на шепот, продолжил:

— ...он ненавидит интеллигенцию. Его любимое занятие — унижать образованного человека и издеваться над слабым...

— Дорогой профессор! Откуда все это вы взяли? Вы же...

— Что я? Если меня считают странным, если меня считают нелюдимым человеком... то... во всяком случае, меня не считают глупцом. Я не научился слушать и понимать...

— Но без жестокости нельзя одолеть врагов рейха, нельзя эффективно сопротивляться врагу, нельзя, в конце концов, победить в этой войне!

Профессор укоризненно посмотрел на Гербаха.

— Господин Гербах, от вас я не ожидал, что вы будете нести такую чепуху! Вы, наверное, потеряли разум. Вы же были всегда рассудительным, взвешенным, человеком с самостоятельным мышлением. Вы...

— Не надо, профессор! Я не хочу об этом. Я зашел только за тем, чтобы сказать, что мы с женой уезжаем из Кёнигсберга. И поэтому просим присмотреть за квартирой.

— Присмотреть за квартирой? Так вы же говорите, что здесь будут уличные бои!

— Ну, может быть, до этого не дойдет. Говорят, из Хайлигенбайля^[173] выступили две танковые дивизии на подмогу...

— Господин Гербах, не будем себя обманывать. Все кончено. И это... — Он сделал рукой жест, как бы обводящий все находящееся в комнате. — Все это пойдет прахом. И нам некуда с вами ехать. Вся Германия сгинет во мгле. И не надо, не уверяйте меня в обратном. Впрочем, желаю вам уцелеть. Я, конечно, посмотрю за вашей квартирой. Да поможет вам Господь!

Он крепко пожал Гербаху руку.

Когда советник чуть было уже не прикрыл за собой дверь, профессор Мерц тихо сказал:

— Опасайтесь наци. Не верьте Бёме и его подручным. Это они погубили Германию. Раненый зверь еще опаснее, чем прежде. Прощайте!

Гербах был крайне озадачен произнесенной профессором тирадой. Тихий, мирный человек, он никогда не вел политических разговоров, всегда казался лояльным режиму. От него Гербах ни разу не слышал не только антинацистских высказываний, но и малейшего намека на критику. «Бедный профессор, он совсем обезумел от одиночества и чувства безысходности!» — подумал Гербах. Но почувствовал при этом какую-то неосознанную тревогу. Как будто доселе скрытая от него мысль вдруг неожиданно прозвучала из уст старого профессора.

Жена советника что-то перебирала в шкафу. На столе стоял раскрытый кожаный чемодан, который они купили еще до войны, когда впервые отправились отдыхать на Боденское озеро. Гербах окинул глазами книжные шкафы. Книги, сотни томов, которые достались ему по наследству от отца и которые он сам покупал, будучи в поездках. Здесь были преимущественно книги по строительству и архитектуре, всякие справочники, энциклопедии и иностранные словари. Предметом особой гордости Ганса Гербаха были подшивки «Центрального вестника управления строительства», начиная с 1881 года, а также многочисленные альбомы с фотографиями и чертежами различных сооружений Кёнигсберга.

«Все это придется оставить, — с горечью подумал советник. — Очень жаль, если все это сгинет в огне или будет разворовано. Очень жаль!»

— Иоханнес, а мы возьмем с собой это? — Жена протянула ему вазу в виде лилии с изумительным рисунком. Это был их свадебный подарок от отца Эммы. В нижней части вазы сохранились надпись, сделанная

готической вязью, и дата: 14 сентября 1926 года. Жена всегда очень бережно относилась к подарку и берегла вазу как память об отце.

— Нет, Эмма. Мы возьмем только самое необходимое — одежду, обувь, теплые вещи, драгоценности...

— И письма Эриха...

— Да, и письма Эриха. Собирайся.

Ганс Гербах ходил по комнате, не зная, с чего начать. Тяжелый день завершения строительства подземных сооружений в замке, разговор с оберфюрером Бёме, слова профессора Мерца — все перемешалось в голове советника. Но было еще что-то такое, что не давало ему сосредоточиться. Какая-то невнятная мысль, которая блуждала где-то по закоулкам сознания и никак не приобретала для него более четкого очертания.

«Так, что же еще взять? — Взгляд Гербаха скользил по разложенным на диване вещам, по книжным шкафам, по письменному столу. — Так! Вот что надо взять!» И еще не отдавая отчета, зачем он это делает, Ганс Гербах открыл ящик стола. Синяя кожаная тетрадь была здесь. Он бережно взял ее, завернул в подвернувшуюся газету «Фёлькишер беобахтер» и убрал в чемодан.

Эта тетрадь была плодом длительных занятий советника. Занимаясь уже давно проблемами строительства и архитектуры, Гербах не оставлял надежды когда-нибудь опубликовать книгу на эту тему. В тетрадь он записывал казавшиеся ему наиболее интересными сведения об объектах, в строительстве которых принимал участие, свои мысли о перспективах градостроительства в Кёнигсберге, расчеты инженерных сооружений. Здесь же он поместил любопытнейшие с его точки зрения данные о подземельях Королевского замка. Все, что Гербах узнал от профессора Фридриха Ларса, подробно изучавшего это старое рыцарское сооружение времен Тевтонского ордена, он тщательно заносил в свою тетрадь. Несколько раз вместе с Ларсом из любопытства он принимал участие в обследовании глубоких подвалов и даже записал в тетрадь точные размеры подземных ходов. Все это пригодилось совсем недавно, когда он занимался планировкой и строительством новых подземных сооружений в Королевском замке под руководством СД.

И тут Ганса Гербаха словно ударило в голову. Ускользавшая от него мысль как-то сразу пронзила сознание: «Неужели нас с Муниром, знающих о тайных объектах СД в центре Кёнигсберга, просто так отпустят в рейх?» Он вспомнил слова оберфюрера Бёме о чрезвычайной секретности проводимых работ. Он вспомнил угрозу, прозвучавшую в голосе оберштурмфюрера Вурца, когда они проявили повышенный интерес к

«тайне рейха». В его ушах еще звучали слова соседа: «Не верьте Бёме и его подручным... Раненый зверь еще опаснее, чем прежде».

Он вспомнил, как однажды кто-то рассказал ему, что эсэсовцы расстреливают военнопленных, которые строят и маскируют бункеры. Чтобы не могли рассказать врагу.

И только тут Ганс Гербах понял, какая смертельная опасность нависла над ним и его женой. «Конечно, мне надо было сообразить гораздо раньше. Никуда они нас не отправят, ведь мы с Муниром знаем то, чего не должен знать никто, кроме них. Скорее всего, нас просто застрелят в каком-нибудь укромном месте или столкнут в воду с катера».

Сначала страх, а затем ужас овладели Гербахом. В горле пересохло, в ушах раздался какой-то гул, по спине потекли ручейки липкого пота. «Все! Спасения нет! Деваться некуда...»

— Иоханнес, что с тобой? — Голос жены вернул Гербаха к жизни. — Ты что такой бледный? Раз решил ехать, то поедem. Смотри, я уже почти собрала все вещи.

— Эм... Эмма! Подожди! Я передумал!

— Что-о-о?

— Эмма, мы никуда не едем! Мы остаемся!

— Но почему? Всего час назад ты убеждал меня, что мы должны уехать в обязательном порядке. Что произошло?

— Эмма, я не могу тебе всего сказать. Но я думаю, что нам не дадут выбраться в рейх.

— Как это не дадут? Кто?

— СД.

— Служба безопасности?

— Да.

— Но почему? Это как-то связано с твоей работой в последние дни, да?

— Да, Эмма! Я узнал тайну, о которой не должен знать никто. Поэтому, скорее всего, меня не оставят в живых.

— Боже мой! И что же теперь делать?

— Ждать!

— Чего?

— Ждать, когда придут!

И тут пребывавшая после смерти сына в абсолютной прострации супруга поразила Гербаха. Она не только не согласилась с его обреченно безразличными рассуждениями, но и неожиданно предложила:

— Иоханнес! Прекрати паниковать! Ну, давай не поедem в Германию.

- Но тогда за нами придут сюда.
- Нет уж! Мы сегодня же уйдем отсюда.
- Тут настало время удивиться Гансу Гербаху.
- Но куда?
- К дяде Альберту.

Дядей Альбертом в семье Гербахов называли дальнего родственника жены, который проживал в кёнигсбергском пригороде Фридрихсвальде. У него был хотя и маленький, но отдельный дом. Кроме дяди, которому было, наверное, уже более семидесяти лет, в доме жили две его дочери со своими детьми. Когда-то там было весело и шумно. Но после того, как оба зятя были призваны в армию, а фронт стал приближаться к Восточной Пруссии, в большой семье дяди Альберта поселилось уныние. В начале зимы рядом стоящий дом был разрушен прямым попаданием фугасной бомбы, и вся семья перебралась в подвал, благо он был глубокий и в каком-то смысле даже благоустроенный.

После гибели сына жена Ганса Гербаха стала чаще бывать у дяди Альберта, как бы восполняя утрату общением с его внуками. Последний раз она была в Фридрихсвальде в середине марта. Тогда было еще очень холодно, и она ужасно замерзла, пока добралась пешком в этот отдаленный пригород. Все вокруг было забито беженцами, войсками и военной техникой. Замерзшую и смертельно усталую, ее отпаивали обжигающим кофе с цикорием за большим столом, который стоял в подвале рядом с массивным котлом, еще сохраняющим тепло.

— Мы сейчас же уходим к дяде Альберту, — еще раз твердо проговорила Эмма.

— Хорошо. Пусть будет по-твоему.

— Ты забрал всё, что тебе может понадобиться? Ну там бумаги по строительству, твои записи...

— Эмма, что я могу сейчас взять? Мои книги и чертежи — их так много! Мне жалко оставлять буквально все! Если все это погибнет...

— Иоханнес! Я все понимаю. Нам надо идти.

— Подожди, Эмма. Я еще...

Гербах подошел к книжному шкафу, раскрыл нижние дверцы. Все пространство на двух полках было сплошь забито кальками и синьками, различными схемами и чертежами, пакетиками с фотографиями и коробочками с негативами. Советник немного покопался, вынимая то одно, то другое, и наконец нашел то, что искал.

— Вот, Эмма. Я возьму еще это. — Он протянул ей пачку вчетверо сложенных листков.

— Что это?

Ганс Гербах хмыкнул, улыбнулся, как бы извиняясь.

— Это светоконструкции чертежей подземелий Королевского замка. Когда мы занимались с профессором Ларсом обследованием рыцарских комнат и проводили раскопки на замковом дворе — ты помнишь, это было в тридцать втором, — старший инспектор Радке сделал для меня эти светоконструкции. На них мы с профессором отмечали то, что удавалось обнаружить нового, ну там разные ранее не известные ходы, замаскированные еще в Средние века ниши. Эмма, знаешь...

— Иоханнес, ты все такой же! Увлеченный, мечтательный и совершенно далекий от того, что сегодня происходит.

— Наверное, ты права, Эмма. То, что происходит сегодня, я не могу ни понять умом, ни принять сердцем. Все гибнет, все рушится. То, что вчера еще имело какое-то значение... — Он обвел глазами комнату. — Сегодня не стоит ничего.

— Нет, Иоханнес. Есть вещи, которые не зависят от времени.

— Да, Эмма. — И он посмотрел на перевязанную шелковой тесемочкой пачку писем, лежащую на крышке почти собранного уже чемодана.

Супруги Гербах покинули свою квартиру на Штайнштрассе в половине восьмого вечера. До Фридрихсвальде, где жил дядя Альберт, было ходу не более часа, так что они вполне успевали до начала комендантского часа.

Сразу после ухода Гербаха и Мунира оберфюрер Бёме вызвал оберштурмбанфюрера Готцеля. Тот появился не сразу, доложив, что задержался из-за сеанса радиосвязи с диверсионно-разведывательной группой «Лесника», оставленной в районе Роминтенской пустоши.

— Господин оберфюрер! Наконец-то мы получили сведения от нашей W-группы. «Лесник» передает, что они приступили к выполнению задания. Потерь пока нет. К «Леснику» присоединилась группа, выброшенная восьмого марта в лесном массиве в тридцати километрах юго-западнее Инстербурга...

Готцель докладывал обстоятельно, со знанием дела, но, разумеется, еще не зная, что советская контрразведка уже имела достаточно полную информацию о составе и задачах присоединившейся к «Леснику» группы.

Из Докладной записки о результатах розыска агентуры противника органами контрразведки СМЕРШ Земландской группы войск в марте 1945 года

«...Группа имела задание:

проводить диверсионные акты на железной и шоссейной дорогах Инстербург — Кёнигсберг и совершать террористические акты над военнослужащими Красной Армии. Задание было рассчитано на 21 день.

Диверсанты вооружены немецкими штурмкарабинами, пистолетами и гранатами, а также имели жесткий и мягкий тол и магнитные мины. Все они одеты в гражданское платье, поверх которого имелись красноармейские шинели, шапки и ремни. Одновременно каждый имел фиктивную солдатскую или рабочую книжку восточного рабочего на вымышленную фамилию...

На случай задержания в расположении советских войск диверсанты имели легенду, что они якобы участвовали в боях под Инстербургом, 24 января с.г. часть их была разбита, а они, переодевшись в гражданское платье, скрываются по лесам...

Кроме того, при передвижении в нашем тылу лица, владеющие русским языком, выдавали себя за военнослужащих Красной Армии, сопровождающих якобы группу задержанных немцев...»

Оберфюрер Бёме поинтересовался у Готцеля сведениями о других группах «Вервольфа», но на данный момент ничего утешительного о них известно не было. Более того, накануне поступило сообщение о разгроме «отряда 038», во главе которого стоял очень опытный разведчик и диверсант капитан Адамский. Эта группа базировалась на одном из самых подготовленных и законспирированных объектов — подземном бункере с условным наименованием «Замок Зигфрида».

— К сожалению, господин оберфюрер, по нашим данным, весь отряд уничтожен оперативно-войсковой группой НКВД. Радист успел передать, что на окраине Шёнвальде завязалась перестрелка, капитан Адамский и несколько человек были убиты, а остальные приняли яд.

— Это тот самый отряд, который мы сформировали из оставшихся курсантов разведшколы?

— Да, оберфюрер. Все они закончили нашу школу здесь, в Кёнигсберге, потом в течение десяти дней готовились к заданию. Некоторые из них привлекались к оснащению всем необходимым законспирированных точек и подземных объектов «Вервольфа» в Кёнигсберге.

— Что-о-о? Вы хотите сказать, что эти люди были осведомлены о наших объектах в городе? — с негодованием в голосе спросил Бёме.

— Да, господин оберфюрер. Два или три человека привлекались к этой работе, по-моему, на объекте «Б-Зет»...

— Вы в своем уме, Готцель? «По-моему, привлекались»! Вы что, не понимаете, о чем идет речь? Кто конкретно привлекался?

Готцель выглядел озадаченным, явно не ожидая такой реакции своего начальника. Он был готов к тому, что Бёме даст разнос за то, что группа, не успев начать диверсионные акции, оказалась разгромленной противником, что надежда на профессионализм Адамского не оправдалась. Но того, о чем спросил Бёме, Готцель не ожидал. Он вдруг явно почувствовал, что допустил большую промашку, не придав значения включению в состав «отряда 038» людей, осведомленных о местах дислокации объектов «W» в городе. Да и гестапо тут, видно, тоже кое-чего не досмотрело.

— Господин оберфюрер, я сейчас уточню, кто конкретно был включен...

— Доложите сейчас же, — со злостью в голосе проговорил Бёме.

«Идиоты! Кретины! Неужели они не понимают, что отправлять на задание в тыл противника можно было только тех, кто не привлекался к работам на конкретных объектах в самом Кёнигсберге? В противном случае мы не можем быть полностью уверены в том, что сведения о засекреченных объектах не станут известны „иванам“. А тогда...» Что было бы тогда, Бёме не хотел даже и думать. Весь план организации диверсионно-террористического подполья в Кёнигсберге летел к черту.

Бёме нервно ходил по кабинету. Он испытывал сильное раздражение, которое будило в нем чувство ярости.

Готцель вернулся буквально через пять минут. Сверившись со списком, он доложил:

— В составе «отряда 038» находятся три человека, которые участвовали в оборудовании объекта «Б-Зет». Это Вальтер Кюн, Эрнст Груббе и Хорст Мирус. Все они прошли подготовку в нашей разведшколе, все, кроме последнего, неоднократно забрасывались в тыл русских...

— Что они конкретно знают об объекте «Б-Зет»?

— Всё.

— Что значит «всё»?

— Они знают... — Готцель мельком взглянул в список. — Место дислокации объекта, его планировку, состав складываемого снаряжения, оружия и боеприпасов...

— Идиоты! — буквально взревел Бёме. — Вы что, не понимаете, что в

разведке не бывает так, чтобы все знали всё! Какого черта вы привлекали их к оборудованию этого объекта? У нас что, не хватило живой силы? У нас что, есть проблемы с военнопленными?

Бёме не на шутку разошелся. На лице его выступил румянец, стало заметно, как начала слегка подрагивать левая щека. Готцель знал, что это — верный признак наивысшего недовольства шефа, и даже поежился от ощущения собственной беспомощности и невозможности исправить оплошность.

— Вы, Готцель, опытный контрразведчик! Мне известна ваша работа в Норвегии. Я знаю о ваших успехах в Орле и Брянске. На вашем счету заброска агентуры, которая нанесла серьезный урон врагу. Как могли вы, Готцель, допустить, что о наисекретнейшем объекте СД знают все, кому не лень?

— Простите, оберфюрер. Но об объекте знают очень немногие. Вот список... — Готцель потряс перед собой листом бумаги. — В нем указаны всего семнадцать человек немцев. Остальные — русские и поляки из Шихау — уже ликвидированы. У меня есть расписка охранного взвода СС.

— Да, но эти... Из «отряда 038». Вы говорите, они все погибли?

— По нашим данным — все. Но...

— Что «но»?

— Но, господин оберфюрер, вы же знаете, в боевой обстановке могут быть всякие неожиданности.

— Знаю. Поэтому не верю ни одному вашему слову о том, что все, кто не был убит в перестрелке у Шёнвальде, приняли яд и не рассказывают сейчас в русской контрразведке все, что им известно.

Готцель не знал, что и возразить. Он и сам не верил в то, что кто-либо из отряда, оказавшись в безвыходном положении, примет яд. Война, было всем очевидно, заканчивалась, и никому не хотелось уходить из жизни по своей воле. Это мог сделать либо фанатичный безумец, каких к этому времени в Германии оставалось не так то уж и много, или человек, точно знающий о том, что в стане врага его ждет неминуемая смерть.

«Мне-то уж точно придется принять яд, — подумал Готцель. — Русские, конечно, не простят мне ста тридцати брянских евреев и сорока партизан, „ликвидированных за антигерманскую деятельность“».

— Ладно. Мне все ясно. Объект «Б-Зет» может быть расшифрован, и нам следует считаться с этим. Да, кстати, а кто еще из немцев участвовал в оборудовании объекта?

— Это, в основном, группа оберштурмфюрера Вурца. Ну и, конечно, советники Гербах и Мунир.

— Готцель, вы головой отвечаете за обеспечение конспирации групп «Вервольфа». Эти специалисты, я имею в виду советников, очень хорошо помогли нам в оборудовании объектов «W». Они с честью выполнили свой долг перед фюрером и рейхом. Но они — гражданские люди. Служба в фольксштурме не в счет. Представляете, что будет, если они попадут в руки русских. В НКВД они быстро расскажут все. Не только расскажут, но и покажут...

— Я согласен с вами, господин оберфюрер. Но вы сами дали указание эвакуировать их из города в Германию, — возразил Готцель.

— Вы же опытный человек, Готцель! Неужели я вам должен объяснять, как следует исключить любую утечку информации к противнику. Любую! Даже потенциальную! Вы меня поняли?

— Так точно, господин оберфюрер. Любая утечка будет исключена.

— Да, и еще. Посмотрите у Гербаха на квартире. Не исключено, что у него дома может храниться большой архив, который ни в коем случае не должен попасть в руки русских. Для них получить чертежи подземных сооружений Кёнигсберга — значит получить ключи не только к нашим объектам, но и к хранилищам «груза». Понимаете, о чем я говорю?

— Так точно, господин оберфюрер. Все будет сделано. Об исполнении я вам доложу.

— Ну уж нет, Готцель, увольте меня от подробностей. Я верю в то, что вы справитесь с этой задачей и не допустите в будущем оплошности, которая получилась с объектом «Б-Зет».

Готцель с готовностью кивнул и вышел из кабинета.

Взвод эсэсовцев, прибывший к дому номер шесть по Штайнштрассе около одиннадцати, естественно, уже не застал супругов Гербах в своей квартире. Они покинули ее около четырех часов назад с двумя чемоданами и одной большой сумкой. В квартире был беспорядок — всем было понятно, что сборы супругов были столь поспешными, что обращать на это внимание они не стали.

Командир взвода с петлицами шарфюрера приказал быстро обыскать всю квартиру, а также узнать, кто из жильцов дома может сообщить о местонахождении Гербахов.

Через пару минут в квартиру ввели перепуганного профессора Мерца. По всему было видно, что он уже спал, когда в его дверь забарабанили эсэсовцы, и сейчас не мог взять в толк, чего от него хотят.

— Старик, скажи, куда ушел Гербах? Почему его нет дома?

— Я не-е-е знаю, — заикаясь, тихо произнес профессор. — Они были дома, господин советник заходил ко мне...

— Когда это было? — перебил его шарфюрер.
— Часа три-четыре назад.
— Зачем он заходил?
— Он сказал, что они с Эммой (это его жена) завтра утром уезжают в Саксонию и что он просит присмотреть за квартирой...
— Завтра утром? Но их же нет уже сейчас! Где они?
— Господин... офицер, я не знаю.
— Куда они могли уйти? Кто у них есть в городе? Родственники, друзья?
— Господин офицер, я не знаю. У них погиб сын, а все родственники живут в Саксонии, по-моему.
— «По-моему» или точно?
— Я не могу ручаться. Я не знаю.
— Ладно, отпустите старика.

Когда профессор Мерц скрылся за дверью, командир взвода эсэсовцев приказал:

— Все чертежи, все схемы, которые найдете в столе и шкафах, сваливайте на пол.

Через полчаса, когда все столы были обшарены, а содержимое книжных шкафов было свалено рядом с ними бесформенной грудой, в центре комнаты образовалась гора рулонов, пакетов и планшетов с чертежами. В эту кучу заодно полетели многочисленные коробочки с негативами.

— Это все? — спросил шарфюрер.
— Так точно. Остались только книги, подшивки журналов и газет. Да еще фотографии каких-то предприятий и портовых сооружений.
— Бросайте сюда же. Потом, ефрейтор, сложите все в мешок и вынесете...

Последняя фраза командира взвода эсэсовцев утонула в приближающемся вое летящего на небольшой высоте самолета.

— Флигералярм! Флигералярм! ^[174] — заголосил кто-то на улице.

Шарфюрер приказал быстро всем оставить квартиру. Солдаты торопливо побросали все в мешок и вслед за своим командиром бросились на улицу.

Там творилось что-то невообразимое. Вой самолетов, грохот разрывов, треск пулеметных очередей. Вспышки от взрывов и огненные всполохи начинающихся пожаров, мириады искр, взлетающих в темное небо.

— Все в укрытие! Быстро! — прозвучала зычная команда.

Неподалеку раздался грохот. Что-то сильно ухнуло, ударило мощной

струей теплого воздуха, затем запахло гарью и паленой резиной. На стене дома заиграли яркие отсветы пожара. Видно, бомба упала где-то совсем рядом и от нее загорелась какая-то хозяйственная постройка.

Эсэсовцы, орудовавшие в квартире Гербахов, попрятались от налета в подвал соседнего дома, на стене которого белой масляной краской огромными буквами было написано «LSK»^[175].

Когда двое из них попытались протиснуться в узкий проем подвальной двери вместе с мешком, набитым бумагами Гербаха, шарфюрер крикнул им:

— Куда претесь с ним? Идите, бросьте «барахло» в огонь. Туда, вон видите? — Шарфюрер указал на охваченные пламенем штабеля досок, сложенных рядом с кирпичным сараем, из узких окон которого валил едкий черный дым.

Эсэсовцы выругались, проклиная русские самолеты, а заодно шарфюрера и «барахло» в мешке. Они почти бегом, удерживая мешок за концы, приблизились ко все больше и больше разгоравшемуся костру из сваленных рядом с сараем досок и со всего размаху бросили его в огонь. Пламя дернулось, рассыпав искры, а затем с новой силой стало пожирать брошенную ему жертву. Эсэсовцы же, выполнив приказ, буквально влетели в проем подвальной двери, так как поблизости снова слышались взрывы бомб и пулеметная стрельба.

Оставалось несколько минут до полуночи. Пасхальное воскресенье первого апреля 1945 года было на исходе. В темноте ночи среди грохота бомбежки то тут, то там по всему городу полыхали костры. Пасхальные костры.

Из воспоминаний Героя Советского Союза Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна

«...1 апреля мы должны были начать предварительную авиационную подготовку, а артиллерия — огневую разведку и вскрытие фортов и дотов (этот термин означает снятие с железобетона земляного покрытия). Генерал-полковник Хлебников, глубоко огорченный, во второй половине дня доложил мне, что действия артиллерии не дают должного эффекта из-за низкой облачности, густого тумана и дождя.

Такая погода держалась до 5 апреля. Бомбардировочная авиация фактически так и не смогла начать удары. Лишь легким самолетам По-2 удалось произвести 766 вылетов в ночное время. Однако бомбы, которые могли поднять наши „ночные

бомбардировщики“, были, по существу, безвредны для мощных сооружений Кёнигсбергской крепости...»

После ухода Готцеля Бёме еще несколько минут пребывал в задумчивости. «Если сведения об объектах „Вервольфа“ в Кёнигсберге, особенно об объекте „Б-Зет“, просочатся к русским, летит к черту весь план диверсионной борьбы, — думал он. — Но не только он. Зная объекты „Вервольфа“, русские обязательно выйдут на тайные хранилища музейных ценностей, а этого нельзя допустить. Тем более что гаулейтер однозначно дал понять, что будет строго следить за тем, как исполняется его приказ».

Мысли Бёме прервал адъютант, вошедший в кабинет.

— Господин оберфюрер, — сказал он, — только что получен для вас пакет с пометкой «Лично». Разрешите вскрыть?

Он аккуратно срезал ножницами нитки, которыми был прошит большой конверт с пятью сургучными печатями.

«Военные все играют в военную тайну», — с некоторой долей иронии подумал он.

В пакете была шифротелеграмма, подписанная начальником Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрером Кальтенбруннером и состоящая всего из нескольких строк. В ней начальнику «Оперативной группы Б» оберфюреру Бёме предписывалось немедленно сформировать из подразделений СД и СС, дислоцировавшихся в Кёнигсберге, отдельный сводный полк СС, который должен взять на себя оборону центральной части города, правительственных и иных особо важных объектов.

«С комендантом крепости Кёнигсберг генералом от инфантерии Ляшем и гаулейтером Восточной Пруссии Кохом согласовано», — стояло в конце телеграммы.

— Хорошо. Вызовите через два часа ко мне Готцеля, Крайхена, Вурца, всех руководителей «W»-групп, подготовленных для действий в Кёнигсберге, а также начальников всех отделов и четвертого реферата Главного сектора СД.

— Слушаюсь, господин оберфюрер.

Бёме задумался. Раз Кальтенбруннер назначил его, контрразведчика, командиром боевого полка, значит, дела совсем плохи не только в Кёнигсберге, но и в Берлине. «Агония. Настоящая агония, — проносились безрадостные мысли в голове Бёме. — Неужели придётся сдохнуть здесь, среди обугленных развалин и трупов? Почему? Я что, не могу найти выход из создавшегося положения? Я, человек, держащий в своих руках нити

тайной службы, обладающий властью над сотнями агентов и сотрудников СД, знающий самые сокровенные секреты рейха, должен уйти в небытие! Причем бессмысленно!»

Он встал, подошел к сейфу, достал из него топографический план центральной части города, стал внимательно его рассматривать, как будто видел в первый раз. План пестрел разноцветными значками, обозначающими многочисленные объекты «Вервольфа», законспирированные радиоточки, бункеры и тайные склады.

«Да, объект „Б-Зет“, скорее всего, расконспирирован, — продолжал мысленно рассуждать Бёме. — Помимо углубленного бункера, он имеет длинный туннель, проходящий под кварталами Альтштадта. Официально для сотрудников СД, принимавших участие в строительстве и оборудовании объекта, этот туннель должен служить местом скрытного временного сосредоточения трех диверсионных групп».

Предполагалось, что после того, как бои в городе прекратятся, две группы растворятся среди жителей города, укрывающихся в подвалах, а затем «просочатся» в другие районы Кёнигсберга, а третья будет продолжать базироваться в специально приспособленном подвале неподалеку от Альтштадтской ратуши. Но это было для всех. Для всех, но не для Бёме. О втором, более важном назначении туннеля знали всего трое — Готцель, Вурц и он сам, Бёме.

«Да, об этом могли догадываться те, кто строил и оборудовал туннель. Но советские и польские военнопленные были уже расстреляны, двое саперов-немцев, непосредственно руководившие строительными работами, официально погибли в одном из подвалов дома после прямого попадания в него авиабомбы. А Гербах и Мунир завтра уже ни с кем не смогут поделиться своими догадками. Прости, Господи, мои прегрешения!» — так или почти так думал Бёме.

Вторым назначением объекта «Б-Зет» был прямой подземный выход к Прегелю. Этим туннелем предполагалось воспользоваться в случае блокирования замка советскими войсками. Если кому-то из руководства СД довелось бы воевать в его руинах, то у них оставалась бы возможность вырваться из кольца окружения. А там — уж как повезет!

Бёме посмотрел на часы. До начала совещания оставалось около полутора часов. «Успею», — подумал Бёме и снова вызвал адъютанта.

— Срочно соедините меня с корветтен-капитаном^[176] Нойманом. Срочно!

— Слушаюсь, господин оберфюрер!

Корветтен-капитан Нойман возглавлял часть вырвавшейся из

хайлигенбайльского котла группы «Морской команды донесений М-166», ранее входившей в состав реорганизованного абвера — германской военной разведки.

Это подразделение, сформированное в мае 1944 года, в последний год войны занималось разведывательной работой против советского военно-морского и торгового флота — на гидросамолетах забрасывало агентуру из числа эстонцев и латышей на длительное оседание в советском тылу. Гитлеровские военно-морские разведчики под ударами Красной Армии вынуждены были перемещаться вместе со своим штабом из Таллина в Данциг, из Данцига в восточнопрусское местечко Бальга, расположенное на берегу Балтийского моря, оттуда в конце января 1945 года — в Гарнекопф под Берлином и, наконец, в Нойхаген под Росток.

В Кёнигсберге находилась лишь часть команды, уцелевшая после позорного бегства из-под Хайлигенбайля. Из нее был сформирован отряд специального назначения, который по-прежнему, как и в Бальге, возглавлял корветтен-капитан Нойман. Но что делали его сотрудники в восточнопрусской столице и какие задачи решал сам Нойман, практически не знал никто. Никто, кроме Бёме, его самых ближайших сотрудников, а также некоторых руководителей кёнигсбергского гестапо.

А все дело в том, что разведподразделение «Морской команды донесений М-166», дислоцировавшееся в Кёнигсберге, по замыслу Штаба ВМС должно было обеспечить развертывание в восточной Балтике «Группы боевых пловцов Ост». Она являлась составным элементом соединения «К»^[177] — одной из самых секретных диверсионно-штурмовых частей гитлеровского военно-морского флота, состоявшей из отрядов человекоуправляемых торпед, взрывающихся катеров, боевых пловцов-одиночек и подводных лодок-малюток.

Начиная с сорок четвертого года, когда гитлеровской армии пришлось переходить к активной обороне, в Германии начались интенсивная разработка, производство и оснащение подводных лодок-малюток. Этим занялся в строгой секретности Научно-исследовательский торпедоиспытательный центр в Эккернфёрде. И уже в марте 1944 года были построены первые миниатюрные «одноместные торпеды».

Одновременно с этим военно-морское командование сформировало три морских штурмовых отряда боевых пловцов, которые действовали в составе соединения «К», созданного для осуществления диверсий — уничтожения важных военных объектов в прибрежных районах: кораблей, портовых сооружений, радиолокационных станций. И уже в августе 1944 года немецкие подводные лодки-малютки развернули боевые действия

против сил вторжения союзников у французского побережья, в бухте Сены, где было потоплено несколько эсминцев и десантных судов. В феврале 1945 года они нанесли ощутимый удар по морскому конвою в проливе Падде-Кале, а подразделения боевых пловцов буквально на глазах советских войск предприняли ряд диверсий — взорвали два моста в Штеттине и три моста, соединяющих остров Воллин с побережьем Померании.

Раздался зуммер полевого телефона. Бёме поднял трубку.

Телефонист на коммутаторе сообщил, что на проводе корветтен-капитан Нойман.

— Здравствуйте, Нойман! — делано бодрым голосом проговорил Бёме. — Хорошо, что я застал вас здесь.

— Рад приветствовать вас, оберфюрер! Я слушаю вас.

— Нам надо срочно встретиться.

— У вас?

— Нет, я через десять минут заеду за вами. Будьте на углу Эйтштрассе^[178].

— Хорошо. Жду вас, господин оберфюрер.

Отряд специального назначения располагался в одном из капониров крепости в Пиллау, а сам Нойман имел рабочий кабинет в доме номер сорок по Кранцер Аллее^[179]. Для сотрудников спецслужб в Кёнигсберге этот адрес говорил о многом. До середины 1944 года здесь размещалась штаб-квартира одного из самых мощных подразделений военной разведки гитлеровской Германии — «Абверштелле Кёнигсберг». Но после покушения на Гитлера, в котором был замешан руководитель абвера адмирал Канарис и многие офицеры военной разведки, «Абверштелле Кёнигсберг» было ликвидировано, а весь, за малым исключением, личный состав вошел в РСХА. Лишь незначительная часть сотрудников осталась в ведении первого армейского корпуса и вела сбор разведывательных данных о вооруженных силах и экономике Советского Союза путем допроса военнопленных в лагерях на территории Восточной Пруссии.

В здании на Кранцер Аллее, помимо подразделений СД, в трех кабинетах разместился реферат III-M, призванный как раз и обеспечить действия «Группы боевых пловцов Ост» в прибрежных водах Земландского полуострова и заливе Фришес Хаф.

Казарменного типа здание на Кранцер Аллее находилось совсем рядом, по ту сторону озера. Пешеходный мостик сгорел во время прошлогодней бомбежки, и жители Марауненхофа, если им нужно было попасть на Кранцер Аллее, должны были идти в обход.

Оберфюрер Бёме спустился по лестнице прямо в подземный гараж, где его уже ждал автомобиль. Водитель, видно, узнав от адъютанта, что шеф собирается куда-то ехать, уже сидел в машине и прогревал мотор. У Бёме был неброский, но очень надежный «ситроен-11», который в обиходе называли «гангстерским лимузином». Его конфисковали где-то на юге Франции еще в самом начале войны, а затем доставили сюда, в Кёнигсберг, с партией новых автомашин для нужд полиции-президиума. На нем Бёме разъезжал очень много в былые времена, когда город не был еще разрушен и прекрасное немецкое брусчатое покрытие позволяло ему передвигаться с предельной скоростью. Особенно резво «ситроен» бежал по автобану Кёнигсберг — Берлин, где развивал скорость свыше ста двадцати километров в час. Бёме очень любил быструю езду и никогда не упускал случая пронестись с ветерком где-нибудь за городом.

Машина с незажженными фарами, благо водитель дорогу знал назубок, свернула на Герцог-Альбрехт Аллее и осторожно поехала в сторону высокой, напоминающей средневековую рыцарскую башню кирхе. Ни огонька вокруг, только трамвайные рельсы слегка поблескивали среди еще совсем голых кустов. Дважды машина проезжала через узкий проход в баррикадах, сооруженных из кирпича, камня, металлической арматуры и всякого подручного материала. Причем в баррикаду рядом с кирхой был буквально вмонтирован двухвагонный кёнигсбергский трамвай, полностью засыпанный внутри щебнем и обломками. В обоих случаях охранявшие баррикаду фольксштурмисты, заведев автомобиль оберфюрера, открывали проход и пропускали машину.

Обогнув кирху справа, машина выехала на усаженную липами и густым кустарником Розенкранцаллее^[180], пару раз подпрыгнула на выбоинах у небольшого мостика через ручей и наконец оказалась на Кранцер Аллее. Здесь, в районе казарм, несмотря на сумерки, ощущалась активная жизнь — слышались тарахтение танковых моторов, шум подъезжающих и отъезжающих грузовиков, крики команд.

Несмотря на темноту и необычный вид, Ноймана Бёме увидел сразу. Тот стоял, как они договорились, на углу Эйтштрассе — высокий офицер в шинели армейского образца с кожаными нагрудными клапанами, туго перетянутой ремнем, и в форменной фуражке с блестящим козырьком.

— Дружище, что с вами? Зачем этот маскарад? — Оберфюрер, выйдя из машины, пожал руку Нойману. — Почему вы в таком виде? Вам что, надоела морская форма? Или позор адмирала заставляет вносить коррективы в свой внешний вид?

— Здравствуйте, господин оберфюрер! — проговорил тихо Нойман,

казалось, совершенно не обратив внимания на вопросы Бёме. — Вы хотели что-то обсудить?

— Садитесь! В машине теплее.

Нойман и Бёме уселись на заднее сиденье «ситроена».

— Давай-ка, сверни куда-нибудь. Нам надо поговорить, — небрежно бросил шоферу Бёме.

Через пару минут машина уже стояла в глухой, тупиковой улочке среди деревьев и редких домов. Здесь, чуть в стороне от Кранцер Аллее, было довольно тихо. Дома, преимущественно одноэтажные, были либо брошены своими хозяевами, выехавшими из Кёнигсберга в глубь Германии, либо пустовали по каким-то другим причинам. Когда-то здесь рядом, на берегу озера в деревянных домиках располагалось множество яхт-клубов, всяких спортивных обществ, повсюду были фруктовые сады и цветоческие хозяйства. Сейчас же все было в запустении. Это чувствовалось даже в темноте, хотя бы по тому, что машина постоянно наезжала на какие-то брошенные предметы, кучи мусора.

Бёме и Нойман вели разговор, прохаживаясь вдоль улицы, то удаляясь, то приближаясь к стоящей машине. Бёме был одет в теплую пуховую куртку, поэтому он не так чувствовал холод апрельской ночи, как Нойман. Тот же, подняв воротник и засунув руки в карманы шинели, изрядно продрог. Но вопрос, который они обсуждали, был настолько конфиденциален, что вести разговор в присутствии шофера Бёме не стал.

— Господин корветтен-капитан, сегодня я назначен командиром отдельного сводного полка СС, который будет оборонять центральную часть города и особо важные объекты. Нам надо согласовать действия диверсионных групп «Вервольфа» с вашими «боевыми лягушками» при самом неблагоприятном развитии событий.

— В принципе, задачи, которые поставлены перед нами командованием военно-морских сил, не пересекаются с вашими. Вы действуете на суше, мы — на море и в заливе. Мы сформировали четыре небольшие группы, на объекте базирования «Грот» находятся в состоянии готовности несколько мин-торпед, около полусотни мощных подрывных зарядов. Намечены цели в Пиллау, а также в Кёнигсбергском заливе и заливе Фришес Хаф...

— Слушайте, Нойман! Я все это знаю. Соответствующая директива у нас есть, и мои люди уже обговорили с вашими все вопросы оперативного взаимодействия. Уже все, даже наш повар, знают ваш любимый пароль — «Либава»... — Бёме улыбнулся, довольный своим остроумием. — Господин корветтен-капитан, меня интересует другое. Насколько я слышал,

в ваше распоряжение поступили «ластоногие». Я правильно информирован?

— Вы имеете в виду «Зеехунд»^[181]?

— Конечно!

— Господин оберфюрер, от вас не может быть никаких секретов. Мы действительно только вчера перегнали из Нейштадта совершенно новую лодку. Она стоит в «Гроте».

— Насколько я знаю, в отличие от остальных она не одноместная, а трехместная. Это правда?

— Господин оберфюрер! Вы великолепно информированы обо всем!

— А как же! СД знает все! Это абвер мог позволить себе заниматься интеллектуальными упражнениями, а мы — работаем!

— Да, господин оберфюрер, «Зеехунд» — прекрасная лодка. Я уже давно имею дело с «Группой боевых пловцов Ост», не раз видел всяких там «негеров» и «биберов»^[182], но эта лодка — просто шедевр! Дизельный мотор в шестьдесят лошадиных сил, дальность хода — двести семьдесят миль, погружение на глубину до семнадцати метров! Это уже настоящая подводная лодка, но в миниатюре! Представляете, она уходит под воду за каких-нибудь пять-шесть секунд! Я не подводник, но понимаю, как...

Тактико-технические данные немецкой сверхмалой подводной лодки «Зеехунд»

«ЗЕЕХУНД» (тип XXVII B5)

Длина... 11,86 м.

Высота... 1,36 м.

Водоизмещение... 12,3 куб. м.

Двигатель... 1 дизельный мотор 44,1 квт/60л.с.

Скорость... 7,7 узл.

Дальность хода... 270 мор. миль

Глубина погружения... 30 м.

Экипаж... 1–3 чел.

Вооружение... 2 торпеды G7e.

— Все это хорошо, Нойман. Я понимаю, что «Зеехунд» может действовать на море. А может эта подлодка, например, войти в реку?

— В реку? Вы имеете в виду...

— Да, я имею в виду Прегель.

— А зачем?

— Вы, господин Нойман, как старый еврей, отвечаете вопросом на

вопрос!

— Господин оберфюрер, я просто хотел сказать, что не понимаю смысла вашего вопроса. Если вы хотите выяснить, может ли «Зеехунд» войти в реку, мне надо знать, зачем это нужно. При каких обстоятельствах, в каком положении, конкретно на каком отрезке Прегеля и так далее...

— Господин корветтен-капитан, я веду речь только об одном: о том, может ли подводная лодка-малютка войти по Кёнигсбергскому каналу в Прегель, достичь центра города, ну, положим, где-то в районе нового железнодорожного моста, а затем вернуться назад?

— Я... не могу сразу вот так вам ответить. Во-первых, для этого надо тщательно изучить лоции, оценить фарватер...

— Я это понимаю и без вас! Я спрашиваю: вам нужны дополнительные указания, чтобы подводная лодка вошла в Прегель или вы можете решить это сами?

— Это моя прерогатива. Командиры всех четырех групп подчинены непосредственно мне. Я принимаю решение о характере боевого использования «Зеехунда» и других специальных сил и средств.

— Тогда, Нойман, будем играть в открытую.

— Я не понимаю.

— Объясню. Через несколько дней в городе начнутся уличные бои. Я думаю, что они продлятся недолго и Кёнигсберг падет до середины апреля. У меня в городе остаются группы «Вервольфа», большая агентурная сеть, а также законсервированные радиоточки и потайные базы. Но мне, возможно, потребуется вывезти из города одного человека...

— Одного человека? Кого?

— Очень ценного агента. Он сейчас выполняет специальное задание, полученное непосредственно от рейхсфюрера^[183].

— А при чем здесь я?

— Нойман, вы все понимаете. Только прикидываетесь. Мне нужно вывезти этого агента на «Зеехунде», так как другого пути, вероятно, уже не будет.

— Насколько я понимаю, это невозможно.

— Почему? Ведь «Зеехунд» — трехместная лодка!

— Фактически двухместная, но ее экипаж — командир и бортинженер. Я даже не представляю себе, может ли один человек управлять ею!

— Поговорите с опытными боевыми пловцами, теми, кто уже плавал на «зеехундах»...

Нойман задумался, как будто вспоминая что-то.

— Постойте, господин оберфюрер. По-моему, это было в Дюнкерке.

Там был блокирован наш гарнизон, и три «Зеехунда» доставили туда «масляные торпеды» — продукты для окруженных частей. Кто-то из группы рассказывал мне, что одна из подводных лодок управлялась только командиром. Ну, для того, чтобы взять побольше продуктов...

— Вот видите, корветтен-капитан. Значит, можно.

— Может быть, может быть. Во всяком случае...

— Во всяком случае, — перебил его Бёме, — вы можете рассчитывать на особую благодарность рейхсфюрера и вознаграждение...

— Что вы имеете в виду?

— В смысле благодарности рейхсфюрера?

— Нет, в смысле вознаграждения.

— Я имею в виду, что вы лично получите тридцать пять тысяч рейхсмарок.

Нойман посмотрел долгим взглядом на Бёме и тихо, как-то с сожалением сказал:

— Завтра они превратятся в простые бумажки.

— Вы правы, корветтен-капитан. Мировой эквивалент лучше денег. Вы получите золотом, вернее, золотыми украшениями, по цене равными этой сумме. Согласны?

— Господин оберфюрер! Я люблю ясность и был бы несерьезным человеком, если бы не поинтересовался, когда, где и каким образом мне будет передано вознаграждение...

— Разумеется, Нойман. Первую половину вы получите завтра, а вторую — когда лодка будет у железнодорожного моста. Договорились?

— Хорошо. Я согласен. Но мне нужно время.

— Дорогой Нойман, вот времени у нас как раз и нет. Русские будут здесь в считанные дни.

— И все-таки, господин оберфюрер. Завтра к вечеру я сообщу...

Нойман замолчал прислушиваясь. Вдали слышался нарастающий гул летящих самолетов, затем дальние разрывы бомб.

— Давайте поторопимся. Через пару минут русские самолеты будут здесь, — с тревогой в голосе проговорил Бёме.

Они быстро сели в машину. Но, не доехав до казарм на Кранцер Аллее каких-нибудь пятидесяти метров, вынуждены были остановиться.

Грохот взрывов, огненные вспышки, пунктиры трассирующих пуль, редкие выстрелы зениток — все слилось в раздирающий барабанные перепонки гул, погрузилось в крошечный ад.

Руководитель службы безопасности всей Восточной Пруссии, вновь назначенный командир сводного полка СС, высший офицер СД оберфюрер

Хорст Альвин Бёме лежал, уткнувшись в грязь, рядом с колесами своего автомобиля. Вжимаясь в землю и закрывая руками голову, в этот момент он думал только об одном — как выжить, спастись в этом страшном, наполненном огнем и грохотом мире. Рядом с ним лежал командир отряда специального назначения военно-морской разведки корветтен-капитан Нойман, который так же, как и Бёме, молил бога о пощаде. Оба они еще пять минут назад обсуждали план предстоящего вывоза из Кёнигсберга «особо ценного агента», один — стараясь до последнего момента оттянуть сообщение о том, кто конкретно должен быть вывезен, а другой — смутно догадываясь, что этим человеком, скорее всего, будет... сам оберфюрер Бёме.

В разных местах города полыхали пожары, тысячи искр взмывали вверх в той стороне, где находились склады лакокрасочной фабрики, то и дело раздавался грохот падающих стен и рушащихся перекрытий, слышался вой сирены, доносились крики людей. Очередная бомбежка повергала город в хаос, сеяла смертельный страх и безысходное ожидание развязки.

Заканчивалось первое апреля 1945 года, пасхальное воскресенье последнего года войны. Повсюду горели костры — пасхальные костры возмездия.

Глава 7

Погребение сокровищ

Весь вечер доктор Альфред Роде провел в руинах Королевского замка. Надо было дать последние указания об укрытии ценностей. Несмотря на то что все вопросы, казалось, уже согласованы с СД и лично с оберфюрером Бёме, оставалось еще немало проблем, которые следовало решать на месте, сообразуясь с обстановкой. Планируемая переброска пятидесяти семи ящиков из подвалов южного крыла разрушенного замка в бункер рядом с Росгартенской кирхой задержалась из-за того, что долго не приходили грузовики.

Доктор Роде нервничал, оберштурмфюрер Вурц, руководивший всеми работами, выходил из себя от каждого обращенного к нему вопроса. Нервная обстановка усугублялась тем, что оберфюрер Бёме обещал уже на следующий день проверить, все ли его указания исполнены точно и в срок.

Крупногабаритные ящики с панелями и деталями отделки Янтарной комнаты, которые в течение трех часов военнопленные вытаскивали из углубленного подвала северного крыла Королевского замка, стояли рядом с обугленным остовом пристройки ресторанчика «Блютгерихт». Так как весь замок по периметру был оцеплен взводом охраны СС, во дворе практически никого не было. Грузовик, на котором привезли военнопленных, а также четыре мотоцикла с колясками стояли поодаль, рядом с развалинами постройки Унфрида, от которой осталась одна коробка с пустыми глазницами окон и обрушившимися перекрытиями.

Эсэсовская охрана, прибывшая на мотоциклах, разместилась на первом этаже круглой башни, именуемой башней Луизы. Там действовал питательный пункт фольксштурма, была оборудована временная кухня. В выгоревших помещениях башни стояли пищеварочные котлы и плиты, работал электрический движок, висели лампы-временки. Командиру охранного подразделения, двум фельдфебелям и солдатам эсэсовской охраны не разрешили выходить на замковый двор из помещений башни. А чтобы они не скучали, им выдали по бутылке хорошего красного вина, в громадных количествах хранившегося в подвальных помещениях. Эсэсовцы ели, пили, резались в карты, отдыхали, улегшись на подстилки из соломы. Кто-то из них играл на губной гармонике.

Все такелажные работы выполняли изможденные люди в грязной и изодранной красноармейской форме. Их охраняли только четверо сотрудников СД в камуфляжных блузах эсэсовского образца с автоматами на изготовку. Русские работали тихо, не переговариваясь между собой, но иногда постанывая от тяжести груза. По их уставшим небритым лицам было видно, что они уже несколько дней заняты этим непосильным трудом. По-видимому, военнопленные особенно не заблуждались относительно своей дальнейшей участи. Их тусклые и обреченные взгляды только подчеркивали, что они находятся уже по ту сторону бытия и не питают надежд на спасение.

Кроме доктора Роде во дворе замка с утра находились три инженера из Управления высотным строительством, которые привлекались к фортификационным работам в развалинах замка. Но затем их куда-то вызвали, и Роде их больше уже не видел. Временный распорядитель винного ресторана «Блютгерихт» Пауль Файерабенд появился на несколько минут в сопровождении не знакомого Альфреду Роде офицера СС и тоже исчез. Казалось, кто-то невидимый руководит этим театром теней, то возникающих, то исчезающих среди руин Королевского замка.

К полудню прибыли три автомашины для отправки «груза». Пятьдесят семь ящиков с музейными экспонатами и трофеями было отправлено в сторону Росгаргена. Доктор Роде намеревался было сопроводить груз до места, но оберштурмфюрер Вурц не разрешил ему этого сделать.

— Господин Роде, что вы все суетитесь? С какой это стати вам надо ехать на объект? Вы что, не доверяете нам?

Альфред Роде промямлил что-то вроде того, что, мол, надо лично убедиться в надежности укрытия. И нарвался на довольно грубый ответ:

— Это не ваше дело! Укрытие «груза» поручено гаулейтером СД. Все будет в сохранности. А вам знать точное местонахождение особо важного объекта «Вервольфа» совсем необязательно!

Доктор Роде понял, что спорить или возражать здесь бесполезно, и только с горечью махнул рукой.

— Делайте, как хотите!

В течение часа Вурц отсутствовал, а затем снова появился в замке.

— Господин Роде! Эти ящики... — Он указал на стоящие у спуска в «Блютгерихт». — Мы разместим здесь, в замке.

— Что-о? — В голосе Роде послышалось удивление. — В замке?

— Да вы что, доктор, все напрочь забыли? Сами уговаривали гаулейтера никуда не перемещать этот русский трофей, потому что он, дескать, развалится, а теперь...

— Я не говорил, что надо оставить Янтарный кабинет здесь! Я говорил, что его надо спрятать где-нибудь поблизости!

— «Поблизости!» — Вурц даже передразнил Роде. — Вы совсем не соображаете, что говорите...

— Вы не смеете... — хотел было что-то сказать доктор Роде, но, натолкнувшись на колючий взгляд оберштурмфюрера, замолчал.

— Вы абсолютно ничего не понимаете, доктор! Привыкли иметь дело со своими побрякушками и старым хламом! Идет война! Вой-на! Фатерлянд в опасности! Гибнут люди! А вы! Кому нужны ваши «сокровища»? Они гроша ломаного не стоят!

Вурц замолчал. Один вид интеллигентного доктора искусствоведения вызывал у него приступ непреодолимого раздражения. «Эти паршивые интеллигенты, эти очкастые профессора и адвокаты, это они виноваты во всем — в том, что Германия гибнет, что фюрера предали, что эти вот слюнтяи думают не о защите отечества, а о спасении всякого барахла», — думал Вурц.

— Я пойду к гаулейтеру! — вдруг решительно проговорил Роде. — Он поручил мне позаботиться о ценностях рейха и трофеях! Вы должны помогать мне, а не заниматься оскорблениями...

— Ладно, хватит! Идите, к кому хотите! Но, думаю, гаулейтеру сейчас не до вас. И не до этой рухляди!

Доктор Роде еще никогда не чувствовал себя таким беспомощным и униженным. Он, ученый с мировым именем, автор многочисленных публикаций о янтаре, авторитет, уважаемый в научном и музейном мире, был совершенно безоружен против невежества и хамства людей, которые теперь распоряжались самым дорогим для него — художественными ценностями коллекций Королевского замка и многочисленными трофеями, попавшими в руки германских войск в годы войны.

Чувствуя свою неспособность повлиять на происходящее и беспомощность перед теми, кто теперь распоряжался самыми дорогими для него вещами, Альфред Роде как-то сразу обмяк и невольно погрузился в свои невеселые воспоминания последних лет.

Когда началась война, ему не было еще и пятидесяти. Но он уже более десяти лет возглавлял Дирекцию художественных собраний Кёнигсберга. В Берлине только что вышло четвертое издание его книги «Замок в Кёнигсберге и его коллекции», в которой со свойственными ему педантичностью и обстоятельностью Альфред Роде описал все замковые апартаменты, начиная от помещений Тевтонского ордена и кончая залами Прусского музея.

С началом Польской кампании, когда Кёнигсберг стал перевалочным пунктом для трофеев вермахта и его многочисленных спецкоманд по сбору художественных и исторических ценностей, доктор Роде оказался в гуще событий, связанных с размещением вывезенных с оккупированной территории картин, скульптур, различных музейных экспонатов. Когда же немецкие войска вторглись в пределы Советского Союза, а гаулейтер Кох стал рейхскомиссаром оккупированной Украины, культурные ценности потекли в Кёнигсберг нескончаемым потоком. Золотые и серебряные украшения, иконы, изделия из фарфора и слоновой кости, скульптуры, старинная мебель и картины, гравюры и книги, древние рукописи и нумизматические коллекции — все это прибывало в Кёнигсберг товарными вагонами и грузовиками, самолетами и фельдпочтой. Доктор Роде, буквально обезумев от наплыва такого количества сокровищ, целыми днями пропадал в Королевском замке, отдавая необходимые распоряжения о размещении трофеев в запасниках кёнигсбергских музеев, требуя от своих сотрудников составлять подробные описи, часами рассматривая то одну, то другую ценную вещь.

Пока линия фронта была далеко, ценности размещались в подсобных помещениях музеев и выставок. В конце сорок третьего, когда появилась угроза бомбардировок, их стали складировать в подземных казематах фортов и бастионов, подвалах кирх и имений. Часть ценностей, в основном это были золотые и серебряные вещи, разместили в сейфовых залах Рейхсбанка, расположенного рядом с Королевским замком.

После страшных налетов американцев на Гамбург и Киль в июле, а англичан на Ганновер и Кассель в ноябре 1943 года доктор Роде понял, что ценности надо срочно упаковывать и прятать как можно дальше от людных мест. Его тревога достигла апогея, когда взрывы раздались совсем рядом — в Готенхафене и Мариенбурге^[184].

«Надо спасать сокровища!» — с этой мыслью Альфред Роде каждый день ложился и вставал. Сначала он обратился к своему музейному начальству в Берлине. Но там было уже не до того. Столица рейха подвергалась налетам англо-американской авиации, и все занимались спешной эвакуацией ценностей музеев в Саксонию, Баварию, Тюрингию и Силезию. Тогда Роде напросился на встречу к гаулейтеру Коху для того, чтобы призвать высшее должностное лицо на территории Восточной Пруссии дать указание о немедленной эвакуации ценностей. Но тот не только лично не принял искусствоведа, но и передал ему через своего заместителя Гроссхерра, что считает эвакуацию ценностей преждевременной и, более того, вредной, так как, с одной стороны, он,

дескать, подвергнет ценности еще большей опасности при транспортировке, а с другой — может вызвать панику среди населения Восточной Пруссии. «Мы не допускаем даже мысли о поражении Германии и пресечем любые попытки посеять неверие в нашу победу, даже если это сделает ученый с мировым именем!» Так якобы сказал Кох.

Точка на спорах — надо эвакуировать культурные ценности из Кёнигсберга или нет — была поставлена в ночь на двадцать седьмое августа 1944 года, когда сто семьдесят четыре самолета англо-американской авиации совершили бомбовый налет на Кёнигсберг. В эту ночь кёнигсбержцы, как всегда, заслышав вой сирены воздушной тревоги, заспешили в бомбоубежища и бункеры. Налетов на город пока практически еще не было, и жители надеялись, что все обойдется привычной суетой и волнением. Но то, что произошло, повергло их в ужас. На город, особенно на его северо-восточную часть, между Кранцер Аллее и Герцог-Альбрехт Аллее, упали тысячи зажигательных и фугасных бомб, превратив в руины многие здания и сооружения. Основная часть бомб упала на казармы и штабные корпуса Главного командования первого военного округа, где было разрушено множество зданий. Они горели больше суток, несмотря на то что кёнигсбергские пожарные пытались их тушить. Сильно разрушенной оказалась также мощная Оттокар-кирха, но жилых домов пострадало немного. Однако кёнигсбержцы впервые по-настоящему почувствовали кошмар приближающегося Апокалипсиса. Именно тогда, на следующий день после бомбежки, доктор Роде получил наконец санкцию готовить все ценности к отправке в рейх. Но это было только начало.

Спустя два дня налет повторился, он оказался еще более страшным и трагическим по последствиям, чем предыдущий. В ночь на тридцатое августа сто восемьдесят девять самолетов сбросили на Кёнигсберг почти полтысячи тонн фосфорных и других зажигательных бомб. Теперь уже объектом бомбометания стал исторический центр города. Над ним были выброшены сотни осветительных ракет, которые позволяли летчикам наносить прицельные удары по городским кварталам. Все было объято пламенем. Гигантскими факелами горели Кафедральный собор и Королевский замок, Кнайпхофская и Альтштадтская ратуши, старое и новое здания Университета, Почтамт, Нойросгартенская кирха, Лёбенихтская гимназия и громадные сараи-шпайхеры.

В считанные минуты центр города, застроенный преимущественно старыми домами с причудливыми башенками и фронтонами, украшенными скульптурами и орнаментами, был превращен в костер. Казалось, ожили картины Страшного суда. Горели юркие кёнигсбергские трамвайчики,

становились грудой обожженного металла автомобили, превращались в пепел деревья и кустарники на площадях и в парках. По улицам, просачиваясь в канализационные колодцы, с шипением стекая в вентиляционные отверстия подземных убежищ, неслась горящая, полыхающая зеленым огнем горючая смесь. Никто не знает, сколько людей заживо сгорели в домах и подвалах, задохнулись от дыма и гари, оказались заваленными рушащимися перекрытиями и стенами. Счет шел на тысячи. Но в огне погибли не только люди. В пляске огненной смерти сгнули многочисленные произведения искусства — картины и скульптуры, музейные экспонаты и старинные книги, немецкие художественные коллекции и награбленные в Советском Союзе, Польше и других странах Европы трофеи.

Доктор Роде долго не мог прийти в себя от того, что он увидел после бомбардировки. Он прибыл к горящему Королевскому замку вечером следующего дня. Тот еще горел, но усилиями пожарных огонь удалось немного обуздать. Из всех окон западного крыла замка и из стрельчатых арок стометровой колокольни валил смрадный дым, кое-где вырывались языки пламени, разбрасывая снопы искр. Здания вокруг превратились в грязные дымящиеся скелеты с обезображенными фасадами.

— Господин Роде! Если вы решили устраниваться от нашей работы, то попрошу вас удалиться отсюда и не мешать нам! — Голос оберштурмфюрера Вурца вернул Альфреда Роде к настоящему. Он слегка потряс головой, как бы пытаясь сбросить с себя страшное видение прошлогоднего пожара.

— Никуда я не пойду! Мне поручено гаулейтером сделать все, чтобы ценности не попали в руки к русским и не погибли во время боев. Я буду здесь до тех пор, пока последний «груз» не будет вывезен или спрятан в надежном убежище!

— Ладно, профессор, не горячитесь! — вдруг как-то даже примирительно сказал Вурц. — Я не хотел вас обидеть. Мы просто все смертельно устали. Да и нервы ни к черту! Извините меня!

Доктор Роде ничего не ответил, а только укоризненно посмотрел на Вурца. Затем медленно пошел к ящикам, в беспорядке сложенным у входной двери «Блутгерихта». Четыре из них, больших, длиной около четырех метров, лежали вдоль стены, а ящики поменьше образовали целую пирамиду. Они были тщательнейшим образом упакованы музейными работниками еще в прошлом году.

Восемь больших стальных панелей Янтарной комнаты были попарно уложены в специально для этого изготовленные деревянные ящики. Чтобы

не повредить тонкое янтарное покрытие и отделку, ящики внутри проложили мягкой тканью, а сами панели закрепили перекладами с прочными скобами. Даже при неаккуратном перемещении или падении ящика закрепленные панели держались очень прочно, не подвергаясь опасности удариться или переломиться. Особое внимание при упаковке панелей доктор уделил герметизации для предотвращения проникновения влаги внутрь ящиков. Войлок, каучуковые прокладки, прорезиненная ткань — все это гарантировало, что вода ни при каких обстоятельствах не проникнет внутрь ящиков.

— Куда же вы собираетесь их поместить? — обратился Роде к подошедшему Вурцу. — Я полагал, что для этого крупногабаритного «груза» найдется соответствующее помещение. Ведь это уже будет четвертое место, где он хранится. В марте прошлого года я разместил ящики в подвале здания Унфрида, затем, перед самым пожаром — в подземном ярусе Прусского музея вместе с экспонатами отдела археологии...

— Господин Роде, мне абсолютно безразлично, где хранился этот русский трофей!

— Не русский, а прусский! Янтарный кабинет — это произведение германских мастеров...

— А мне плевать! — Вурц даже сделал движение губами, как будто собирается плюнуть на ящики. — Мне совершенно плевать на то, где хранилось все это и куда мы затолкаем эти дрова теперь! Вместо того чтобы готовить наш полк к обороне, я занимаюсь по вашей милости этой ерундой! Понимаете?

— Вы — темный человек, Вурц! Более того, вы... — Он не договорил, видимо понимая, что перепалка ни к чему не приведет, а только вызовет у эсэсовца новый приступ ярости.

— Эти ящики мы не сможем никуда вывезти, а держать там, куда вы их затолкали осенью, невозможно. Вода уже стала заполнять подвалы, а господин оберфюрер дал указание захоронить «груз» в сухом месте.

— Захоронить?

— Да, захоронить!

— Почему вы так говорите? Это же не покойник!

— А по мне все равно! Раз мы прячем эти ящики глубоко в землю, значит, мы хороним их, как гробы!

— И где ж теперь вы собираетесь их похоронить?

— Да вот опять сюда же, в северное крыло. Только теперь уже с другого входа... — Вурц вдруг осекся, как будто вспомнив о чем-то. — Да

ладно, вам-то какая разница? Мы упрячем, мы и достанем! Это наше дело.

Действительно, ящики были такими большими, что Роде с трудом мог представить, как их протаскивали через узкие дверные проемы и разветвленные коридоры старинных подземных ходов в северном крыле Королевского замка. Когда он в конце прошлого года размышлял о том, куда поместить ящики с упакованной Янтарной комнатой, чтобы это было более надежно с точки зрения ее сохранности, доктор прежде всего подумал о западной части северного крыла Королевского замка, которая менее всего пострадала от пожара во время августовской бомбардировки. Рухнула крыша, почти полностью выгорели помещения двух этажей, превратившись в зловещие черные склепы с кучами золы и пепла, но сохранились нетронутыми рыцарские подвалы и подземные казематы.

На первом этаже, на том же уровне, где располагались знаменитые залы «Блутгерихта» — Большой и Малый ремтеры^[185], размещалась анфилада из шести комнат разной величины, самая большая из которых имела площадь тридцать шесть, а самая маленькая — шестнадцать квадратных метров. Некоторые из этих комнат имели выход в длинный коридор. Массивные внешние стены из камня, построенные еще в пятнадцатом веке, достигали толщины двух с половиной метров, а кирпичная стена, отделявшая комнаты от коридора, тоже построенная в рыцарские времена, совсем немного уступала им в размерах. По-видимому, именно благодаря этой стене помещения, примыкавшие к круглой башне, вообще не пострадали, хотя совсем рядом огонь зверски расправился с великолепными покоями Великого магистра.

Альфред Роде считал, что самой приемлемой по конструкции в этой анфиладе сохранившихся комнат была последняя, примыкающая к бывшему гаражу, от которого ее отделяло две стены. Между этими стенами и находилась узкая камера-полость шириной чуть более метра, куда и поместили тщательно упакованные панели Янтарной комнаты. Для размещения четырех больших ящиков со стеновыми панелями места оказалось вполне достаточно, а другие, более мелкие были поставлены тут же — в соседней комнате со сводчатым потолком. Так как дверь в эти оба помещения отсутствовала, а из каменной кладки торчали только костыли с шарнирами, ничего не оставалось, как наспех смастерить ее в одном из цехов завода Шихау из толстого стального листа, приварить к ней внушительные металлические штыри и насадить на шарниры. Закрытая на два тяжелых навесных замка, она казалась достаточно надежной. Кроме того, пост полиции порядка, установленный в замковом дворе, постоянно держал в поле зрения все входы в западное крыло, не допуская

проникновения туда посторонних лиц.

Теперь же, когда все взяла в свои руки служба безопасности, судьбу Янтарной комнаты и других хранившихся в замке сокровищ должны были определять люди из СД, готовившиеся к подпольной диверсионно-террористической деятельности против советских войск, которые, это ни у кого уже не вызывало сомнения, скоро овладеют Кёнигсбергом. Правда, Роде и сам понимал, что оставление ящиков с панелями Янтарной комнаты и другими ценностями в тех местах, где они были сложены после августовской бомбардировки, абсолютно не гарантирует их от гибели во время штурма города. Он не без оснований предполагал, что замок станет последним оплотом сопротивления в городе и на него придется удар всей мощи наступающих.

Доктору Роде были не по душе намерения Бёме и его сотрудников спрятать ценности в каких-то совершенно не известных ему местах. Чувствуя себя ответственным за сохранность сокровищ, он хотел, чтобы его посвятили во все подробности операции, но понимал, что это совершенно не входит в планы СД. «Мы упрячем, мы и достанем!» — недвусмысленно и даже как-то грубо сказал ему оберштурмфюрер Вурц.

Когда уже сгустились сумерки, из замка были вывезены последние ящики с «грузом», который подлежал укрытию на объектах «Вервольфа» за пределами цитадели. Во дворе остались лежать под охраной эсэсовцев только ящики с панелями Янтарной комнаты да около полусотни стальных контейнеров с запаянными крышками. Все контейнеры были аккуратно завернуты в чехлы из прорезиненной ткани и имели маркировку в виде буквенно-цифровых индексов.

Доктор Роде, хотя сам непосредственно не упаковывал эти контейнеры, знал, что в них находятся экспонаты Прусского музея — золотые и серебряные украшения конца прошлого тысячелетия, столовые приборы из благородных металлов, особо ценные изделия из фарфора, предметы церковной утвари. Здесь же были особо дорогостоящие экспонаты из Художественных собраний Кёнигсберга, размещавшихся тут же, в замке: итальянская майолика, северный фаянс, французский и русский фарфор. Но доктору Роде было известно также, что содержание более половины контейнеров составляли трофеи, вывезенные из Советского Союза и Польши: иконы и оклады из серебра и золота с драгоценными камнями из православных церквей, дарохранильницы, дароносицы, кадилъницы и кресты из польских костелов.

Но чего не мог знать доктор Роде, так это того, что в восьми контейнерах, отмеченных яркой красной двойной полосой, находились

вовсе не музейные ценности. В каждом из них лежало по меньшей мере по пятьдесят килограммов золота, платины и драгоценных камней. Это были «трофеи» кёнигсбергского СД, в том числе «добытые» зондеркомандами «Оперативной группы Б»: золотые коронки, кольца, броши, серьги, ожерелья, браслеты, кулоны, медальоны, наручные и карманные часы, а также целые россыпи рубинов, сапфиров и изумрудов, аккуратно упакованных в мешочки из холщовой ткани. Вполне очевидно, что большинства бывших хозяев этих вещей уже не было на свете. Они закончили свою жизнь либо в заполненных трупами рвах и ямах, либо в печах крематориев концлагерей.

Теперь, когда большинство ценностей было вывезено из Королевского замка, казалось, доктор Роде должен был почувствовать некоторое облегчение. Живописные полотна голландских мастеров, таких как Лукас ван Лейден и Питер Брейгель, художников итальянского ренессанса, немецкой школы живописи, и многие другие произведения искусства нашли свое тайное пристанище на объектах «Вервольфа» под кодовыми наименованиями «W-17», «W-19» и «W-33». А это, по мнению сотрудников службы безопасности, гарантировало их полную сохранность. Роде тоже хотелось бы в это верить, хотя он точно не знал, где теперь находятся все его сокровища. Бёме, Вурц и Крайхен, с которыми контактировал ученый, считали, что Роде следует довольствоваться их уверениями в надежности укрытий и не проявлять излишнего любопытства к объектам особой важности.

Все, что знал Альфред Роде, так это то, что картины и экспонаты размещены в каких-то бункерах в районе Росгартенской кирхи, около форта «Фридрих-Вильгельм IV» в Кведнау и где-то рядом с ипподромом. То, что Янтарная комната будет перепрятана в одном из тайных объектов «Вервольфа» неподалеку от замка, ему тоже уже стало понятно. Во всяком случае, Роде знал, что ящики с панелями собираются тащить куда-то по туннелю, соединяющемуся с подземельями северного крыла Королевского замка. Куда же отправятся стальные контейнеры, ему было совершенно неизвестно. Интуитивно Альфред Роде чувствовал, что он лишь статист в какой-то большой игре, где ставками являются жизнь и несметные сокровища.

Доктора Роде беспокоила не только судьба вывезенных и спрятанных художественных ценностей. Его мучила участь тех экспонатов Прусского музея и Художественных собраний Кёнигсберга, которые должны были остаться в подвальных помещениях замка, там, куда они были сложены еще перед налетом англо-американцев в прошлом году.

Все подвалы южного и северного крыльев Королевского замка были заставлены ящиками и коробками, в которые наспех были свалены бронзовые фибулы и браслеты, старинные доспехи и оружие, фарфоровые вазы, медные кувшины и дорогие курфюршеские и королевские сервизы. Десятки щитов, мечей, каменных и железных ядер, предметы старинного быта — топоры, молотки, ножи, различные инструменты, — все это навалом лежало на каменном полу замковых подвалов. В мешках вперемешку с монетами, памятными медалями и пуговицами с богатых камзолов лежали медвежьи зубы и моржовые клыки, лаковые миниатюры на маленьких дощечках, статуэтки из кости и древние находки из прусских курганов. Все это богатство не подлежало вывозу из Королевского замка и должно было остаться в его подземных казематах «до лучших времен», как сказал оберштурмфюрер Вурц.

— Я спущусь в подвал, — тихо проговорил Роде, не то спрашивая, не то просто сообщая об этом Вурцу. — Дайте мне, пожалуйста, фонарь.

Оберштурмфюрер Вурц протянул ему тяжелый аккумуляторный фонарь с широким ремнем.

— Господин Роде, не провалитесь там куда-нибудь. Я все-таки отвечаю за вас перед оберфюрером.

— Не волнуйтесь, Вурц. В замке я знаю каждый угол и каждую ступеньку.

Он прошел вдоль закопченных стен южного крыла с черными провалами глазниц-окон, стараясь обходить кучи мусора и битого кирпича, и оказался перед старинным порталом.

«Подъезд № 6» — луч фонаря выхватил надпись на аккуратной синей табличке, чудом сохранившейся неповрежденной среди черных стен. Сколько раз Роде проходил через эти двери, по обе стороны которых на невысоких постаментах стояли скульптуры — две человеческие фигуры со сложенными на груди руками. Хищные морды каменных львов с зажатými в пасти кольцами, великолепный барельеф с изображением сцен из рыцарской жизни — все это, созданное еще в шестнадцатом веке, сейчас казалось на фоне руин Королевского замка нелепым и вычурным.

Последний раз Роде был здесь пять дней назад, когда вместе со своими сотрудниками еще раз осматривал сложенные в подвалах экспонаты. Когда СД активно занялась укрытием ценностей, музейные работники посчитали, что смогут «пристроить» в надежное место еще какие-нибудь реликвии. Но все оказалось тщетным. Определенный через два дня после этого и согласованный с высшим руководством восточнопрусской службы безопасности перечень ценного «груза», подлежащего укрытию, оставил за

своими пределами многие сокровища Прусского музея и Художественных собраний Кёнигсберга.

Роде вошел внутрь помещения. Здесь в воздухе витал стойкий запах гари, поселившийся еще со времени прошлогоднего пожара. Рухнувшие кое-где перекрытия преграждали проход к окнам первого этажа, из которых открывался вид на лежащий в руинах и покрытый мраком Старый город. Роде осветил фонарем знакомый вестибюль, нашел арочный проход в соседний зал, из которого спускалась крутая лестница в подвальный этаж южного крыла. Деревянные перила сгорели, и на ступенях частоколом торчали искореженные прутья, как зубья гигантской расчески.

В подземелье пахло сыростью. Доктор Роде, посветив на пол, увидел, что воды, которой было еще очень много пять дней назад, несколько поубавилось. Утопая по щиколотку, он старался ступать на положенные на пол доски, но все равно в своих коротких сапогах не мог не замочить ноги.

Повсюду на полу в несколько рядов лежали ящики. На каждом из них черной краской были наклеены буквы «Pr.Mus.»^[186] и через дробь — цифры. Эту маркировку делали сотрудники доктора Роде еще прошлым летом, помечая так экспонаты Прусского музея. Картонные коробки совершенно раскисли от воды. Многие из них развалились, обнажая содержимое. Весь пол в подвальных помещениях был усеян битой посудой, глиняными черепками, монетами, обломками бронзовых и медных предметов, мотками веревки и всяким мусором.

Альфред Роде, подсвечивая себе фонарем, сунул руку в одну из открытых коробок. Она натолкнулась на что-то мягкое и влажное. Роде вытащил предмет, оказавшийся куском материи с расшитым золотыми нитками витиеватым узором. «Так это же воротник ризы из данцигской кирхи Святой Марии, подарок турецкого султана, работа восточных мастеров тринадцатого века! — догадался ученый. — И все это здесь, в полузатопленном подвале, оставлено на погибель!»

Роде с тяжелым сердцем прошел по подземной анфиладе, рассматривая ящики, щупая содержимое мешков и пакетов, вынимая то одну, то другую вещь из развалившихся коробок. На каменных стенах под лучом фонаря блестела влага. Повсюду слышались тихие всплески — со сводчатых потолков капала вода.

В последней из подвальных комнат доктор Роде рассмотрел два длинных ящика. У верхнего крышка была немного сдвинута в сторону. Ученый вспомнил, что сюда были сложены экспонаты отдела доисторических древностей Прусского музея. Он подошел к ящикам, намереваясь поправить крышку, посветил внутрь и невольно отшатнулся.

Среди множества костей, навалом ссыпанных в ящик, лежали два человеческих черепа. Конечно, доктор Роде знал, что это находки с кладбища викингов под Кранцем^[187] — гордость музея, относящаяся к периоду Великого переселения народов. Но здесь, в абсолютно темном подвале, при тусклом свете фонаря эти «экспонаты» казались зловещим предзнаменованием смерти.

«Действительно, это именно захоронение сокровищ! — вспомнил слова оберштурмфюрера Вурца доктор Роде. — Здесь, в подземельях Королевского замка мы хороним все то, что представляло когда-то ценность... Мы хороним не только историю, мы хороним себя и свою надежду!»

Доктор Роде прикрыл крышку на ящике, затем резко повернулся и зашагал в сторону лестницы, придерживаясь рукой за влажную стену. Ему поскорее хотелось попасть отсюда наверх, на свежий воздух. И когда он, запыхавшись, наконец оказался на поверхности, ему показалось, что он выбрался из глубокой могилы.

— Ну как, господин доктор, проверили все ваши сокровища? Все на месте? А то уж я забеспокоился, вас не было около часа. Думаю, не провалились ли вы куда? — с ехидной интонацией спросил Вурц.

— Да все в порядке, — ответил доктор Роде.

— А мы тут уже управились с вашим янтарным сокровищем.

— Как?

— Унесли ваши ящички! Нет их больше!

Доктор Роде пытался разглядеть в темноте совсем еще недавно стоящую рядом пирамиду из ящиков, но ничего не увидел.

— Так где же они?

— Не волнуйтесь, доктор! Теперь они в надежном месте. Там их «иваны» уж точно не найдут! А когда придет время, мы их...

— Слушайте, Вурц, где ящички? Куда вы их дели? — Голос Роде сорвался на крик.

— Не орите на меня! Я же сказал вам: «груз» надежно спрятан. А где, вам знать не обязательно!

Из стрельчатой арки северного крыла замка, куда по нагромождению камней и щебня был проложен дощатый настил, стали выходить серые фигуры, сопровождаемые усиленной охраной эсэсовцев. Было ясно, что пленные закончили свою тяжелую работу где-то там, в недрах замка, и теперь их выводили наружу к грузовику с брезентовым верхом. Когда их собралось человек пятнадцать, командир взвода охраны прокричал какую-то команду, и пленные, подгоняемые эсэсовцами, стали забираться в кузов.

Как только был закрыт задний борт и охранники застегнули брезентовый полотно, взревел мотор и машина тронулась к выездным воротам. Впереди и сзади пристроились мотоциклы.

— Послушайте, Вурц! По-моему, вышли еще не все. Днем я видел гораздо больше русских. Они что, остались там работать? — Доктор Роде вопросительно посмотрел на оберштурмфюрера.

— И это вас не касается, господин доктор! Вы что-то стали не в меру наблюдательным! Это до добра не доведет!

— Вы что, мне угрожаете?

— Нет, не угрожаю. Я вас только предупреждаю: не задавайте глупых вопросов, не суйте свой нос туда, куда не следует. А лучше всего — идите отсюда и больше не показывайтесь здесь. Свое дело вы сделали. Теперь наш черед, черед солдат фюрера...

— Солдат? Солдаты гибнут в окопах, а вы... — Роде с ненавистью посмотрел на Вурца. — Вы думаете только о том, как бы урвать себе...

Альфред Роде не успел закончить фразу, почувствовав цепкие руки оберштурмфюрера на своей шее. От неожиданности и боли он вскрикнул, но изо рта донесся только сдавленный хрип.

Он задыхался, беспомощно махая руками и пытаясь оторвать от своей шеи лапы эсэсовца, но они все сильнее и сильнее сдавливали ее. Разум мутился в голове, и доктор Роде почувствовал, что умирает от удушья. Очки от конвульсий отлетели в сторону. Раздался звон разбитых стекол.

Когда силы уже почти покинули доктора, а душа его была уже готова вырваться из брэнной оболочки тела, Вурц вдруг оторвал руки от шеи Роде и, крепко взяв его за воротник куртки, притянул к себе. Доктор, судорожно глотая воздух, схватился за шею. В лицо ему пахнуло винным перегаром. Страшная, искаженная гримасой ненависти морда эсэсовца была совсем близко.

— Ты, вонючая свинья, ублюдок, очкастый недоносок! Мне ничего не стоит превратить тебя в кучу дерьма, тварь! Убирайся отсюда и скажи спасибо, что остался жив! Если ты попадешься мне еще хотя бы раз, я прикончу тебя, как бешеную собаку!

Оберштурмфюрер отцепил руки от воротника доктора Роде, резко повернулся и зашагал в сторону стоявших неподалеку охранников. Сказав что-то одному из них, он скрылся в арке, из которой лился бледный свет. Там, на первом этаже башни Луизы, как известно, был временно расквартирован взвод охраны.

К доктору Роде подошел эсэсовец с автоматом.

— Господин Роде, я выведу вас из замка через посты охраны. До дома

вы доберетесь сами. У вас ведь есть пропуск?

Роде молча, все еще не придя в себя, поплелся за охранником. У него очень болела голова, сильно подташнивало, в груди что-то хрипело и клокотало.

Известный искусствовед, выдающийся ученый с мировым именем, директор Художественных собраний Кёнигсберга, доктор Альфред Роде покидал замок в сопровождении эсэсовского охранника. Он был не просто растерян или удручен. Он был раздавлен. Впервые в жизни он почувствовал, что его знания, профессиональные качества, духовный мир, человеческая сущность — все это может быть обращено во прах грубой и примитивной силой, которой нет никакого дела до чаяний его души, ни до его представлений о чести и совести. Причем сделано это может быть просто так, походя, из скотского желания унижить и оскорбить другого человека и тем самым доказать свое превосходство над ним.

Оберштурмфюреру Вурцу пришлось все-таки при докладе оберфюреру Бёме о завершении работ по укрытию «груза» на объектах «Вервольфа» сообщить о случившемся инциденте. Правда, он не сказал, что в припадке ярости чуть было не задушил доктора Роде. Но Бёме, неплохо знающий Вурца, вполне мог представить, что стоит за словами оберштурмфюрера: «Я вынужден был поставить его на место».

— Вурц, вы должны были проявить выдержку и не показывать своего возмущения.

— Но, господин оберфюрер, этот Роде говорил, как враг! А главное, он намекал, что мы, сотрудники службы безопасности, якобы хотим что-то «урвать», выполняя спецзадание по укрытию «груза».

— Урвать? Он так и сказал?

— Так точно, господин оберфюрер.

— Крайхен... — Бёме обратился к другому офицеру СД. — Вы все продумали? Как будем поступать с Роде?

— Господин оберфюрер, я думаю, что лучше всего было бы радикально решить этот вопрос. Тогда у нас не будет проблем...

— Вы рассуждаете не как опытный контрразведчик, а как старший вахмистр из четвертого полицейского ревира на Кайзерштрассе, тридцать восемь!

— Простите, господин оберфюрер!

— Немного пораскиньте мозгами: когда русские окажутся в городе, они, конечно, начнут искать все эти наши объекты. Будут опрашивать пленных немецких солдат, фольксштурмистов, гражданское население. Кроме того, мы с вами еще точно не знаем, попал ли кто к ним в руки из

числа бойцов спецподразделений «Вервольфа». Потом ваш прокол с инженерами. Ладно, с Муниром мы решили все как надо. Но Гербах! Вы упустили его! А он, если попадет в русскую контрразведку...

Бёме не успел договорить. Вошедший в кабинет адъютант сообщил, что его срочно просят к телефону.

— Кто там еще? — Бёме не любил прерывать начатую мысль.

— Корветтен-капитан Нойман.

Бёме молча кивнул. Вурц, Крайхен и еще несколько офицеров СД торопливо вышли из кабинета.

— Добрый вечер, Нойман! Слушаю вас.

— Господин оберфюрер, завтра объект будет в условленном месте. Мы нашли там удобную...

— Нойман, давайте не по телефону. Кто у вас там занимается этими делами?

— Обер-лейтенант Принцхорн. Он находится в Пиллау.

— Я поручил проработку всех оргвопросов оберштурмбаннфюреру Готцелю.

— Я его знаю. Пусть он приедет ко мне на Кранцер Аллее. Мы обговорим все детали.

— Хорошо. Он будет у вас через полчаса.

Бёме положил трубку и вызвал адъютанта нажатием кнопки на нижней стороне крышки письменного стола.

— Вызовите срочно Готцеля. Он должен работать рядом в бункере.

Оберштурмбаннфюрер появился через пять минут. Подтянутый, с выправкой строевого офицера, он производил впечатление уверенного в себе человека. Как будто не было совсем недавнего разноса, который сделал ему Бёме за недостатки в обеспечении конспирации групп «Вервольфа».

— Слушаю вас, господин оберфюрер!

— Вот что, Готцель. — Бёме вплотную приблизился к нему, положил руку ему на плечо, испытываяще посмотрел прямо в глаза. — Зигфрид, есть дело, которое я могу доверить только вам. Я уверен в вас. Я знаю, что вы никогда не подводили меня, и, если честно, только на вас могу рассчитывать, как на себя.

— Спасибо, господин оберфюрер. Я готов выполнить любой ваш приказ.

— Зигфрид, между собой мы должны быть честными. И вы и я знаем, что война проиграна...

Готцель попытался что-то сказать, но Бёме остановил его:

— Не надо, дружище. Не будем говорить о преданности фюреру и рейху. Это и так понятно. Но речь идет уже о другом: о том, как мы продолжим борьбу после окончания войны для возрождения Великой Германии и идей национал-социализма. Но об этом мы еще поговорим. А сейчас у нас очень мало времени. Свяжитесь немедленно с Нойманом, командиром «Морской команды донесений М-166». Знаете, где это?

— В Пиллау?

— Нет, сам Нойман сидит здесь, в городе, на Кранцер Аллее. Сейчас поезжайте к нему. Мы договорились с ним о том, что одна из подводных лодок его «флотилии» зайдет в Прегель, чтобы забрать в «час Икс» особо ценного агента. Предварительно мы определили, что место ожидания лодки будет около нового железнодорожного моста. Обсудите с ним и его сотрудниками все, что нужно сделать для того, чтобы лодку не обнаружили раньше времени, чтобы возможен был отход ее во время уличных боев... ну, там, фарватеры резервные... м-м-м... глубины там... всякие еще их морские уловки... Главное, чтобы по команде они могли взять на борт нашего человека и тайно покинуть город. Даже если в нем уже будут русские.

— Я все понял, господин оберфюрер. Разрешите исполнять?

— Давайте, Готцель. Это очень важное задание. Я думаю, важнее даже подготовки наших спецгрупп для борьбы в тылу врага. Идите.

Оберштурмбаннфюрер Готцель молча поднял руку в нацистском приветствии, круто повернулся и направился к двери.

— Да, Готцель. А как дела с «грузом»? Всё успели укрыть?

— Почти всё, господин оберфюрер. Несколько контейнеров осталось отправить в Понарт, да заканчиваем работы в районе замка и в бункере на Росгартен. Начали мероприятия по легендированию и дезинформации...

— Ладно, идите. Потом. Мне доложат.

Бёме снова вызвал в кабинет ожидающих в приемной офицеров.

— Мы закончили на абсолютно бездарном обеспечении конспирации работ по укрытию груза на объектах «W». Теперь надо быстро исправлять то, что сделано непрофессионально. Во-первых, полностью завершить маскировку объектов, не допуская при этом их расшифровки. Во-вторых, провести комплекс дезинформационных мероприятий. В-третьих, полностью отработать списки ранее допущенных к спецработам. Кто будет докладывать? Крайхен?

— Господин оберфюрер, разрешите мне? — Оберштурмфюрер Вурц подался немного вперед. — Я непосредственно занимаюсь вопросами укрытия и маскировки.

— Давайте, только кратко.

— Слушаюсь! Господин оберфюрер, мы полностью отработали намеченный позавчера план. Практически все, что было отмечено по «Перечню ценных предметов», подготовленному Роде, мы разместили на специально выделенных объектах «Вервольфа»: на объекте «W-17» — это бункер рядом с фортом в Кведнау — картины и экспонаты Прусского музея и Художественных собраний Кёнигсберга, на объекте «W-33» — это бункер в Росгартене — «груз» из России и спецпакеты из Рейхсбанка...

— Спецпакеты?

— Я докладывал вам, господин оберфюрер.

— А-а, да. Понял. Дальше.

— На объекте «W-19» — это бункер около ипподрома — мы разместили стальные контейнеры из подземелий Королевского замка. Все отбирал сам доктор Роде.

— А те восемь контейнеров?

— Господин оберфюрер, здесь у нас есть предложение...

Бёме недовольно посмотрел на Вурца.

— Мы ведь с вами договорились, что все надо делать быстро!

— Но вы также говорили, что место укрытия должно быть абсолютно надежным, — возразил оберштурмфюрер Вурц. — У нас с Крайхеном есть предложение. Разрешите доложить после совещания?

— Хорошо.

— Ну а остальное, господин оберфюрер, разместили там, где это было возможно: в Лохштедтском замке, в подземных хранилищах пивзаводов Шёнбуш и Понарт, в нескольких довольно приличных подвалах в Хуфене и Амалиенау. Но, конечно, уже с другой степенью надежности, чем на объектах «Вервольфа».

— А как с маскировкой?

— Здесь почти все уже сделано. Практически везде во время прошлой бомбежки города мы провели направленные подрывы зданий и сооружений, расположенных рядом с объектами «Вервольфа». Объект «W-19» замаскировали под простой бункер ПВО, разрушенный прямым попаданием фугасной бомбы. Для этого пришлось пожертвовать...

— Не надо, Вурц. Вы знаете, что я не люблю подробностей и полагаюсь на ваш профессионализм.

— Слушаюсь.

— А как бесценное сокровище доктора Роде?

— Янтарный кабинет?

— Да.

— Господин оберфюрер, здесь мы действовали полностью согласно вашим указаниям. Мы не стали искать для этого крупногабаритного «груза» какого-либо специального места, потому что...

— Не надо, Вурц. Я это все знаю.

— Мы переместили ящики с янтарными панелями из двух подвальных комнат северного крыла Королевского замка в специально оборудованный бункер, как мы его называем, «футляр». Мы хотели разместить в нем спецснаряжение для нашей группы «022», в том числе законсервированную радиоточку. Бункер отменный, глубокого залегания, полностью герметичный. Ни вода, ни сырость туда проникнуть не смогут. Эти янтарные стены могут лежать там хоть сто лет, и ничего с ними не сделается!

— Сто лет? Вы рассчитываете вернуться в Кёнигсберг через сто лет? — язвительно спросил Бёме.

— Да нет, господин оберфюрер. Я хотел только сказать, что в этом бункере «груз» может храниться сколько угодно и не пострадает ни от влаги, ни от взрывов.

— Ладно. Хорошо. Теперь вы, Шмидт, доложите о том, какие дезинформационные мероприятия проводит ваше отделение. — Оберфюрер Бёме обратился к единственному одетому в штатское молодому человеку с усами а-ля Гитлер. Он редко присутствовал на совещаниях, так как относился к так называемому негласному составу СД.

— Господин оберфюрер, мы с моими людьми сразу после получения задания разработали план мероприятий по дезинформированию противника. Его утвердил оберштурмбаннфюрер Готцель. Согласно плану, мы...

Шмидт докладывал четко, как будто читал хорошо подготовленный доклад или лекцию на спецкурсах оперативного состава СД. «Умеют же эти люди из седьмого управления делать все на научной основе!» — подумал Бёме.

Дело в том, что оберштурмбаннфюрер Шмидт совсем недавно прибыл из Берлина для прохождения дальнейшей службы в кёнигсбергской СД. Никто толком не знал, почему этого офицера перевели из элитного подразделения РСХА под названием «Группа VII С», которая занималась какими-то «специальными научными заданиями». Поговаривали даже, что дело не обошлось без «группы специального розыска» гестапо, сотрудники которой осуществляли слежку за высшими должностными лицами в учреждениях рейха, в том числе за сотрудниками самой службы безопасности. Но сколько Бёме ни пытался выяснить истинные причины

перевода Шмидта в Кёнигсберг через своих людей в Берлине, ему это так и не удалось.

— Мы начали активное продвижение дезинформации о местах укрытия ценностей, документов и оружия. В этих целях через агентуру нами доводятся сведения о том, что, например, в районе Штайндамм, у крематория, в замке Нойхаузен, на Йудиттер Аллее^[188] имеются бункеры или другие подземные сооружения, куда помещены различные ценные предметы. Для подкрепления информации мы провели несколько активных дезинформационных мероприятий — проводили оцепление ложных объектов, демонстративное движение груженого транспорта. Нами изготовлено несколько документов дезинформационного характера, подготовлены легенды для шести наших агентов, в том числе агента под псевдонимом Борн — офицера люфтваффе... ^[189]

— Вы имеете в виду Виста?

— Так точно, господин оберфюрер. Это надежный, преданный идеалам национал-социализма человек, бывший член СА. Ему отработана соответствующая линия поведения и канал вывода его из Кёнигсберга после взятия русскими. Борн снабжен целым рядом фиктивных документов, в том числе приказами и записками, связанными с укрытием ценностей. Кроме того, нами разработан целый комплекс мероприятий...

— Шмидт, вы как будто читаете лекцию в Кёпеникской офицерской полицейской школе! — недовольно перебил его Бёме. — Давайте короче!

— Господин оберфюрер, подробно я все изложил в этой записке. — Шмидт протянул Бёме несколько скрепленных листков. — Только разрешите, я передам ее через канцелярию.

Бёме молча кивнул. Затем, немного подумав, сказал, обращаясь ко всем:

— Узловым объектом для дезинформирования «Иванов» должен стать доктор Роде. Я думаю, его надо оставить в Кёнигсберге, но, разумеется, под надежным присмотром. От него пользы будет гораздо больше, если он останется жив. Ведь русские, как только начнут поиски художественных ценностей, в том числе наших восточных трофеев, сразу будут искать того, кто был причастен к их укрытию, и неизбежно найдут Роде. Он — известный в мире ученый, не «запятнанный» активной работой в НСДАП и сотрудничеством с гестапо. Либерал по взглядам. Среди его друзей были и «враги рейха». Так что можно его считать даже «жертвой нацистского произвола»...

— Разрешите вопрос, господин оберфюрер? — вежливо перебивая

Бёме, спросил Крайхен.

— Пожалуйста.

— Если мы делаем ставку на Роде как основное средство дезинформации, мы должны понимать, что ему известно достаточно много. Силовое давления он, конечно, не выдержит и расскажет все, что знает. Господин оберфюрер, не нанесем ли мы здесь больше вреда, чем получим пользы?

— Все так думают? — спросил, обводя взглядом участников совещания, оберфюрер Бёме.

И Вурц, и только что вошедший в кабинет Готцель, по-видимому, вернувшийся со встречи с Нойманом, и другие сотрудники СД молча смотрели на своего начальника. По всему было видно, что и им непонятно, зачем так рисковать.

— Крайхен, поймите, что для русских Роде будет просто находкой. Они будут использовать его как главного эксперта и постараются выкачать из него все, что он знает. А знает-то он не так-то уж и много, не правда ли, Вурц?

— Так точно, господин оберфюрер. Ему не известно местонахождение ни одного из объектов «W». Он знает лишь только примерные районы их расположения. Единственное, что ему известно, так это то, где находятся оставшиеся в подвалах замка экспонаты Прусского музея. Но это все — хлам и старье, не имеющие никакой ценности, всякие там кости, медные брошки, чашки, кувшины, ржавые топоры... Повторяю, ни одного конкретного объекта этот Роде не видел.

— Слышали? Теперь займитесь его обработкой, вбейте ему в башку, что он знает, где что спрятано. Как это сделать, не мне вас учить, Крайхен! Обеспечьте за ним агентурное наблюдение и проработайте возможные варианты вывода его из оперативной игры. Понятно?

— Слушаюсь!

— Так. Теперь последнее. Как отработаны списки осведомленных? Что осталось? Кто доложит? Вы, Готцель? Пожалуйста.

— Господин оберфюрер, утечка информации об объектах «W», расположенных в Кёнигсберге, практически исключена. При оборудовании каждого из них работали наши офицеры плюс привлекались сотрудники гестапо. Рабочая сила, а это были, как правило, русские военнопленные и польские рабочие, общей численностью около трехсот пятидесяти человек, фактически уже не представляет никакой опасности. По информации отдела «Н» гестапо, в отношении большинства привлекавшихся к работам на объектах уже проведены необходимые экзекуционные мероприятия.

Остались, по-моему, около двадцати человек. Их используют для нужд консервации агентурных материалов гестапо. После завершения этих работ вопрос будет закрыт полностью.

— А немцы?

— Среди привлекавшихся — около сотни солдат и офицеров саперных, строительных и инженерных частей, порядка восьмидесяти человек личного состава охранных подразделений СС, двенадцать гражданских лиц — специалистов инженерного профиля. От всех отобраны подписки о неразглашении сведений, все находятся под агентурным контролем гестапо. В отношении двадцати двух человек пришлось принять радикальные меры воздействия в связи с тем, что они допустили разглашение информации. В общем, господин оберфюрер, занимаемся. Думаю, что риск утечки информации о месторасположении конкретных объектов к русским сведен до минимума.

— Будем надеяться. Подготовьте краткое донесение в Берлин, в три адреса — в специальный отдел «VI S», группу «VI G»^[190] и лично Кальтенбруннеру. Впрочем... — Бёме о чем-то задумался. — Давайте подождем отправлять донесение. Полностью закончим все работы и тогда отчитаемся. Ясно?

Участники встали, поняв, что совещание закончилось.

— Все занимаются своим делом. Собираемся завтра в девять ноль-ноль в этом же составе плюс командиры частей полиции и СС, включенные в отдельный сводный полк СС. Определимся с задачами, согласуем вопросы взаимодействия с армией и фольксштурмом. Возможно, на совещании будет присутствовать крайслейтер Вагнер. Хайль Гитлер! Готцель, я попрошу вас задержаться на пару минут.

Когда все вышли из кабинета, Бёме спросил:

— Ну как, Зигфрид, вы встретились с Нойманом?

— Так точно, оберфюрер. Мы обговорили с ним главное — место дислокации «Зеехунда» и вероятное время операции. Я назвал ему ориентировочно период между двадцатым и тридцатым апрелем...

— Вы погорячились, Готцель. Я думаю, что времени у нас не более двух недель. По всему видно, что русские начнут атаку дня через три-четыре. Крепость продержится не более недели, даже если наши воины будут сражаться до последней капли крови. Значит, операция будет где-то между десятым и двадцатым апреля. Надо будет скорректировать время.

— Господин оберфюрер, я не хочу задавать вам лишних вопросов, но для того, чтобы не сделать ошибку...

Готцель замаялся.

— Ну, что вас интересует? Кто тот самый ценный агент, которого надо будет тайно вывезти из окруженного города?

— Так точно, господин оберфюрер.

— Хорошо, говорю вам об этом первому. Но предупреждаю, что об этом не должен знать никто. Под видом ценного агента город должен буду покинуть я.

Готцель с недоумением посмотрел на шефа.

— Да, да, Зигфрид, вас это не должно смущать. У меня есть крайне важное поручение рейхсфюрера. Оно связано с теми работами, которые мы проводим последние недели, и касается укрытия ценностей рейха в замаскированных бункерах «Вервольфа». Дело в том, что многим из нас придется уехать из Германии, возможно, даже из Европы, сменить имена и фамилии. В эти планы посвящены всего несколько человек в кёнигсбергской СД. Они готовят все необходимые документы, занимаются разработкой каналов эвакуации через агентурную сеть службы безопасности. Когда придет время, вы сами все узнаете.

— Но, господин оберфюрер, я не задаю вам лишних вопросов...

— Да, Зигфрид. Это очень секретная операция, разработанная РСХА. У нее есть кодовое название — «Рио». Главное, что в результате ее осуществления должны оказаться в безопасном месте видные руководители движения, сотрудники разведки и контрразведки, тайной полиции, военнотехнические специалисты и ученые, работающие над урановым проектом и в области ракетостроения. Но это не все. Речь идет также о переводе валютных средств и золотых активов НСДАП, которые должны стать основой для возрождения национал-социализма. Мы здесь, в Восточной Пруссии, укрыли в тайных хранилищах бесценные сокровища, которые стоят сотни миллионов долларов. Точные сведения о местах их укрытия знаем только мы — СД. Я должен, я просто обязан спасти эту информацию и доставить ее туда... куда требуется. Думаю, что этим ценностям недолго лежать в земле. Они еще поработают на Великую Германию!

Было видно, что Бёме заметно волнуется, рассказывая все это Готцелю. Ведь до сих пор об операции «Рио» практически не знал никто. А ведь был еще и план «Шлюз», который предусматривал организацию одного основного и двух резервных каналов эвакуации видных нацистов из Германии в Сальвадор, Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай. Согласно этому плану, из Кёнигсберга подлежали эвакуации по тайному каналу всего сто девятнадцать руководителей НСДАП, СС и СД. Оберфюрер Бёме собственноручно составил этот список, а затем согласовал его с гаулейтером. Пока никто из тех, кто был в этом списке,

даже не подозревал о его существовании.

Оберфюрер Бёме на случай «тайной эвакуации», а проще говоря, бегства должен был, имея специально изготовленные документы на гражданское лицо, переждать несколько дней на одной из конспиративных квартир в пригороде Кёнигсберга, а затем с толпами беженцев пробраться в Баварию, оттуда в Швейцарию, далее, снова сменив документы и изменив внешность, отправиться во Францию. Порты Марсель или Бордо должны были стать последними отправными точками маршрута в Латинскую Америку.

У Бёме вызывал сомнение первый этап этого плана. Он смертельно боялся остаться в занятом русскими Кёнигсберге. Бёме считал это самой уязвимой частью плана, но даже с его громадными возможностями не оставалось ничего другого, как следовать заранее разработанной схеме. Осенившая оберфюрера идея использовать для эвакуации сверхмалую подводную лодку показалась ему привлекательной хотя бы потому, что позволяла избежать прямого контакта с русскими, которого Бёме опасался больше всего. Конечно, это было крайне опасным — пробираться по речному фарватеру в городе, где еще не стихли бои. Но Бёме знал о том, что в «Группе боевых пловцов Ост» служат настоящие асы, на счету у которых сотни рейдов во вражеские воды. Он знал также и о том, что Прегель ниже железнодорожного моста имеет глубокий и достаточно свободный фарватер. А там — Кёнигсбергский канал, залив, Балтика и, наконец, датский остров Борнхольм, где стоял немецкий гарнизон.

— Зигфрид, вы не думайте, что вас оставят в беде. Все уже готово, и в нужный момент вы исчезнете вместе со мной и некоторыми другими нашими сотрудниками из города. Мы не доставим русским удовольствия поиздеваться над «нацистскими преступниками». Вы меня понимаете?

— Так точно, господин оберфюрер. Я сделаю все, что нужно. С корветтен-капитаном мы обговорили некоторые детали. А завтра я еду в Пиллау и познакомлюсь с обер-лейтенантом Принцхорном, командиром «Зеехунда». Разрешите идти?

— Идите, Зигфрид.

Оберштурмфюрер Крайхен нашел доктора Роде в его временном кабинете на улице Ланге Райе. Здание Геолого-палеонтологического института было только частично разрушено, в основном пострадали его верхние этажи и пристройка, расположенная с тыльной стороны фасада. Несколько комнат, где размещались лаборатории и когда-то сидели научные сотрудники, были свободны после эвакуации в 1944 году основных фондов

и Янтарного собрания института в Нижнюю Саксонию. Полупустые шкафы и витрины были сдвинуты в сторону, и за двумя столами разместился доктор Роде с двумя его сотрудницами. Все, что уцелело после пожара в замке, Роде перевез сюда: три ящика с картотекой коллекций Прусского музея и Художественных собраний Кёнигсберга, несколько коробок с инвентарными книгами и журналами учета экспонатов, целый ворох документов в мешках — записки и справки, переписка с Оперативным штабом рейхслейтера Розенберга и «группой Кюнсберга», сопроводительные письма и описи, другие служебные документы, связанные с перемещением культурных ценностей с оккупированных территорий СССР в Восточную Пруссию.

Когда оберштурмфюрер Крайхен вошел в комнату, доктор Роде сидел на ящике и перебирал папки с документами.

— Добрый день, доктор! Я приехал за вашими бумагами.

— Что? За бумагами?

— Да, за всякими там картотеками, списками и описями. В них нужды теперь нет...

— Как нет нужды?! Много вы понимаете в этом!

— Ладно, доктор, не горячитесь. Этот идиот Вурц вывел вас вчера из себя да еще и нахамил...

— Вывел из себя? Да он просто хотел меня убить!

— Я думаю, доктор, вы преувеличиваете. Он просто грубый и необразованный человек. Конечно, для общения с вами нужен был кто-то поинтеллигентнее...

— Господин Крайхен, я не хочу говорить об этом. Давайте лучше о деле. Так зачем вы пришли?

— Я пришел забрать, согласно договоренности, все документы и материалы, связанные с нашими и трофейными музейными ценностями. По указанию господина оберфюрера они также будут укрыты в надежном месте.

Доктор Роде долгим и тоскливым взглядом посмотрел на Крайхена, горько усмехнулся и еле слышно сказал:

— Забирайте все, что хотите.

— Ну и хорошо, доктор. Я рад, что мы поняли друг друга. Я позову солдат.

Крайхен вышел из комнаты и через пять минут появился снова в сопровождении четырех рослых эсэсовцев. Один из них держал в руках перевязанную веревкой стопку мешков.

— Начинайте, ребята, — приказал Крайхен.

К ужасу двух музейных дам, находившихся вместе с Роде в кабинете, эсэсовцы стали быстро вытряхивать в мешки содержимое каталожных ящичков, пачками сваливать в них папки и скоросшиватели, конверты и тетради. Роде безучастно смотрел на эту вакханалию погрома. Казалось, что ученого покинули силы и он не в состоянии уже никак реагировать на происходящее.

Спустя полчаса все мешки, а их было не меньше двадцати, были доверху заполнены документами и материалами, превратившимися сразу из ценного для каждого исследователя средства описания, поиска и методологии в кучу ненужного хлама, с которым теперь можно было делать все что угодно.

— Доктор, мне нужно с вами поговорить. Где-нибудь... не здесь. — Крайхен сделал какое-то неопределенное движение рукой, по-видимому, показывая, что ему хотелось бы поговорить с Роде один на один.

Роде, не говоря ни слова, направился к двери в смежную комнату, на которой красовалась надпись затейливыми буквами готического шрифта «Лаборатория геоморфологии». Взявшись за дверную ручку, он обернулся в сторону Крайхена и тихо проговорил:

— Мы можем поговорить здесь, если это вам действительно так нужно.

Крайхен прошел за доктором Роде в соседнюю комнату. Здесь стояло несколько больших шкафов с разбитыми стеклянными дверцами, у стены громоздились какие-то ящики, в кучу были свалены образцы горных пород и минералов, пестрящие яркими этикетками. Под ногами хрустело стекло, пол был усеян листами с машинописными текстами, разорванными тетрадями, смятыми рулонами, обрывками фотопленки. В центре помещения стоял массивный письменный стол, покрытый толстым слоем пыли.

Роде и Крайхен расположились друг против друга, усевшись в кресла с витыми подлокотниками. Минут пять оберштурмфюрер молчал, разглядывая стены лаборатории, увешанные картинами с видами гор и скал. Молчал и доктор Роде, казавшийся безразличным и равнодушным.

— Господин доктор, оберфюрер Бёме просил меня поговорить с вами о наших совместных планах на ближайшее будущее...

— Наших с вами? — как-то сразу встрепенулся Альфред Роде. — Почему моих с вами? У меня нет никаких совместных планов ни с СД, ни с гестапо!

— Вы меня не так поняли, доктор! Я имею в виду наши и ваши планы на ближайшие недели вперед.

— Ну и что? Какие это планы?

Доктор Роде был явно не в себе. Его щеки заметно порозовели, губы были нервно поджаты, одной рукой он вцепился в ручку кресла, другой судорожно теребил галстук.

Оберштурмфюрер Крайхен, видя терзания Роде, сказал как можно спокойнее:

— Не волнуйтесь, доктор. Никто не хочет вам зла. Господин оберфюрер просил меня только обсудить с вами некоторые вопросы и передать предложение остаться в городе.

— Как остаться? Я и так остаюсь в Кёнигсберге и никуда не уезжаю!

— Да нет, доктор, я имею в виду, что вы должны будете остаться в городе, когда сюда придут русские.

— Придут русские? Но ведь и гаулейтер и господин Бёме уверяют меня, что гарнизон крепости Кёнигсберг будет сопротивляться до последнего и русским не бывать в городе!

— Все правильно, доктор. Но на войне бывает всякое и на некоторое время немецкие части могут оставить Кёнигсберг, чтобы, накопив силы и подтянув подкрепления, снова взять город.

— А что вы хотите от меня?

— Дорогой доктор, мы хотим, чтобы вы остались в городе, когда его займут русские солдаты.

— Для чего?

— Не буду скрывать, доктор, господин Бёме очень надеется на вас как на честного немца, преданного Германии и фюреру.

— Я не понимаю вас!

— Господин Роде, вы — ученый с мировым именем. Вас знают не только в Германии, но и в других странах. Русские хотя и дикий народ, но не посмеют вас тронуть. Они наверняка будут расспрашивать вас про ценности кёнигсбергских музеев, про наши трофеи, которые мы вывезли с Восточного фронта...

— Но я же ничего не знаю! Все прятали вы вместе с Вурцем и Готццелем! Я не имею понятия, куда вы все...

— Простите, доктор, — перебил Альфреда Роде Крайхен, — а вы что, хотели бы, чтобы все это попало в руки русских?

— Да нет, что вы! Ни в коем случае!

— Вот видите, доктор! Мы тоже не хотим, чтобы культурное достояние нации попало к врагу.

— Да, но что же вы хотите от меня?

— Вы, доктор, останетесь здесь и, когда русские будут вас

расспрашивать, где спрятаны сокровища, честно расскажите все, что знаете.

— Но я же ничего не знаю!

— Ну, как не знаете! Вы знаете, где хранятся экспонаты Прусского музея...

— Да, но не все, а только те, которые оставлены в подвалах замка!

— Вот и отлично!

— Да, но...

— Господин Роде, я вам сейчас расскажу об одном объекте, который находится совсем недалеко отсюда. Вы знаете улицу Розенштрассе? Она выходит на Штайндамм неподалеку от Штайндаммской кирхи.

— Знаю.

— Так вот. Там есть глубокий подземный бункер. Его построили еще в сорок третьем как бомбоубежище. Можете смело вести туда русских. Они найдут там то, что ищут!

— Я не понимаю.

— Ну, дорогой доктор! Там мы спрятали кое-какие картины, скульптуры и некоторые экспонаты...

— Но...

— Я понимаю вас, господин Роде! Речь идет о заурядных работах, в основном, копиях и не имеющих большой культурной ценности экспонатах.

— Но я не знаю, где этот бункер! Как я его найду?

— Не волнуйтесь, вам его покажут завтра же.

— Все равно это как-то...

— Я еще раз говорю вам: не беспокойтесь! Если вы сделаете, как мы говорим, все будет в порядке.

— Хорошо, о чем я должен еще рассказать русским, кроме бункера на Штайндамм?

— Расскажите все, что знаете: что СД вывезла все основные ценности из Кёнигсберга в Саксонию, что Янтарную комнату последний раз видели в северном крыле замка, что некоторые ценности спрятаны где-то в пригородах Кёнигсберга...

— Но они же начнут искать!

— Ну и пусть ищут! Они ничего не найдут, потому что никогда не узнают точно, где спрятаны ценности. Они будут их искать везде — здесь, в Восточной Пруссии, в генерал-губернаторстве, в Саксонии и Тюрингии... Но им никогда не узнать, где конкретно спрятано достояние рейха! Даже если они, как кроты, перероют всю землю!

— Господин оберштурмфюрер, вы говорите так, будто русские навсегда останутся здесь!

— Ну что вы, доктор, мы вышвырнем их, как только подойдут наши дивизии из Курляндии!

— Дай бог, дай бог!

Крайхен и Роде проговорили еще минут двадцать. Как раз ровно столько, сколько потребовалось солдатам, чтобы вынести все мешки во двор Геолого-палеонтологического института и разжечь там огромный костер. В этом костре погибли все учетные и инвентарные книги Прусского музея и Художественных собраний Кёнигсберга, дела с перепиской между отделом реквизиций и просмотра Оперативного штаба рейхслейтера Розенберга, Министерством оккупированных восточных областей и кёнигсбергскими музейными учреждениями. Именно тогда, третьего апреля 1945 года, навсегда были утрачены многие документальные свидетельства нахождения в Кёнигсберге многочисленных культурных ценностей из самых разных стран мира, и уже никто не может точно сказать, сколько их было на самом деле.

Глава 8

Объект «Б-Зет»

Грохот стоял неимоверный. Повсюду рвались снаряды, слышался леденящий душу вой «сталинских органов»^[191], не прекращающийся ни на минуту гул артиллерийской канонады, треск пулеметных и автоматных очередей. В середине большого окна, заложенного совсем недавно красным кирпичом, зияла узкая щель амбразуры. Оттуда при каждом близком разрыве в комнату влетал поток горячего воздуха и кирпичной пыли. При этом чувствовалось, как содрогаются стены, готовые вот-вот рухнуть и завалить всех тех, кто находился в данный момент в помещении. При этом с потолка то и дело осыпалась штукатурка, а иногда падали целые куски потолочного покрытия, засыпая пол мелкими обломками.

Оберфюрер Бёме, одетый в камуфляжную куртку грязнокоричневого цвета и грубые серые штаны, заправленные в высокие горные ботинки, в каске с застегнутым под подбородком ремешком, опустил руки с биноклем, в который он в течение нескольких минут рассматривал полыхающий город.

— Все. Надо уходить. Русские уже на Кайзер-Вильгельм-платц. Если мы...

Он не успел договорить. Страшный грохот поглотил все вокруг. Как будто гигантская кувалда с размаху ударила по потолку, стены заходили ходуном, откуда-то сверху посыпались обломки кирпича. В примыкавшем к комнате коридоре послышался чей-то истошный крик.

В помещении Королевского замка, в котором был оборудован наблюдательный пункт, вместе с оберфюрером Бёме, командиром сводного полка, сформированного из подразделений полиции, СД и СС, дислоцированных в Кёнигсберге, и получившего название «полка Бёме», находились несколько офицеров его штаба, а также генерал-майор ОРПО^[192] Шуберт и майор охранной полиции Фойгт, командовавший остатками 31-го полицейского полка.

Во второй половине дня девятого апреля стало очевидным, что падение Кёнигсберга — дело нескольких часов. Части Красной Армии, четвертый день штурмующие город, практически уже заняли столицу Восточной Пруссии. В руках обороняющихся оставалось всего несколько опорных пунктов в центре города — бастион «Штернварте», казармы

«Троммельплатц» и «Кронпринц», башни «Дер Врангель» и «Дер Дона», район площади Парадеплатц^[193], где располагался штаб коменданта крепости генерала Ляша, здание правительства на Миттельтрагхайм^[194] и, естественно, сам Королевский замок. Силы были неравными. Атакующие были воодушевлены близкой победой, а воля к сопротивлению уже и так деморализованных частей вермахта и фольксштурма была окончательно сломлена.

— Уходим! Теперь уж точно пора!

Эти слова Бёме, несмотря на грохот, услышали все, находившиеся в комнате. Он резко повернулся, что-то сказал своему адъютанту и пошел к двери. Потом еще раз окинул погруженное в полумрак помещение, офицеров и солдат, находившихся в нем, и, обращаясь к верзиле в серо-зеленой форме панцергренадера с перевязанной рукой, сказал:

— Майор Фойгт! Вы остаетесь в замке! Стойте до последнего! Королевский замок — это слава тевтонского духа! Его стены помогут вам выстоять, как помогли выстоять нашим доблестным предкам семьсот лет назад! Да поможет вам Бог! Хайль Гитлер!

— Хайль! — Майор полиции Фойгт неожиданно резко выбросил вверх руку и замер в нацистском приветствии.

«Да, этот будет сражаться до последнего. Умрет, но не уйдет из развалин замка», — отметил про себя Бёме. Понимая, что оставляет этого фанатичного майора, а с ним еще около двухсот солдат и офицеров полицейских и эсэсовских частей, прорвавшихся утром в замок, на верную гибель, Бёме вместе с тем не испытывал к ним никакой жалости. Более того, он в каком-то смысле даже презирал их, считая примитивными и глупыми существами, наивно верящими в идеалы национал-социализма и гениальность фюрера. Сам он уже давным-давно разочаровался в нацистском движении, а Гитлера считал бездарным политиком, который не смог воспользоваться ни захваченной им властью, ни завоеванными победами, ни громадными территориями поработанных государств. Правда, это несколько не мешало Бёме служить в СД, беспощадно расправляться с «врагами рейха» и постоянно демонстрировать свою преданность «великому вождю германского народа Адольфу Гитлеру».

Из книги Отто Ляша «Так пал Кёнигсберг. Борьба и гибель восточпопрусской столицы». Мюнхен, 1958 год

«...Прямой атаки замка со стороны русских вообще не было, а недостаток связи с внешним миром привел к тому, что факт капитуляции не сразу стал известен в замке. Только уяснив

безнадежность положения, командир фольксштурма предложил своим людям пробиваться по отдельности...

Замок находился под сильным обстрелом, главным образом из артиллерийских орудий навесного действия. В замке уже было много убитых и раненых. Положение было безнадежным...»

Оберфюрер, его адъютант, трое офицеров вновь сформированного штаба «полка Бёме», оберштурмбаннфюрер Готцель, оберштурмфюрер Вурц и генерал-майор полиции Шуберт, до этого возглавлявший боевую группу, сформированную из остатков полицейских и эсэсовских частей, спустились в подвальные комнаты южного крыла Королевского замка.

То, что они увидели внизу, повергло всех в шок. Еще вчера боеспособные подразделения превратились в деморализованное скопище потерявших человеческий облик бродяг в рваной униформе, без оружия и знаков различия. Анфилады подвальных комнат были битком забиты стонущими, плачущими, воющими от боли ранеными, пьяными солдатами и офицерами, среди которых было немало фольксштурмистов. Медсестры и санитары пытались хоть как-то облегчить страдания лежащих вповалку раненых, но сделать это было невозможно — не было лекарств, некуда было класть вновь поступающих и выносить умерших.

Бёме и сопровождавшим его офицерам приходилось перешагивать через распростертые на каменном полу тела, то и дело натываясь на трупы, лежащие в самых неестественных позах, на брошенное оружие и амуницию, униформу и каски, пустые бутылки и вскрытые консервные банки. Навстречу им то и дело попадались одетые в штатскую одежду, небритые и грязные люди, многие из которых едва держались на ногах от выпитого вина и водки. Бессвязное бормотание, стоны и ругань перемежались с хриплыми голосами телефонистов, которые безуспешно пытались восстановить связь с другими частями и соединениями. Запах от чадающих коптилок, тошнотворный дух множества потных и грязных тел, дурманящий смрад разложения смешивались с затхлым воздухом подземелья.

Когда оберфюрер Бёме попытался протиснуться в очередной дверной проем, ведущий в соседний подвал, перед ним возникла фигура унтер-офицера в наброшенном поверх униформы теплом дамском платке. Из-под расстегнутого кителя виднелась рваная майка с эмблемой, изображающей орла со свастикой. В руке он держал початую винную бутылку. На его давно небритом, в ссадинах лице блуждала безумная улыбка.

— А-а-а? Куда-а-а? Бежать?

Адъютант оберфюрера, уже прошедший немного вперед, вернулся и, взяв пьяного за плечи, прорычал ему прямо в лицо:

— Прочь с дороги! Пошел вон!

Пьяный как-то сразу обмяк и вжался в стену, пропуская старших чинов. Но, как только последний офицер вышел из комнаты в смежное помещение, он громко крикнул:

— Сволочи! Крысы! Нам тут подыхать, а вы!..

Бёме повернулся к шедшему следом эсэсовскому офицеру и сквозь зубы проговорил:

— Угломоните этого придурка!

Эсэсовец немного отстал от группы, вернулся в комнату, из которой все еще доносились крики пьяного унтер-офицера. Послышались какой-то глухой удар, сдавленный хрип и звук падающего тела.

Пройдя по длинному, абсолютно темному, коридору, группа офицеров наконец вышла к лестнице, ведущей наверх. Здесь гром канонады и грохот разрывов слышались еще больше. Чувствовался резкий запах гари и пороха. Ступени были усеяны обломками камней, повсюду валялись усыпанные кирпичной пылью трупы в униформе и гражданской одежде.

Для того чтобы попасть в примыкавшее к этой части Королевского замка зданию Унфрида, надо было пройти несколько десятков метров по замковому двору, на котором то и дело рвались снаряды и мины. Это было смертельно опасно, но другого пути добраться до спасительного подземного хода, выводящего из замка в глубь Старого города, не было. Глубоко законспирированный объект «Вервольфа» под названием «Б-Зет» строился как раз на этот крайний случай — чтобы можно было выбраться из замка после того, как кольцо окружения замкнется вокруг него.

Перед выходом на улицу группа немного замешкалась. Замковый двор был окутан едким дымом, то тут, то там землю вспахивали столбы взрывов, после которых во все стороны летели камни и осколки. В центре двора догорал последний из трех бронетранспортеров, которые прибыли в замок накануне штурма. Северное крыло, разрушенное еще в прошлом году, но в марте переоборудованное для нужд обороны, было затянуто пеленой серого дыма.

Первым рискнул выйти во двор один из офицеров штаба Бёме. Он перебежками бросился в сторону зияющего пустыми глазницами здания Унфрида и быстро исчез в темном провале подъезда. Следом за ними побежали остальные. К счастью, за эти несколько минут во дворе не разорвалось ни одного снаряда, ни одной мины, и все, благополучно добравшись до восточного крыла, смогли наконец перевести дух.

Когда офицеры спустились на один лестничный пролет вниз, то увидели, что в этом подземелье творится то же самое — сотни раненых, среди которых немало тяжелых, полупьяные, деморализованные солдаты в рваном обмундировании и без оружия, забившиеся по углам жители окрестных домов, надеявшиеся, по-видимому, найти спасение за массивными стенами Королевского замка.

Все помещения подвального этажа были заняты лазаретом. Тусклый, едва различимый свет освещал ряды многоярусных нар, сплошь заполненных человеческими телами. Смрад стоял такой, что у проходящих через эти казематы закружилась голова и начались приступы рвоты. Были слышны стоны, просьбы, мольбы о помощи, невнятное бормотание. На полу вповалку валялись трупы, источающие едкий запах разложения. Ни врачей, ни санитаров уже не было видно. Так, наверное, должна выглядеть преисподняя, где грешники подвергаются вечным мукам, где царит страдание и господствует ужас.

Оберфюрер Бёме, прикрывая нос рукавом камуфляжной куртки, протискивался вслед за Готцелем, который медленно, но уверенно вел всю группу между рядов нар, неизвестно каким образом ориентируясь во мраке подземелья. Под ногами хрустело стекло, на сапоги и ботинки постоянно что-то налипало, отчего идти было трудно и неудобно.

— Бедняги, их, должно быть, бросили все, и теперь они... — тихо сказал, обернувшись к Бёме, Готцель.

— Они отдали свою жизнь за Германию и фюрера! Немецкий народ будет помнить их всегда! — не то ответил, не то просто сказал, размышляя вслух, оберфюрер Бёме.

Они зашли в небольшое помещение, прилегающее к подвальным комнатам, занятым лазаретом. Так как света здесь уже не было совсем, адъютант оберфюрера и один из офицеров включили карманные фонарики. Комната, по-видимому, служила раньше для каких-то хозяйственных нужд — повсюду были разбросаны чугунные решетки и ржавые железные скобы, стоял высокий ящик без крышки, заполненный металлическим хламом, в углу были свалены в кучу обрезки водопроводных труб с ошметками пакли, старые, покрытые плесенью щетки с длинными ручками, строительный мусор.

— Ну что, Зигфрид, где ваш хваленый «Б-Зет»?

— Минуту, господин оберфюрер.

Готцель подошел к противоположенной от двери стене, посветил на нее фонариком, и все увидели едва различимую точно под цвет стен металлическую дверь, покрытую ржавчиной и известковой пылью.

Взявшись рукой за грубую скобу, заменяющую ручку, он потянул дверь на себя. Она открылась со скрипом, обнажая небольшое пространство внутри, образованное толстыми капитальными стенами подвала. Готцель направил луч фонарика в дверной проем — буквально в метре он наткнулся на вторую, уже более массивную металлическую дверь, закрытую на две тяжелые железные скобы с большими висячими замками причудливой продолговатой формы.

Достав связку длинных фигурных ключей, Готцель открыл сначала верхний замок, затем нижний, сбросив при этом петли с крюков так, что они громко стукнули по металлу. Вставив ключ в замочную скважину, он несколько раз повернул его. Раздались щелчки, затем протяжный скрежет, будто кто-то провел по зубьям большой шестеренки. Подняв руку куда-то в верхнюю часть дверного проема, где угадывалась полость в кирпичной кладке, Готцель со всей силы потянул на себя железный рычаг, на который был надет обрезок резинового шланга. Дверь плавно стала отодвигаться вовнутрь.

— Готово, господин оберфюрер.

— Хорошо, Готцель. Теперь, камрады, каждый из нас должен сделать то, что подсказывает ему долг. Вы, генерал-майор... — Бёме повернулся к Шуберту. — ...должны убедиться в том, что этот майор Фойгт продержится еще хотя бы два часа, а затем вместе с Пешке и Деннингхаусом... — Бёме окинул стоящих офицеров взглядом. — ...и другими... воспользуетесь этим ходом и через развалины Альтштадта попытаетесь прорваться в сторону Ратсхофа и далее до Йудиттена. О местоположении нашего объекта вам сообщит оберштурмфюрер Вурц. Готцель, отдайте ему ключи. А вы, Вурц, действуете согласно плану. Со мной идут Готцель и Отто. Да поможет нам Бог! Мы еще вернемся! Прощайте!

Бёме пожал руку каждому, поправил ремень автомата, висящего за спиной, и молча пошел вслед за Готцелем, который уже протискивался в узкую щель, образованную приоткрывшейся дверью, ведущей в подземный ход. Маленькое пятнышко света карманного фонаря прыгало по каменным стенам туннеля, ведущего полого вниз.

Как только Бёме, Готцель и адъютант оберфюрера исчезли в темноте подземного хода, оберштурмфюрер Вурц взялся за торчащий из верхней части дверного проема рычаг и надавил на него снизу вверх. Дверь бесшумно стала закрываться, пока не раздался характерный щелчок. Теперь остающихся в замке отделяла от ушедших мощная стальная преграда, преодоление которой давало хоть какой-то шанс на спасение.

— Господа, — в тиши подземелья прозвучал резкий голос генерал-

майора Шуберта. — Я считаю унижительным для офицера тайком выбираться из замка крысиной норой. С нами еще две сотни бойцов. Мы должны оказывать сопротивление противнику до последнего, а потом будь что будет.

В ответ не прозвучало ни слова. Все молчали, осмысливая сказанное. Произнеся эти слова, Шуберт отнимал у каждого последнюю надежду. Оставаться в катакомбах полуразрушенного замка среди трупов и умирающих не хотелось никому, но перечить старшему по званию было невозможно. Только оберштурмфюрер Вурц, как сотрудник СД, теперь уже лишившийся своего командира и начальника, сказал:

— Господин генерал-майор, разрешите оставить вас. У меня и моих людей есть боевая задача. Мы ее выполним. Подполковнику Пешке я подробно рассказал о том, где находится один из наших объектов в Йудиттене. Там вы сможете переждать несколько дней, переодеться в гражданскую одежду, подобрать себе документы. Советую вам пробираться в сторону кладбищ у Луизенвала, потом по канализационному коллектору километра два до самого Йудиттена. Он выходит где-то в районе Йудиттенской кирхи...

— Я знаю. Не будем терять времени. Удачи вам, Вурц!

Они так же молча, как несколько минут назад, прошли через ряд комнат, занятых лазаретом, пожали друг другу руки и, выйдя во двор, перебежками направились в разные стороны: Вурц и еще один сотрудник СД метнулись в сторону башни Хабертурм, а генерал-майор Шуберт и другие офицеры прежним путем стали пробираться в северное крыло замка, где всем распоряжался майор Фойгт. Казалось, что обстрел за это время немного утих, но еще слышался вой самолетов, которые теперь безраздельно господствовали в небе, сбрасывая бомбы на дымящиеся кварталы и поливая пулеметным дождем оставшиеся очаги сопротивления немецких войск.

Как только за оберфюрером, его адъютантом и Готцелем закрылась стальная дверь и они очутились одни в наклонном туннеле, Бёме отчетливо произнес:

— Подождем десять минут, и, Зигфрид, давайте!

— Господин оберфюрер, нам надо отойти хотя бы метров на двадцать.

— Пошли!

Готцель и адъютант оберфюрера Отто светили своими фонарями, а Бёме, придерживаясь рукой за шершавую кирпичную стену и стараясь не споткнуться, медленно продвигался по туннелю. Он был довольно тесным, около полутора метров в ширину и не более двух метров в высоту.

Сложенный из старинного красного кирпича, с полукруглым сводом, с нишами и узкими кельями-комнатами, попадающимися то справа, то слева, он возвращал во времена Средневековья, когда подобными ходами пользовались рыцари Тевтонского ордена. Сюда не доносилось ни звука, лишь изредка стены подземного туннеля как бы слегка вибрировали. Наверное, в это время где-то там, над толщей земли и обломков зданий разрывался снаряд или мина, а может быть рушились под бомбами стены стоящих наверху домов.

Добравшись до того места, где подземный ход едва заметно изгибался в левую сторону, Готцель пригласил своих спутников спрятаться в небольшой нише в стене. Затем в темноте рукой нащупал среди кирпичной кладки маленькую металлическую дверцу, приоткрыл ее и, запустив куда-то внутрь руку, громко сказал:

— Внимание! Взрываю!

Сразу же там, откуда они только что пришли, раздался мощный взрыв. Сильная ударная волна — смесь пороховых газов, горячего воздуха, осколков кирпича и каменной пыли — ударила вдоль туннеля, так что укрывшиеся в нише больно стукнулись о стену. Туннель заполнился удушливым дымом. Лучи света от фонарей практически не пробивали его, и это создавало ощущение крайней опасности и безысходности.

— Зигфрид, Зигфрид! — Бёме закашлялся. — Давайте быстрее отсюда! А то здесь можно сдохнуть от дыма!

Они, придерживаясь друг за друга, поспешили удалиться от места взрыва.

— Теперь, господин оберфюрер, нас уже никто... никто не догонит.

Направленный взрыв фугаса не только завалил подвал в замке по ту сторону двери, но и обрушил свод туннеля на несколько метров вглубь, отрезав подземный ход от Королевского замка. Судя по наклону туннеля и удаленности от исходной точки, можно было предположить, что троица уже находилась где-то в районе улицы Альтштедтише Ланггассе и вот-вот должна была достигнуть глубоких подвалов универсального магазина Рудольфа Карштадта. Сам универмаг был разрушен еще во время августовской бомбардировки Кёнигсберга, и рухнувшие перекрытия пятиэтажного здания, казалось, погребли своей массой все, что находилось под землей. Однако, когда подразделения «Вервольфа» начали сооружать объект «Б-Зет», строителям удалось соединить старый рыцарский подземный ход с подвалами универмага узким, но вполне сносным для передвижения туннелем, сложенным из железобетонных плит и проходящим вдоль внутренней стены фундаментов домов на улице

Шмидештрассе. У туннеля не было выхода в канализационный коллектор Старого города, но он соединялся узкими лазами с рядом сохранившихся среди развалин водосточных колодцев, что позволяло в случае необходимости выбраться на поверхность в наиболее приемлемом месте.

С трудом протискиваясь в узкой щели подземного хода, то и дело задевая головой и плечами за выступы неровно подогнанных плит, за торчащие из кирпичной кладки фундаментов металлические крюки, спотыкаясь о неровности каменного пола, они медленно продвигались к центру Старого города. Дважды им пришлось идти по колено в воде, которая просачивалась в подземелье откуда-то сверху, несмотря на обилие дренажных каналов и водоотводных коллекторов.

О том, что они наконец добрались непосредственно до объекта «Б-Зет», оборудованного в подвале разрушенного универмага, догадаться было можно по тому, что туннель уперся в металлическую дверь. У Бёме и его адъютанта, наверное, екнуло сердце при мысли о том, что дверь надо будет отпирать, а ключи они отдали Вурцу, который остался где-то там, за завалом. Но Готцель, вероятно, догадываясь о беспокойстве своих спутников, проговорил:

— Вот и пришли, господин оберфюрер.

Прилагая недюжинные усилия, он отодвинул массивный засов и потянул на себя ручку двери. Она неожиданно легко поддалась, и все по очереди вошли в просторное помещение. Одна стена его была сложена из крупного кирпича, три другие представляли собой бетонные плиты, аккуратно подогнанные друг к другу. Щели между плитами были промазаны черной герметической массой, блестящей при свете фонаря. Из комнаты выходило в соседние помещения несколько дверей-арок. Вдоль стен стояли высокие оцинкованные ящики, на открытых металлических стеллажах лежали банки, коробки, мешочки. В центре подвальной комнаты стоял массивный стол, рядом с ним две широкие деревянные лавки. В углу комнаты угадывались очертания трехстворчатого шкафа. Было совершенно сухо, но холодно.

— Садитесь, господин оберфюрер. Я сейчас! — Готцель уверенно прошел в один из арочных проемов, немного повозился там, после чего раздался мерный стрекот движка. Помещение озарилось тусклым светом прикрепленного к потолку фонаря в металлической сетке. В затхлый воздух подземелья пахнуло свежим ветерком.

«Заработала вентиляция», — догадался Бёме.

— Господин оберфюрер, теперь нам надо переодеться, подкрепиться и действовать, как условились!

— Готцель, вы молодец! Я, конечно, знал по докладам об этом объекте, но абсолютно не предполагал, что здесь так уютно. Знаете, совершенно не хочется выходить отсюда. Здесь так надежно и... чувствуешь себя так уверенно.

— Господин оберфюрер, одежда в шкафу. Все подобрано под ваши размеры. Документы здесь. — Готцель выдвинул ящик стола и достал оттуда аккуратно упакованную в прорезиненный мешочек папку. В ней были документы на инженера Губерта Раймана, проживавшего на Кайзерштрассе, тридцать четыре и погибшего во время бомбежки еще в 1944 году. Специалисты СД изрядно потрудились над разработкой легенды для своего начальника и обеспечения необходимых ему документов прикрытия. Все было подлинным, даже записи во всевозможных регистрационных книгах. Родственников у Раймана не было, соседи погибли во время налета, а о друзьях и знакомых побеспокоилось гестапо. Теперь Бёме даже советский СМЕРШ был не страшен. Конечно, лишь в том случае, если его не выдал бы кто-либо из своих или не опознал кто-то, кто знал в лицо.

Через час в подземной «гостиной» объекта «Б-Зет» сидели трое штатских, одетых в старые, но добротные костюмы и пальто. Они с видимым удовольствием поглощали бутерброды с тушенкой, грызли вяленую рыбу и запивали все это горячим эрзац-кофе. На столе стояла початая бутылка вишневого ликера.

Бёме, слегка ословев от выпитого, рассматривал разложенную на столе топографическую карту с нанесенной на нее обстановкой.

— Зигфрид, мы находимся вот здесь, да?

— Так точно, господин оберфюрер!

— Не «господин оберфюрер», а «господин Райман»!

— Так точно, господин Райман!

— Вот так-то! Мы находимся под этим кварталом?

— Да!

— А что теперь? Надо будет идти вот так? — Бёме провел пальцем вдоль улицы Шмидештрассе в сторону Прегеля.

— Господин обер... Простите! Господин Райман, у нас есть три возможности для дальнейшего движения: так, как вы показали, то есть прямо к Прегелю. Но там уже русские строят переправу. Мост-то ведь взорван! Думаю, что идти туда нельзя. Второй вариант — добраться по отводному туннелю до площади Кайзер-Вильгельм-платц, а там выбраться наружу и дальше через Лаак в сторону Прегеля. Но, по данным на сегодняшнее утро, русские уже прорвались в район площади. Наверное,

этот вариант тоже не годится. Я предлагаю...

— Зигфрид, вы докладывали мне, что вся операция по нашему выводу через объект «Б-Зет» проработана до мелочей, а теперь рассказываете мне про какие-то три варианта!

— Да, но господин... Раймен...

— Райман!

— Простите! Господин Райман, ситуация меняется каждую минуту. Лодка ждет, как мы договорились, до пятнадцати часов. Там, где она стоит, уже идут бои. Русские форсировали Прегель и разворачивают наступление к северу. Сейчас... — Готцель посмотрел на часы. — Сейчас девять сорок семь. В нашем распоряжении пять часов. Я предлагаю, не мешкая, продвинуться по основному туннелю еще метров пятьдесят. Там есть выход через сточный колодец во двор одного разрушенного дома. Это в районе Альтштадтской ратуши. Позади нее был склад от винного погребка «Ратскеллер». Знаете?

— Знаю.

— Так вот, мы там выберемся на поверхность. Вокруг — сплошные развалины. Там даже не строились опорные пункты. Думаю, русские туда тоже не полезут. Выйдем на поверхность... Будем пробираться через склады и бараки Лаак в сторону городского холодильника. Дальше — через газовый завод и трамвайное депо. Надеюсь, что через промышленную зону идти гораздо надежнее. Метров семьсот, и мы у лесопилки. «Зеехунд» ждет нас в подводном положении. Если мы утверждаем этот план, я попробую связаться по радиации с Принцхорном.

— Валяйте!

— Есть!

Готцель снова вышел в соседнее помещение, провозился там несколько минут и затем вернулся в комнату, где сидели Бёме и его адъютант.

— Ничего не получается, идет сильная помеха. Может, антенна... Наверху же рвутся снаряды. Господин оберфюрер, надо идти! Больше нельзя терять время.

— Хорошо, Зигфрид. Сейчас идем. — И, обращаясь к адъютанту, Бёме сказал: — Отто, подождите в соседней комнате!

Когда тот вышел, оберфюрер понизив голос, прошептал:

— Скажите, Зигфрид, список объектов «W», в том числе тех, в которых укрыты ценности, находится только у меня и у вас? Его больше ни у кого нет?

— Господин Райман! Я уже докладывал вам, что этот список был

подготовлен в трех экземплярах, один я сразу передал вам, второй — у меня, а третий мы сожгли вместе со всеми материалами еще на Ленсаллее.

— Надеюсь, вы понимаете, Зигфрид, что мы с вами владеем ключом не только к объектам «Вервольфа», но к громадным ценностям рейха. Ведь теперь никто, кроме нас с вами, не сможет точно указать, где находятся объекты «W» в Кёнигсберге и вокруг него. Разве что русские найдут что-то сами или среди немцев найдутся предатели или изменники...

— Господин Райман! Даже если найдутся предатели, то все равно полных сведений об объектах не имеет никто!

— Кроме нас с вами, Зигфрид! Кроме нас с вами!

— Так точно!

— А это ко многому обязывает, Готцель!

— Я сделаю все, что требует от меня долг перед рейхом и фюрером!

— Я знаю, Зигфрид! Ну что ж, в дорогу! Да поможет нам Бог!

Оберфюрер Бёме и его спутники, как и надеялся Готцель, выбравшись из подземелья, смогли преодолеть руины Старого города и даже не столкнуться с советскими солдатами. Они, как могли, старались избежать и контакта со своими, поэтому шарахались в сторону от каждого выстрела или автоматной очереди. Это было чудом, но они смогли перебежками пересечь полностью простреливаемую улицу Кантштрассе и не встретиться с русскими штурмовыми группами, которые очищали квартал за кварталом. Кругом рвались снаряды, поднимались столбы дыма, градом летели осколки, а трое гражданских немцев, перебегая от развалины к развалине, от воронки к воронке, настойчиво двигались в только им одним известном направлении.

Когда беглецы выбрались в район газового завода и смогли наконец перевести дух в какой-то яме рядом с его искореженными, покрытыми черной копотью сооружениями, их довольно приличная одежда, в которую они облачились каких-нибудь полтора часа назад, превратилась в грязное и изодранное облачение нищих. Руководитель службы безопасности Восточной Пруссии и два его ближайших сотрудника выглядели, как испуганные и оглушенные от артобстрела и бомбежки обыватели, ищущие спасения подальше от огня и разрывов.

Когда оставалось совсем немного до лесопилки, расположенной прямо на берегу Прегеля, там, где в реку впадает протекающий по западной части Кёнигсберга ручей Хуфен Фрайграбен^[195], они все-таки наткнулись на группу советских солдат,двигающихся в направлении трамвайного депо. Один из русских вскинул автомат и дал длинную очередь в их сторону. Затем прокричал что-то своим товарищам, и они все разом стали поливать

свинцом фасад разрушенного дома, за которым укрылись Бёме и его спутники. Громко вскрикнул от боли адъютант. Пули, видно, попали ему выше колена и разворотили бедро. Он зажимал рану руками, но кровь хлестала из нее, орошая землю и расползаясь черным пятном на брюках.

Бёме наклонился к лежащему рядом Готцелю и прошептал ему на ухо:

— Зигфрид, Отто тяжело ранен. Ему не выжить. Помоги ему. Это будет смерть, достойная солдата. Смерть в бою...

— Да, господин оберфюрер, я сейчас.

Бёме осторожно выглянул в пролом в стене — русских видно не было. Наверное, они продолжили бросок в сторону трамвайного депо. С противоположенной стороны Прегеля без устали палили пушки. Из района многоэтажных сараев-шпайхеров, расположенных у Индустриальной гавани, доносился шум ожесточенного боя. Где-то в стороне Нассер Гартена^[196] со страшным ревом вспарывали небо ракеты — это давали залп за залпом советские реактивные минометы. В небе, затянутом пеленой дыма, с воем проносились советские самолеты, поливая все смертоносными очередями и бросая бомбы. Все сливалось в невообразимый грохот и говорило лишь об одном — часы Кёнигсберга сочтены, и тот, кто не успеет выбраться из города до того самого момента, когда будет сломлен последний очаг сопротивления, должен быть готов испытать до дна чашу унижения и позора, которая достается побежденным.

И все-таки выстрел из пистолета, прозвучавший совсем рядом, заставил Бёме вздрогнуть. Он понял, что Отто, его адъютант и проверенный товарищ, который следовал за ним повсюду еще с тех дней, когда Бёме возглавлял каунасское подразделение СД, этот самый надежный его сотрудник, отошел в небытие. «Но у нас не было другого выхода, — успокоил себя оберфюрер. — Было бы хуже, если бы Отто попал в руки русских и они допытались бы от него, у кого он служил. Тогда уж наверняка русские контрразведчики раскрутили бы парня и все наши секреты пошли бы прахом!» Так или примерно так думал Бёме.

Им потребовалось около часа, чтобы преодолеть завалы на подходе к лесопилке, а главное — чтобы снова не наткнуться на русских. Хаотическая перестрелка слышалась повсюду, и поэтому трудно было определить, откуда может прийти опасность или настичь вражеская пуля. Когда Бёме и Готцель подползли к краю опорной стены из желтого кирпича с металлическим ограждением, чтобы определить, где лучше спуститься с моста к воде, совсем рядом с железнодорожной насыпью раздался сильный грохот, блеснули языки пламени, а затем повалил густой черный дым. По-видимому, снаряд попал в один из резервуаров для хранения нефти и

остатки топлива воспламенились, дополнив ужасающий пейзаж черными штрихами клубов дыма.

— Господин оберфюрер, я сейчас! — Готцель соскользнул тренированным телом вдоль опорной стены, удерживаясь руками за край, и исчез под мостом. Бёме показалось, что Готцеля не было очень долго, и он уже стал с тревогой думать, что с тем что-то стряслось. Ведь Зигфрид Готцель был единственным связующим звеном с притаившимся где-то здесь «Зеехундом» — подводной лодкой-малюткой, присланной сюда по распоряжению корветтен-капитана Ноймана, командира «Морской команды донесений М-166» для эвакуации из Кёнигсберга руководителя восточнопрусской службы безопасности оберфюрера СС.

Бёме уже хотел было сам спуститься к воде, как появился Готцель.

— Скорее, скорее! Они здесь. Чуть было не ушли! Скорее!

Бёме устремился вслед за Готцелем. Они пролезли под металлическими балками, цепляясь за колючую проволоку, свисающую с моста, и торчащие шляпки болтов. По пояс в воде, которая мутным потоком неслась к Прегелю, держась за угрожающе нависающую под мостом трубу, они кое-как достигли того места, где ручей впадал в реку. Только теперь Бёме понял, что место это выбрано неспроста. Они были совершенно не видны тем, кто мог двигаться вдоль реки, так как находились под прикрытием моста. От ненужных глаз с другой стороны реки, а Прегель здесь был шириною метров шестьсот, их закрывала узкая полоска острова Коссе. Со стороны же вагоностроительной фабрики «Штайнфурт» их не было видно вовсе — все закрывали обгоревшие остовы сараев, барачных зданий и других хозяйственных построек.

Когда Бёме увидел лодку, он буквально онемел. Перед ним рядом с берегом среди плавающего мусора, в основном пустых бочек и намокших досок, из затянутой масляной пленкой речной поверхности торчала похожая на большую консервную банку боевая рубка «Зеехунда». Бёме ожидал увидеть хотя бы некое подобие настоящей боевой рубки. Он дважды бывал на подводных лодках, и оба раза в Пиллау. На большой подводной лодке двадцать первого типа, которая один раз зашла в военноморской порт под покровом ночи, надстройка была такая высокая, что на ее верхней части помещались более десятка человек.

Но даже и на более мелких подлодках боевая рубка казалась основательной, надежной и прочной. Здесь же оберфюрер Бёме увидел совершенно хрупкое сооружение — не то перевернутое корыто, не то большой таз из тонкой жести. Торчащий прутик перископа еще более усиливал ощущение ненадежности этого подводного аппарата.

«И я должен буду проделать на этой посудине сотни километров, и в основном под водой! — испуганно подумал Бёме. — Может быть, лучше забросить эту затею и прорываться вместе с Готцелем по суше?»

— Господин оберфюрер, все готово! Надо немедленно отправляться. Русские могут оказаться здесь в любую минуту. Да и фарватер может быть в любой момент...

— Ладно, Готцель, не агитируйте! Я и сам знаю. Только уж очень страшно залезать в эту консервную банку!

Из открытого люка боевой рубки показалась голова Принцхорна.

— Господин Бёме, скорее. У нас очень мало времени. Забирайтесь в лодку, пока нас не заметили с самолета или — еще хуже — с берега! — буквально прокричал обер-лейтенант Принцхорн.

Бёме, чертыхнувшись, заспешил к лодке. С небольшого уступа на опорной стенке прямо к рубке была положена широкая доска с набитыми на нее поперечными брусками. «Подготовили заранее», — мелькнуло в голове оберфюрера.

Он уже было ступил на доску, потом повернулся к Готцелю, испытующе посмотрел ему прямо в глаза.

— Прощайте, Зигфрид! Я знаю, вы смелый офицер и опытный контрразведчик. Вы не пропадете. Но не попадайте в руки русских! Они вам не простят многого. Прощайте!

— Удачи вам, господин оберфюрер! На Борнхольме все предупреждены, вас там ждут.

— Спасибо за все, Зигфрид! Хайль Гитлер!

— Хайль!

Оберфюрер Бёме спустя многие годы пытался вспомнить те страшные часы, которые он провел в чреве «Зеехунда», пробиравшегося в толще мутных вод Прегеля и Кёнигсбергского морского канала, но память сохранила лишь отдельные фрагменты этого страшного путешествия.

Он помнил, как Принцхорн задрал люк над головой, выключил дизель и включил электродвигатель для движения в подводном положении. Потом лодка быстро стала проваливаться куда-то вниз, пока не легла на дно реки. В отсеке было темно, несмотря на то что горел матовый светильник. В щель узкого иллюминатора Бёме не мог разглядеть абсолютно ничего, только шевеление мутной воды. Как командир лодки ориентировался в этой серой мгле, Бёме было совершенно не понятно.

Бёме помнил, как раздался взрыв и лодку сильно потрянуло, погас и без того бледный свет, затрещали водонепроницаемые переборки, сорвало с болтов магнитный компас, и он, падая, ударил больно по ноге Принцхорна.

Тот, взыв от боли, бросил рычаги управления. Лодка стала заваливаться на левый борт. Послышалось журчание поступающей внутрь воды. Бёме казалось, что их гибель неминуема, и он уже потерял всякую надежду на спасение.

Принцхорн быстро пришел в себя, включил аварийный свет, потом проверил рули, убедился, что они работают, и принял решение продолжить движение. Воздуха стало явно не хватать, сердце бешено колотилось, готовое выскочить наружу, в ушах появился шум, который нарастал с каждой минутой.

— Господин оберфюрер, у нас вышла из строя вентиляционная установка. Придется всплывать. Мы сейчас находимся где-то на траверзе Циммербуде^[197]. Там русских пока нет. Но как бы нам не досталось от своих! Если заметят, могут открыть стрельбу!

— Давайте всплывать, Принцхорн! Иначе я умру от удушья!

— Хорошо, господин оберфюрер! Я продуваю балластные цистерны!

Раздалось характерное шипение, лодка резко стала задирать носовую часть и стремительно начала подниматься с десятиметровой глубины. Просочившаяся в субмарину вода устремила к корме, лодка приняла почти вертикальное положение. Так они и всплыли почти в километре от берега, на котором угадывались очертания Циммербуде.

Потом они убедились, что повреждения, полученные при взрыве, оказались незначительными, воду удалось довольно быстро откачать, заработали батареи, и они снова погрузились на глубину и продолжили путь по водам залива Фришес Хаф в открытое море. Им удалось преодолеть загроможденный островами судов, катеров и барж фарватер у Пиллау, вырваться на морской простор Балтики, избежать встреч с вражескими кораблями и морскими катерами, успеть погрузиться в воду при появлении эскадры советских самолетов, барражировавших в прибрежных водах Балтийского моря.

Оберфюреру Бёме довелось добраться до датского острова Борнхольм, где его встретили люди из СД и помогли затеряться среди многочисленных масс перемещенных лиц, спасавшихся от молоха войны, и найти приют на теплых берегах Южной Америки. Вместе с ним ушли важнейшие документы кёнигсбергской СД, в том числе списки агентуры, оставленной в Восточной Пруссии на длительное оседание, полный список объектов диверсионно-террористической организации «Вервольф», в том числе так называемых объектов «W», конспиративных и явочных квартир на территории Кёнигсберга, а также полный перечень мест укрытия художественных ценностей, спрятанных гитлеровцами в последние недели

войны в восточной столице Третьего рейха.

Само собой разумеется, что оберфюрер Бёме не знал, что оставленный им возле лесопилки оберштурмбаннфюрер Готцель не успел сделать и двадцати шагов после того, как лодка скрылась в мутных водах Прегеля. Его сразила шальная пуля, может быть, даже выпущенная из немецкого оружия. Готцель, выбравшись из-под моста, только поднял голову, чтобы посмотреть, свободен ли путь в сторону вагонзавода, как, вскрикнув от боли, повалился навзничь. Пуля пробила ему шею, и уже через несколько минут он примкнул к многотысячной армии трупов, разбросанных по всему городу, плавающих в водоемах, погребенных под развалинами.

На следующий день, когда в Кёнигсберге пал последний очаг сопротивления, а на восток потянулись многокилометровые вереницы пленных, один из советских солдат, разместившийся вместе со своим подразделением в уцелевшей части старого дома около трамвайного депо, набрел на труп Готцеля. Он брезгливо обыскал его, снял с руки часы с красивым браслетом, засунув руку во внутренний карман пиджака, нащупал толстый пакет, достал его, рассмотрел со всех сторон и, убедившись, что в нем находятся только какие-то бумаги, бросил его в придорожную канаву. Поднял ли кто еще этот пакет, заинтересовался ли его содержимым и передал «куда следует», об этом теперь не знает никто. Впрочем, некоторые события послевоенной истории дают пищу для размышлений и на этот счет.

О тех же, кто остался в Королевском замке, известно немного. Установлено, что генерал-майору полиции Шуберту, начальнику штаба боевой группы подполковнику Пешке и начальнику оперативного отдела майору Деннингхаусу удалось все-таки выбраться из замка, так же как Бёме и Готцелю, проделать полный опасности путь и добраться до Йудиттена.

Они не смогли до рассвета выйти к обусловленному месту и разыскать среди дымящихся развалин объект «Вервольфа», о котором им сообщил оберштурмфюрер Вурц, и вынуждены были пережидать светлое время суток в одном из бункеров. В соседнем бункере спрятались еще несколько немецких офицеров, но были обнаружены русскими солдатами.

— Немцы, Гитлер капут! Выходи или будем стрелять! — кричали советские солдаты.

Немецкие офицеры посоветовались немного и предпочли выйти из бункера, нежели встретить смерть в каменном мешке. Их обыскали, отобрали оружие и собирались было погнать к сборному пункту военнопленных, но, заподозрив, что в соседнем бункере тоже могут быть солдаты, сделали по-другому. Они подвели одного из офицеров ко второму

бункеру, как раз к тому, где находился генерал-майор Шуберт, наставили на него автомат и потребовали от немца, чтобы он подал команду сдаться.

— Господа, вам надо выйти из бункера, иначе русские откроют огонь! — громко прокричал он. Но вполголоса добавил: — Господин генерал, здесь русские. Если вы не выйдете, они будут стрелять и бросать гранаты!

В ответ не раздалось ни звука. Из бункера тоже никто не вышел. Тогда советские солдаты в амбразуры и вентиляционные отверстия бросили несколько гранат, которые разорвались внутри. Тяжелая металлическая дверь, закрытая изнутри, тогда не поддавалась. Скорее всего, генерал-майор Шуберт и его спутники застрелились еще до того, как в бункер были брошены гранаты. Во всяком случае, было известно, что они договорились об этом еще до того, как покинули Королевский замок.

Оберштурмфюрер Вурц, назначенный командиром одного из диверсионно-террористических отрядов «Вервольфа», сумел добраться до своего объекта. Более того, его отряду, практически единственному в оккупированном советскими войсками Кёнигсберге, удалось в течение месяца совершить несколько диверсионных и террористических актов, но после боевого столкновения с оперативно-войсковой группой СМЕРШ, в котором были убиты почти все бойцы отряда, «Вервольф» уже не представлял реальной опасности для советских войск. Сам Вурц на несколько лет исчез из Кёнигсберга, поселившись в небольшом литовском городишке Русне, расположенном в дельте Немана, где испокон веков проживало немецкое население так называемой Мемельской области. В 1957 году Вурцу удалось выехать в ГДР^[198], где он поселился под чужой фамилией и умер незадолго до объединения Германии.

Глава 9

В подземной ловушке

С самого утра у нас с Виктором было какое-то лихорадочно-возбужденное настроение, как будто начавшийся день должен был принести с собой нечто совершенно неожиданное. Так бывает, когда долго ждешь чего-то особенного — чуда или какого-нибудь удивительного события, — вдруг наступает момент, и ты чувствуешь: вот, именно сейчас, сегодня произойдет долгожданное. Так было и в тот день, двадцать третьего июля 1969 года.

Мы уже почти целый месяц работали в экспедиции, которая занималась поисками Янтарной комнаты. Приехав специально для этого из Москвы в Калининград, мы очень быстро смогли стать «своими» у экспедиционного начальства из-за готовности всегда выполнять любую, даже самую трудную работу. Кроме того, штатные рабочие трудились, как правило, ни шатко ни валко — поковыряют щебень киркой или лопатой да прилягут в теник отдохнуть. Или уйдут пить пиво к ближайшему ларьку. А уж если произойдет задержка с экскаватором, то тут уж ищи ветра в поле — все разбредутся кто куда, и никого не найдешь до следующего дня. Начальник экспедиции Мария Ивановна хотя казалась строгой и требовательной, но не умела или не очень-то и хотела проявлять требовательность к своим подчиненным.

Другое дело мы с Виктором, приехавшие «за романтикой» в город развалин и подземелий. Нам не сиделось ни минуты. Мы постоянно находились там, где работал экскаватор, где саперы подрывали своды подвалов, где археологи вели раскопки. Если нужно было куда-то залезть или спуститься в подземелье, мы были тут как тут. Спецовка, рукавицы, шахтерские фонари, лопата, ломик и кирка — вот и все наше экспедиционное снаряжение. «Землекопы на повременной оплате» — так значилось в ведомости. И нас это вполне устраивало.

— Давай сначала в «музей»! Сегодня начальство опять с утра заседает. Подождем там, — поднимаясь на подножку трамвая, сказал я Виктору.

— Опять два часа проторчим без дела! — недовольно пробурчал он.

Уже было около девяти, и «единичка» была полна людьми, спешащими на работу. Маленький юркий двухвагонный трамвайчик слегка дернулся, звякнул, предупреждая пассажиров, заскакивающих на ходу в открытые

двери, и быстро побежал по тенистой улице Тельмана. Густые кроны высоких деревьев образовывали своего рода туннель над проезжей частью и правой стороной улицы, по которой проходила одна-единственная трамвайная колея, здесь они двигались попеременно, пропуская друг друга. Послевоенные реконструкции города не коснулись этой части Калининграда — сохранились практически все улицы и переулки, большинство коттеджей и крупных особняков Кёнигсберга.

Мы добирались привычным для маршрутом: десяток минут до площади Победы, потом на «втором» трамвае до улицы Багратиона, а там пешочком до высокой кирпичи с полуразрушенным верхом. Хотя было утро, но чувствовалось, что день будет таким же жарким, как и все предыдущие. Июль в этом году стоял необычно жаркий, листва на деревьях пожухла, даже самый слабый ветерок поднимал клубы пыли, и она оседала на вялую траву, сникшие кусты и окна домов, покрывая все серым налетом.

У подножия высокой кирпичи из красного кирпича, служившей складом, располагался невысокий барак, который некогда служил краеведческим музеем, а сейчас был местом пребывания Калининградской геолого-археологической экспедиции, а проще сказать, экспедиции по поискам Янтарной комнаты. Никакой вывески у входа, естественно, не было — обывателю не надлежало знать, где находится этот «строго засекреченный объект».

Рядом с баракком стоял экспедиционный автобус салатового цвета, а на лавочке около громадного ржавого якоря сидел белобрысый шофер, которого все звали ласково — Алеша.

— Ну, что, ребя, куда сегодня наострились? — проговорил он с беззлобной насмешкой и выпустил клуб дыма. Алеша, как только вылезал из кабины, сразу же доставал сигареты и с демонстративным удовольствием пускал кольца сизого дыма.

— Да не знаем еще, куда. Закончат совещание, тогда... — Я оборвал фразу на полуслове.

— Да они только начали. Раньше, чем через два часа, не закончат.

Наверное, Алеша был прав. Если уж экспедиционное начальство собиралось в кабинете Марии Ивановны на втором этаже, то, как правило, надолго.

По скрипучим ступенькам мы поднялись на второй этаж. Дверь в кабинет с надписью «начальник экспедиции» была чуть приоткрыта, и оттуда доносились громкие голоса. Несмотря на то что совещание только что началось, чувствовалось, что там, за дверью, затеялся какой-то спор. Причем на повышенных тонах.

— Да я вам говорю, нельзя доверять этому Цедрику! — убеждал кто-то так громко, что были отчетливо слышны все слова. — Мы и так потратили столько времени на проверку его рассказней!

— Но, Владимир Михайлович, в его рассказе... — донеслись чьи-то неуверенные возражения.

— Да я уже сыт по горло его выдумками! Вы первый раз слышите его фантазии, а я уже три года расхлебываю этот идиотизм!

Я понял, что раздраженный голос, доносившийся из-за двери, принадлежал бывшему начальнику экспедиции, имя которого было известно всем, кто хотя бы мало-мальски интересовался поисками Янтарной комнаты. Опытный инженер, он до недавних пор руководил всеми работами, но по не известным для нас причинам был заменен на этом посту Марией Ивановной.

Из-за двери слышался также голос Кучумова. Мы с Витей знали, что он когда-то, до войны, работал в Екатерининском дворце и имел отношение к Янтарной комнате. Приехал в Калининград он одновременно с нами и считался здесь очень авторитетным человеком.

— И все-таки, я думаю, надо проверить версию Цедрика. Что-то есть в ней заманчивое. Особенно...

Тут неожиданно дверь захлопнулась — видно, кто-то из участников совещания закрыл ее, не желая, чтобы в коридоре слышали, о чем говорится на совещании. Дальше, как мы ни прислушивались, ничего разобрать было нельзя, только сплошной гул: «бу-бу-бу». А прижиматься ухом к двери было неприлично да и, пожалуй, опасно. Нас могли заподозрить в чем-то предосудительном.

Мы вышли на улицу. На лавочке вместе с Алешей сидели уже Иван Тимофеевич и Петрович, «кладоискатели», как их все называли в экспедиции.

Иван Тимофеевич был тот самый Цедрик, о котором только что так страстно спорили на совещании. Лет пятидесяти пяти, жилистый, с обветренным лицом и выгоревшими русыми волосами, в клетчатой рубашке, старом сером пиджаке и темных брюках, в неизменной белой шляпе в мелких дырочках, он казался дачником-пенсионером, каким-нибудь шахтером, ушедшим на заслуженный отдых и занимающимся своим садовым участком. Таких мужиков мы обычно встречали стоящими с кружкой пива у пивных киосков, в очередях за воскресными утренними газетами у «Союзпечати», за столиками доминошников во дворах между пятиэтажками.

Мы с Витей знали, что Иван Тимофеевич приехал в Калининград сразу

после окончания войны и все эти годы не терял времени зря: он успел облазить многие подземелья, бункеры, осмотреть сотни подвалов и при этом сделать массу находок.

О Цедрике говорили, что он хранит найденные сокровища в каком-то тайнике — не то засыпанном бомбоубежище, не то старом подвале, куда знает ход только он один. При этом экспедиционное начальство относилось к нему с нескрываемой иронией и пренебрежением, считая его фантазером и даже вруном.

Петрович, невзрачный седой мужичек в кепочке, был напарником Ивана Тимофеевича и походил больше на сторожа какого-нибудь склада, нежели на сотрудника экспедиции, которая занимается поисками Янтарной комнаты.

— Привет, ребята, — с веселой ухмылкой встретил нас Цедрик. — Что, заседают?

— Да, похоже, надолго.

— Им бы только поболтать. Настоящей работы не знают. Денежки государственные расходуют зря. Эх! — Иван Тимофеевич вздохнул. — Дали б мне волю, была бы и Янтарная комната, и еще много, что хранит калининградская земля!

— Иван Тимофеевич, а чего они там спорят насчет вашей версии? Говорят, Цедрик фантазирует...

— Я — фантазирую! Сами они... Я вам что скажу, ребята. Я им рассказал такую версию, которой они никогда не узнали бы! Фантазирую! Да я им сказал то, что обещал никому не говорить. Один человек меня просил...

— А про что, Иван Тимофеевич? — спросил я.

В ответ Цедрик только махнул рукой, мол, лучше не спрашивай!

— Расскажите, Иван Тимофеевич! А? — поддержал меня Виктор.

— Потом, — хмуро ответил Цедрик. Затем достал папиросы, закурил. — Ладно, Петрович, пойдем на замок. Чего ждать эту канитель! Скажите им! — И он кивнул на окна второго этажа экспедиционного барака. Потом, повернувшись к Алеше, процедил сквозь зубы: — Не забудь инвентарь!

«Кладоискатели» удалились, а мы остались сидеть на лавочке вместе с шофером.

— Чудные они... — Алеша посмотрел на удаляющиеся фигуры. — Если б я знал, сколько они, ну... там, где что спрятано, то я не стал бы связываться ни с какой экспедицией. На кой она? Сам бы нашел да сдал. За клад полагается по закону награда.

Мы немного посидели с Алешей и решили тоже отправиться к замку. Предупредив Алексея, чтобы нас не искали, мы быстрым шагом направились вслед за Цедриком и Петровичем, рассчитывая вскоре нагнать их. Это нам удалось уже у здания биржи. К нашему удивлению, старички шагали бодро и о чем-то оживленно разговаривали.

— ...да мы с тобой одни продолбим эту стену. Только пусть они вскроют подвал, — донесся до нас обрывок фразы.

Иван Тимофеевич, увидев нас, не удивился, спросил:

— Что, не сидится, молодежь? Ну пойдем.

Мы пересекли поросшие холмы острова и подошли с южной стороны к подножию замка. Собственно, от знаменитого Королевского замка остались лишь жалкие обломки — круглые башни и все возвышающиеся над землей сооружения были взорваны. То, что вчера еще представляло собой величественные руины, сегодня было подобием свалки — груды кирпичей и обломков стен, горы щебня, торчащие повсюду ржавые металлические балки... И только внизу, со стороны реки, среди запыленной зелени угадывались очертания каменной стены с карнизами, засыпанными оконными проемами и овальной нишей, в которой когда-то, по-видимому, стоял памятник.

Мы подошли к подножию замка со стороны бывшей замковой террасы, там, где сохранились остатки барельефа, изображающего рыцаря, припавшего к источнику. По протоптанной тропинке поднялись вверх и через пролом в стене проникли во внутренний двор замка или то, что от него осталось. Еще вчера здесь велись интенсивные работы — большой экскаватор копал глубокий котлован неподалеку от основания стометровой колокольни, взорванной еще в конце сороковых, а солдаты саперной части расчищали фундамент восточного крыла Королевского замка.

— Посидим, подождем. — Иван Тимофеевич смахнул ладонью песок и кирпичную пыль с уступа, тянувшегося вдоль стены, и присел на него. — Присаживайтесь, ребята. В ногах правды нет. Начальство будет, видно, не скоро.

Петрович присел тут же в тени. Чувствовалось, что ближе к полудню солнце снова превратит землю в раскаленную сковородку. День обещал быть жарким.

— Иван Тимофеевич, расскажите про вашу версию. — Я осторожно приступил к новому этапу выведывания ценной информации.

За несколько недель нашего знакомства с Цедриком я понял, что Иван Тимофеевич относится к той категории людей, которые любят, чтобы их долго просили рассказать о чем-либо, прежде чем они сподобятся это

сделать. Нет, не из вредности и не особой скрытности. Скорее всего, ему просто доставляло удовольствие, когда его долго упрашивали, уговаривали, уламывали, а он как бы нехотя соглашался наконец сообщить нечто такое неожиданное, что у всех захватывало дух. Именно удивление окружающих, которое вызывали его рассказы, доставляло Ивану Тимофеевичу нескрываемое наслаждение. «Вот, видите, я знаю такое, чего вам и не снилось! Дружите со мной, и вам улыбнется удача!» Так или близко к этому думал Цедрик.

— Ладно, этих все равно еще долго ждать. Расскажу! — проговорил с некоторой ехидцей Иван Тимофеевич. — Рассказать, Петрович, а?

— Да, рассказывай! — Напарник Цедрика безразлично махнул рукой.

— Тогда садитесь рядом. — Иван Тимофеевич указал на обломок кирпичной стены. — Только, ребята... сами понимаете! — Иван Тимофеевич с напускной серьезностью посмотрел на нас, как бы предупреждая о строгой конфиденциальности.

На развалинах замка по-прежнему никого, кроме нас, не было. Со стороны Ленинского проспекта доносились трамвайный перезвон, шум машин, у четырехэтажек маячили фигурки людей.

— Это, в общем-то, не моя версия. Об этом мне рассказал один человек, который после войны занимался здесь торговлей оружием...

— Как это?

— Ну, мародер, понимаешь? Доставал где-то ценные вещи, у немцев, что ли... Может, отнимал или грабил... Кличка у него была Крот.

— А вы, Иван Тимофеевич, как это с ним познакомились-то?

— Да я с ним не знакомился. Я тогда — кажется, это было в сорок восьмом году — работал в гараже «Балтрыбстроя». Это на Барнаульской. Ну, вот. Я уже тогда очень интересовался поисками, находил много всяких вещей... Им, — кивнул он куда-то в сторону, наверное, имея в виду экспедиционное начальство, — такого и не снилось. Знаете, сколько картин я передал в горисполком! А старинная посуда! Фарфор! Настоящий, майссенский...

Он так и сказал: «майссенский» — с буквой «а» на первом слоге, как это произносят немцы.

— Ну так вот, — продолжал Цедрик. — Один шофер, Федя его звали, сказал мне, что у него есть знакомый, который задешево продает картины... Но этот знакомый находится, ну, как бы... в бегах. То ли украл что-то, то ли дезертировал... Я, конечно, говорю Феде, мол, с таким мне нечего якшаться. Вдруг что краденое продает. И отказался...

— Зря, Иван Тимофеевич! — сказали мы с Виктором хором. — Надо

было все-таки встретиться, а вдруг...

— Зря-я! — передразнил Цедрик. — Что вы понимаете! Тогда за понюшку табаку можно было схлопотать. Мели почем зря.

В городе столько сброда всякого было! Случалось, стреляли по ночам. Облавы были. В общем, мне с этим «беглым» встречаться нельзя было. Хотя скажу прямо: хотелось. Когда Федя мне про него рассказал, я понял: человек «работает» с размахом. У него, наверное, этого немецкого добра...

— Ну и что дальше? — Нам не терпелось узнать суть «версии» Цедрика.

— А дальше все произошло как-то само собой. На углу Каменной и Сталинградского проспекта — так раньше назывался проспект Мира — была пивная палатка, и мы часто с шоферами после работы ходили туда. Там и водка была. Вдарим — и по домам! Вот один раз туда пришли мы, пьем пиво, разговариваем. А рядом компания такая стоит. Ну, в общем, блатная. Мат-перемат. Вроде даже спорят о чем-то. Вдруг один из них в морском бушлате увидел нашего Федора и кричит: «Кого я вижу! Федя!» Ну Федор подошел к нему, поздоровался за руку, стал выпивать с ними... Потом, смотрю, шепчется о чем-то с этим, в бушлате, и на меня они поглядывают. Я делаю вид, что не замечаю, а сам вижу, что они подходят ко мне. Тут Федор и говорит... — Иван Тимофеевич прервал рассказ, услышав приближающийся рокот.

На замковый двор въезжал бронетранспортер саперов, которые работали вместе с нами на раскопках в замке. На люке сидел знакомый лейтенант. Все звали его Игорем. Увидев нас, собравшихся в тени еще не взорванной стены, он приветливо помахал нам рукой.

— Вот и Красная Армия прибыла на подмогу, — не то с иронией, не то серьезно сказал Цедрик.

— Начальства еще нет? — спросил лейтенант, пожимая всем по очереди руки. — Значит, будем ждать!

Игорь присел на камень, загорелый, симпатичный, кажется всегда находящийся в хорошем расположении духа. Он командовал взводом саперов, приданных экспедиции, и это ему, по-видимому, очень нравилось. Во-первых, это было гораздо лучше, чем проводить все дни в казарме или на полигоне, отрабатывая с подчиненными уже опостылевшие нормативы. Во-вторых, причастность к поискам ценностей придавала ему ореол загадочности и особой важности в глазах окружающих. И, наконец, здесь, в экспедиции, он чувствовал себя гораздо свободнее — работа шла ни шатко ни валко да и завершалась гораздо раньше, чем это было в казарме. А кроме того, мы знали, что лейтенант недавно женился и готов был использовать

любой момент, чтобы сбегать домой. Жил он где-то неподалеку и поэтому частенько отсутствовал на месте работ. Солдаты без него вообще расслаблялись — кто укладывался на травку в тени, кто вообще куда-то исчезал на некоторое время.

Собственно говоря, в задачу саперов входило проводить подрыв стен и перекрытий в точках, на которые указывало экспедиционное начальство, а потом проверить образовавшуюся полость на наличие мин и боеприпасов. Взрывы проводились почти каждый день и уже не казались диковинкой для города. Тем более что в большинстве случаев на месте взрыва не удавалось находить ни входа в подземелье, ни какого-либо укрытия. Так — одни кирпичи, расколотые валуны, песок и щебень.

— Про что речь? — Поняв, что прервал беседу, лейтенант вопросительно посмотрел на нас.

— Да так, все про то же, — вяло ответил Цедрик, явно не желая продолжать свой рассказ при лейтенанте. — Я говорю, зря толчемся на одном месте, они думают, что все знают, а на самом деле... А! — Иван Тимофеевич махнул рукой. — Пустая работа!

Немного посидели, помолчали. Подошел солдат, спросил у лейтенанта:

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться?

— Ну!

— Разрешите нам сходить попить кваску. Все равно пока работы нет.

— Валяйте, только одна нога здесь, другая — там. Не задерживайтесь!

— Есть.

Опять воцарилось молчание.

— Ладно, я тоже схожу. Как насчет пивка? На Вагнера, наверное, уже открылась?

— Нет, пока не буду, — процедил сквозь зубы Цедрик.

— Я тоже, — пробормотал Петрович.

— Ну как хотите. — Лейтенант встал и, не торопясь, направился в сторону маячащих вдали домов. Там, около Дома профсоюзов, на углу улицы Вагнера была пивная палатка, у которой в жару собиралась изрядная очередь.

— Ну и дальше, Иван Тимофеевич, — попросил я Цедрика продолжить рассказ.

— Что «ну и»?

— Ну что дальше-то было? Что «тот, в бушлате» вам рассказал?

Цедрик закурил, потянул еще немного время и наконец продолжил свой рассказ:

— Подвел, значит, Федя его ко мне и говорит: «Это мой друг Иван. Он интересуется картинами». А я говорю, мол, ничем я не интересуюсь. А тот, в бушлате, смотрит на меня так с улыбкой и говорит: «Чего стесняешься? Дело стоящее! Прибыльное!» И так подмигивает мне: понимаю, мол, чем занимаешься!. Ну, потом он позвал меня в свою компанию. Я не хотел, но он так строго посмотрел на меня, что я даже испугался. Думаю: «Черт с ним! Ладно, выпью кружку пива и пойду». Да не получилось...

— Почему?

— Почему? Да так. Слово за слово. Выпили мы изрядно. Знаешь, как это бывает, водка с пивом... Про что говорили, не помню. Про немцев, которые прячут свое барахло в развалинах, надеясь когда-нибудь вернуться сюда, про какой-то рыбный ресторан с бильярдом на берегу моря, про облавы, еще про что-то... Не помню сейчас...

— Ну а дальше?

— Не торопи! Так говорили мы, говорили... И тут этот Крот вдруг обнял вроде меня за плечи и шепчет на ухо: «Слышь, Вань, хочешь за бесплатно скажу тебе, где золото спрятано?» Я удивился, чего это он мне предлагает, а сам не хочет достать. А он говорит: «У меня и так его хватает. Мне не жалко».

— И рассказал?

— Он рассказал мне про то, что знает место, где немцы спрятали свои сокровища перед приходом наших войск. Вроде как бы сам видел. Ну, я, конечно, не поверил ему, но все-таки спросил, где это место. И он мне рассказал, что в самом центре города, рядом с «Замком трех королей»^[199]. Мол, в самом замке есть ход, как он сказал, «колодец», который ведет прямо к подземному бункеру. Этот бункер якобы строили для «вервольфов»... Ну знаете, это такие фашистские группы были. Немцы оставляли их для того, чтобы они диверсии всякие делали против Красной Армии... Так вот, вроде в бункере, который строили для «вервольфов», немцы сложили всякие ценности, в том числе какие-то деревянные доски с наклеенным на них янтарем...

— Янтарную комнату? — спросили мы с Витей одновременно.

— Не знаю, я тогда сам не знал ничего про эту комнату. А бандит этот, Крот, тоже, наверно, вряд ли знал. Он сказал только: «всякие ценности и доски с наклеенным на них янтарем».

— Так это же Янтарная комната! Это точно! Совершенно точно! Какие могут быть еще «доски с янтарем»? Ясно, что Крот имел в виду именно Янтарную комнату! А еще что он сказал?

— Все, больше ничего. Ни слова. Хочешь, говорит, ищи. Не хочешь —

забудь о том, что я сказал.

— Ну а вы рассказали все это в экспедиции?

— Ну как же, рассказал, конечно. Но они же мне не верят. Считают, что я все придумываю. Говорят: «Цедрик, ни одна из ваших версий не подтвердилась». А они проверили хоть одну по-настоящему? Все торопятся. Им не терпится найти что-нибудь и скорее доложить начальству! Все тят-ляп! Принесут какую-нибудь бумагу из органов и давай копать с умным видом! А там-то и липа! Сколько всяких заявлений! От психов разных, просто от дураков! Старухи какие-то пишут, мол, прочитала в газете и думаю, что Янтарная комната находится там-то! А они сразу — «версия»! И давай искать! Да я б, если бы мне не мешали, уже давно нашел бы... Даже денег не попросил бы на поиски. А то наехали со всех концов! Научные сотрудники! А! — Иван Тимофеевич махнул рукой и снова закурил.

Было видно, что Цедрика расстроил собственный рассказ. Кроме того, он очень переживал, что экспедиционное начальство испытывает к нему недоверие и не считает его рассказы заслуживающими внимания.

— А где этот ход был в замке, Крот не говорил?

— Как же, сказал. В той стороне, что ближе к Прегелю, прямо под четырехэтажным дворцом.

— Это ж прямо здесь! — опять воскликнули мы с Виктором, вскочив на ноги. — Это же, значит, под зданием Унфрида, да?

— Ну не знаю, Ун... или кого там еще. Но, в общем, здесь. — Иван Тимофеевич указал рукой на виднеющиеся фундаменты и обломки в сотне шагов от того места, где мы сидели.

— Так надо же поискать, проверить. У нас есть экскаватор, приборы там всякие. Надо же проверить. Может, Крот сказал правду?

— Сейчас приедут и скажут. Откуда я знаю, до чего они договорились, — как-то безразлично проговорил Цедрик, имея в виду экспедиционное начальство.

Салатовый автобус появился примерно через час. Первой из него вышла грузная Мария Ивановна, с недавних пор сменившая на посту начальника экспедиции инженера Якубовича, за ней энергичный Анатолий Михайлович, главный хранитель Павловского дворца-музея, находящийся здесь в командировке, две дамы из Исторического музея в Москве, которых за глаза все звали «археологичками», еще несколько человек. Особый энтузиазм в их поведении заметить было нельзя. Наоборот, стало заметно, что они, насовещавшись вволю, в очередной раз не пришли к единому мнению, а раскаленный воздух и поднимающаяся с земли пыль не

настраивали на какую-нибудь серьезную работу. Наверное, каждый думал про себя: «Эх, сейчас бы на море!» В такую жару любой не прочь окунуться в прохладные балтийские волны и ощутить лицом свежий морской ветерок с запахом йода и соли.

Мы подошли к приехавшим.

— А где наши саперы? — спросила Мария Ивановна. Увидев лейтенанта, идущего от бэтэра, сказала, обращаясь к нему: — Сейчас будет ваша работа. Игорь, вы готовы?

— Мы всегда готовы, Мария Ивановна, как пионеры! — бодро ответил лейтенант.

— Ну так вот... — начальница как будто продолжала начатую мысль. — Сегодня займемся юго-восточным крылом. Попробуем пробить подвалы. А заодно проверим версию Цедрика. Иван Тимофеевич, вы слышите?

— Как скажете, Мария Ивановна, я готов.

— Ну что ж, приступаем.

Через полчаса вся территория, некогда занимавшаяся Королевским замком, была окружена редкой цепью солдат. Собственно говоря, это была даже и не цепь. Трое солдат стояли вдоль трамвайной линии, контролируя подходы к месту взрывных работ с севера, один скучал около руин восточного крыла замка, следя за тем, чтобы по прилегающей улице, не дай Бог, не появилась какая-нибудь автомашина или не забрел случайный пешеход. Возможный наплыв зевак и, конечно же, мальчишек можно было ожидать со стороны бывшей замковой террасы, заросшей редкими кустами. На этом самом опасном направлении дежурили четверо, в том числе сержант в линялой гимнастерке, но со множеством блестящих значков на груди. У каждой группы солдат были флажки, цвет которых определить было невозможно. Когда-то ткань на флажках была красной, но солнце и вода превратили ее в розовато-серую тряпку, болтающуюся на древке.

После каждого взрыва к месту, где только что грязным фонтаном взмывали вверх кирпичи и обломки камней, первым шел лейтенант с сержантом, а потом уж допускались сотрудники экспедиции. Пару раз к образовавшейся от взрыва воронке лейтенант вызывал солдата-сапера с миноискателем, который, поведив немножко своим инструментом, махал рукой, дескать, все в порядке.

Вместе со всеми мы с Витей каждый раз подходили к месту взрыва, но, кроме груд кирпичей, кусков арматуры и обломков стен, ничего не видели. Медленно оседающая кирпичная пыль и характерный запах пороховой гари — больше ничего: ни пролома в толще фундамента или

подвального перекрытия, ни чего-либо мало-мальски интересного среди кирпичного крошева. Ближе к обеду казалось, что все напрасно. Но... судьбе все-таки было угодно вознаградить нас за наше долготерпение.

Из дневника Андрея Пржедомского. 23 июля 1969 года

«...Мне сказали начать расчищать место для заложения шашки. Минут 15 я копался, но разбить кирпичи было довольно тяжело, и мы с Витей сачканули — пошли попить квасу. Когда мы пришли, раздался взрыв. Заложили шашку в основание свода, и в его наитонкой части образовался провал размером примерно 1,20 м × 0,7 м...»

Да, да! Наконец-то получилось! И это произошло как раз в тот самый момент, когда мы с Витей возвращались, довольные хотя бы тем, что утолили жажду холодным кисло-сладким квасом из бочки. Подходя к развалинам замка, мы увидели взрыв. На этот раз он был гораздо внушительнее прежних. Видимо, саперам надоело закладывать небольшие заряды, и они решились заложить сразу несколько толовых шашек. Результат был налицо: вверх взметнулись крупные обломки и камни. Ударная волна и грохот взрыва были в этот раз настолько ощутимыми, что, думаю, лейтенант забеспокоился о том, не нагорит ли ему за это. Ведь работы проводились в центре большого города и зевак к этому времени на улицах было уже немало. Многие, услышав грохот, поспешили к месту взрывных работ, и солдатам теперь уже нужно было реально сдерживать любопытную публику.

— Андрей! Витя! Где вы ходите?! — Анатолий Михайлович встретил нас недовольными возгласами. — Видите, мы наконец пробили! Там, похоже, большое подземелье.

— Я же говорил, — как-то безразлично, но не без самодовольства сказал Цедрик. — Я же говорил, что отсюда идет ход. Вон туда! — Он указал рукой в сторону Кафедрального собора.

— Подождите, — несколько нервно сказала Мария Ивановна. — Пока еще ничего не ясно. Сейчас саперы нам скажут, можно ли спуститься вниз. А потом будем рассуждать... Может, это вообще не ход, а яма! Игорь, — обратилась она к лейтенанту, — проверь, как там...

— Сейчас сделаем, Мариванна!

Минут двадцать мы ждали, пока осядет кирпичная пыль и из пролома выветрится хотя бы часть едкого порохового дыма. Потом вдруг выяснилось, что Алексей, водитель экспедиционного автобуса, забыл взять

аккумуляторные фонари. А без них лезть в подземелье было глупо.

— Эх ты, тюха-матюха! — зло бросил Цедрик. — Я же тебе говорил: «Не забудь инвентарь!»

Алексей нехотя поплелся к автобусу.

— Я с ним. — Витя заторопился вслед за водителем.

— Ну вот... — Мария Ивановна нахмурилась. — Обязательно что-нибудь забудут. Растяпы!

Автобуса мы ждали около получаса. За это время пороховой дым почти развеялся, лишь его тонкие струйки поднимались вверх. Около пролома сгрудились сотрудники экспедиции, солдаты, несколько мальчишек, неизвестно каким образом просочившиеся через кордон оцепления.

При более детальном рассмотрении стало понятно, что взрыв пришелся на один из сводов коридора, уходящего под уклон. Кирпичные стены с обеих сторон его были совершенно черными — видно, давняя копоть и гарь въелись в кирпичи намертво. Пожалуй, это единственное, что можно было разглядеть, всматриваясь со света в темноту провала.

Когда появился Виктор с двумя мощными аккумуляторными фонарями, окружающие пролом люди, до сих пор вяло переговаривающиеся между собой, вдруг заговорили все разом. Каждый предлагал свой вариант действий. Но Мария Ивановна строго обвела всех взглядом и, повернувшись к лейтенанту, сказала голосом, не терпящим возражений:

— Игорь, надо бы проверить.

— Сейчас сделаем, Мариванна, — привычно ответил тот и, обращаясь к сержанту, даже как-то весело произнес: — Резниченко, давай!

Сержант, по-видимому, не разделяющий всеобщего интереса к открывшемуся подземному ходу, сначала присел на корточки, потом сел на край пролома, свесив в него ноги. Он посветил внутрь фонарем, потом взял переносной миноискатель со штангой, похожей на ученический пенал, только очень длинный, надел наушники, покрутил какую-то ручку у основания прибора и, вытянув руку, поводил им перед собой.

— Резниченко, ты спустишь немного. Чего здесь смотреть? Надо там... Помогите ему! — Лейтенант посмотрел на солдат, стоящих рядом. Те подхватили сержанта под руки, а он, слегка придерживаясь рукой за край пролома, стал спускаться вниз.

Пол коридора был усеян рухнувшими кирпичами из проломленного взрывом свода. Сержант, придерживаемый солдатами, медленно опустился на кирпичи, затем встал во весь рост. Его голова оказалась несколько ниже

пролома. Было видно, как он обшаривает подземное сооружение лучом фонаря.

— Товарищ лейтенант, туннель идет под уклон. Здесь полно кирпичей и больше ничего нет. Вроде... вроде там дальше поворот. Отсюда не видно. — Он наклонился и стал водить миноискателем над обломками. — Да здесь полно железа — арматура всякая, проволока, еще что-то...

— Ты, Резниченко, внимательно посмотри! Пощупай! — сказал лейтенант.

— Ладно, — как-то нехотя произнес сержант.

Он прошел в глубь наклонного коридора. В темноте угадывались блики от света фонаря, слышался шум осыпающихся под ногами кирпичных обломков и камней. Все стояли вокруг пролома и вглядывались в темноту. Вдруг раздался грохот. Было отчетливо слышно, как зло выругался сержант.

— Резниченко, что у тебя там?

— Да ничего, товарищ лейтенант. Оступился просто. Мусора тут... Да нет, здесь ничего опасного нет. Пусть спускаются.

— Ты уверен, что боеприпасов там нет?

— Да я ж говорю. Один мусор тут. Больше ничего.

— Ладно, поднимайся, — разрешил лейтенант и, обращаясь к Марии Ивановне сказал: — Мариванна, можно обследовать. Мин нет.

Мы дождались, когда сержант вылезет на поверхность. В этом ему помогли те же солдаты. Резниченко, жмурясь от яркого солнца, посмотрел на нас и, улыбаясь, сказал:

— Там в углу стоят ящики... Наверное, с Янтарной комнатой. Сам видел!

Все удивленно посмотрели на сержанта. У нас, наверное, были такие лица, что сержант, поняв неуместность своей шутки, тут же поправился:

— А может, мне это показалось. Проверьте!

— Ладно! — недовольно проговорил Анатолий Михайлович, самый опытный и уважаемый участник поисков. — Нечего болтать. Андрей! Витя! Давайте вниз!

Почти таким же образом, как это сделал сержант, мы спустились в пролом. В руках у нас было по фонарю и по лопате. Конечно, копать пока мы ничего еще не собирались и рассчитывали использовать их как средства опоры или в качестве щупов. Кто знает, куда ведет коридор и что нас ждет там впереди. С нами хотел спуститься еще Цедрик, внимательно наблюдавший за всем происходящим, но Мария Ивановна не разрешила ему.

— Вы, Иван Тимофеевич, лучше пока подождите здесь. Сейчас ребята осмотрят подвал, скажут, что там есть и куда ведет ход, а потом уже будем думать, как нам его обследовать.

Мы же в это время уже делали первые шаги по уходящему под уклон коридору с округлыми сводами. Внизу он казался куда более просторным, чем это виделось в пролом. Ширина его достигала не менее двух метров, а наклон был настолько ощутимым, что мы боялись скатиться вниз по кирпичам. Наверное, внизу под кирпичными завалами и каменным крошевом были ступени. Ведь не могли же люди буквально скатываться вниз.

Причем из стен торчали ржавые скобы, на которых, наверное, когда-то крепились деревянные перила.

Из дневника Андрея Пржездомского. 23 июля 1969 года

«Внизу в подzemелье (там под углом 20°) было много газа, вызванного взрывом шашечного заряда. Мы с Витей стали спускаться. Так мы спускались по кирпичам. Стены подвала закопчены, по правой стене идут металлические поддержки для проходивших по ним когда-то кабелей, слева — толстая труба. Мы спустились примерно метров на 10, на глубину от поверхности метра на 3. Потом был поворот направо...»

Очень осторожно ступая по нагромождению подвижных кирпичей, мы достигли торца коридора. Посветив налево, увидели арочный проем, сплошь заваленный обрушившимся кирпичным крошевом. Справа точно такой же арочный проем был свободен для дальнейшего движения.

— Андрей! Витя! Ну как там? Не опасно? — услышали мы голос Анатолия Михайловича, доносившийся сзади, со стороны пролома, тусклый свет от которого сюда едва доходил.

— Да все в порядке, Анатолий Михайлович! Ничего опасного. Тут поворот направо. Мы пройдем немного, посмотрим, что там.

— Ну давайте! Только осторожно!

Арочный проем, в который мы вошли, напоминал миниатюрные ворота. Остатки лепнины по краям, в которых угадывались очертания маленьких колонн, упирающихся в узорчатый карниз, фриз с еще сохранившимся миниатюрным барельефом. Посветив на него, мы стали рассматривать, что же на нем изображено. Часть лепного украшения отвалилась, но было видно, что в верхней части арочного проема была изображена голова какого-то животного — не то быка, не то овцы.

Рассматривая барельеф, мы не сразу заметили надпись на стене, сделанную красной масляной краской. Несколько немецких букв были написаны аккуратно, хотя сама надпись как бы немного заваливалась вправо.

— «San. Komp. 3», — прочитал я. — «Комп» — это, скорее всего, «компани» — «рота», значит, по-немецки. А «сан» — наверное, «санитарная», — демонстрировал я знание немецкого языка.

— Третья санитарная рота, — проявил сообразительность Виктор, совершенно не знающий немецкого языка.

— Точно, Витя, — похвалил я. — Значит, здесь размещался немецкий лазарет. Наверное, сейчас мы что-нибудь найдем, что подтвердит наше предположение.

Действительно, за поворотом в конце коридора, который уже стал горизонтальным, мы увидели целую гору разных пузырьков из коричневого стекла. Даже сейчас от них исходил какой-то едкий, чисто медицинский запах. Первое подтверждение того, что здесь был лазарет, мы получили.

Справа фонарик высветил небольшое углубление в кирпичной стене, нечто вроде ниши. Вся она была буквально завалена спрессованным тряпьем, не то бывшими бинтами, не то тряпками, покрытыми коркой кирпичной пыли. От них пахло сыростью. Витя слегка тронул этот ворох лопатой. Верхний слой отвалился, и мы с ужасом отпрянули. На нас смотрели пустые глазницы человеческого черепа. Прямо во лбу у него зияло пулевое отверстие.

— Ничего себе! — вскрикнул Виктор.

Несмотря на то что мы довольно давно уже работали в экспедиции и осмотрели уже не один десяток подвалов на разных поисковых объектах, обнаруживая при этом человеческие останки, вид человеческого черепа в сумрачном подвале Королевского замка вызвал у нас чувство, близкое к ужасу. Рассмотрев его при свете фонаря, мы убедились, что под лежалым хламом находятся останки немецкого офицера. Это было видно по истлевшему кителю с витым погоном и нагрудной эмблеме в виде орла, распростершего крылья и сжимающего когтями венки со свастикой.

— Давай посмотрим, у него, наверное, сохранился жетон, — предложил я.

Я имел в виду алюминиевый опознавательный знак овальной формы, который носили все военнослужащие немецкой армии. Таких знаков мы находили немало и знали, что по надписям на них можно узнать, в какой части и каком роде войск служил убитый.

— Знаешь, Андрей, я думаю, не надо. Давай лучше посмотрим, что там впереди. Мы же спустились сюда...

— Да знаю я, для чего мы спустились сюда! — не скрывая раздражения, ответил я Вите.

Конечно, я понимал его правоту. Сейчас отвлекаться на второстепенные вопросы было бы неправильным. Наверху все с надеждой ждали, что мы найдем подземный ход, о котором рассказывал Цедрик, и, может быть, приблизимся наконец к заветной цели.

— Ладно, пошли дальше.

Мы стали продвигаться по коридору. Здесь пол был почти свободным от кирпичей. Правда, ноги то и дело натывались на гнилые доски или ржавые консервные банки. Кругом полно было битого стекла — наверное, бутылок и пузырьков из-под лекарств. У правой стены лежала гора немецких фляг и пустых ранцев, покрытых плесенью. Мы не стали задерживаться у них.

Луч фонаря уперся в стену. Опять поворот! «Что это тут немцы сделали какой-то лабиринт?» — подумалось мне. И тут же, метрах в трех слева, нам открылся дверной проем. Оттуда веяло ледяным холодом. Вообще мы стали замечать, что здесь, на глубине, очень холодно, как будто наверху не жаркий июльский день с палящим солнцем, а морозный февраль с вьюгами и метелями. В свете фонарей мы заметили, как изо рта у нас идет пар — верный признак низкой температуры.

Мы встали в проеме, не решаясь войти в помещение. Это была довольно большая подвальная комната, дальняя от нас часть которой была завалена рухнувшими сверху глыбами перекрытий и стен. Вся комната была заставлена остовами каких-то конструкций с горами тряпья.

— Да это же нары! Здесь и был лазарет! — воскликнул Виктор. — А эти кучи...

— Ладно, я и так понял, — выдавил из себя я. — Сюда заходить не будем. Видишь, — показал я на потолок, — тут все еле держится. Может в любой момент рухнуть.

— Да, Андрей, ты прав. Здесь нас может завалить. Пошли дальше.

Голос Виктора звучал тихо и встревоженно. Гнетущая атмосфера подземелья, заполненного истлевшими останками человеческих тел, повергла нас в уныние. От восторженного ожидания чуда не осталось и следа. Смутное чувство тревоги сжимало сердце, холод подземелья стал проникать внутрь. Я даже почувствовал нервную дрожь.

Что нас ждет впереди, если, пройдя всего каких-нибудь двадцать метров по подземному лабиринту, мы оказались в некоем подобии склепа. У меня даже мелькнула мысль, что эти подвалы похожи на подземное кладбище. Я старался отогнать зловещие мысли, но страх уже поселился в

моей душе. Наверное, что-то похожее творилось и с Виктором.

Дальше коридор как-то немного сужался и стал опять идти явно под уклон, теперь уже больше походя на узкий подземный ход, ведущий к какой-то не ясной пока цели. Стены коридора были из красного кирпича, как и все сооружения Королевского замка. Кирпичная кладка, закругляясь кверху, постепенно переходила в потолок, вдоль которого посередине тянулся толстый кабель, накрепко прикрепленный к кирпичам полукруглыми металлическими скобами. Дважды нам попадались стеклянные ребристые плафоны ламп подсветки — наверное, когда-то подземелье освещалось электрическим светом.

По нашим расчетам, мы должны были уже приблизиться к внешней стене здания Унфрида и подземный ход должен был либо вывести нас куда-то в районе замковой террасы, либо несколько глубже, то есть под поверхностью земли уже за пределами Королевского замка. Если расстояние мы кое-как еще чувствовали, то глубину, на которую нас вел подземный ход, не могли определить даже приблизительно.

Метрах в шести от дверного проема мы наткнулись на большую грудку кирпичей, заваливших ход почти до самого потолка. Все стены были целы, никаких повреждений свода не было видно. Откуда могла появиться эта гора кирпичей, понять было трудно.

Однако когда мы внимательно рассмотрели потолок, то увидели в нем небольшое прямоугольное отверстие, ведущее вертикально вверх. Что это? Вентиляционный люк? Дымоход? Дренаж? Или что-то другое? Мы могли только гадать. Единственное, что мы поняли, так это то, что препятствие образовалось из-за провалившихся в отверстие кирпичей. Собственно, их было видно и сейчас — часть их застряла наверху, как бы заклинив отверстие.

— Давай, Андрей, побыстрее перелезем через это... — Витя кивнул на кучу. — А то сверху в любой момент может...

— Да, если они свалятся нам на голову, считай, мы — покойники!

— Ну, Андрей, не надо. Тихонечко сейчас перелезем. Только не надо шуметь.

— Ладно, давай.

Честно говоря, мне лезть через гору кирпичей уже совсем не хотелось. Оказаться погребенным в этом ужасном подвале вместе с трупами немцев — может ли быть картина страшнее!

Виктор отдал мне свой фонарь и лопату и стал медленно карабкаться по кирпичам, стараясь делать это как можно аккуратнее. И все-таки, когда он был уже прямо под самым отверстием в потолке, несколько кирпичей с

грохотом рухнуло по обе стороны кучи. Витя замер. Я почувствовал, как у меня пробежал холодок между лопатками и выступила испарина на лбу. Луч фонаря прыгал по потолку, выдавая дрожь моих рук.

— Ничего, Андрей. Все в порядке. Я уже там.

Он перебрался на ту сторону завала. Я услышал, как Витя осторожно спустился по кирпичам на каменный пол подземелья.

— Ну что там, Вить? — Мне почему-то совершенно расхотелось следовать примеру товарища.

— Андрей, ты сначала передай мне фонарь. Прикрепи его на лопате!

— Держи!

Я протянул лопату обратным концом с притороченным на нем фонарем в щель между потолком и кирпичным завалом. Витя быстро и легко снял его.

— Ну что там, Витя? Ход дальше идет?

— Андрей, давай сюда! — Мне показалось, что голос у Виктора дрогнул. — Слу-у-шай, здесь та-а-кое! — Он почему-то стал растягивать слова. Было слышно, что Виктор заметно волнуется. — Андрей, давай сюда. Фонарь и лопаты оставь там.

— Иду. — Не без опаски я посмотрел на препятствие. — Если что, подстрахуй!

— Андрей, ничего. Тут не опасно!

Преодолевая страх, я стал карабкаться по кирпичному завалу вверх, ближе к потолку. Страшное отверстие казалось пастью чудовища, готового извергнуть поток раскаленных камней и пламени, раздавить, сжечь в своем огне всякого, кто посягнет на него. Мне вдруг совершенно не к месту пришла в голову странная мысль: «А ведь эта пасть охраняет вход к сокровищам! Как я раньше не догадался! Это — ловушка, которая в любой момент может захлопнуться, замуравив нас в этом страшном подземном склепе!»

Луч фонаря, которым Виктор светил, помогая мне сориентироваться, бил в глаза.

— Ты, Вить, хоть в глаза не свети! Свети на кирпичи, а то я тут навернусь...

Протискиваясь в щель между кирпичным завалом и потолком, я все время спиной чувствовал жуткое отверстие над собой и страшную лавину кирпича и камня, готовую хлынуть вниз, раздавить, расплющить меня, превратить в вечного обитателя этого подземного склепа.

Я даже не заметил, как перебрался на ту сторону завала. Поэтому, когда я встал во весь рост и ощутил ногами каменный пол, то почувствовал

не столько облегчение, сколько слабость. Дрожь в коленях не стихала, но страх стал проходить, уступая место любопытству.

Мы стояли все в том же подземном коридоре. Но теперь перед нами буквально в двух шагах была комната. Нельзя сказать, чтобы она была просторной, но по сравнению с узким туннелем она казалась довольно широкой. Раньше это помещение, наверное, служило для каких-то хозяйственных нужд. Среди кирпича и камня виднелись чугунные решетки и ржавые железные скобы, остатки полусгнившего высокого ящика без крышки, заполненного металлическим хламом. У стены нагромождением лежали обрезки водопроводных труб с ошметками пакли, гора изъеденных плесенью щеток с длинными ручками, много другого хлама и мусора.

Но не это привлекло наше внимание. На противоположной от подземного коридора стене виднелась искореженная, покрытая ржавчиной металлическая дверь с грубой скобой, заменяющей ручку. Казалось, что какая-то необъяснимая сила там, за дверью, металась в дикой злобе, не находя выхода из подземных казематов. Потом она навалилась всей тяжестью на металлическую дверь, выгнула ее, как крышку от картонной коробки, едва не сорвав с петель. Собственно, петли тоже были вывернуты, и только массивные штыри удерживали их в стене. Засов был сорван так, что толстая металлическая задвижка согнулась под прямым углом. Дверь, вогнутая в нашу сторону как будто под напором воды, была приоткрыта. Посветив в щель, мы убедились, что все пространство за ней буквально завалено спрессованными кирпичом и камнями. Казалось, что если попытаться эту дверь открыть, то сюда, в подземелье хлынет еще один смертоносный поток, сметающий все на своем пути.

— Вот это да! — вскрикнули мы с Виктором чуть ли не одновременно.

Было совершенно понятно, что мы — на пороге какой-то тайны. Во всяком случае, не вызывало никаких сомнений то, что за массивной и искореженной дверью находится либо какое-то подземное сооружение, либо продолжение туннеля. Только вот беда — пространство по ту сторону дверного проема оказалось заваленным кирпичом. Да притом основательно.

— Давай посветим туда фонариком, — предложил я Виктору. — Может, там...

Я не успел договорить. Сначала раздался какой-то шорох, потом металлический скрежет и страшный грохот, как будто гигантская скала раскололась на несколько частей и рухнула всей своей массой вниз, погребая под собой все живое. Подобное я слышал только один раз в жизни, когда на Кавказе поднимался на ледник Кашкаташ. Тогда огромная

глыба льда вдруг неожиданно откололась от ледника и со жутким грохотом обрушилась вниз, увлекая за собой куски льда и снега.

В лицо буквально ударил столб пыли, забивая глаза и ноздри. Во рту захрустел песок. Мы с Витей инстинктивно отшатнулись в противоположную сторону от той, куда рухнули кирпичи, и прижались к ржавой металлической двери, чувствуя спиной леденящий холод ее поверхности.

Стало опять совсем тихо. Только было слышно, как откуда-то сверху сыпался тонкий ручеек из мелких камешков, которые, проваливаясь в подземелье, рассыпались, как крупные градины. Когда пыль немного улеглась, мы увидели, что гора кирпичей позади нас увеличилась настолько, что теперь полностью закрывала обратный проход по туннелю. Лишь под самым потолком, там, где зияло прямоугольное отверстие, чернела щель шириной в ладонь. Путь к возвращению был отрезан. Мы оказались в каменной западне. С одной стороны — проклятая железная дверь, готовая рухнуть под напором кирпичей и камня, с другой — сплошной завал из просыпавшихся сверху кирпичей.

Произошло то, чего мы опасались и что казалось совершенно невозможным, нереальным. Наверху, в каких-нибудь метрах пяти-семи от нас, над толщей земли и камня были люди — Анатолий Михайлович и Мария Ивановна, Цедрик и лейтенант, солдаты и мальчишки. Там припекало солнце, пылили машины, оглашали улицы своим перезвоном трамваи, сустились пешеходы. А здесь были гробовая тишина и абсолютная темнота, которую разорвал тускнеющий свет аккумуляторного фонаря. Сотня шагов по извилистому коридору — и мы могли бы снова оказаться около сокровенного пролома. Но теперь нам оставалось только одно — ждать, когда кто-нибудь там наверху сделает что-нибудь для нашего спасения. Для начала они должны хотя бы забеспокоиться и выяснить, живы мы еще тут или лежим, погребенные под горой обломков.

Мои мысли как будто кто-то подслушал. Сначала мы уловили еле заметное шелестение, а потом едва различаемый, глухой голос:

— Андрей! Виктор! Вы живы? Эй, где вы?

Звук доносился с другой стороны завала и проникал, по-видимому, через узкую щель между кирпичами и потолком. Голос был мужской, но, кто к нам обращался, разобрать было невозможно. Может быть, Иван Тимофеевич или его напарник, может, лейтенант или Анатолий Михайлович. Но это было уже не важно. Нас ищут! Нас освободят из подземного плена! Нас обязательно спасут! Теперь в этом не было сомнения.

Прошло всего несколько минут после обвала, а мы с Витей не обмолвились ни одним словом. Мы только прислушивались к доносящимся звукам, пытаюсь понять, насколько близко спасение.

Витя выключил фонарь. Надо было беречь электричество. Аккумулятор же не вечен! Вокруг воцарилась густая темнота, абсолютно черная и вязкая, как смола. Сколько я ни таращил глаза, ничего не смог увидеть. Из-за этого мне вдруг показалось, что я совершенно ослеп и чувства меня обманывают, создают лишь иллюзию темноты. От этого стало как-то не по себе.

Но неожиданно я стал различать очертания предметов — вот завал, вот сводчатый потолок, а вот и отверстие в нем. Только теперь оно не зияло черным провалом, а наоборот, светлым пятном проступало на потолке. Именно из этого отверстия лился бледный, едва заметный свет. Мы подошли поближе к завалу. Витя снова включил фонарь.

— Ребята, как вы там? Вы целы? — снова раздался голос.

Теперь я уже точно узнал — это был голос Ивана Тимофеевича.

— Да, да! Мы живы-здоровы! Все в порядке! Но выхода отсюда нам нет. Надо расчищать завал!

— Не волнуйтесь, все сейчас сделаем. Это просыпались кирпичи в дымоход. Один му... к начал шурудить в нем ломом. Вот они и провалились прям к вам в подвал. Ну ничего. Подождите немного. Я поднимусь наверх, успокою всех, и мы начнем разбирать завал. Только не пытайтесь сами выбраться отсюда!

Иван Тимофеевич явно был взволнован. Видно, переполох там наверху был приличный. Еще бы! Испугались. Вдруг задавило бы нас в подземелье! ЧП! Несчастный случай! За это и в тюрьму сесть можно!

Теперь мы с Витей были совершенно спокойны. Нас уже не пугал высокий завал. Прямоугольное отверстие в потолке уже больше не казалось зловещим, а металлическая дверь, выгнутая в нашу сторону, уже не производила впечатления картонной. Об останках немцев в соседней комнате да о черепе под коркой из слежавшихся тряпок мы напрочь забыли, как будто это был страшный сон.

Пока там наверху занимались нашим спасением, мы возобновили обследование помещения, в котором оказались замурованными на некоторое время. Первое, что мы сделали, так это осмотрели содержимое полуразвалившегося ящика, заполненного наполовину какими-то ржавыми деталями.

— Витя, осторожно! Вдруг там мины! — предупредил я его, когда увидел, что он, наклонившись над ящиком, щупает что-то рукой.

— Да тут какие-то непонятные штуки. Вот, смотри! — Витя выудил что-то из ящика.

При свете фонаря мы рассмотрели находку. Это было какое-то приспособление в виде большой металлической дуги с колесиками на концах. В нее была вкручена рукоятка с резьбой и точно с таким же колесиком посередине. Вся эта штука была, как панцирем, покрыта коркой ржавчины.

— Странная вещь. — Я попытался покрутить колесики на ней, но они намертво срослись с дугой.

— Андрей, я знаю, что это! Это — инструмент для сгибания водопроводных труб. Я видел такой в мастерской у моего дяди. Точно!

Покрутив в руках это тяжелое приспособление, Виктор положил его на пол и снова стал шарить рукой в ящике. Постепенно он стал доставать оттуда различные инструменты, правда, очень ржавые: напильники, молотки, клещи, пассатижи. Кроме того, в ящике оказались не менее десятка наконечников от лопат и целая гора обрезков металлических труб. Мы, конечно, побросали все это обратно в ящик и принялись обследовать дальний угол помещения, где тоже наблюдалось нагромождение каких-то предметов. При близком рассмотрении это оказались аккумуляторные шахтерские фонари в виде высоких цилиндров со стеклянным верхом и крышкой с петлей. Все они были такие же ржавые, как и инструмент в ящике. Стекло на многих было разбито.

— Да тут целый склад для подземных работ! — воскликнул Виктор. — Жалко только, что все такое ржавое.

Мы еще раз осмотрели со всех сторон полуразвалившийся ящик, в котором лежал инструмент. Когда-то он был, наверное, довольно прочный — толстые доски, крепкие перекладки по краям, служащие для переноски. Десятилетия сырости сделали свое дело — доски потемнели, сгнили и продавились в нескольких местах.

И все-таки на одной стороне ящика мы обнаружили надпись на немецком языке: «Horn H.B., Hoch-, Tief-, Eisenbetonbau, Dieffenbachstr. 21, 227–74», что в переводе означало: «Хорн Г. Б., Надземное и подземное строительство, сооружения из железобетона, улица Диффенбахштрассе, дом 21, телефон 227–74». Скорее всего, это были название и адрес фирмы, которая проводила работы в подземельях Королевского замка. Надо полагать, инструменты и приспособления также принадлежали этой же фирме. Хотя кто его знает!

Наше исследование содержимого подземной комнаты прервал теперь уже отчетливо слышимый голос Ивана Тимофеевича:

— Ребята, как вы? Не бойтесь! Сейчас разберем завал и выпустим вас оттуда!

— Да мы и не боимся! Чего тут бояться? — бодрым голосом проговорил Виктор, как будто еще каких-нибудь полчаса назад у нас не тряслись поджилки от страха. — Сверху теперь уже ничего не упадет, а здесь... — Мне показалось, что Витя бросил взгляд на металлическую дверь. — Здесь вполне безопасно.

Послышалась возня где-то там, на поверхности, потом шум падающих кирпичей. Началась работа по расчистке завала. По-видимому, кроме Цедрика, с той стороны работали еще несколько человек, так как довольно отчетливо были слышны чьи-то голоса. Виктор поставил фонарь на угол ящика, и мы стали тоже разбирать завал, только уже с нашей стороны. Работали быстро, даже весело, немного ощущая себя героями. Только сейчас мы почувствовали, что очень замерзли, и, разбирая кирпичи, стали быстро согреваться.

Из дневника Андрея Пржездомского. 23 июля 1969 года

«...Когда мы вылезли, Анатолий Михайлович сказал, что завал этот — кирпичи и песок с камнями, просыпавшимися через колодец, который виден сверху (колодец в стене, прямоугольной формы = 50 × 30 см).

Когда мы вторично осмотрели подземелье, примерно через полчаса нам дали разрешение Мария Ивановна и Анатолий Михайлович на то, чтобы начать работы по расчистке прохода. Туннель должен вести... дальше вниз... к подземному ходу, проходящему под Altstadtom и выходящему в районе Lobenichta, недалеко от Lobenichtsche Gymnasium...»

— Мы за вас так испугались! — сказал Анатолий Михайлович, как только мы оказались на поверхности.

Глаза долго не могли привыкнуть к яркому солнечному свету. Выбравшись из холода подземелья, мы как будто угодили в самое пекло громадной сковородки. Казалось, что все раскалилось добела — горы кирпичей и камней, остовы фундаментов, кирки и лопаты, сваленные беспорядочной грудой рядом с проломом. От нестерпимой духоты хотелось открыть рот, и только понимание того, что это будет выглядеть по меньшей мере странным, мы с Витей плотно сжимали губы. Мы пробыли в подземелье не более часа, но контраст температур на поверхности и в глубине был настолько сильным, что нас сразу разморило, появилась

тяжесть в ногах, захотелось присесть где-нибудь в тени и отдохнуть.

— Пить хотите? — Не дожидаясь ответа, лейтенант протянул нам алюминиевую кружку, до краев наполненную водой.

— Когда вас завалило, я очень испугался! — Анатолий Михайлович пристально посмотрел на нас. На его лице еще была видна печать тревоги. — Мы вам кричали. Вы не слышали? И Цедрик, и лейтенант. Солдаты туда лазили. Вы не слышали, как мы вас звали?

— Нет, Анатолий Михайлович! Мы услышали Цедрика, только когда он спустился вниз, — ответил за нас обоих Витя.

По сравнению с подземельем здесь все было наполнено звуками — вдалеке раздавались трамвайный перезвон и протяжный скрежет колес по рельсам, тарахтение мотора проезжающего автомобиля, голоса людей. Вялость, навалившаяся на нас, быстро прошла, сменившись каким-то радостным возбуждением. «Мы выбрались! Мы живы! Мы — герои, обследовавшие страшное подземелье!» — проносилось у меня в голове. Посмотрев на Виктора, я понял, что, его обуревают подобные чувства.

Мы наперебой стали рассказывать, что увидели внизу: про череп и кости в истлевшей униформе, про остатки немецкого лазарета, про железную дверь и ящик с инструментом.

— Да там, наверное, и еще что-нибудь есть! Просто мы не смогли все осмотреть — рухнули кирпичи. Надо бы там все обследовать как следует! — обратился я к Марии Ивановне.

— Обследуем! — раздраженно сказала она, видно, еще не оправившись от напряженного ожидания нашего спасения из каменной западни. — Игорь, — обратилась она к лейтенанту, — разгони публику!

Только сейчас мы обратили внимание на то, что вокруг пролома и чуть поодаль скопилось множество людей. Кого тут только не было! Мальчишки, что-то громко обсуждающие, десятка три забредших сюда пешеходов, среди которых особенно выделялся толстый дядечка с наполненной покупками авоськой. Держа за руку малыша, с любопытством наблюдала за происходящим молодая женщина в белом сарафане. Два морячка в бескозырках с надписью «Балтийский флот» не без интереса наблюдали за нами.

Под взглядами собравшихся мы с Витей почувствовали себя чуть ли не героями-первопроходцами. В запыленных спецовках, с лопатами и фонарями в руках, мы, наверное, казались окружающим романтическими первооткрывателями подземных катакомб Королевского замка. Нас переполняло чувство превосходства над всеми, кто с любопытством взидал на работу таинственной экспедиции, о которой официально нигде не

сообщалось, но о которой знали все калининградцы.

Лейтенант подозвал сержанта Резниченко, что-то сказал ему, и через некоторое время солдаты, до этого времени отдыхавшие в тени, вяло поднялись и стали «разгонять публику». Люди нехотя отходили в сторону. Особенно не хотели покидать место около пролома мальчишки, вступившие в пререкание с сержантом.

— Ну-ка, живо все отсюда! — покрикивал строго на них Резниченко. — Нечего глазеть!

Примерно через полчаса мы снова спустились в подземелье. Теперь вместе с нами были Иван Тимофеевич и Анатолий Михайлович. Если первому было привычно спускаться во всякие там опасные колодцы и туннели, то второму, человеку уже пожилому, делать это было гораздо труднее. Тем не менее Кучумов довольно проворно проследовал за нами по изгибам подземного хода, уверенно преодолевая завалы и с любопытством оглядывая все вокруг.

Когда мы оказались в комнате с железной дверью, выпирающей вовнутрь под давлением обрушившихся кирпичей и камней, Цедрик сказал:

— Вот это оно и есть! Это то, про что рассказал мне Крот. Точно! Вот этот туннель. Он говорил, что отсюда идет ход под дома и там где-то в бункере «вервольфов» спрятана Янтарная комната! Уверен, что отсюда... — Он постучал кулаком по металлической двери. — Отсюда и идет ход до бункера...

После глухих ударов за ржавой дверью послышался шум проваливающихся обломков и просыпающегося песка.

— Осторожно, Иван Тимофеевич! А то от ваших ударов тут осыпается всё! Видите, что дверь едва держится. Смотрите, скобы...

— Да чего там скобы! — Цедрик перебил Анатолия Михайловича. — Я таких подвалов осмотрел сотни! Дверь-то выдержит!

— Ладно. Все ясно, — заключил Анатолий Михайлович, — надо думать, что делать. Отсюда в подземный ход не пробраться. Все завалено. Придется копать снаружи.

— Да, я тоже думаю, что отсюда ничего не получится. Выходим?

— Выходим.

Поднявшись на поверхность, мы стали осматривать остатки фундаментов, чтобы точно сверху определить, где находится злополучная железная дверь и куда может дальше вести подземный ход. Получалось, что она находится точно под террасой, примыкающей с юга к стенам замка. Судя по наклону туннеля, он пересекал фундамент, на котором покоилась капитальная стена здания Унфрида, где-то на глубине около трех

метров и уходил под заросшие бурьяном кучи кирпича и щебня, бывшие некогда руинами Альтштадта — Старого города, одного из самых древних районов Кёнигсберга, стертого с лица земли последней войной.

— Придется делать раскоп с внешней стороны. Вот тут. — Мария Ивановна показала на проезжую часть улицы, проходившей вдоль развалин южного крыла Королевского замка. — Как, Анатолий Михайлович?

— Я тоже думаю, что другого выхода нет.

— А как с туннелем?

— А что туннель? Он нам ничего не дает. Оттуда проникнуть в подземелье невозможно. Видно, часть фундамента обрушилась и завалила проход.

— А с чего вы взяли, что обрушилась? — вступил в разговор Цедрик. — Мария Ивановна, где вы видите, что фундамент или стена обрушились?

Мы снова посмотрели на стену, служившую некогда основанием здания Унфрида. В этом месте она возвышалась над террасой по меньшей мере метров на пять. Сложенная из крупного кирпича и облицованная толстыми каменными плитами, она впечатляла своей массивностью. И даже там, где были глубокие выбоины — следы от снарядов, — стена казалась непоколебимой и очень прочной. Действительно, нигде даже не было намека на то, что внизу имеется большой провал. Ни стена, ни прилегающая к ней терраса, заросшая чахлым кустарником, не давали даже намека на то, что какая-то часть сооружения вдруг обрушилась вниз. Все было хотя и сильно побитым, но, как бы это сказать, довольно устойчивым.

— Да, будем копать здесь. — Мария Ивановна указала на брусчатку рядом с террасой. — Если там есть какой-нибудь ход, то мы обязательно наткнемся на него. Так, Анатолий Михайлович?

— Да, я думаю тоже, что копать надо именно здесь.

— А если после двери туннель резко меняет направление или уходит вниз? — подал голос Цедрик.

— Ладно, Иван Тимофеевич! Ваши фантазии уже всем надоели! — сказала недовольно Мария Ивановна.

— Почему фантазии? — возмутился Цедрик. — Я утверждал, что здесь будет ход, и мы его нашли! Я сказал...

— Ладно, хватит болтать! — недовольно проговорила Мария Ивановна и, обращаясь к Анатолию Михайловичу, спросила: — А что будем делать с туннелем?

— Ну, надо поставить пока охрану...

— Охрану? На всю ночь? Да вы что, Анатолий Михайлович! Кто мне

даст?

— Мария Ивановна, мы можем покараулить, — несмело предложил Витя.

Нам с ним, наверное, одновременно пришла в голову одна и та же мысль.

— Нет уж! С меня хватит того, что вас чуть не засыпало. Я в тюрьму из-за вас садиться не собираюсь! — не терпящим возражения тоном проговорила Мария Ивановна. — Надо позвонить... Я посоветуюсь с нашим куратором.

— С кем? — не понял Кучумов.

— Ну, Анатолий Михайлович! С ку-ра-то-ром!

— С управлением КГБ, что ли?

— Ну, естественно! Вы же понимаете! — Мария Ивановна недовольно посмотрела на Кучумова. — Вы пока побудьте здесь. И построже! А то они тут...

— Идите, идите, Мария Ивановна! Не волнуйтесь, все будет в порядке.

В тот же день вход в обследованный нами подземный туннель под зданием Унфрида был подорван саперами, а выходящий наружу дымоход снова завален кирпичами. Оставлять подземный ход открытым никто не решился.

— Проверять будем все с внешней стороны замка. Ведь ход ведет именно туда, — подвела черту под всеми разговорами Мария Ивановна. — С меня достаточно того, что чуть было ЧП не произошло. — И она недовольно посмотрела на нас. — Все, разговоры окончены. Работу продолжим завтра. На сегодня хватит!

С места проведения работ мы ушли поздно вечером, когда жара уже спала и откуда-то, наверное, с моря, потянуло долгожданной прохладой. Лейтенант с солдатами уехали, как только подорвали вход в подземелье и засыпали дымоход, Мария Ивановна и «археологички» уехали на автобусе сразу после них. Последними замок покинули Иван Тимофеевич с Петровичем, которые отправились пить пиво, и мы с Анатолием Михайловичем. Поскольку за день мы насквозь пропитались пылью, так что наши темные волосы стали пепельно-серыми, путь у нас был только один — в баню. Анатолий Михайлович составил нам компанию, и весь вечер мы проговорили о дальнейших планах поисков. Но чувство досады от того, что долгожданный подземный ход в замке пришлось завалить, не доведя его обследования до конца, не проходило.

— Ничего, ребята. Завтра начнем работу на террасе и обязательно наткнемся на ваш ход.

— Да не наш он, Анатолий Михайлович!

— Почему не ваш? Ваш! Вы же его первыми обследовали.

— Ну, мы! А о том, что в этом месте есть ход, говорил Цедрик. Вы же знаете.

— Знаю. Ну и что ж, что говорил. Он говорил, а вы исследовали..

— Анатолий Михайлович, а зачем все-таки было его засыпать? Ну поставили бы охрану, а завтра продолжили поиски..

— Нет! Вы же сами видели — там очень опасно. В любой момент может рухнуть... Чтобы кто-то погиб? Нет, этого нам не надо! Мы лучше спокойно и безопасно проведем все работы снаружи. Ведь ход идет за пределы капитальной стены замка?

— Да, идет. Дверь, ну эта... согнутая, находится, наверное, как раз там, где стена. Глубоко внизу.

— Ну так вот: мы и будем копать с внешней стороны стены и обязательно наткнемся на туннель. Будет работать экскаватор...

— Нет, Анатолий Михайлович, все-таки жаль...

— Запомните, ни о чем жалеть не надо, особенно о том, что не случилось! А то может случиться такое, чего не ожидаешь! Никто не знает, что будет через минуту. Вот у меня был случай. Тут, в замке. Только в сорок шестом году. Мы тогда искали здесь, в Калининграде ценности, вывезенные из дворцов пригородов Ленинграда. А кроме этого, еще собирали все, что может пригодиться для нашего музея в Пушкине. Там же все было разбито. Ну вот, мы с сержантом-регулирующим отобрали витрины и стали их упаковывать в ящики, которые сколотили солдаты, досок-то повсюду было много. Это было в рыцарском зале, который назывался «Маршальский ремтер».

— Как?

— «Маршальский ремтер». Так называли в Средние века зал для трапез. В общем, рыцарская столовая. Так вот, уложив несколько ящиков один на другой около стены, мы решили передохнуть. Сержант закурил трофейные сигареты. Я только подумал: «Вот как хорошо пахнут эти сигареты», — как вдруг раздался страшный грохот. Стало темно. Пыль жуткая поднялась. Мы прижались к стене. Смотрим, а сводчатый потолок весь рухнул вниз. Стены стоят голые, из них торчат металлические балки...

— А что же произошло, Анатолий Михайлович?

— Слушайте дальше. Сверху как стали падать кирпичи и сыпаться песок! Все наши ящики с витринами были буквально раздавлены обрушившимися сводами. Если бы мы на несколько секунд дольше задержались в том месте, куда рухнули обломки, то...

— ...убило бы вас!

— Да, не разговаривать бы нам сейчас.

— А где это было, в каком месте?

— Да вот рядом с тем местом, где мы сегодня работали. Только в северном крыле. Ну там, где был «Блютгерихт», знаете...

— Знаем, конечно! Мы там лазили еще в прошлом году весной. Тоже чуть не провалились...

— Вот видите! Я же говорю, впустую рисковать никогда не надо. И жалеть, если чего не успел...

Так в разговорах и завершился этот день — двадцать третье июля 1969 года, день, который, казалось, зародил новые надежды в поиске утраченных в годе войны сокровищ. Но, как это ни странно, ни на следующий день, ни позже в те июльские дни экспедиция так и не вернулась к подземному ходу в юго-восточном крыле Королевского замка. То долго не могли «достать» экскаватор, то не было саперов, которых забрали куда-то на тушение лесного пожара под Черняховском, то вдруг появлялся новый, более «перспективный» объект. Работали где угодно — на месте бывшего Рейхсбанка, имения Эриха Коха в Гросс-Фридрихсберге, в замке Нойхаузен, расположенном в Гурьевске, — только не у здания Унфрида, из которого шел тот самый туннель. Как будто кто-то свыше не хотел продолжения поисков именно в этом месте.

Однако мне известно, что после того, как мы с Виктором уволились из экспедиции и распрощались с Калининградом, работы были продолжены. Они не только не поставили под сомнение целесообразность ведения дальнейшего поиска подземного хода, начинающегося в этой части Королевского замка, но и дали новую пищу для размышлений. Об этом свидетельствуют хотя бы скупые строчки экспедиционного отчета за тот год.

Из Отчета о работе Калининградской геолого-археологической экспедиции за 1969 год

«...За стенами замка частично проверены северная часть и юго-восточный угол. В юго-восточном углу вскрыт заваленный подземный ход, идущий в сторону реки Преголя из подвалов замка. У самой стены замка обнаружено два колодца (кирпичные) с водопроводными трубами и вентилями. Рядом подземный кирпичный ход из замка, этот ход сразу же (через 1 метр от стены) обрывается.

В 5 метрах от замка в сторону р. Преголя имелась

двухметровой толщины стена, идущая с востока на запад. Внутри стены, после того, как ее разрушили, обнаружен кирпичный колодец с металлическим кожухом и трубой. После снятия кожуха выступила вода. Рядом был колодец, закрытый деревянной крышкой, наполненный водой. После слива воды обнаружены стены деревянного входа, идущего как в сторону Преголи, так и к замку. Вход полностью засыпан землей. Требуется дополнительное его исследование...»

Только много позже, в последующие годы у экспедиции дошли руки до этого, одного из самых перспективных объектов, но, как ни пытались с помощью раскопок обнаружить продолжение подземного хода, это не удалось. Удивительно, но поиски на замковой террасе с внешней стороны стены здания Унфрида ничего не дали. Сразу по горячим следам в этом месте были даже проведены геофизические исследования, которые вроде бы тоже косвенно свидетельствовали о том, что подземный ход все-таки есть.

Из Отчета о результатах опытно-методических геофизических работ в Калининграде и его окрестностях, проведенных в 1969 году. Калуга, 1970 год

«...Электроразведочные работы на площади 0,4 га проведены в незначительном объеме в связи с неблагоприятными поверхностными условиями...

Методом срединного градиента проведены наблюдения вдоль южной стенки (южная сторона) с внешней стороны замка. Величина разностей $\Delta V = 75$ м... шаг наблюдения = 2 м. Точность наблюдения = 2,9 %...

По измерениям вдоль южной стены Королевского замка на ПР 0 и XII практический интерес могут представлять точки минимумов и максимумов рк. На ПР 0, ПК 63 проведены раскопки в зоне повышенных значений, где был вскрыт подземный ход, ведущий к бассейну фонтана...

В отвалах раскопок на этих местах обнаружены обломки железа, железных труб канализации. На профилях с южной стороны замка характер графиков несколько сложнее... Интерес представляет лишь минимум до 2000 гамм на ПК 15–20. Наружным осмотром этого места природа его не установлена. По расчетам, аномальный объект имеет здесь глубину центра около

4–8 м, намагниченность его довольно высокая... Возможно, что это какой-то железобетонный объект средних размеров. На профиле, расположенном дальше от стены, вдоль края дороги, график ΔZ пилообразной формы... Необходимо отметить на профиле XIII два максимума ΔZ на ПК 10 и 37, глубина аномальных объектов на которых, видимо, больше, чем на остальных участках профиля (до 10–20 м)...»

Если перевести эту абракадабру на русский язык, то станет ясно, что геофизики все-таки нащупали подземное сооружение, расположенное на большой глубине и имеющее зигзагообразную форму. Но, как я уже сказал, сколько ни пытались разгребать обломки и копать на месте террасы с внешней стороны южного крыла Королевского замка тем летом, все было тщетным.

Правда, делалось все не так, как, казалось бы, нужно делать. Вся работа экспедиции на объекте «Бывший Королевский замок» сводилась к каким-то хаотическим, случайным действиям. То копаем здесь потому, что кто-то сказал, что здесь спрятаны ценности, то копаем там потому, что какой-то поляк или немец якобы видел, как там закапывали ящики с ценностями. И так далее. Ни замысла, ни толковой методики, ни предметного глубокого знания архитектурно-строительной планировки замка — расположения и размеров несущих опор, пролетов, плана подвальных этажей... Обидно!

И в последующие годы работы на территории замка ничего не дали, о чем свидетельствуют строки документа, которым была подведена черта под судьбой дальнейших поисков.

Из Отчета по объекту «БЫВШИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ЗАМОК» (по сводному списку № 1). Калининград, 1982 год

«...Входе работ в южном крыле замка вскрыты подвалы (раскопы № 7–10, 23), которые оказались пустыми, и только в подвале № 10 обнаружены археологические предметы: монеты, фибулы... костяные изделия, каменные зернотерки и т. д.

...В 1970 г. работы по проверке замка продолжались. Было пробурено 12 скважин... экскаватором сделано 19 раскопов... вынута 19 038 кв. м грунта.

Средняя глубина раскопов составила: в северном и восточном крыле замка — 5 м, в южном — 6 м...

В 1973–1978 гг. территорию бывшего Королевского замка

начали готовить под центральную площадь, а рядом возводить здание Дома Советов: планировалась местность, прокладывалась дренажная система, рылись траншеи под водопровод и канализацию, укладывалось бетонное покрытие, строились фонтаны, подпорные стены, подъездные пути и т. д. Поэтому за проводимыми здесь изыскательскими и инженерными работами было установлено систематическое наблюдение сотрудников экспедиции...

Выводы:

...3. Установить однозначно о вывозе Янтарной комнаты из замка или захоронении в его подвалах нельзя, т. к. достоверными документами об этом экспедиция не располагала и не располагает, а те заявления, которые были сделаны иностранными гражданами, не подтвердились производственными работами в 1968–1978 гг. и ранее...

...6. Сейчас на территории бывшего Королевского замка сооружена новая Центральная площадь Калининграда, и поиски музейных ценностей там вести нельзя, да и все имеющиеся до сего времени заявления проверены.

В связи с вышеизложенным, а также на основании проведенных исследовательских и поисково-производственных работ считаем необходимым объект „Бывший королевский замок“ передать в Комиссию на закрытие».

Так-то! «Установить однозначно нельзя»! А все ли было сделано для того, чтобы «установить», хотя бы неоднозначно? Что было сделано для того, чтобы подтвердить или опровергнуть наличие подземного туннеля, выходящего из юго-восточной части Королевского замка и пересекающего весь старинный кёнигсбергский район Альтштадт до самой реки? Ведь все же говорило за это: и свидетельства очевидцев, и данные геофизических исследований, и, наконец, тот самый реальный подземный ход, в обследовании которого довелось участвовать нам с Витей в далеком уже теперь 1969 году.

Даже самоотверженность Елены Евгеньевны Стороженко, ставшей начальником экспедиции после Поповой, не позволила сдвинуть поиски с мертвой точки. А вскоре экспедицию прикрыл, и теперь уже мало кто помнит о том, что происходило на месте руин Королевского замка в самом центре Калининграда. Во время наших дружеских встреч в середине восьмидесятых Елена Евгеньевна не раз с горечью вспоминала о том, что

Королевский замок так и остался неразгаданной загадкой для поисковиков, а подземный туннель в юго-восточной его части, ведущий под старинные фундаменты Альтштадта, — одним из самых вероятных мест укрытия ценностей, может быть, даже Янтарной комнаты.

С тех пор на месте бывшего Королевского замка никаких поисковых работ больше не проводилось. Площадь у подножия гигантского недостроенного исполина Дома Советов так и не стала общественным центром города. Плиты пообвалились, ступени на лестнице, спускающейся с террасы, раскрошились, обнажая ржавую арматуру, фонтаны засорились. Северную часть площади, там, где когда-то возвышалось самое древнее северное крыло Королевского замка с располагавшимся в его подземных казематах винным ресторанчиком «Блютгерихт», занимают теперь торговые павильоны. И только вскрытые и очищенные от обломков подвалы западного крыла Королевского замка представлены на всеобщее обозрение как экскурсионный объект — экспозиция под открытым небом.

Глава 10

По следам «Вервольфа»

«Странные люди — эти русские, — думал немолодой седой господин, стоя около парапета, сложенного из серого камня. — Они разрушают прекрасное и на его месте строят убогое. Хотя понятно. При этом они всего лишь претворяют в жизнь лозунг французской революции: „Мир хижинам — война дворцам!“»

От каменного парапета, отгораживающего террасу с площадью от расположенной гораздо ниже проезжей части Московского проспекта, открывался прекрасный вид на реку, два рукава которой образовали зеленый остров с величественным Кафедральным собором. Отсюда, от подножия каменного чудовища, возвышающегося уже около двух десятилетий над центром Калининграда и являющегося памятником безвозвратно ушедшей эпохи, были видны шпиль готической кирхи — нынешнего Органного зала, светло-голубое здание Биржи, похожий на ангар дворец спорта «Юность», однообразные серые дома широкого проспекта, пересекающего центр города с востока на запад.

Подчеркнуто аккуратный костюм светло-серого цвета, темные очки с радужным отливом, визитка из желто-коричневой кожи и, наконец, миниатюрная видеокамера в замшевом чехле — все это выдавало в стоящем у парапета господине иностранца. Город регулярно навещали экскурсионные автобусы из Германии, представительства зарубежных фирм и совместные предприятия с участием иностранного капитала росли, как грибы после дождя. Немецкая речь на улицах Калининграда спустя полсотни лет после войны стала привычным явлением. Поэтому импозантный иностранец, прогуливающийся среди клумб и обезвоженных фонтанов Центральной площади, не обращал на себя особого внимания.

Прибывший из Бонна сотрудник одного из рефератов^[200] Отдела «Vt» Министерства внутренних дел Германии Бруно Майнерт уже третий день находился в Калининграде. Он приехал в этот город на Балтийском море для того, чтобы на месте решить ряд организационных вопросов, связанных с финансированием программ и расширением деятельности «Дома гуманитарного взаимодействия», созданного не так давно на деньги германского МВД. В планах предусматривалось формирование целой сети филиалов этой организации по всей территории Калининградской области,

создание пунктов по изучению немецкого языка, проведение массы совместных культурных мероприятий — концертов, выставок, вернисажей, презентаций.

Для калининградского политического бомонда и видных предпринимателей всех мастей «Дом гуманитарного взаимодействия» стал местом деловых встреч, своего рода тусовок, точкой завязывания контактов и выяснения взаимных интересов.

В далекое прошлое ушли времена, когда область жила изолированной от внешнего мира жизнью, когда Калининград был «городом, закрытым для посещения иностранцами», а редкое появление на его улицах представителя иностранной державы, даже если речь шла о дружественной нам Польше, расценивалось чуть ли не как чрезвычайное происшествие.

Советник Майнерт уже два часа бродил по городу. За последние три дня это была первая возможность после многочасовых переговоров и обсуждений самостоятельно погулять по Калининграду. Ему не нужен был гид, он и так неплохо заочно знал город, а приличное владение русским языком придавало ему уверенность в том, что сумеет найти дорогу, даже если заблудится. Тем более что теперь не только у каждого прибывающего в Калининград немца, но и у многих русских на руках были неплохие туристические карты и красочные схемы — еще один признак канувшей в Лету закрытости области.

«А тот „фольксваген“ все-таки по мою душу», — отметил про себя Майнерт, мельком взглянув на припаркованный около гостиницы «Калининград» автомобиль бежевого цвета. Он уже видел его, когда выходил из машины возле двух бронзовых быков, сцепившихся в смертельной схватке, и около магазина «Антиквариат» на проспекте Мира, куда он заглянул из любопытства. Наметанный взгляд искушенного человека не мог не выявить признаков наружного наблюдения, тем более что представитель германского МВД в действительности был кадровым разведчиком — сотрудником Федеральной разведывательной службы Германии, известной под аббревиатурой БНД^[201].

Из книги А. Елизарова «Контрразведка. ФСБ против ведущих разведок мира». Москва, 1999 год

«Федеральная разведывательная служба Германии (БНД) как самостоятельное ведомство создана в 1955 году на базе так называемой организации генерала Гелена. В системе государственных органов ФРГ БНД является подразделением, подчиняющимся ведомству федерального канцлера. По

количеству служащих БНД — самое крупное федеральное учреждение Германии.

Штатный состав составляет более 7000 человек, из них около 2000 человек заняты непосредственно сбором разведанных за рубежом. Среди сотрудников представители примерно 70 профессий: военнослужащие, юристы, историки, инженеры и технические специалисты. Штаб-квартира БНД располагается в Пуллахе под Мюнхеном. Здесь трудятся руководство спецслужбы и более 3000 сотрудников центрального аппарата».

Калининградская область, наспигованная войсками и предприятиями военно-промышленного комплекса, всегда была объектом повышенного интереса зарубежных разведок. Но с начала девяностых, когда спали ограничения на въезд в нее иностранных граждан, сюда буквально устремились разведчики всех мастей. Действовали они на первых порах робко, ожидая ударов со стороны российской контрразведки, но постепенно стали наглеть. Их главный противник — КГБ — был втянут в перманентные реорганизации, ослаблявшие и так потрясенную распадом страны эту некогда могущественную спецслужбу. Именно тогда на одном из секретных координационных совещаний представителей натовских разведок был провозглашен курс на активизацию легальной разведки. «Мы не должны упустить время, пока российские демократы разбираются с чекистами», — этим лозунгом была буквально пропитана международная встреча шпионских организаций. И они не теряли времени.

В Калининградскую область под видом коммерсантов, частных лиц, приезжающих по линии «ностальгического туризма», журналистов, представителей миграционных служб, различных неправительственных комиссий и фондов стали наведываться сотрудники американской, германской, британской, французской и других разведок, создавая заметные трудности для российских контрразведчиков, еще не привыкших к столь мощному наплыву шпионов.

Бруно Майнерт облокотился на парапет и снова посмотрел на открывающуюся перед ним картину города. Когда-то это был центр Кёнигсберга: четырех- и пятиэтажные дома с остrokонечными фронтонами стояли впритирку друг к другу, узкие улочки, крохотные площади с фонтанами и скульптурами, миниатюрные трамвайчики, с перезвоном снующие туда-сюда, — все это сменила буйная зелень, поднявшаяся на месте снесенных развалин, куч щебня и мусора. И только отдельные

штрихи в этой картине напоминали о том, исчезнувшем с лица земли городе, который некогда назывался Кёнигсбергом, — возвышающаяся над островом громада Кафедрального собора с остроконечным куполом да проглядывающие сквозь зелень очертания старой Торговой биржи.

Майнерту на вид было чуть больше пятидесяти. В его осанке, движениях, в самой внешности угадывались уверенность и довольство собой. По нему было видно, что он считает себя человеком, достигшим достаточно высокого уровня в служебной карьере, добившимся в жизни многого и теперь имеющим полное право на уважение окружающих.

Действительно, карьера Майнерта была блестящей. Окончив в конце шестидесятых годов с отличием Марбургский университет, он некоторое время занимался научной работой в Исследовательском совете имени Иоганна Готфрида Гердера — одном из центров западногерманского «остфоршунга»^[202]. Именно там Майнерта, по-видимому, заметили сотрудники разведки и после глубокого изучения предложили ему поступить на службу в БНД. При этом сотрудник, первый раз беседовавший с Майнертом на эту тему, стараясь польстить перспективному кандидату, сказал:

— Каждая разведывательная служба хороша настолько, насколько хороши ее сотрудники. У вас есть шанс стать сотрудником одной из самых мощных разведок мира. БНД имеет глубокие традиции и опыт. Подумайте и соглашайтесь!

И Бруно Майнерт согласился. Однако некоторое время его не покидало разочарование: рутинная учеба в одном из центров подготовки, стажировка в дуйсбургском отделении Немецкого общества по изучению Восточной Европы — все это напоминало ему больше студенческие семинары и коллоквиумы, нежели подготовку к осуществлению разведывательных операций в духе адмирала Канариса^[203]. Очень скоро Майнерт был переведен в категорию неофициальных сотрудников и с тех пор не имел никаких видимых связей с БНД. Он работал в аппарате «Союза изгнанных»^[204], в Федеральном институте восточногерманской культуры и истории в Ольденбурге, выполняя наряду с функциональными обязанностями разведывательные задания, которые регулярно получал от резидентуры БНД, замаскированной под один из многочисленных гуманитарных фондов.

Из книги Юлиуса Мадера «Тайное становится явным. Секретные службы ФРГ и их подрывная деятельность против социалистических стран». Москва

«...в большей или меньшей степени БНД использует в качестве вспомогательных органов следующие учреждения: 99 разных учреждений по „изучению Востока“; реваншистские организации, входящие в западногерманский „Союз изгнанных“; Германско-украинское общество Гердера; Институт зарубежных связей... Общество германской культуры за границей... все 250 учреждений и обществ, занимающихся в Западной Германии вопросами развивающихся стран...»

И вот теперь уже около пяти лет он работал в аппарате Министерства внутренних дел Германии, занимаясь вопросами «оказания помощи немцам в государствах СНГ, Грузии и Балтии». Поездки на территорию бывшего СССР, в основном, туда, где проживают «русские немцы», всякие встречи, обсуждения, совещания, участие в конференциях — все это превратилось в мелькающую карусель в жизни Бруно Майнерта, который, едва успев проститься с дочерью и внуками, вдруг срочно летел в Екатеринбург или Вильнюс, Новосибирск или Тбилиси. Круговерть контактов и широкие возможности общения с разными людьми, в том числе очень информированными, позволяли советнику Майнерту не только эффективно решать задачи по линии МВД, но и готовить весьма содержательные отчеты для своего руководства в германской разведке.

Обычно Бруно Майнерт, возвращаясь из очередной командировки, надолго закрывался в рабочем кабинете и с ходу набирал на своем ноутбуке текст отчета для разведки. Затворничество советника не казалось его коллегам по реферату предосудительным — все знали его как педантичного и очень аккуратного работника, в правило которого входит обязательное составление докладной записки для «уполномоченного по новым странам» статс-секретаря Приллвица. Таким образом, Майнерт убивал сразу двух зайцев — отчитывался перед БНД о добытой информации и параллельно с этим готовил предложения для руководства МВД.

Странно, но, несмотря на то что Калининградская область уже продолжительное время была открытой для посещения иностранцами, Бруно Майнерт впервые приехал на эту бывшую немецкую землю. Собственно говоря, ему и раньше хотелось побывать в Кёнигсберге, своими собственными глазами посмотреть на то, что осталось от бывшей прусской столицы, но дела каждый раз проносили его мимо этого российского анклава. Его коллеги из реферата уже по несколько раз побывали в Калининграде, делясь впечатлениями о том, что увидели. Как правило, они приезжали с глубоким разочарованием, рассказывали, что не

узрели ничего немецкого в чертах Калининграда, что город выглядит серым и грязным, совсем не таким, каким они его представляли. «Собор, Биржа и несколько кирх — вот все, в чем можно узнать старый Кёнигсберг», — это было расхожим мнением большинства сотрудников, возвращавшихся из Калининграда.

Советник прошел было вдоль парапета в сторону возвышающейся недостроенной громадины Дома Советов, потом остановился, как бы в раздумье, повернул в обратную сторону, спустился по ступеням с террасы, стены которой были сложены из серой плитки, частично уже отвалившейся и обнажившей грубую бетонную основу. От некогда располагавшейся здесь парадной лестницы рядом с памятником кайзеру Вильгельму у подножия Королевского замка не осталось и следа. Немец достал из чехла миниатюрную видеокамеру и, плавно поведя ею, снял панораму, открывающуюся с этого места. Боковым зрением Майнерт заметил неприметную фигуру, маячащую у края парапета, и про себя отметил: «Сопровождают!»

Мимо, обдав Майнерта выхлопными газами, проехал большой автобус, затем грузовик с пустыми газовыми баллонами, позвякивающими от ударов друг о друга. Немец, улучив момент, когда рядом не оказалось машин, быстро миновал проезжую часть вдоль стены террасы и ступил на газон с запыленной травой. Повсюду валялись ржавые консервные банки, целые и битые бутылки, рваные автомобильные покрышки, всякий мусор.

«И это в самом центре города! — подумал Майнерт и брезгливо передернул плечами. — Это должно быть где-то здесь, может, только чуть дальше, там, у забора. — Его взгляд скользил по заросшим бурьяном кучам земли и щебня. — Да, определенно, это должно быть где-то здесь, только глубоко под землей».

Советник Майнерт обогнул мертвую стройку, попробовал пересечь изрытую площадку напрямик, но, споткнувшись, чуть было не свалился в глубокую яму, заполненную водой. Повсюду были видны остатки строительных работ — здесь пытались, по-видимому, возводить не то систему фонтанов, не то галерею водных каскадов да и бросили, не завершив стройки.

«Наверное, русским покажется подозрительным, с чего это вдруг высокопоставленный сотрудник германского Министерства внутренних дел лазает по грязи. Впрочем, здесь, в Калининграде почти все приезжие немцы пытаются что-то увидеть такое, что русским совершенно не понятно. Ностальгия!» — так размышлял Майнерт, продвигаясь вдоль канавы в сторону высоких серых жилых домов, находящихся поблизости.

По широкой лестнице он поднялся прямо к дверям книжного магазина, располагающегося в нижнем этаже дома. «Вот за этим я и шел сюда», — с удовлетворением подумал разведчик и вошел в магазин.

Через пять минут, держа увесистую полиэтиленовую сумку с книгами, Бруно Майнерт направился в сторону гостиницы «Калининград», у которой его ждала машина, предоставленная ему «Домом гуманитарного взаимодействия». В сумке лежали четыре одинаковых альбома с изображением заснеженного Кафедрального собора, монография по истории Восточной Пруссии в суперобложке с витиеватыми прусскими гербами, несколько книг по экономике и с десятков наборов открыток с видами Калининграда. Бежевый «фольксваген» по-прежнему стоял, припаркованный неподалеку от машины советника. Его водитель, неряшливо одетый молодой парень, о чем-то беседовал со стоящим рядом мужчиной в светлом летнем костюме.

— Клаус, в Деловой центр, — буркнул Майнерт, садясь на заднее сиденье «опеля». — Пообедай и заезжай за мной... — Он посмотрел на часы. — В три.

— Слушаюсь, господин советник, — с готовностью ответил водитель, уже третий день старающийся любым способом обратить внимание высокого гостя своей учтивостью.

Машина за считанные минуты достигла площади. Водитель лихо развернулся перед входом в Деловой центр, некогда называвшийся Межрейсовым домом моряков. Здесь размещались конторы различных фирм и организаций, в том числе представительство «Германской экономической ассоциации», с представителями которой Бруно Майнерт уже второй день вел переговоры о создании специального Бюро по оказанию помощи российским немцам, прибывающим на постоянное жительство в область. Это бюро должно было стать, по замыслу руководителей МВД, мощнейшим организационным рычагом германского проникновения на калининградскую землю, особенно в сельские районы области, где уже ощущался значительный приток немцев-переселенцев из центральных районов России и Казахстана. При этом намечалось прежде всего использовать убыточные хозяйства, планируемые местными властями к расформированию, а также максимально увеличить площади земельных угодий, берущихся в аренду. «Дранг нах Остен»^[205] конца девяностых годов двадцатого века, да и только!

Из книги А. В. Золова «Калининград, Россия». Калининград, 1996 год

«...По линии же МВД идет стимулирование переселения российских немцев в область. Постоянно усиливается экономическое присутствие Германии в Калининградском регионе. В настоящее время на долю немецких фирм приходится почти половина всех иностранных инвестиций... В печати прозвучало даже сообщение, что в ФРГ разработана стратегия входа в Калининградский регион через сеть совместных предприятий. В ФРГ поощряется также возрождение в области прежнего „этнокультурного ландшафта“, идет финансирование проектов реставрации памятников архитектуры германского прошлого...»

Здесь, в просторном кабинете заместителя руководителя ассоциации советник Майнерт мог чувствовать себя достаточно уверенно и спокойно. По договоренности между его начальством из Бонна и президентом ассоциации, находящимся в Москве, на все время пребывания Майнерта в Калининграде в его распоряжение были предоставлены кабинет и автомобиль с водителем. А во время последней встречи со своими коллегами из БНД Майнерта уверили в том, что он будет обеспечен вполне надежными условиями для работы с документами и проведения конфиденциальных разговоров.

— Мы проверили, Бруно. Там все чисто. Можешь не бояться КГБ. Наши ребята из Технического управления несколько раз обследовали там все вдоль и поперек, — напутствовал его один из сотрудников резидентуры.

Бруно Майнерт открыл дверь своим ключом, бросил в кресло сумку с купленными книгами и аккуратно положил видеокамеру, чуть приподнял жалюзи на окнах, включил кондиционер. В кабинете сразу появилась приятная свежесть. После пыльной улицы и прогулки по изрытой траншеями земле Майнерт испытал истинное блаженство.

Он открыл бутылку минеральной воды, большими глотками осушил высокий стакан из толстого стекла и сел за письменный стол. Кабинет был аскетически прост — кроме стола, двух кресел и стеллажей с папками и книгами вдоль одной из стен, в нем ничего не было. Впрочем, на стене висели миниатюрное изображение трех городских гербов Кёнигсберга в золотистой рамке да большая карта Калининградской области с прилегающими к ней районами Польши и Литвы.

Советник открыл дверцу на правой тумбе письменного стола, достал замысловатый ключ на цепочке и на ощупь отпер вмонтированный в стол

сейф. Потом достал небольшую папку, раскрыл зажим и стал просматривать документы. Собственно говоря, он уже досконально знал содержание многих из них, но, готовясь к предстоящему завтра окончательному разговору с представителем администрации области, решил освежить в памяти программные установки, связанные с расширением и упрочением германского влияния.

«...создать предпосылки для движения германских капиталов в регион посредством торгово-промышленных фирм, владельцами которых являются российские немцы... — еще раз перечитывал текст Бруно Майнерт. — Активно стимулировать миграцию этнических немцев из стран СНГ в Калининградскую область, создавать необходимые финансовые условия для адаптации российских немцев и тем самым обеспечить рекультивацию отторгнутых от Германии восточных земель...»

Майнерт, уже не один десяток лет занимающийся проблемами взаимоотношений Германии со странами Восточной Европы, прекрасно представлял, что стоит за формулой «рекультивация восточных земель». Для его страны, уже в течение десяти лет «переваривающей» экономическое и политическое наследие бывшей ГДР, практически невозможно было ставить вопрос о возврате территорий, отошедших в результате Потсдамских соглашений к Советскому Союзу и Польше. Это было бы безумием, потому что германская экономика и так с громадным трудом осваивала восточногерманские земли. Уровень жизни восточных немцев был на порядок ниже, чем по всей Германии, там господствовала безработица, правил бал криминал, из недр помраченного сознания потерявших всяческие нравственные и политические ориентиры людей стали проявляться самые низменные инстинкты. На улицах городов бывшей ГДР стали появляться наследники гитлеровских штурмовиков, всякие правоэкстремистские группы молодежи, ратующие за изгнание и истребление «гастарбайтеров»^[206] — турок, итальянцев, югославов, вьетнамцев, русских и украинцев.

— Дойдет время и до Восточной Пруссии, дорогой Майнерт, — сказал как-то ему один очень высокопоставленный чиновник в ведомстве федерального канцлера. — Но сейчас не время. Русский медведь, хотя уже лежит на боку и у него нет сил подняться, еще очень опасен. Раненый зверь, вы же знаете, Майнерт... Наступит час — и наши внуки будут наслаждаться прекрасными волнами у Янтарного берега, бродить по дюнам Курише Нерунг^[207], путешествовать по озерам Мазурии^[208], восхищаться немецкими замками и дворцами. Мы восстановим старый Кёнигсберг

таким, каким он был до войны, мы вернем городу его первоначальный облик и снесем бараки, которые построили русские... Сейчас главная задача — экономическое и, если хотите, духовное проникновение на бывшие германские территории. Когда Россия распадется на мелкие княжества, к тому времени мы уже окончательно «переварим» ГДР, настанет черед Кёнигсберга...

Бруно Майнерт был полностью согласен с мнением высокопоставленного чиновника. Его собственный жизненный опыт и знания тоже говорили о том, что в настоящее время немецкая инфильтрация в Калининградскую область должна состоять пока только в создании надлежащих условий для дальнейшего возврата восточных земель в лоно великой Германской империи. «Русские сами нарушили мировой порядок и поставили под сомнение незыблемость послевоенных границ. Неужели они так глупы, что не понимают, чем все это закончится?» — размышлял советник.

В течение трех дней, которые он находился в Калининграде, Майнерта буквально потрясло то, что многие из его русских собеседников, будь то видные предприниматели или чиновники администрации, цинично предлагали примитивную сделку — обещали поддержку его предложений по распространению германского влияния на немецких переселенцев с «большой земли» в обмен на содействие в реализации их личных интересов.

Один бизнесмен, с которым они уединились в узкой келье одного из залов кафе «12 стульев», расположенного в Доме актера на углу улицы Кутузова и проспекта Мира, открыто предложил сотрудничество — мол, господин Майнерт, я готов оказать содействие вашим людям из Германии в вопросах приобретения крупной недвижимости в Калининграде, а вы уж пролоббируйте мои интересы в одном из немецких банков. При этом собеседник перешел на шепот, и Майнерт с трудом разбирал его слова о том, что для этого потребуется дать приличную взятку какому-то чиновнику. Немец тогда усмехнулся и, демонстративно оглядев тесное помещение, более похожее на тюремный карцер, чем на зал ресторана, с усмешкой спросил:

— А вы не боитесь, что окажетесь в аналогичном кабинете, но только далеко отсюда?

— Нет, господин Майнерт, нисколько не боюсь! Сейчас у нас купить или продать можно практически все, любого человека, любую услугу, любое решение...

— Все?

— Абсолютно!

— Извините меня, — в задумчивости проговорил Бруно Майнерт, — а совесть, а честь, а Родину, наконец, тоже можно купить и продать?

Собеседник Майнерта с недоверием посмотрел на немца, как бы не понимая, всерьез он говорит или шутит.

— О чем вы, господин Майнерт? Какая Родина! Эти совковые развалины? Это быдло, которое за барахло и жрачку готово перегрызть горло друг другу?

Чем больше Майнерт слушал этого русского, тем больше в душе удивлялся. «А я считал, что неплохо знаю Россию. Мне казалось, что все русские — идеалисты и немного фанатики. Как Толстой, Достоевский, Чехов. А оказывается, есть и такие! В этой стране все возможно».

Вчера Майнерт встречался в «Валенсии» с одним сотрудником областной администрации, солидным тучным человеком, самодовольно поглядывающим на окружающих. Хотя от его рабочего кабинета до здания мэрии, в котором располагается ресторан, было рукой подать, он важно прибыл на машине, остановившись рядом с «опелем», на котором приехал Майнерт. Просидев около двух часов за графином агуардиенте — национальной испанской водки — и отведав косидо^[209] в глиняных горшочках, они обстоятельно обсудили проблему размещения Бюро по оказанию помощи российским немцам, прибывающим на постоянное жительство в Калининградскую область. К явному удовлетворению Майнерта, российский чиновник с готовностью откликнулся на немецкие предложения, обещал всячески помогать в этом, как он выразился, «благородном деле» и даже пообещал переговорить с губернатором, человеком своенравным, но не чуждым компромиссов.

— Я смогу убедить его в том, что создание вашего бюро в наших собственных интересах, в интересах развития области, — заверял Майнерта новоявленный вельможа, тщательно выгребая из горшочка куски мяса и картофеля.

Советник даже подумал, нет ли какого подвоха в столь быстром согласии русского с предложениями МВД Германии. Никаких вопросов и сомнений, как будто ему было все ясно с самого начала и он не замечает очевидного, по крайней мере того, что в результате предлагаемых мер Германия получит еще большие рычаги воздействия на социально-экономическую обстановку в приграничной области. Все объяснилось очень скоро, как только Майнерт расплатился с официантом по счету и они пошли к выходу из ресторана. Русский вдруг остановился и, взяв Майнерта под руку, как лучшего своего друга, проговорил:

— Господин Майнерт, а вы не смогли бы помочь направить на учебу моего сына в Германию? Знаете, здесь учиться практически негде, а отсылать моего оболтуса в Москву или Питер не хочется...

— Как — негде учиться? А университет? А технический университет? Или Школа международного бизнеса, например?

— Ну что вы, господин Майнерт! Разве можно это сравнить с обучением в Германии? Европа!

— Россия — тоже Европа, а Калининградская область уж подавно!

— Ошибаетесь, господин Майнерт! Мы — не Европа и не Азия! Мы — Азеопа! И Европой будем еще не скоро!

— Хорошо, я подумаю, может быть, чем-то мы и сможем вам помочь. — Майнерт с вежливой улыбкой посмотрел на русского. — Но я, в свою очередь, тоже рассчитываю на вашу помощь. Ведь друзья... Мы с вами, немцы и русские, еще со времен вашего царя Петра и нашего Фридриха — друзья, не так ли? А друзья должны помогать друг другу.

— Обещаю вам. И буду вам очень благодарен.

На том они и расстались. Сотрудник администрации быстро укатил на своем авто куда-то в сторону Ленинского проспекта, а Майнерт поехал на очередную встречу в «Дом гуманитарного взаимодействия». От этой беседы у него осталось такое же чувство, которое он испытал накануне в результате разговора с уже упомянутым бизнесменом. «По сути дела, и тот и другой торгуют интересами своей Родины, — подумал Майнерт. — Конечно, в России далеко не все такие, но мне требуется общение именно с такими людьми. Ведь только они, люди без принципов и национального достоинства, помогут мне в решении задач, поставленных руководством».

Думая так, советник Майнерт и сам не знал, какое руководство он имеет в виду — то ли статс-секретаря Приллвица в МВД, то ли резидента БНД в Кёльне. По сути дела, и та и другая организации решали единую задачу — упрочение германских позиций в Калининградской области с последующим «мирным восстановлением границ Германии в довоенных границах». Недаром один известный немецкий банкир, пытающийся взять под свой контроль все мало-мальски серьезные немецкие экономические проекты в Калининградской области, сказал:

— Сейчас надо подготовить плацдарм для наступления, а час немцев еще впереди.

Советник Майнерт бросил просматривать документы, сложил их в тоненькую стопку, аккуратно закрепил их зажимом в папке. На столе остался лежать только конверт из черной бумаги, которые обычно используют для хранения фотографий. Он вынул из конверта миниатюрную

флэш-карту^[210] размером с визитную карточку, достал из кармана пиджака портативный мини-компьютер с красивым названием «Кассиопея», вставил в него карту и включил питание.

На бледном экране дисплея со слабой зеленоватой подсветкой появилось меню «Windows CE»^[211]. Поманипулировав с кнопками клавиатуры, Майнерт открыл нужный ему файл. Это был перечень каких-то объектов с небольшими графическими изображениями фрагментов плана города. Надписи на плане были такими мелкими, что глаз едва различал их. Разведчик, сощурившись, стал пристально вглядываться в экран, потихоньку перемещая по нему изображение.

«Так! Я осмотрел практически все точки. Осталось только побывать на объекте „W-33“. Это... — Майнерт стал внимательно всматриваться в схему на экране „Кассиопеи“. — Это в районе улицы Боткина. Да, сегодня я туда уже не успею. Хотя, может быть, вечерняя прогулка? Да! Именно вечером. Это не вызовет никаких вопросов. Правда, придется пожертвовать дружеской вечеринкой в „Дарфи-клубе“. Говорят, там прекрасная греческая кухня, даже повар сам из Греции, чуть ли не личный повар Онассисов. Бильярд, боулинг, автоматы, все такое...» — Майнерт даже поморщился от досады. За все время пребывания в Калининграде ему пока ни разу не удалось отдохнуть так, чтобы не вести каких-нибудь деловых разговоров или «снимать» интересующую информацию. И вот, казалось, выдался случай — руководитель представительства Торговой палаты Гамбурга и директор «Дома гуманитарного взаимодействия» пригласили его провести вместе вечер в клубе. Так нет же! Придется отложить. «Собственно, почему отложить? — рассуждал советник Майнерт. — Я успею сделать небольшую прогулку и подойду к „Дарфи-клубу“ чуть попозже, благо он находится недалеко, совсем рядом с „Домом гуманитарного взаимодействия“. Впрочем, надо предупредить коллег о задержке».

Майнерт снова взглянул на экран мини-компьютера. «Небольшой файл, каких-нибудь два с половиной мегабайта, а сколько ценнейшей информации он содержит! Дорого отдали бы русские за то, чтобы получить эти сведения! Особенно русская мафия!» Бруно Майнерт в задумчивости посмотрел в окно, из которого открывался вид на площадь и большое серое здание мэрии, бывшего Штадтхауса^[212], где и при немцах размещались органы городского управления. Всего две недели назад он еще не знал, что поедет в Калининград, но неожиданный вызов на конспиративную квартиру БНД в кёльнском предместье Роденкирхен внес коррективы в спланированный ритм работы советника Министерства внутренних дел.

Эту конспиративную квартиру они называли «у Паулы», по имени ее содержательницы, пожилой интеллигентной фрау, сотрудничавшей с БНД с незапамятных времен. Они так и говорили: «Встретимся у Паулы», «зайдем к Пауле». Дом находился в самом конце улицы и представлял собой одноэтажный коттедж с мансардой, подземным гаражом и небольшим садом. Считалось, что фрау Паула живет одна, близких родственников у нее нет, но время от времени к ней приезжают племянники с друзьями или еще более дальние родственники.

Однажды, это было в конце рабочей недели, Бруно Майнерт, подняв трубку телефона, услышал:

— Господин Блюменшнит, с вами говорят из агентства по недвижимости «Семь лилий»...

— Вы ошиблись, это не Блюменшнит!

— Ой, извините, пожалуйста! — сказали на том конце провода и положили трубку.

«Значит, в семь мне надо быть у Паулы», — отметил про себя Майнерт. Уже несколько лет эти условности служили для назначения конкретного времени его встречи с резидентом БНД. В самом ответе Майнерта уже содержалось согласие с предложенным временем, в противном случае он ответил бы: «Сожалею, но вы не туда попали».

Ровно в семь Майнерт был на конспиративной квартире. Там уже ждал его руководитель кёльнской резидентуры БНД господин Венцель. Вполне очевидно, что у него была другая фамилия, но Майнерт знал его уже более четырех лет как Венцеля.

— Дорогой Майнерт, рад вас видеть. — Венцель распростер руки, будто желая обнять советника. — Мы с вами не виделись уже целый месяц. А я вас хочу познакомить с одним человеком. Он приехал сюда прямо из Пуллаха^[213] для встречи с вами. Пройдемте в комнату.

Они прошли в гостиную, обставленную прекрасной испанской мебелью — с изящным журнальным столиком и тремя креслами, великолепным камином, украшенным изразцовой плиткой, напольными часами старинной работы. На стенах висели картины с изображением городских пейзажей, четыре бронзовых бра с шаровыми плафонами.

Из-за стола поднялся молодой человек спортивного телосложения, одетый в модный костюм-тройку.

— Советник Булле, — представился он Майнерту, — начальник отдела активных операций в странах СНГ.

Бруно Майнерт, разумеется, знал о существовании этого отдела, но на

протяжении всей своей службы ему не доводилось встречаться с его начальником, поскольку круг решаемых им задач всегда замыкался на конкретные оперативные вопросы.

— У меня к вам дело исключительной важности, — начал Булле с места в карьер и приглашающим жестом указал на кресло.

— А я оставлю вас. У меня еще очень много дел в офисе. — Венцель кивнул обоим и, не подавая на прощание руки, вышел из комнаты.

Советник Майнерт с интересом посмотрел на руководителя одного из самых малоизвестных широкому кругу сотрудников разведки отделов. Его явно занимал вопрос, что хочет этот Булле — содействия в организации какой-нибудь сомнительной акции на территории России или, может быть, чего-то еще другого, похлеще...

Булле прервал недоуменные размышления Майнерта:

— Господин Майнерт, я хочу попросить вас о помощи в очень деликатном вопросе. Ваше руководство в курсе только в самых общих чертах. На самом верху принято решение привлекать к этой операции ограниченный круг работников...

— Господин Булле, я работаю в разведке уже скоро двадцать пять лет, и мне не нужно разжевывать то, что является аксиомой для любого разведчика, — не скрывая своего раздражения, ответил Майнерт.

— Простите, я не хотел вас обидеть. Перехожу к делу.

Он достал из кейса папку, открыл молнию и выложил на стол какие-то документы в прозрачной «корочке».

— Месяц назад мы получили от нашего резидента в Парагвае информацию о том, что в пригороде Асунсьона^[214] на девяносто втором году жизни скончался некий господин Пешель, Мартин Пешель. Он был владельцем роскошной виллы, последние два десятка лет вел затворнический образ жизни. Никаких родственников у него не было, а все дела по уходу за стариком и домом выполняли прислуга, садовник и сестра-сиделка. Когда он умер, в наше посольство принесли толстый пакет с надписью на немецком языке: «Передать после моей смерти послу Германии в Парагвае». В пакете оказались документы кёнигсбергского СД за 1945 год, в том числе списки агентуры, оставленной в Восточной Пруссии на длительное оседание, и полный список объектов боевой организации «Вервольф», которая действовала в тылу русских войск. Среди этих материалов оказался очень любопытный документ. Вот его ксерокопия.

Булле протянул Майнерту три листка, исписанных мелким каллиграфическим почерком. Тот с интересом стал рассматривать

документ.

У листов не было ни названия, ни подписи, ни регистрационных реквизитов. Только текст, написанный печатными буквами. Собственно говоря, это был перечень объектов, условное наименование которых начиналось на букву «W» с соответствующей цифрой. Против каждого из таких индексов содержалась информация о точном местонахождении объекта, например: «Дюрерштрассе, дом 33, 5 метров к югу, колодец, глубина 3 метра, ниша». После каждой такой записи в скобках указывалась форма укрытия — «контейнер», «пластмассовый футляр», «оцинкованные ящики», «прорезиненные мешки» и так далее. Но самое интересное стояло в конце каждой из таких записей. Пробегая глазами текст, Майнерт с изумлением читал: «картины итальянских мастеров — 23 штуки», «итальянская майолика и французский фарфор XVIII века — 18 сервизов», «русские иконы XV века — 148 штук», «золотые и платиновые украшения — 52 кг», «сапфиры, изумруды и рубины в россыпях — 21 кг», «нумизматическая коллекция XVI–XVII веков — 83 кг», «Серебряная библиотека герцога Альбрехта XVI века — 18 ящиков», «Янтарный кабинет XVII века — 4 больших и 23 средних ящика»...

У Бруно Майнерта даже перехватило дыхание. Одно перечисление сокровищ поражало своим многообразием и размерами. А Янтарная комната, о которой весь мир говорит вот уже более полувека!

— Но это же громадные ценности! Миллионы долларов! — воскликнул Майнерт.

— Миллиарды долларов, миллиарды, — поправил Булле. — Но дело даже не в том, что эти сокровища стоят громадных денег. Они сами по себе уникальны и поэтому бесценны!

— Да, я согласен с вами, господин Булле. Но что-то не пойму, зачем вы все это мне показываете.

— А дело в том, дорогой господин Майнерт, что все эти сокровища — достояние германского рейха...

— Третьего рейха! — поправил собеседника Майнерт.

— Не важно, третьего или какого другого. Главное — это достояние Германии!

— Но, господин Булле, я вижу, что в числе этих кладов немало вывезенных нацистами из России, Польши, стран Восточной и Западной Европы...

— О чем вы, господин Майнерт! Русские, поляки и американцы разграбили послевоенную Германию, лишив нас культурного наследия, исторической памяти, национальных раритетов! Да, Гитлер вывез с

оккупированных территорий множество ценностей, но была война и это делалось по праву сильнейшего. Все это принадлежит Германии, и наша задача, в том числе наша с вами задача... — Он сделал многозначительную паузу. — ...состоит в том, чтобы сохранить для будущих поколений немцев эти сокровища и не дать русским в период распада их страны растащить и разворовать ценности. Наши предшественники, как видим, немало потрудились, чтобы сберечь эти богатства для немецкого отечества!

— Да, но ведь есть нормы международного права...

— Господин Майнерт, не ориентируйтесь на химеры! Русские сами не готовы принять закон о реституции^[215]. И нам это на руку. Думаю, что у них при всей их вороватости сохранилось все же меньше, чем у нас. Мы, немцы, — бережливый народ. Этот документ — вам наглядный пример.

— Но я-то тут при чем? Что от меня требуется?

— Господин Майнерт, мы, конечно, уже провели предварительную работу для выяснения, какие из перечисленных в документе объектов могли сохраниться. Но сейчас требуется провести, как бы это сказать, рекогносцировку на местности непосредственно в Кёнигсберге, чтобы четко определить, где у нас есть шанс сохранить достояние нации и, возможно, в недалеком будущем извлечь ценности из укрытий. Мы много совещались, кого послать в Кёнигсберг, то есть в Калининград, и выбор наконец пал на вас.

— На меня? Почему?

— Да потому, что вас русские знают как официального сотрудника МВД, занимающегося вопросами переселения этнических немцев, вы уже примелькались в многочисленных командировках... Кстати, их было у вас тридцать восемь.

— Правда? Я не считал.

— Вы — официальный сотрудник МВД. Вас знают. От вас не ждут ничего предосудительного. По нашим данным, КГБ... ну, теперь ФСБ, вас ни в чем не подозревает. Наружное наблюдение за вами устанавливалось всего несколько раз, да и то только в позапрошлом году.

— Да, я тогда сам докладывал...

— Дело не в этом. Господин Майнерт, мы не можем доверить это задание кому попало. Вы первый раз поедете в Кёниге... Калининград. Ваш интерес к старине, к сохранившимся уголкам старого Кёнигсберга понятен. Это не вызовет у русских никакого подозрения. Собственно, все немцы вашего поколения ищут что-то в этом городе. Вы не будете исключением...

— Так что же я должен конкретно делать?

— Вашу задачу я бы сформулировал следующим образом: вы должны,

не привлекая своими действиями особого внимания, в ходе прогулок по городу или поездок на автомашине посетить все из перечисленных в документе объектов, которые мы определим.

— Да я же совсем не знаю Кёнигсберга!

— Ну и что! А зачем вам его знать? Калининград — это совсем другой город, совершенно не похожий на бывшую столицу Восточной Пруссии. Вы поедете туда по-настоящему в первый раз. Мы снабдим вас хорошим путеводителем, и вы, как интересующийся историей своей Родины человек, будете осматривать все то, что будет представлять интерес для вас. Это совершенно естественное поведение немца, приехавшего на эту землю! Здесь вы не будете отличаться ничем от остальных туристов или деловых людей. Разве что будете более любознательны, чем многие. Но это качество скорее заслуживает уважения, чем подозрения. Не так ли?

— Все так, господин Булле. Но я повторяю: я совсем не знаю Кёнигсберга. Как я буду определять, сохранился тот или иной объект или нет?

— Об этом вы не беспокойтесь. Мы снабдим вас полным перечнем объектов и схемами их местонахождения, привязанными к местности...

— Тогда мне надо будет предварительно...

— Разумеется, господин Майнерт, — нетерпеливо перебил его Булле, — вам придется вспомнить студенческие годы и немного позубрить перед экзаменом.

— Ясно. Давайте к делу.

— Хорошо. Мы инициируем вашу командировку в Калининград. МВД намеревается развернуть там целый комплекс мероприятий по упрочению нашего экономического и политического присутствия. Вы поедете с конкретной миссией — провести переговоры с местными властями, с нашими коллегами по гуманитарной линии, ну, не знаю, может быть, с какими-то русскими предпринимателями, чтобы открыть Бюро по оказанию помощи российским немцам, прибывающим на постоянное жительство в область. Не исключено, что в дальнейшем мы сможем использовать эту организацию в качестве прикрытия.

— Я так понимаю, что осмотр ваших объектов будет происходить в рамках чисто культурной программы, ну, вроде как проявление моего личного интереса к прошлому?

— Именно так, господин Майнерт. Ваш график пребывания в Калининграде будет насыщен до предела, но вы, как человек, интересующийся историей этой земли, краеведением, что ли, будете с трудом выкраивать время на прогулки по Кёнигсбергу. Возьмите камеру и

снимайте, что пожелаете. Но не увлекайтесь, а то забудете, что в первую очередь надо будет снять все-таки наши объекты! — Сказав это, Булле впервые за время разговора улыбнулся. — Может быть, кофе?

— Нет, только чай, — ответил Майнерт, всегда предпочитающий хороший крепкий индийский чай любому, даже самому дорогому кофе.

— Извините, я сейчас. — Булле вышел из комнаты, наверное, для того, чтобы попросить фрау Паулу приготовить им чаю.

Майнерт снова стал просматривать ксерокопии списка. «... бункер ПВО, 2-й ярус, вентиляционная камера, полость с гидроизоляцией за фальшстеной — фарфор, слоновая кость — 19 ящиков, книги и гравюры XVI–XVIII веков — 8 контейнеров...»

— Восхищаетесь? — Булле незаметно для Майнерта вошел в комнату. — Сейчас будет чай. Вы, наверное, думаете, господин советник, что мы собираемся использовать вас для черновой работы. Отнюдь! Предварительно мы уже навели справки, что где сохранилось в Кёнигсберге. Конечно, не сами объекты «Вервольфа», а здания и сооружения над ними. Я бы сказал, что выводы достаточно утешительные. Большинство подвалов и бункеров сохранились до наших дней. Некоторые перестроены, некоторые стали опорной конструкцией для вновь построенных зданий, часть вообще заросли бурьяном и не тронуты до сих пор.

— Вот как? Что же, русские — такие дураки, что не обнаружили ничего за столько лет?

— Нет, русские, конечно, не дураки. Но те, кто занимался укрытием ценностей, были людьми очень предусмотрительными. Они точно рассчитали все детали операции по захоронению...

— Захоронению?

— Да, именно так — захоронению. Во всех найденных документах употребляется это слово.

— Странно. Это звучит как-то безнадежно.

— Я думаю, господин советник, не так уж безнадежно, если все планы захоронения сокровищ в наших руках, — как-то даже самодовольно проговорил Булле.

— А, кстати, господин Булле, кем же был человек, который умер в Парагвае и передал нам такой бесценный пакет?

В комнату с подносом вошла фрау Паула. Собеседники на минуту прервали разговор, и только когда женщина вышла, советник Булле ответил на вопрос Майнерта:

— Да, мы установили его. Этого человека звали Рихард Зам, он в

течение многих лет занимал скромную должность консультанта в одной из парагвайских фирм, ведающих поставками химической и фармацевтической продукции из Германии. Ну... переводы там всякие... изучение и прогнозирование спроса, составление рефератов... В общем, вы понимаете.

— Немец?

— Да, конечно, он был одним из десятков тысяч немцев, эмигрировавших в Латинскую Америку после Второй мировой войны. В Парагвай он приехал из Аргентины, до этого несколько лет жил в Бразилии... Одним словом, эмигрант. Но денежки у него водились. Иначе бы он не жил в прекрасной вилле с прислугой и под присмотром врачей. Надо сказать, старик прожил очень долгую жизнь. Мы с вами, господин Майнерт, можем только позавидовать ему...

— А семья? Жена, дети у него были?

— Нет. В Парагвае он жил один. Хотя, когда мы собирали информацию о нем, то нам сообщили, что в Бразилии с ним жила женщина, немка, приехавшая из Германии. Но она вскоре умерла от какой-то болезни. Детей у Рихарда Зама не было, а все свое имущество по завещанию он передал немецкой земляческой организации «Камараденверк».

— Это, кажется, нацистская организация?

— Ну, не нацистская в прямом смысле этого слова, а скорее всего... — Булле замялся, подбирая слова. — Скорее всего, эмигрантская организация националистической направленности. Ее члены поддерживают друг друга материально, оказывают содействие в трудоустройстве, организуют туристические поездки в Европу и Америку...

— Понятно. А как он попал в Южную Америку?

— Прямо скажу, господин Майнерт, мы не знаем, как Рихард Зам попал в Америку, но знаем точно, кем он был и какую фамилию он носил в Германии.

— Кем же?

— Рихард Зам... Это его не настоящая фамилия, как не настоящей была и его предшествующая фамилия — Райман, Губерт Райман. По документам этот Райман был инженером и якобы жил на Кайзерштрассе в Кёнигсберге. Нам удалось проверить это обстоятельство и уточнить, что Губерт Райман на самом деле погиб во время бомбежки в сорок четвертом году. Мы установили, что на самом деле этого человека звали Хорстом Альвином Бёме. Он был оберфюрером СС и возглавлял всю полицию безопасности в Восточной Пруссии. Во время войны он командовал «Оперативной группой Б», действовавшей в России, занимался выявлением

русских разведчиков, подпольщиков и партизан, осуществлял акции по уничтожению «нежелательных элементов», был мастером оперативных игр и дезинформации. Под его руководством велась заброска диверсантов в тыл врага, а в сорок пятом организовывались диверсионно-боевые группы «Вервольфа» в тылу Красной Армии. Как ему удалось скрыться из Кёнигсберга во время штурма города — трудно себе представить! Да еще прихватить такие ценные документы!

— Да, видно, профессионал был высокого уровня!

— По линии нашей военной разведки в России мы пытаемся сейчас узнать что-нибудь о Бёме. Вернее, о том, что знают русские о нем. Многие русские архивы сейчас стали доступными, и мы собираемся выудить из них хоть какие-нибудь сведения о нем...

— Ну, не знаю, что здесь может получиться. Это в начале девяностых русские стали открывать и рассекречивать все подряд. Тогда даже можно было проникнуть в президентский архив... А потом они спохватились, и сейчас, кажется, все это не так просто.

— Это, собственно, не так важно. Теперь у нас в руках уникальные документы, и надо сделать все возможное, чтобы не упустить шанс...

— Когда вы считаете, мне нужно выезжать?

— На всю подготовку как по линии МВД, так и... по нашим делам у вас десять дней. Этого вполне достаточно.

— Вы так полагаете? Я сомневаюсь!

— А я уверен! Такому опытному разведчику, как вы, выполнение этого задания вполне по плечу. Надо сконцентрировать свое внимание на подготовке. Помните, как говорил Гёте? «Никто не знает, каковы его силы, пока их не испробует».

И хотя Майнерт почувствовал в словах Булле неприкрытую лесть, ему было приятно, что руководитель одного из ведущих подразделений БНД отзывается о нем в столь превосходных тонах.

— Я готов приступить к разработке операции, — серьезно проговорил Майнерт.

— Ну вот и хорошо. О деталях вам завтра расскажет наш сотрудник Кашевский. Вы же его знаете?

— Знаю. Такой невысокий, ироничный... Мы с ним в прошлом году обсуждали один вопрос, связанный с Литвой.

— Правильно, он у нас лучший специалист по Литве и, кстати говоря, по Мемельской области. Вы же там бывали?

— Не раз! Проблемы этнических немцев там стоят очень остро. Я... — Советник Булле, демонстративно посмотрев на часы, покачал головой: — Я

вынужден перед вами извиниться. Мне очень приятно с вами беседовать, но у меня назначена встреча. Боюсь, что могу попасть в пробку. Всего хорошего, господин Майнерт. Мы еще увидимся перед вашим отъездом. — Булле собрал листки в папку и убрал ее в кейс. — Я скажу фрау Пауле, чтобы она принесла вам еще чашечку чая.

— Спасибо.

Господин Булле вышел из комнаты, а Бруно Майнерт задержался в доме на четверть часа. Он пил чай с яблочным конфитюром и размышлял о предстоящем задании. Оно отличалось от десятков других, которые ему довелось выполнять за период службы в разведке, своей необычностью и, прямо скажем, некоей долей романтики. Находясь в стане противника, совершенно незаметно для него обнаружить скрытые тайники, вернее, определить, какие из них могли сохраниться нетронутыми, а какие можно считать окончательно потерянными. Золото, драгоценные камни, старинные картины, посуда из королевских сервизов, древние манускрипты, Янтарная комната, наконец!

Конечно, Майнерт неоднократно слышал о поисках этого шедевра, знал, что ищут его и русские, и немцы, и поляки. Даже американцы, кажется, предприняли несколько попыток провести раскопки в Кёнигсберге. Но все безрезультатно. Многие думали, что ее тайно вывезли и хранят где-то у себя русские. Кто-то говорил, что Янтарную комнату и другие ценности в сорок пятом пытались вывезти немцы на морском транспорте, но русская подводная лодка потопила его вместе с сокровищами. И вот теперь, всего несколько минут назад перед его глазами лежал документ, со всей достоверностью подтверждающий, что большинство ценностей рейха, находившихся в Восточной Пруссии, спрятано в подземельях и бункерах Калининграда, под самым носом у русских!

Миссия, которую предстояло выполнить Майнерту, безусловно, должна была войти в анналы германской разведки. Да что разведки! В анналы истории!

От этих мыслей у Бруно Майнерта даже порозовели щеки. Похоже, что на самом излете служебной карьеры ему выпали невероятная удача и удивительный шанс закончить службу не просто одним из тысяч рыцарей плаща и кинжала, но и стать человеком, вернувшим миру великое достояние его культуры. С этими мыслями он покинул конспиративную квартиру, ехал до дома на своем автомобиле, ужинал и даже смотрел телевизор. Это было всего какие-нибудь две недели назад. А сейчас советник МВД Германии Бруно Майнерт находился в самой западной

области России и предпринимал все возможное, чтобы выполнить поставленное перед ним задание. Похоже, это ему удавалось.

Советник Майнерт еще немного поработал с документом, записанным на мини-дискету, проставляя против осмотренных им объектов условные значки или давая краткую характеристику увиденного. Затем он проделал то же самое, что сделал, когда входил в комнату офиса «Германской экономической ассоциации», только в обратной последовательности — вынул из «Кассиопеи» флэш-карту, убрал ее в черный конверт, который, в свою очередь, положил в папку. Спрятав все это в сейф, он выключил кондиционер, взял видеокамеру и вышел из кабинета. До встречи с руководством Регионального фонда развития области оставалось двадцать минут.

Бруно Майнерт освободился уже в восьмом часу вечера. Он успел предупредить руководителя представительства Торговой палаты Гамбурга и директора «Дома гуманитарного взаимодействия» о том, что подойдет в «Дарфи-клуб» чуть попозже, часам к девяти, и теперь имел не менее полутора часов для вечерней прогулки по Калининграду.

Вообще-то говоря, Майнерт практически выполнил задание. «Выкраивая время для осмотра города», он смог побывать почти на всех объектах, перечисленных в перечне. Он побродил в окрестностях Форта № 3 на Северной горе, правда, зная, что сами сооружения занимают какие-то военные склады. Для него важно было с одного из насыпных холмов вдоль шоссе в том месте, где проводятся мотоциклетные гонки по пересеченной местности, снять на видеокамеру панораму с видом на город. Ведь объект «Вервольфа» располагался как раз рядом с дорогой, и специалисты, увеличив изображение, установили бы, сохранился ли поверхностный слой земли или же секретный бункер, примыкающий к бомбоубежищу, давно обнаружен и разорен.

Бруно Майнерт, стараясь не привлекать к себе особое внимание, обошел центральную часть города в районе Ленинского проспекта, заглянул в новый супермаркет «Вестер», бывший когда-то немецким универмагом «КЕПА»; осматривая великолепные особняки, совершил длительную прогулку вдоль улиц Кутузова и Тельмана; побывал в Свято-Никольском соборе на Тенистой аллее, а оттуда совершил пешую «экскурсию» аж до самой улицы Маршала Борзова, по ходу снимая на видеокамеру сохранившиеся немецкие домики под черепичной крышей, пожарные гидранты, крышки колодцев с немецкими надписями. Понятное дело, ностальгия! Во всяком случае, Майнерт ничем особенным не

отличался от многих пожилых немцев, посещающих Калининград. Так же как и все, он обошел основные достопримечательности города — Кафедральный собор с могилой Канта, Биржу, городские ворота, Пятый форт, даже пробрался на захламленный двор какой-то автобазы, на территории которой стояла полуразрушенная старинная крепость с надписью «Fort Friedrichsburg», исполненной готической вязью.

Единственно, чем Бруно Майнерт мог обратить на себя внимание, так это тем, что передвигался он быстрым шагом, совсем не так, как это делали приезжающие в город туристы, которые медленно расхаживали по калининградским улицам, вальяжно рассаживались на скамейках, подолгу разглядывали барельефы на вмурованных в стену гробницах Кафедрального собора. Но объяснения для этого были вполне понятные — человек приехал в город по делу, у него очень мало времени, но он очень хочет все увидеть, потому, что его родители когда-то жили здесь и сохранили на всю жизнь трепетные воспоминания о своей родине.

Оставшийся объект в городе, который Майнерту почему-то пока не удалось посмотреть, значился в перечне под номером «W-33». Разведчик запомнил, что речь идет о подземном бункере, сооруженном рядом с Росгартенской кирхой, в котором находятся «церковная утварь из золота и серебра, а также спецпакеты из Рейхсбанка». Относительно последних Майнерту да и, наверное, всем остальным было не совсем ясно, о чем идет речь. Какие-то спецпакеты! Но, ознакомившись на конспиративной квартире в Кёльне с рядом копий документов Административно-хозяйственного управления СС, Майнерт и его коллеги пришли к выводу, что речь идет, скорее всего, о золотых кольцах, зубах, часах и драгоценностях, изъятых у евреев. Эти предметы сдавались, как правило, в соответствующее отделение Рейхсбанка и хранились там в специальных пакетах.

То, что Росгартенской кирхи уже давно нет, Майнерт знал из прочтенных им материалов, отчетов и справок. Но посмотреть именно то место, где должен был находиться бункер, все же стоило, потому что это, во-первых, был один из немногих бункеров глубокого залегания, а во-вторых, на одном из космических снимков Калининграда было отчетливо видно, что на этом месте сейчас находится либо детская площадка, либо маленький сквер. Выяснить это можно было только на месте.

Бруно Майнерт, выйдя из здания Делового центра, пересек небольшую улочку и пошел вдоль трибун рядом с памятником Ленину, затем повернул на оживленную, запруженную машинами и общественным транспортом улицу Черняховского. Был конец рабочего дня. Люди устремились после

работы в магазины, на трамвайных и автобусных остановках в ожидании своего номера стояли большие толпы народа. Светило солнце, но было уже не так жарко, как днем. Все-таки оставалось какое-то ощущение духоты, которое вызывали чадающие выхлопными газами автобусы да столпотворение людей на тротуарах, особенно рядом с Центральным рынком.

Разведчика мало интересовало, ведется за ним наружное наблюдение или нет. Он не делал ничего предосудительного, он не собирался ни с кем встречаться, никому ничего передавать и уж тем более проявлять повышенное внимание к тем объектам, которые могли бы рассматриваться как «режимные». Он просто гулял, внимательно рассматривая старые здания, время от времени доставая из чехла видеокамеру и снимая какой-нибудь особо понравившийся сюжет. Так, он запечатлел на пленку здание ГАИ, в котором, согласно старому немецкому плану, раньше располагалась пожарная охрана, потом снял чудесную панораму Верхнего озера, трехарочное сооружение на его берегу. Затем Майнерт перешел на другую сторону улицы, туда, где росли могучие деревья, и осмотрел ансамбль каскадов. В этом месте вода из Верхнего озера по специальным шлюзам спускалась в Нижний пруд. Поэтому в двадцатые годы здесь и были построены каскады с фонтанами, лестницами и мостиками. Но сейчас здесь царило запустение, несло отхожим местом, стены были размазаны всякими рисунками и надписями. Все это наводило уныние и тоску.

Выбирая точку для съемки каскадов так, чтобы в воде отражались деревья и не бросалось в глаза разорение, советник заметил, как трое подростков стали быстро спускаться по лестнице, возбужденно переговариваясь и постоянно смотря в его сторону. «Уж не ко мне ли направляется эта молодежь?» — не без тревоги подумал Майнерт. Его уже предупредили, что не следует гулять по глухим местам, так как в Калининграде достаточно много хулиганья, наркоманов, бомжей и всяческого другого отребья. Могут пристать, спровоцировать драку, отнять деньги, ценные вещи, а то и вообще раздеть.

Тем временем подростки, сбавив шаг, приближались к Майнерту. Тот, что постарше, оглядывался по сторонам, явно пытаясь убедиться, что они здесь одни, двое других держали руки в карманах. При этом никто из них, спустившись вниз, не произнес ни слова. «Да, Майнерт, тебе только этого не хватало, — мысленно обратился советник к самому себе. — Почти полностью выполнить задание, провести все необходимые переговоры и в последний вечер столкнуться с ищущими приключений молокососами! Причем не можешь даже знать, что у них на уме!»

Метрах в трех от Майнерта подростки остановились, старший из них стал медленно обходить немца сбоку. Позади Майнерта был высохший и заваленный мусором овал фонтана, поэтому отступать особенно было некуда. Он напрягся и приготовился к самому худшему.

— Ты немец? Шпрехен зи дойч?^[216] — неожиданно спросил один из подростков и посмотрел на видеокамеру, которую Майнерт держал в руке. — Дай марку на мороженое, немец! — И сделал шаг вперед.

Трудно сказать, чем бы все закончилось, если бы неожиданно метрах в двадцати не появились двое высоких парней в рабочих спецовках. Вероятно, увидев недвусмысленную сцену, они решили прийти на помощь.

— Эй, вы чего там? — обратился один из них к подросткам.

Те, сразу как-то сникнув, отступили, что-то промямлили себе под нос и быстро ретировались.

Все произошло в считанные минуты, так, что Майнерт не смог даже опомниться. А парни, постояв, пока хулиганствующая троица удалится в сторону пруда, пошли к лестнице. Когда они уже поднялись наверх, один из них обернулся в сторону Майнерта и, как ему показалось, подмигнул.

Все обошлось. Советник поспешил удалиться с этого пустынного места, чтобы не дожидаться еще какого-нибудь приключения для себя. «А ведь я мог бы лишиться камеры! А этого допустить было никак нельзя. Да, плохо у вас что-то стало с бдительностью, господин Бруно Майнерт!» — сказал он строго сам себе и стал подниматься по лестнице в сторону пролегающей по верху дамбы улицы.

Советник Майнерт задержался у Музея янтаря и Росгартенских ворот, даже поднялся по каменной лестнице, ведущей по самому краю стены на верхнюю часть старинного укрепления, снял панораму, которая открывалась сверху. Город отсюда смотрелся действительно как цветущий сад — повсюду росла буйная зелень, блестящая гладь озера отражала облака. Пейзаж дополняли виднеющиеся кое-где старые здания из красного и желтого кирпича. Городская идиллия, да и только!

Спустившись с укреплений Росгартенских ворот, Майнерт направился, минуя площадь Василевского, прямо в створ между зданиями, образующий улицу Боткина. Трамвайная линия уходила немного влево, движения по улице не было почти никакого. Так что советник мог свободно идти по проезжей части и рассматривать архитектурные достопримечательности бывшего кёнигсбергского района Росгартен.

В памяти Майнерта буквально всплыл фрагмент плана города — улица Альт-Росгертер-Предигерштрассе^[217], по которой он сейчас шел. Когда-то

здесь располагались Больница милосердия, Королевская гимназия Вильгельма, множество различных магазинчиков и мастерских. По описаниям и отчетам, а также судя по фотографиям, которые ему были показаны на конспиративной квартире БНД, почти все дома на этой улице сохранились, во всяком случае, не были полностью разрушены во время бомбардировок сорок четвертого года и в период уличных боев. Да Майнерту много и не требовалось. Фактически на плане города здесь стояло только две отметки: одна на доме, примыкающем к бывшей гимназии, другая — рядом с Росгартенской кирхой.

Как следовало из пояснений, в первом случае речь шла о конкретном доме, имеющем особую отличительную примету в интерьере — при входе в подъезд на правой стене должен быть барельеф, изображающий широкую вазу, полную роз, и двух сидящих на ней павлинов. В подвале этого дома, согласно сведениям от Бёме, должна была располагаться одна из законсервированных точек «Вервольфа», замаскированная под угольный бункер. Возможно, подземелье это было соединено туннелем с канализационным коллектором, проходящим буквально в сорока метрах отсюда, там, где эта улица пересекалась с другой — бывшей Альт-Росгертер-Кирхенштрассе^[218].

Вторая отметка на плане была в точке, расположенной в нескольких десятках метров от Росгартенской кирхи. Это и был объект «W-33». Майнерту следовало на месте убедиться, что в точке расположения объекта не построено никаких зданий и сооружений, что там нет глубокого котлована, образовавшегося на месте взрыва, в общем, есть шанс считать, что объект «W-33» мог сохраниться до наших дней не тронутым и не обнаруженным русскими.

Место, где когда-то стояла Росгартенская кирха, Майнерт нашел быстро. Сразу за углом медицинского училища советник наткнулся на островок зелени, где среди деревьев и кустов виднелись заросшие высокой травой камни. Рядом была остановка, на которой, устав от ожидания трамвая, стояли около десятка человек. Советник сначала повернулся спиной к зелени и, как бы выбирая лучшую точку для съемки кирпичного здания с красивыми фронтонами, продвинулся чуть в глубь кустов. Со стороны он мог бы выглядеть странным, если бы калининградцы уже не привыкли к причудам заезжих немцев, готовых фотографироваться в самых неожиданных местах: на каких-то свалках, у разрушенных сараев и у полуобвалившихся стен старых домов.

Сняв очередную архитектурную достопримечательность, Майнерт повернулся в сторону кустов и обомлел. Среди заросших обломков и

каменей явно проглядывала бетонная вентиляционная надстройка бомбоубежища, изъеденная следами от снарядных осколков и пуль. Сомнений не было — внизу явно сохранилось бомбоубежище, в котором жители города прятались от воздушных налетов и, возможно, укрывались в дни штурма Кёнигсберга. Но так как подземный объект «Вервольфа» под условным названием «W-33» располагался в непосредственной близости от бомбоубежища, а территория вокруг трамвайной остановки была свободна от построек, шансы в пользу того, что он сохранился, становились достаточно высокими. Довольный таким выводом, советник запечатлел на видеокамеру все, что видел: и остатки камней, заросшие травой, и вентиляционную надстройку, и трамвайную остановку со стоящими на ней пассажирами. Этого было достаточно, чтобы считать работу выполненной.

Несколько труднее оказалось с поисками дома с барельефом внутри подъезда. Майнерт заглянул вначале в один, другой, затем в третий. Везде было грязно, пахло сыростью и мало напоминало о жилых помещениях, хотя, судя по занавескам на окнах, в этих домах жили люди. Облупившаяся краска на стенах, покосившиеся двери, запыленные окна — все это было слишком далеко от понятия домашнего уюта и нормального человеческого жилья.

Наконец, заглянув в дверной проем и увидев старинную деревянную дверь с восьмиугольным окном, Майнерт интуитивно почувствовал: здесь! Он шагнул в подъезд и сразу увидел то, что искал: на стене, окрашенной грязно-салатовой краской, уже изрядно облупившейся, отчетливо был виден барельеф — широкая ваза со множеством роз, две из которых свесились по краям, и причудливые птицы с длинными хвостами и маленькими хохолками, сидящие среди роз. «Нашел! Нашел! — обрадовался Майнерт. — Нашел даже то, что не надеялся найти! Теперь можно считать задание выполненным и остаток сегодняшнего вечера отдохнуть с чувством исполненного долга!»

Чувство хорошо выполненной работы дополнялось ощущением того, что здесь, в России, теперь можно достичь очень многого, прежде всего с точки зрения профессионального разведчика. Масса многообещающих контактов, недвусмысленные предложения о сотрудничестве, прозрачные намеки о готовности сообщить любую информацию за необременительные услуги. Майнерт только сейчас вспомнил мимолетную встречу с одним русским, которая состоялась накануне в Доме гуманитарного взаимодействия: подобострастный взгляд, суетливость в движениях, вкрадчивый голос. Человек, назвавший себя исследователем-краеведом, почему-то сразу предложил поговорить в каком-нибудь укромном месте об

известных ему ценностях, принадлежавших немцам и якобы спрятанных в подвале на пустыре в черте города. В глазах у собеседника был заметен явно нездоровый блеск, и Майнерт без колебаний решил воздержаться от развития контакта. «Не исключено, что это всего лишь подстава ФСБ, — подумал он. — А если даже и не так, то людей с психическими отклонениями на почве кладоискательства здесь предостаточно. Мне только еще не хватало связаться с психом». Он быстро отделался от навязчивого «краеоведа», сунув ему свою визитную карточку и что-то буркнув о возможной встрече во время следующего приезда в Калининград.

Майнерт дождался трамвая на остановке и быстро добрался до Делового центра, где его уже ждал автомобиль. С опозданием, но в хорошем настроении он прибыл в «Дарфи-клуб».

— Дорогой Бруно, мы вас совсем заждались! — не скрывая радости, проговорил руководитель представительства Торговой палаты Гамбурга.

— Мы уже начали беспокоиться за вас, — озабоченным тоном продолжил директор «Дома гуманитарного взаимодействия».

— Господа, я так устал за последние дни. Вечерняя прогулка по Кёнигсбергу позволила мне немного прийти в себя и поднять жизненный тонус. Я рад, что мы можем провести вместе хотя бы эти несколько часов! Благодарю вас за приглашение. — Это была самая искренняя фраза Бруно Майнерта за последние четыре дня.

На следующий день советник МВД Германии Бруно Майнерт уже сидел в салоне бизнес-класса самолета Ту-154, выполняющего рейс Калининград — Франкфурт-на-Майне. Просматривая утренние калининградские газеты, он время от времени непроизвольно прикасался к внутреннему карману пиджака, в котором у него лежала флэш-карта от мини-компьютера с красивым именем «Кассиопея». Интересно, что именно такое название носит созвездие, которое состоит из пяти звезд, образующих фигуру, похожую на букву «W». С территории России это созвездие видно крупный год.

* * *

Из окна на восьмом этаже открывался непривычный для большинства москвичей вид на центр столицы — шпили кремлевских башен и высоток, многоступенчатость крыш, верхушка гостиницы «Россия», здание «Детского мира» с огромными полукруглыми окнами и маленькая

церквушка, притулившаяся где-то внизу, у подножия большого серого дома.

— И все-таки мне совершенно непонятна миссия Майнерта. Приехал на четыре дня, с утра до вечера вел переговоры, а между ними как угорелый носился по городу, забираясь все время в какие-то самые неприметные места. Ладно, жил бы когда-то в Кёнигсберге, тогда еще можно бы понять, а он...

— А что он? У него родители жили там. Вот он и решил во время командировки посмотреть, где обитали его предки.

— Все это так. Да только... что-то меня смущает.

— Ну что тебя смущает, Вадим? Да их сотни шастают по Калининграду, все чего-то ищут, снимают, собирают на память осколки... Пойми, это ностальгия! Кстати говоря, очень благородное чувство! Даже если ты сам не был никогда на земле своих предков, то слышал об этом от них, поэтому тебя тянет...

— Подожди, Петрович, я не об этом. Ностальгия и все такое, мне понятно. Я о другом. О поведении этого немца. Смотри, что написано в сводке: «...встав в проеме двери, вел контрнаблюдение». Или: «...вел видеосъемку дома по такому-то адресу с трех точек». Это что? Ностальгия? Нет, чувствую, что-то здесь не то. Уж слишком нагло и профессионально все делает этот немец! Ты вспомни Фогеля! Помнишь? Прибыл для заключения сделок с недвижимостью, а там все было. Полный букет! Помнишь?

— Да, Фогель — это ас! Недаром посольские сторонились его! Классный разведчик! Но и мы не промах! К нам-то он теперь вряд ли появится. Все-таки мы тогда их здорово уели!

Разговор двух опытных контрразведчиков, пытающихся разобраться в подозрительных действиях иностранного гражданина, был похож на спор, но на самом деле это была серьезная, вдумчивая «мозговая атака», позволяющая перейти от чисто интуитивных оценок, основанных на выявленных контрразведкой признаках шпионской деятельности, к вероятностной модели образа действий вражеского разведчика. Они знали друг друга уже много лет. Один из них возглавлял отдел, осуществляющий разработку сотрудников и агентов БНД, другой был не только его заместителем, досконально знающим все нюансы контрразведывательной работы по немецкой линии, но и просто другом, с которым не надо было притворяться, которому не требовалось ничего демонстрировать и перед которым не стыдно было показаться смешным, если ошибаешься. Они как бы дополняли друг друга, сохраняя при этом самостоятельность суждений и оценок.

— А ты помнишь Гриммерта? — спросил Вадим, который и был начальником упомянутого «немецкого» отдела. — Этого толстяка в постоянно мятом костюме?

— Ну как же, конечно! Рекламные дела, туризм! Вроде как бы ролик ему надо было снять о Балтийской косе! Наши то, может, по глупости, а может, и нет, заключили с фирмой договор аренды на сорок девять лет. Сволочи! За «зеленые» готовы мать родную продать! А эти тут как тут! Если бы мы тогда им не помешали... все наши объекты были бы на пленке!

— Да, докатились! Сунься они сюда лет десять назад!

— Вспомнил! У тебя тоже ностальгия?

— Да нет, какая ностальгия! Просто стыдно. Раньше хоть нас боялись, а теперь ноги вытирают...

— Ну, мы с тобой этому не помогали!

— А от этого не легче. Ладно, давай о деле! Так что ты думаешь о Майнерте?

— Думаю, что он, конечно, никакой не сотрудник МВД, это первое. Что все эти переговоры, всякие там встречи и трепотня с нашими бизнесменами и чиновниками — прикрытие разведывательной работы. Это второе. И, наконец, по его возрасту, профессионализму и уровню подготовки...

— А как ты все это определил?

— Документы читать надо! Калининградцы что пишут? А кроме того, ты же помнишь, как Майнерт вел себя в Новосибирске! Ну и признаки... Машина тогда «выкинула» вон сколько... семнадцать!

— Да, признаков было до фига! Да только за руку взять его мы не смогли!

— Да ладно! Мы б его взяли, да нам не дали! «Можно испортить отношения с потенциальным инвестором». Не помнишь, что ли?

— Помню, помню, — проговорил Вадим недовольно. — Но к данному случаю это не имеет никакого отношения.

Они помолчали немного, думая каждый о своем. Потом как-то вместе разом вздохнули и от этого рассмеялись.

— Ладно, Николай. Поставь еще раз пленку «наружки».

Эту пленку они смотрели уже раз пять и каждый раз не могли отделаться от впечатления, что Майнерт, прогуливающийся быстрым шагом по улицам и закоулкам Калининграда и снимающий на свою видеокамеру все подряд, все-таки следовал какой-то ему одному понятной логике. Съемка явно показывала, что немец догадывается о том, что за ним наблюдают. Может быть, даже уверен в том, что его фотографируют или

снимают на видео.

На мониторе компьютера, как в любительском видеофильме, один сюжет сменял другой. То немец прогуливается у корпусов Калининградского университета, то бродит в районе улицы Кутузова, буквально прочесывая улицу за улицей, то спускается к Нижнему пруду и чуть не становится жертвой хулиганов, то, не пропуская ни одного, заходит подряд во все подъезды серого дома в районе Клинической улицы.

— Если б «семерка»^[219] не подсуежилась, досталось бы нашему немцу по первое число. Эти ребята, наверное, принявшие «колеса», отделали его бы так, что не узнала бы его мать родная. Да и камеру отобрали бы, это уж точно!

— Зря помешали! Камера была бы уже у нас!

— Да ты что?

— Шучу! Шу-чу! — несколько игриво сказал Николай Петрович.

— Подожди, а надо, знаешь, что сделать? Пусть калининградцы пройдут по маршруту Майнерта и снимут на камеру все, что снимал он. Это можно сделать без проблем.

— А что это даст? Думаешь, подбор тайника?

— Посмотрим.

— Идея хорошая. Только...

— Коля, ты всегда мыслишь немного приземленно. Вспомни, как мы работали по «объекту» в Питере. Вроде бы ничего не было, а когда посмотрели на все его глазами... Где теперь тот «объект»?

— Согласен. Давай посмотрим на Калининград глазами Майнерта.

Видеофильм, который запросил Центр из территориального управления ФСБ, был готов через несколько дней. Сначала его подвергли цифровой обработке на компьютере, затем проработали аналитики, обеспечив точную привязку объектов к топографическому плану города, и только потом фильм попал к начальнику отдела, который снова пригласил к себе своего заместителя, сотрудников отдела, непосредственно занимающихся разработкой иностранцев, подозреваемых в принадлежности к спецслужбам Германии, а также работника, прибывшего в Москву из Калининграда.

Просматривая сюжет за сюжетом и сопоставляя их с кадрами, сделанными бригадой наружного наблюдения, каждый участник просмотра обратил внимание на явный диссонанс между кадрами, запечатлевшими культурные и исторические объекты города, и кадрами, на которых можно было увидеть только обшарпанные стены домов, какие-то свалки,

затоптанные газоны и поросшие бурьяном пустыри.

— Если бы это происходило десять лет назад, я бы сказал, что этот немец снимает сюжеты, порочащие советскую действительность, — прокомментировал фильм один из старейших работников отдела.

— Да, замечаете, что всякие там архитектурные памятники и прочие вещи он снимает бегло, так, немного поводит камерой, и все. А всякую чепуху вроде облезлой стены или зарослей лопухов под забором фиксирует очень внимательно и подробно, — подал голос Николай Петрович.

— Шевелев, отметь на карте все такие объекты. Покрутите с аналитиками, — дал указание начальник отдела. — И вы, Сергей, — обратился он к калининградцу, — подключитесь. Посмотрим, что получится.

— Да уже видно, Вадим Алексеевич, таких объектов будет много. Но к утру сделаем. Что-то, по-моему, проклевывается...

— Что именно?

— А вы не обратили внимание на то, что большинство сюжетов съемки пустырей сдвинуто... как бы это сказать... чуть книзу... — несколько неуверенно проговорил майор Шевелев.

— То есть?

— Направлено на землю. Как будто этот немец снимает какие-то известные ему места в Калининграде, где что-то находится в земле! Может быть закопано или...

— Клад! — с иронией продолжил заместитель начальника отдела. — Клад, вернее, клады. Может, Янтарная комната?

Все дружно засмеялись.

— Ладно, давайте чуть серьезнее, — строго сказал Виктор.

Просмотр и обсуждение сюжетов смоделированной съемки советника Майнерта затянулись до позднего вечера, пока начальник не сказал:

— Все! На сегодня хватит. Завтра в десять все у меня. Шевелев, не забудь!

— Так точно, товарищ полковник, — устало проговорил тот.

В отделе было принято обращаться к друг другу по имени и отчеству. Поэтому все удивленно посмотрели на майора.

— Шевелев, ну ты и заработался.

Когда на следующий день перед начальником отдела майор Шевелев положил топографический план Калининграда, испещренный жирными точками, поставленными красным фломастером, он с удовлетворением сказал:

— Ну вот, теперь можно хотя бы о чем-то рассуждать. Итак, сколько

вы насчитали точек, заинтересовавших «объект»?

— Тридцать четыре.

— Прилично. И что вы думаете по этому поводу? — Начальник оторвал глаза от карты и посмотрел на майора Шевелева.

— Вадим Алексеевич, я почти убежден, что немец производил съемку каких-то объектов, спрятанных под землей. Об этом говорят не только характер и направленность съемки, но и то, что в половине всех сюжетов присутствуют конструктивные элементы подземных сооружений — фундаменты, бетонные вентиляционные надстройки бомбоубежищ, спуски в подвалы. Думаю, что мы не должны оставить это без внимания.

Начальник отдела смотрел на молодого сотрудника с каким-то особым вниманием и даже удивлением. Шевелев уже закончил свой краткий доклад о выполненной ночью работе, а он все смотрел на него, как будто только сейчас заметил в нем человека, способного делать нестандартные и в чем-то даже парадоксальные выводы. Потом, будто очнувшись, он сказал:

— Срочно запросите в архиве дело с материалами проверки сигналов о местонахождении Янтарной комнаты. Его закрыли, по-моему, в восемьдесят третьем году.

Дело Вадим Алексеевич стал смотреть с конца. Там был зашит один-единственный листок, который в свое время подвел черту под участием Комитета госбезопасности в поисках Янтарной комнаты.

Из Постановления о сдаче на хранение в архив дела «Янтарная комната» с материалами проверки сигналов о местонахождении Янтарной комнаты, 6 апреля 1984 года

«...Розыск „Янтарной комнаты“ осуществлялся рядом организаций, возглавляемых специальной комиссией Министерства культуры РСФСР... В ходе розыска местонахождения „Янтарной комнаты“ каких-либо сигналов, указывающих на реальное ее местонахождение, не поступало.

Учитывая бесперспективность розыска „Янтарной комнаты“, Совет Министров РСФСР Постановлением № 654 от 29 ноября 1983 года решил: „О расформировании всех подразделений, занимающихся розыском „Янтарной комнаты“ с 1 января 1984 года“. Исходя из изложенного, дело № И-223 с материалами проверки сигналов о местонахождении „Янтарной комнаты“ производства прекратить и сдать на хранение в архив».

Постановление было утверждено начальником Пятого управления КГБ

СССР шестого апреля 1984 года.

Вадим Алексеевич полистал дело и отложил его в сторону.

— Ладно, это надо будет посмотреть повнимательнее. Но мне помнится, что в начале девяностых было какое-то поручение Председателя по поводу Янтарной комнаты. Уточните! — поручил он сотруднику.

Тот только тяжело вздохнул, предчувствуя, сколько хлопот это ему доставит: придется идти в другое здание, выписывать задание на поиск материалов в архиве и долго листать пыльные дела в подвальном помещении читального зала.

Однако на следующий день перед начальником «немецкого» отдела лежала целая подборка переписки. Вадим Алексеевич, набравшись терпения, стал читать бумаги.

Из письма Председателю КГБ СССР Крючкову В. А. от 27 марта 1991 года

«Как вам, видимо, известно, в годы Второй мировой войны территория бывшей Восточной Пруссии была перевалочной базой исторических и культурных ценностей, вывезенных сюда гитлеровцами из СССР. Немалая часть награбленного была переправлена в Германию, часть безвозвратно утеряна при бомбежках, обстрелах и пожарах. Однако, как свидетельствует собранный документальный материал, многое оставлено и захоронено в специальных тайниках на территории нынешней Калининградской области...

В последнее время, особенно после открытия Калининградской области для посещения иностранцами, заметно возрос интерес к поискам утаенных ценностей со стороны поисковых групп Германии, которые с разрешения московских инстанций уже работали на ряде объектов.

...Обращаемся к вам, уважаемый Владимир Александрович, с просьбой о содействии в получении сведений, содержащихся в архивных фондах КГБ СССР, которые имеют важное значение для этой работы. Речь идет о свидетельствах участников и очевидцев, в том числе сотрудников германских спецслужб, данных, полученных органами госбезопасности в конце войны, о вывозе и захоронении ценностей, а также о других материалах и документах, имеющих отношение к данной проблеме и относящихся к компетенции КГБ СССР.

В качестве эксперта по конкретным вопросам

взаимодействия Калининградского центра и КГБ мог бы стать, на наш взгляд, разумеется, при Вашем согласии, сотрудник центрального аппарата комитета кандидат исторических наук товарищ Пржездомский А. С., который известен как компетентный специалист и автор ряда публикаций по этой проблеме, а в прошлом и активный участник поисковых работ...

Начальник Управления культуры Калининградского облисполкома И. А. Гречко

Председатель областного отделения Советского фонда культуры Н. Иванов

*Директор Центра координации поисковых работ
Е. Е. Стороженко*

Руководитель поисковой экспедиции, собкор ТАСС по Калининградской области В. Г. Бирюков».

Как следовало из дальнейшей переписки, обращение калининградцев было поддержано руководством Комитета госбезопасности, который незадолго перед этим провел обобщение всех материалов, имеющих по проблеме розыска Янтарной комнаты. Вскоре в Калининград был направлен ответ за подписью заместителя Председателя КГБ СССР.

Из Письма заместителя Председателя КГБ СССР В. Лебедева от 29 апреля 1991 года

«На Ваше письмо об оказании содействия в розыске похищенных гитлеровцами в период войны отечественных исторических и культурных ценностей сообщаем, что Комитет государственной безопасности, как и прежде, будет оказывать помощь в проведении этой важной работы.

Сотруднику КГБ СССР тов. Пржездомскому А. С. поручены изучение соответствующих архивных материалов и поддержание контактов с Центром координации поисковых работ Калининградского облисполкома.

Желаем успехов в Вашем благородном деле поиска и возвращения Родине национальных сокровищ».

— Николай, ты не знаешь, как позвонить Андрею? — спросил

начальник отдела своего зама. — Он же теперь не у нас...

— Да я знаю, он уже, кажется, три года заместитель директора налоговой полиции. Ушел еще при Барсукове... Да телефон вон в книжке есть... «кремлевка»...

— Начальник! Генерал-лейтенант. И не дозвонишься, поди... — Вадим Алексеевич стал листать маленькую красную телефонную книжицу. — Вот, нашел. Позвоним?

Они встретились на следующий день после обеда. В том самом кабинете на Лубянке. Говорили о многом, обо всем том, о чем могут говорить люди, давно не видевшие друг друга, сталкивающиеся с похожими жизненными и профессиональными проблемами, знающие гораздо больше, чем простой обыватель, что на самом деле происходит в стране. И, конечно же, говорили о Янтарной комнате, о том, как не смогли использовать возможности поиска сокровищ, открывшиеся в начале девяностых, о том, как захлестнула тогда всех волна августовских событий, и пошло-поехало. И вот уже несколько лет, как никому нет до этого дела, разве что дилетантам да авантюристам. А теперь, оказывается, еще кое-кому...

В тот летний день они долго говорили и расстались только под вечер. Когда Андрей сел в машину, припаркованную перед главным входом серого дома на Большой Лубянке, в котором проработал не один год, он еще раз окинул взглядом это здание, сотрудников, выходящих из подъезда, пешеходов, равнодушно спешащих по своим делам, и подумал о своих друзьях и товарищах, которые, работая здесь, тянут свою нелегкую лямку служения Отечеству.

За прошедшие годы их не раз унижали, оскорбляли и поносили. Их вынуждали бросить все, отказаться от традиций, предшествующего опыта, их держали в постоянном напряжении перманентных реорганизаций, играя на руку тем, кому выгодно ослабить нашу страну и лишить ее надежной защиты. Многие из них не выдержали и ушли, пополнили ряды трехпроцентной прослойки общества, состоящей на услужении новой буржуазии, или влились в многомиллионную массу народа, прозябающего в надежде на лучшие времена. Но многие остались, несмотря ни на что, рискуя быть выброшенными новоявленными нуворишами, очередной раз оклеветанными и ошельмованными. Остались потому, что знают: страна нуждается в том, чтобы честные люди, профессионалы своего дела продолжали исполнять свой долг.

Обнаглевший враг уже торжествует, считая решенным вопрос о том,

кто будет безраздельно господствовать на той территории, которая еще недавно называлась Советским Союзом. Шпионы всех мастей, агенты спецслужб, просто политические авантюристы и представители транснациональных криминальных корпораций рассчитывают получить богатый улов, выражающийся в неисчислимых ценностях нашей экономики, науки и культуры, природных богатствах и человеческом потенциале.

Они рассчитывают на то, что среди людей, уставших от погони за призрачным будущим, они смогут действовать, не опасаясь сколь-нибудь серьезного противодействия.

Они уверены в том, что смогут прикарманить наше культурное достояние и заграбастать то, чем еще мы сами, к сожалению, не смогли достойно распорядиться.

Они считают, что у них есть все для того, чтобы завладеть несметными сокровищами нацистского рейха, тайно спрятанными гитлеровцами в последние месяцы войны на нынешней территории Калининградской области.

Они, как никогда, очень близки к тому, чтобы обнаружить наконец следы сокрытых ценностей и стать их полновластными обладателями. И похищенных экспонатов советских музеев, и разворованных в российских церквях реликвий, и украденных у евреев драгоценностей, и сокровищ немецких замков, могущих стать достойным восполнением сожженным солдатами вермахта раритетам новгородских музеев и дворцов пригородов Ленинграда.

Но они глубоко ошибаются, наши тайные и явные недруги. Пока есть люди, которым небезразличны интересы своего Отечества и судьбы культурного достояния страны, рассчитывать на это не следует. Пока есть сотрудники правоохранительных органов и спецслужб, готовые отдать свои знания, волю и силы, профессиональное мастерство и оперативный опыт, у наших противников нет шансов на успех. Пока есть люди, готовые не за деньги и не из тщеславия идти трудной дорогой поиска утраченных культурных ценностей, мечтающие вернуть уникальные сокровища своей стране и человеческой цивилизации, у тех, кто хочет использовать благородные идеи бескорыстного поиска для обогащения и самоутверждения, нет перспективы.

Россия, медленно выходящая из оцепенения, безусловно, сможет не только отстоять свои политические и экономические интересы, но и добиться сохранения уникального культурного наследия страны. Пройдет еще немного времени, и в обществе найдутся духовные и материальные

силы для возрождения активного влияния культуры на социальные и нравственные процессы восстановления могущества великой страны. Не за горами и тот день, когда власть предержащие, интеллектуальная элита страны, творческие силы общества и национально ориентированная часть класса предпринимателей поймут, насколько важно направить свои усилия на поиск культурного достояния человеческой цивилизации, утраченного в годы последней войны, и сохранить безусловные приоритеты России в этом многотрудном, но благородном деле.

Эпилог

На экране монитора одну за другой сменяли информационные карты поисковой системы. Оператор, юная девушка с симпатичным личиком, легко скользила по клавишам, изящно щелкала кнопками мышки, лежащей на коврике с изображением ярких цветов. Время от времени она сверялась с текстом, который был напечатан на листе бумаги, удерживаемом зажимом на кронштейне-подставке.

— Леночка, введи еще это. — Парень в белой рубашке, без галстука протянул девушке две карточки размером с открытку. — Это дополнительная информация из базы по «Реликту»!

— Положи рядом, — не отвлекаясь от экрана, проговорила девушка.

В комнате было еще пять рабочих мест, расположенных на отдельных столах, и за каждым из них шла напряженная работа. Два узких окна со слегка прикрытыми жалюзи, кондиционер, создающий атмосферу свежести, несмотря на духоту летнего дня, большой календарь с видами балтийского берега, стеллаж из пластика со словарями, справочниками и энциклопедиями. Несмотря на то что помещение было, безусловно, старым, о чем свидетельствовали толстые стены с громадными подоконниками, сводчатый потолок и необычный, в виде конусообразной арки, дверной проем, комната выглядела, как офис какой-нибудь современной фирмы.

Девушка, закончив ввод очередной информации, взяла в руки следующий лист. Это был один из новых заявительских материалов — письмо некоего гражданина Кронке из Германии, который решил сообщить о том, что узнал от своего отца, участвовавшего в 1945 году в обороне Кёнигсберга. Отец умер несколько лет назад, но перед смертью рассказал своим близким о том, что в марте сорок пятого его, как специалиста по гидротехническим сооружениям, привлекли к работам в подземных бункерах в самом центре полуразрушенного города. В его задачу тогда входило в срочном порядке оборудовать и приспособить для каких-то неясных нужд глубокие подвалы и бомбоубежища Старого города. Все делалось в строжайшей тайне. От него потребовали даже подписку о неразглашении сведений. Немец с трудом вспоминал, где проводились эти работы, но одно говорил точно: в непосредственной близости от Королевского замка, у старой кирпичи в районе Росгартен и неподалеку от ипподрома.

Подобных заявлений через руки операторов Аналитического центра прошло уже не менее трех тысяч. Вот уже почти пять месяцев девушки-операторы ежедневно вводили в файлы информационно-поисковой системы архивные материалы Калининградской геолого-археологической экспедиции, Координационного центра по поискам культурных ценностей, данные из архивных фондов Калининграда, Москвы, Санкт-Петербурга и многих других городов страны. В отдельно выделенную подсистему, к которой имели доступ далеко не все, легла информация из Федеральной службы безопасности, Службы внешней разведки, Главного разведывательного управления Генштаба и Министерства обороны. Ее вводили прикомандированные к Аналитическому центру офицеры этих ведомств, обеспечивая надежность хранения этой информации и предотвращения доступа к ней посторонних лиц.

Аналитический центр поиска культурных и исторических ценностей, созданный по решению российского правительства, вот уже целых полгода, как замкнул на себя все самостоятельные поисковые группы, всех любителей кладоискательства и, что самое главное, принял на себя все домогательства иностранцев, прибывающих в Калининградскую область, вести какие-либо поиски на ее территории.

Конечно, поднять это большое и благородное дело на бюджетные деньги в стране, где миллионы людей влчат жалкое существование, было невозможно. Но нашлись среди тех, кто преуспел в бизнесе, люди, желающие помочь своими средствами возвращению утерянных сокровищ и, не рассчитывая на вознаграждение, бескорыстно, исключительно из патриотических соображений поднять это многотрудное дело. Представитель крупнейшей нефтяной компании приобрел для Аналитического центра прекрасную компьютерную технику нового поколения, известный в области и за ее пределами предприниматель, возглавляющий крупную транспортную корпорацию, раздобыл для группы инженерного поиска великолепное японское оборудование, позволяющее осуществлять межскважное сканирование. Свою лепту внесли и другие предприниматели, кто выделением средств на приобретение оборудования, кто оказанием содействия в организации поисковой работы. Проявляя гораздо меньший энтузиазм, помогали представители зарубежного бизнеса. И совсем уж охладели к поисковой работе иностранцы, выдающие себя за «ученых», среди которых всегда было больше авантюристов и излишне любознательных, нежели благородных романтиков.

Теперь уже не только все в городе, но и далеко за его пределами, даже за границей, знали, что в одной из мощных зубчатых башен внутреннего

фортификационного кольца Кёнигсберга расположилась организация, всерьез занятая поисками исчезнувших сокровищ. В ней трудятся серьезные творческие люди, не падкие на сенсации, не склонные к мистификациям и погоне за дешевыми эффектами. В ней работают лучшие аналитики, искусствоведы, инженеры и геофизики. Сюда, «в башню», как теперь говорят в Калининграде, идут те, кто хочет помочь найти культурное и историческое достояние цивилизации, спрятанное нацистами в калининградской земле. И работа здесь находится всем: знаешь иностранный язык — переводи документы, обладаешь недюжинной силой — орудуй киркой и лопатой, хорошо разбираешься в искусстве — анализируй поисковые материалы. Сюда хода нет только жуликам, бездельникам и врунам, способным самую примитивную чушь выдать за глубокомысленные рассуждения.

За долгие годы бессистемных поисков расплодилось целое племя проходимцев, которые с умным видом, не моргнув глазом, готовы врать, лишь бы оказаться в центре внимания и нести всяческую чушь, мороча голову доверчивым согражданам. Появляются рассказы о фантастических черных кошках и рунических письменах, магических пророчествах и черных посвященных. Даже по Центральному телевидению «проскакивают» наспех состряпанные сюжеты о новых свидетельствах и находках. Сотни, а может быть, и тысячи, черных копателей буквально перелопачивают калининградскую землю в надежде найти что-нибудь ценное. И находят ведь! Потом различные предметы всплывают на черных рынках Литвы и Польши, а иногда попадают в калининградские антикварные салоны. Но таким «поисковикам», разумеется, в «башню» вход закрыт.

Девушка-оператор по имени Лена стала вводить сведения в соответствующие разделы информационной карты: «о заявителе», «о предмете и объекте поиска», «об обстоятельствах и условиях утраты»... Каждый информационный элемент сопровождался соответствующим поисковым индексом, позволяющим осуществлять сопоставление и анализ информации по целому комплексу заданных параметров.

В соседней с операторами комнате двое молодых людей с напряженным вниманием рассматривали только что полученную распечатку. Прервав разговор, они погрузились в чтение широкой ленты, испещренной фрагментами информации, колонками цифровых и буквенных индексов. Наконец один из них, оторвавшись от этого занятия, сказал:

— Ну я же говорил! Все свидетельствует о том, что этот бункер

находится вот в этой точке! — Он указал карандашом на разложенный на столе лист топографического плана центральной части Калининграда. — Видишь, практически в тридцати двух источниках говорится...

— Почему в тридцати двух? Это только из основной базы... А специальный банк! Ты же сам видел, этот объект фигурирует сразу в нескольких местах. Да и по нашим данным... ну, связанным с этим немцем, который приезжал в прошлом году...

— Я знаю. Читал. Но это пока все-таки только предположения!

— Как сказать! Теперь, когда у нас есть все архивные материалы допросов сотрудников «Вервольфа», участвовавших в сооружении объектов...

— Наверное, все-таки не все.

— Может быть. Но для предварительных выводов и локализации поиска — достаточно.

— Да, хорошо, что Москва пошла на то, чтобы открыть все эти материалы. А то пятьдесят лет ковырялись, а самого главного не знали!

— Я бы не сказал, что сейчас мы знаем точно, где укрыты все эти ценности. То, что нам удалось локализовать двадцать четыре объекта, — это только начало. Впереди, ты же сам знаешь, сначала пойдет наша геофизическая группа, потом гидрогеологи...

— Это все понятно! Главное — не спешить, но и не затягивать. Как говорили древние — «Festina lente»^[220].

— «Спеши медленно»? Это правильно, но если мы слишком затянем аналитику...

— Ты считаешь, что нас обойдут на повороте?

— Я в этом уверен. Наша группа оперативного обеспечения... Ей же нет продыху! То этот фонд... Ты сам знаешь, кто за ним стоит. То немцы опять... На прошлой неделе все пытались получить разрешение в Москве... Исторические аспекты! Гуманистическая миссия! А там каждый второй из Пуллаха!

— Ну, не каждый второй!

— Ну, каждый третий!

— Может быть.

Они немного помолчали, снова принявшись рассматривать распечатку. Один из них, высокий брюнет в очках, пролистав ворох листов, задержался на каком-то фрагменте.

— Смотри-ка, Максим! Вот тут шесть позиций... Они практически все совпадают по привязке к месту. Из трофейного фонда, смотри... сказано: «...рядом с бункером крайслейтера Вагнера». СМЕРШ в сорок пятом...

Видишь, из допросов — две информации, и обе о бункере рядом с Домом труда. А это ведь одно и то же! Один и тот же бункер!

— Я знаю. Но ведь его же нашли! Сначала Кролевский, потом осматривала экспедиция.

— Да нет. Они нашли совсем другой бункер. Да не бункер даже, бомбоубежище. И закрыли этот вопрос. А Толя, между прочим, ты ведь его знаешь, был на правильном пути. Только очень разбрасывался! Да и помощи ему ждать было не от кого.

— Он просто устал. Сколько можно вхолостую, на одной инициативе!

— Да, ты прав. Смотри дальше. Две информации из ФСБ. Тот немец снимал на видеокамеру место рядом с медицинским колледжем. Это раз! В позапрошлом году фирмач, который приезжал в Черняховск... Сколько он крутился на этом пятачке! Вот написано: «В течение двадцати минут производил визуальный осмотр участка территории, прилегающего к стене дома...» Это два! А материал, который пришел «оттуда»? Ты же видишь, все совпадает!

— Ладно, убедил! Даем приоритет, так?

— Конечно, предлагаю завтра обсудить на координационном совете, и вперед!

— Согласен. Скажи операторам, пусть выведут на поисковый формуляр, передадут топографам и в аналитическую секцию. Они уже завтра на совете смогут доложить предложения.

Этажом выше в большом зале под сводами несколько человек склонились над огромным планшетом с топографическим планом центральной части города. По-видимому, как ни хороши были компьютерные геоинформационные программы, привязка объектов на карте в старом, изначальном виде была привычна и более наглядна. Исходные материалы готовились с помощью компьютерных систем, а завершающий этап определения вероятного местонахождения поискового объекта проводили специалисты на крупномасштабной карте.

— Я же говорю, что все эти объекты связаны единой логикой! — громко говорил один из научных сотрудников топографической секции Аналитического центра. — Смотрите, практически все они располагаются вблизи крупных сооружений, имеющих глубокие подвалы, или же вблизи подземных коллекторов. Возьмем хотя бы объект рядом с 3-м фортом. Он...

— Все правильно, таких объектов наберется десятка два! О чем это говорит? Это говорит о том, что объекты для захоронения ценностей строились или выбирались рядом с капитальными сооружениями, возможно, соединяющимися с ними подземными туннелями.

— А из этого, между прочим, следует один очень интересный практический вывод: если мы хотя бы примерно... ну, до десяти — двадцати метров... определили местоположение объекта, совсем не обязательно идти напролом. Можно сделать геофизику между объектом и крупным сооружением, а потом начать вскрышные работы. Кстати, на это обратили внимание еще в экспедиции Стороженко. Помните, дом Коха... ну, это сейчас музыкальная школа Глиэра...

— Ребята, но ведь были и другие варианты!

— Ну были! Бирюков искал на пивзаводе, Конюхов... А результатов, по большому счету, нет!

— Отсутствие результата — тоже результат! Бирюков с Конюховым сделали, может, гораздо больше, чем все вся экспедиция рижан...

— Ну это уж точно!

— Кстати, я не понимаю, почему немцы так охладели к поискам Янтарной комнаты. Наверное, их не устраивает, что сегодня они должны делать это вместе с нами. А значит, и делиться информацией.

— Я думаю, что сейчас у нас информации не меньше, чем у них. А может быть, и побольше...

— Конечно, наконец нам удалось свести воедино все сведения, и теперь локализовать объекты поиска — дело техники!

— Что мы и делаем!

Такой разговор происходил между теми, кто стоял в конце цепочки анализа многочисленных материалов — свидетельств очевидцев, показаний бывших немецких военнопленных и нацистских преступников, донесений советской военной контрразведки в заключительный период войны, информации, полученной из российских спецслужб, огромного числа документов правительственных комиссий и экспедиций по поискам Янтарной комнаты.

Созданием Аналитического центра был положен конец десятилетиям бессистемных поисков, хаотического кладоискательства и бесстыдного разграбления ценностей, которыми оказалась наспигованной калининградская земля. Теперь уже никто не мог присвоить себе право самостоятельно разгребать в поисках бесценных находок подвалы среди руин средневековых замков и кирх, подземные коллекторы и железобетонные бомбоубежища, полуразрушенные немецкие сараи, похожие на маленькие крепости, и заросшие бурьяном и кустами бункеры. Закончились времена, когда падкие до сенсаций иностранные журналисты вместе с сомнительного типа «археологами», «историками» и «научными сотрудниками» начинали буравить калининградский грунт, ссылаясь на

«абсолютно точные сведения» о том, что именно в этом месте спрятаны сокровища нацистского рейха.

Теперь, после того как вышло постановление российского правительства о создании Центра, получившего эксклюзивное право на ведение поисковых работ на территории Калининградской области, после того, как губернатор взял под свою опеку это благородное дело, а даже самые уверенные в себе предприниматели считали за честь оказать материальную помощь поискам культурных ценностей, утраченных в годы войны, дело пошло.

Не минуло и полгода, как Аналитический центр смог «переварить» практически всю имеющуюся информацию и стал давать четкие ориентиры для инженерных работ. В результате в короткие сроки были обнаружены несколько тщательно замаскированных объектов, в которых находились старинные картины и уникальные скульптуры, великолепные нумизматические коллекции и изделия из слоновой кости. Была найдена доселе считавшаяся навсегда утраченной Серебряная библиотека герцога Альбрехта, и в Москве и Берлине российские и немецкие дипломаты обсуждали ее дальнейшую судьбу. В одном из контейнеров, упрятанных в нише подземного бункера, поисковики обнаружили великолепно сохранившиеся рукописные Евангелия XV века со штампами Смоленского исторического и Архитектурно-художественного музея. Были сделаны и другие находки.

Все участвовавшие в поисковой работе испытывали доселе неведомое им чувство открытия тайны. Многие годы безрезультатных поисков вознаградились наконец удивительными находками, заставившими говорить о себе дикторов теле- и радиопрограмм, газеты стали помещать статьи под сенсационными заголовками, информационные агентства — разносить по миру вести о все новых и новых находках, а мировая паутина Интернета — в считанные секунды превращать граждан всех континентов в виртуальных участников событий.

Все, даже отъявленные скептики, уже были уверены в том, что цепь находок, которые делал Аналитический центр на территории Калининградской области, теперь уже не прервется. В ней пока не хватало только одного яркого и очень важного звена — Янтарной комнаты. Но все участники событий теперь не просто надеялись, но и были уверены — не за горами тот день, когда на свет Божий из глубокой каменной темницы фашистского бункера покажется это выдающееся творение человечества, заставлявшее в течение нескольких столетий учащенно биться сердце каждого, кто с ним соприкасался.

Я уверен, что когда-нибудь такой Аналитический центр все-таки появится на самом дальнем западе нашей страны и надежды, усилия и благородные помыслы сотен и тысяч людей наконец вознаградятся выдающимся открытием начала третьего тысячелетия — находкой Янтарной комнаты.

Об авторе

Андрей Станиславович Пржездомский — автор художественно-документальных повестей «Янтарный призрак», «Тевтонский крест», «Кагэбэшник», многочисленных публикаций на историческую тематику. Главный редактор и автор большинства статей Иллюстрированного энциклопедического справочника «Кёнигсберг — Калининград». Член Союза писателей России. Кандидат исторических наук.

Кадровый сотрудник органов безопасности, занимал руководящие должности в Администрации Президента Российской Федерации, был заместителем директора Федеральной службы налоговой полиции России. Генерал-лейтенант Налоговой полиции. Дважды избирался членом Общественной палаты Российской Федерации, возглавлял подкомиссию по проблемам противодействия коррупции, Координационный совет по защите избирательных прав граждан, являлся членом Президиума Комиссии по государственным наградам и других коллегиальных органов.

С июня 2010 года — советник председателя Национального антитеррористического комитета, директора ФСБ России.

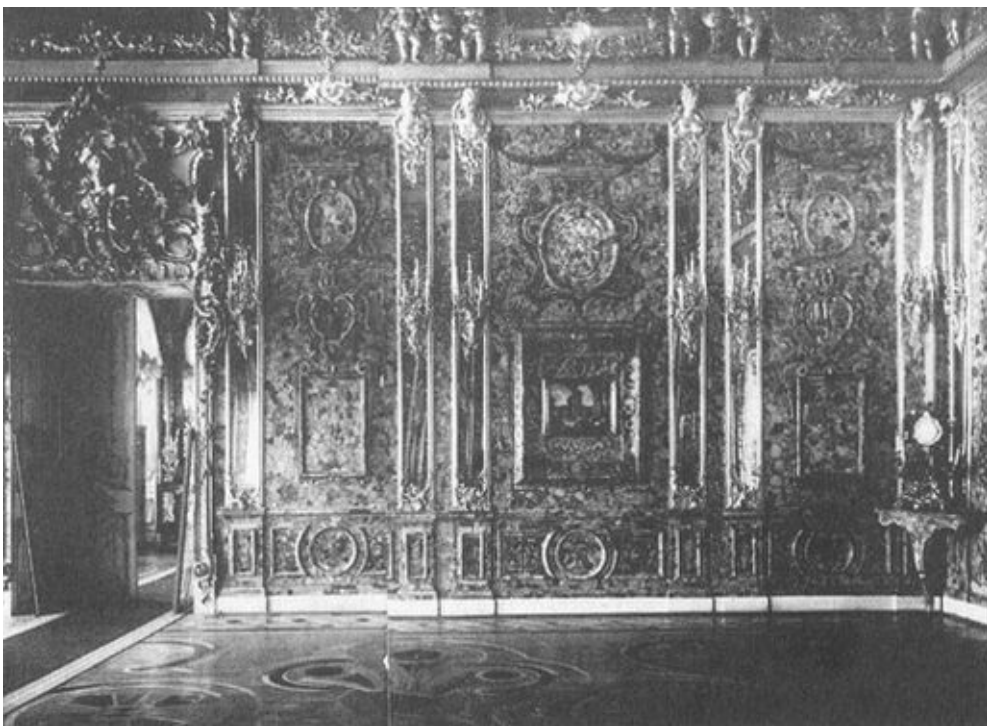
Иллюстрации

Гаулейтер Э. Кох со своим адъютантом

Восточная часть Королевского замка с высоты птичьего полета

Фрагмент Янтарной комнаты в Королевском замке

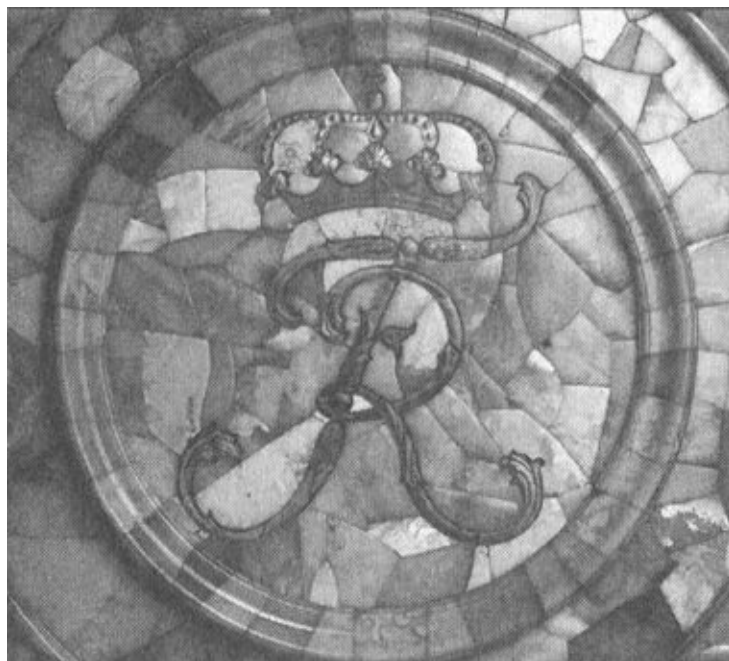
Начальство наблюдает за раскопками в руинах Королевского замка

Солдаты ведут раскопки в южном крыле Королевского замка

В. Д. Кролевский

Фрагмент янтарной инкрустации из Янтарной комнаты

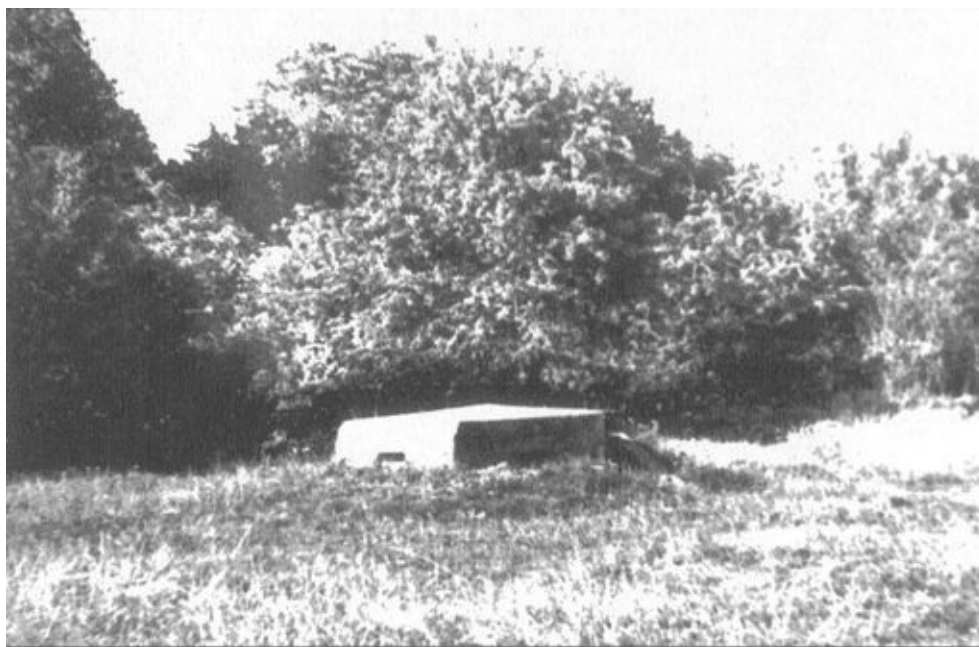
Рабочая схема раскопок на территории Королевского замка. Рисунок автора

Немецкий оборонительный рубеж в Кёнигсберге

На сборном пункте немецких военнопленных. Апрель 1945 г.

Бетонная вентиляционная камера подземного бункера

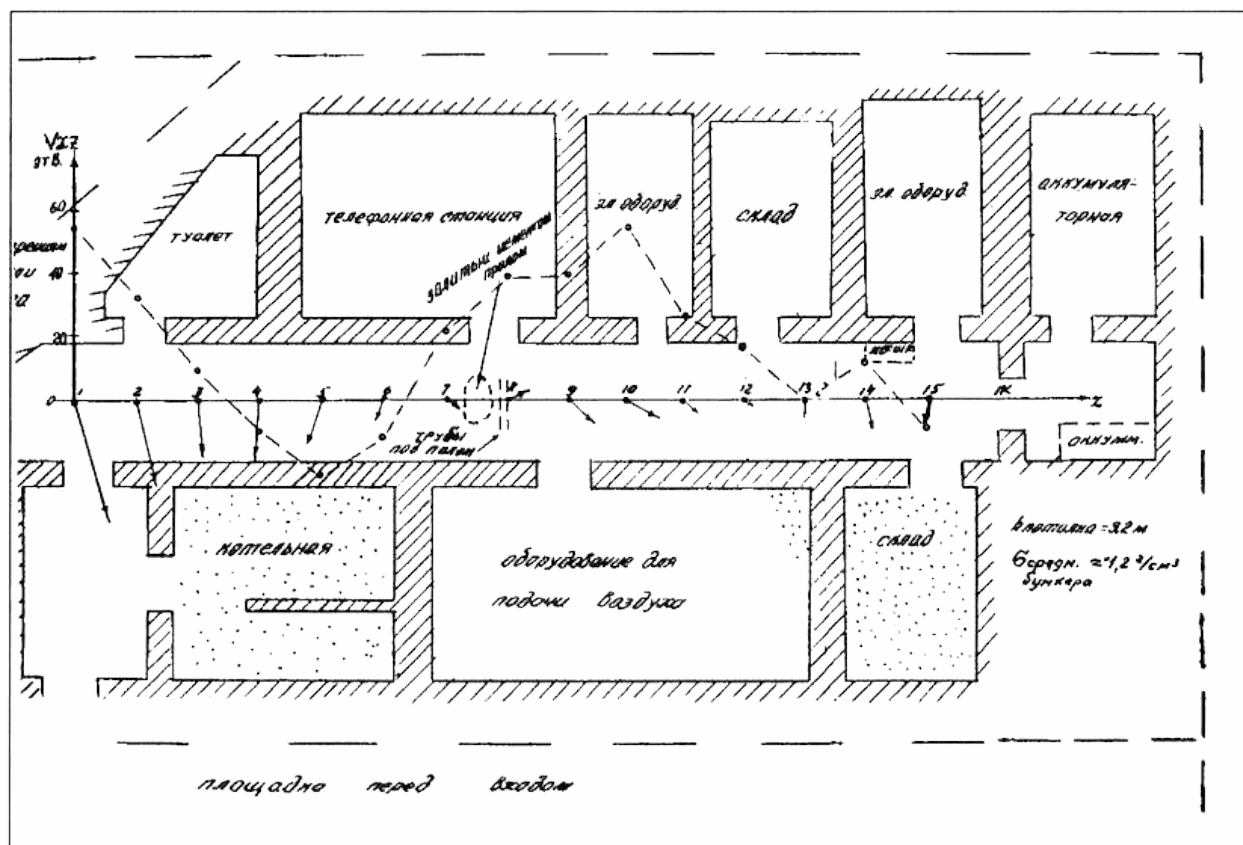

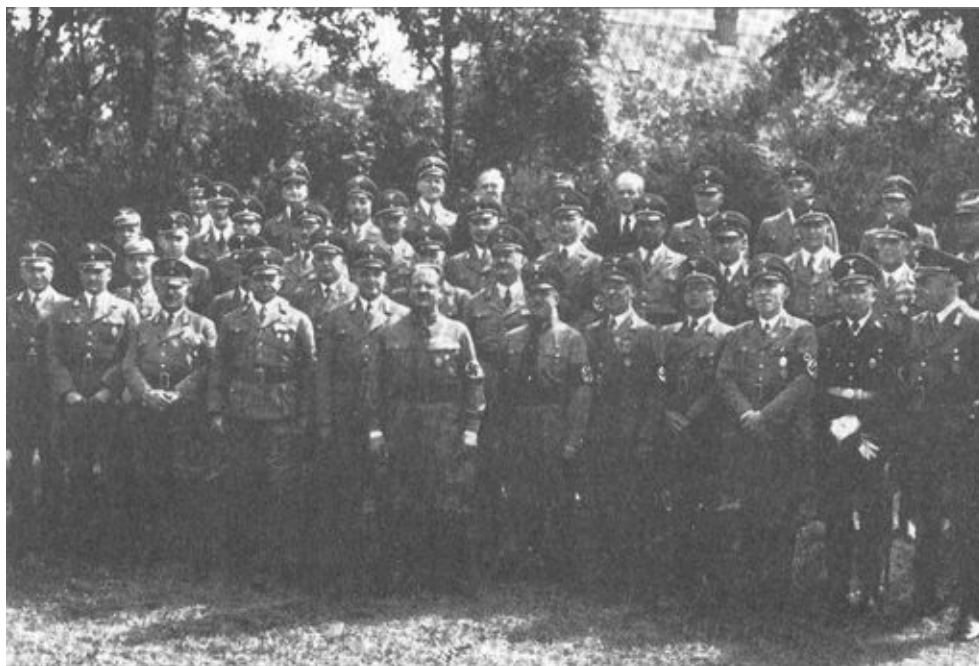
Схема одного из секретных бункеров. Рисунок автора

Спуск в бомбоубежище, соединяющийся с бункером подземным ходом

Руины Дома труда в Росгартене

Личный состав штаба гаулейтера Э. Коха

Вилла W в Кёнигсберге

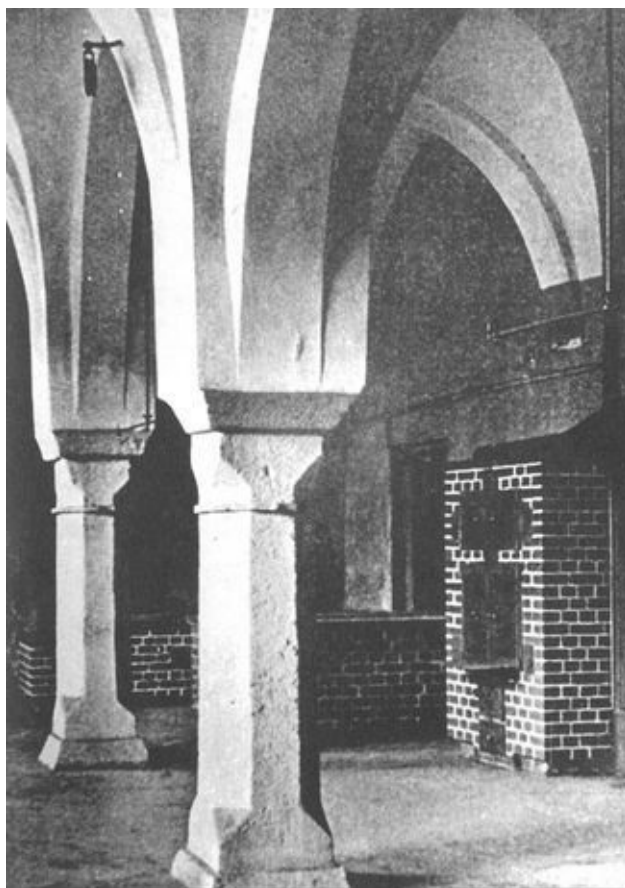
Руины Рейхбанка в Кёнигсберге

Барельеф у фонтана в южном крыле Королевского замка

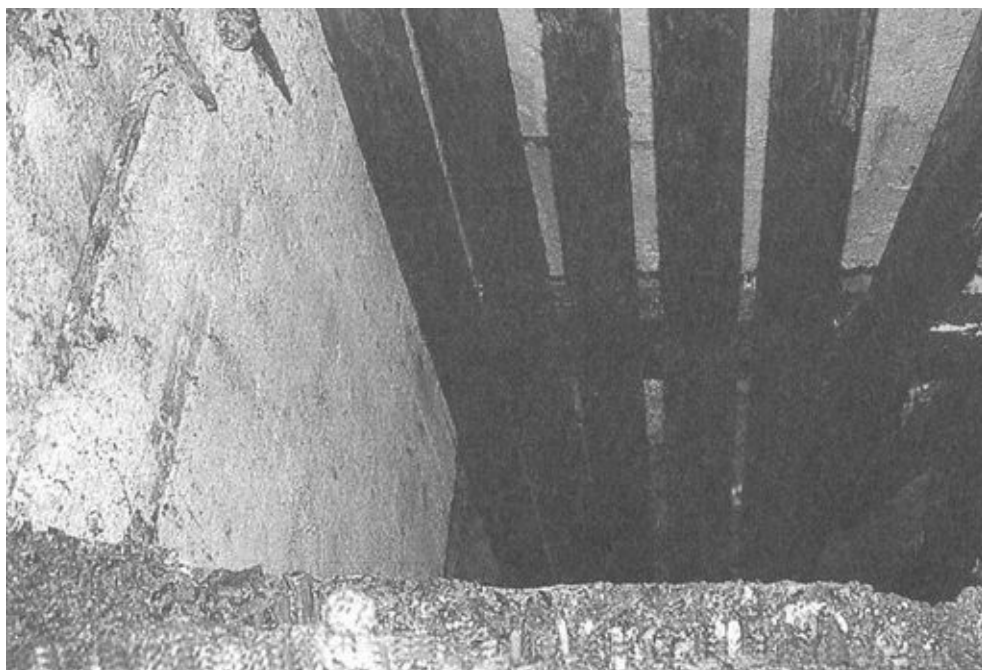
Массивные фундаменты здания Унфрида в юго-восточной части замка в 1969 г.

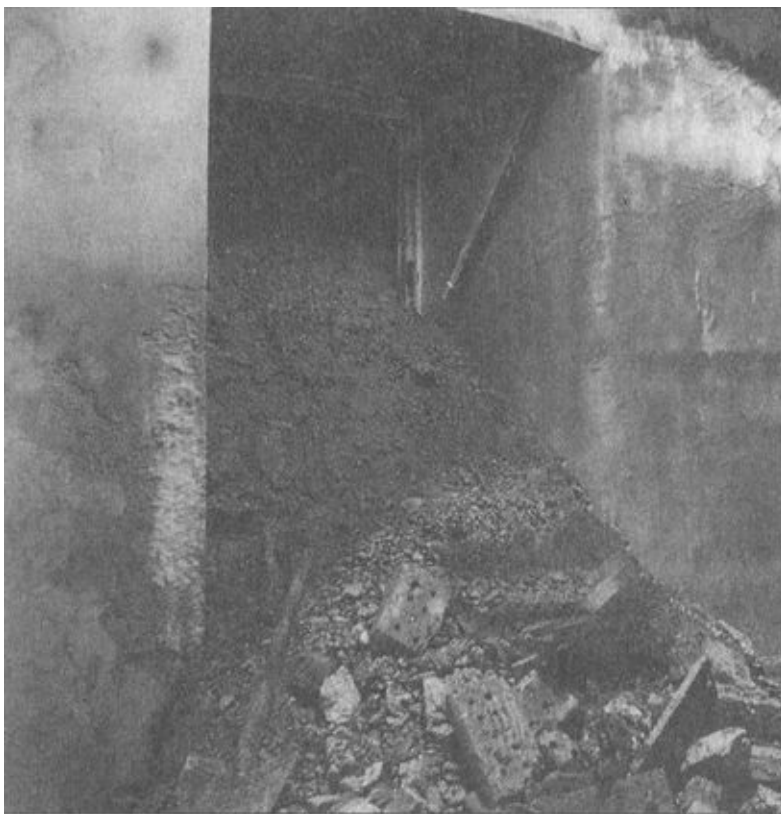
В подземелье Королевского замка

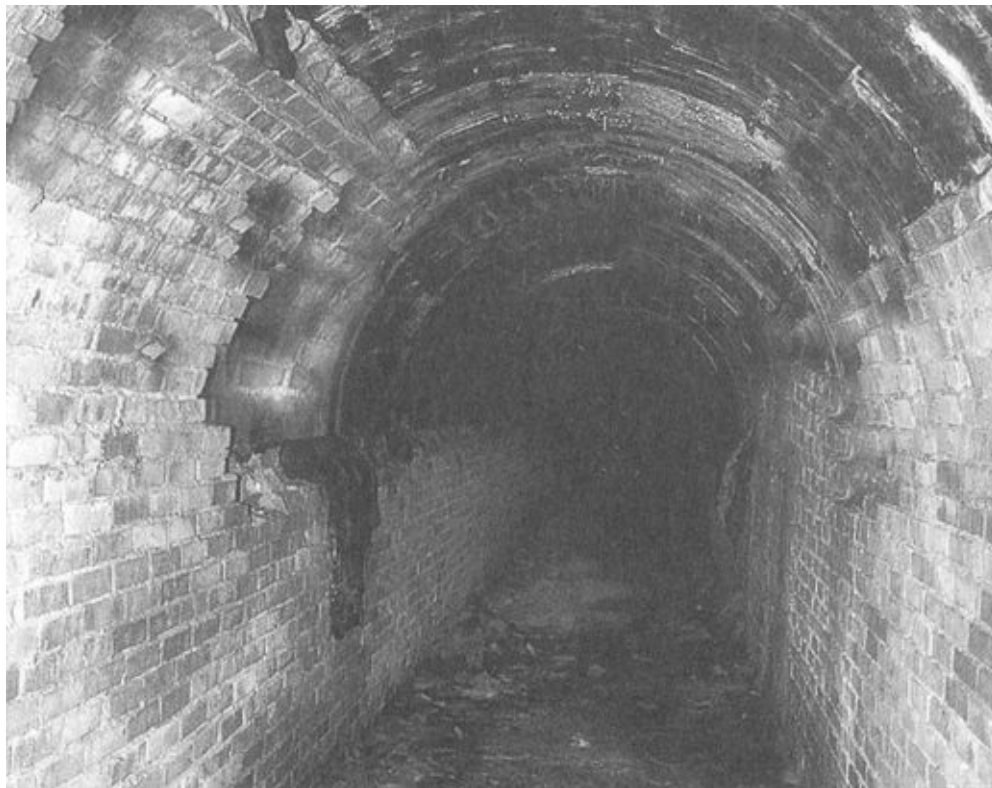
Руины южной террасы Королевского замка в 1968 г.

Бетонный колодец для спуска грузов в Королевском замке

Взорванный вход в подземный бункер

Подземный туннель, ведущий к бункеру

Большой раскоп на месте Королевского замка

Находки, сделанные на месте Прусского музея в 1969 г.

Поисковые работы в районе юго-восточного крыла Королевского замка

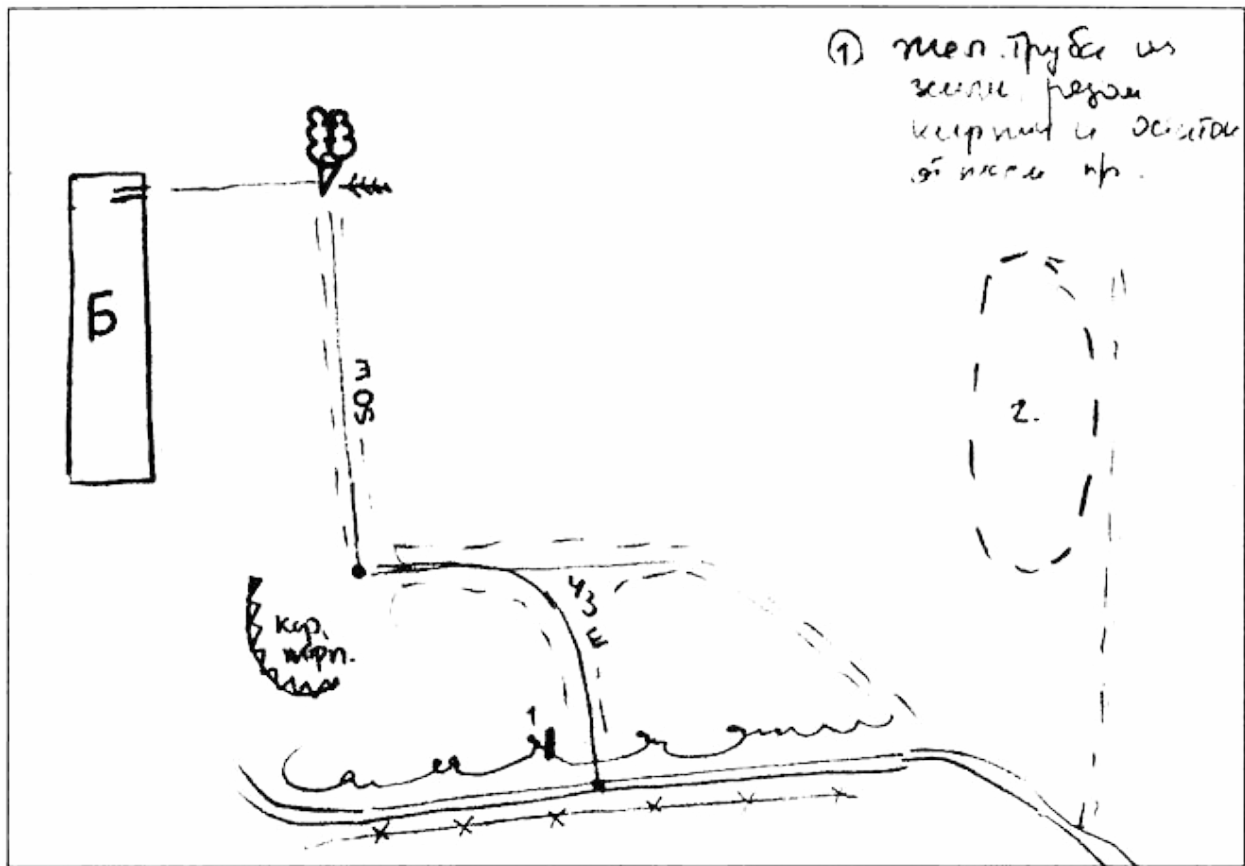

Схема расположения одного из бункеров. Рисунок автора

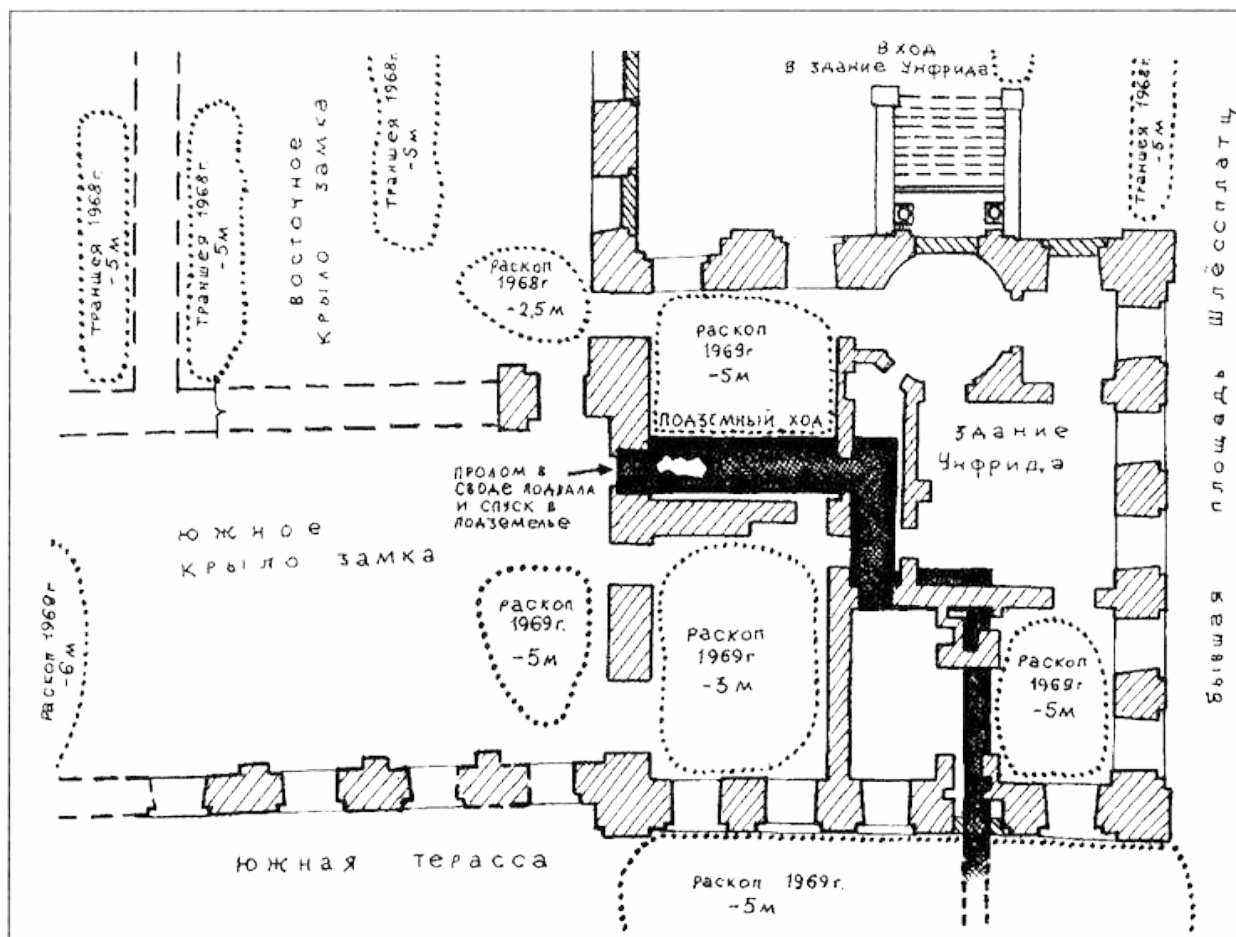

Схема раскопов и траншей, сделанных экспедицией в 1969 г., и злополучный подземный ход. Рисунок автора

notes

Примечания

Выражение, встречающееся у греческих писателей Плутарха, Лукиана и Софрона Сиракузского. Подтверждает возможность судить по части о целом.

«Werwolf» (нем.) — «Оборотень» — подпольная организация, объединявшая специальные вооруженные отряды, созданные фашистами из немецкого населения для осуществления разведывательно-диверсионной и террористической деятельности в тылу Красной Армии и войск западных союзников.

Gauleiter (*нем.*) — гаулейтер — должностное лицо в нацистской Германии, осуществлявшее всю полноту власти на вверенной ему административной территории — гау; назначался непосредственно главой государства — фюрером.

NSDAP — Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (*нем.*) — Национал-социалистская рабочая партия Германии — фашистская организация, возглавлявшаяся Гитлером и правившая в Германии с 1933 по 1945 год.

В соответствии с организационным построением нацистской партии Гаулейтунг НСДАП (Gauleitung NSDAP) являлся высшим руководящим органом в данной административно-территориальной единице.

Reichstag (*нем.*) — германский парламент.

Шлягетер Альберт Лео (1894–1923) — член нацистской партии, расстрелянный французскими властями за шпионаж в пользу Германии и объявленный гитлеровцами национальным героем.

Шпеер Альберт (1905–1981) — министр вооружений и боеприпасов гитлеровской Германии, архитектор, главный военный преступник, осужденный Нюрнбергским трибуналом на 20 лет.

«Вильгельм Густлов» — морской лайнер фашистского флота, построенный в 1938 году и потопленный в Данцигской бухте 30 января 1945 года советской подводной лодкой «С-13» под командованием капитана 3-го ранга А. И. Маринеско. По некоторым данным, предполагалось, что в трюме лайнера были тайно вывезены из Кёнигсберга Янтарная комната и некоторые другие ценности Третьего рейха.

Поселок Фурманово Багратионовского района Калининградской области.

Город Балтийск Калининградской области.

Балтийский район Калининграда.

SD (сокр.) — Sicherheitsdienst (*нем.*) — Служба безопасности в гитлеровской Германии.

Пятое управление Комитета государственной безопасности СССР — структурное подразделение центрального аппарата, в функции которого входили выявление, предупреждение и пресечение подрывной деятельности иностранных разведок, пропагандистских центров и зарубежных антисоветских организаций, борьба с идеологической диверсией и терроризмом.

«Друзьями», по терминологии органов госбезопасности, назывались тогда партнерские (дружеские) спецслужбы социалистических стран.

Щербаков В. В. — первый секретарь Калининградского обкома ВКП(б)
с 1947 по 1951 год.

МГБ — Министерство государственной безопасности СССР.

Молотов В. М. (1890–1986) — в 1949 году первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Брюсов А. Я. (1885–1966) — советский археолог, брат поэта В. Я. Брюсова. Участвовал в поисках Янтарной комнаты в 1945–1949 годах.

Кучумов А. М. (1912–1993) — советский ученый-искусствовед, работал в Павловском и Пушкинском дворцах-музеях, участвовал в поисках Янтарной комнаты.

Об этом подробно рассказывается во второй части моей книги «Янтарный призрак», изданной в Калининграде в 1997 году.

УМГБ — Управление Министерства государственной безопасности — территориальный орган МГБ в 1940–1950-е годы.

Берма — горизонтальная площадка на откосах земляных и каменных плотин, укрепленных берегов, карьеров и т. п. для придания устойчивости вышележащей части сооружений, а также улучшения условий их эксплуатации.

Schloßteich (*нем.*) — Замковый, ныне Нижний пруд в центре Калининграда.

Ляш Отто (1893–1971) — немецкий военачальник, генерал от инфантерии, возглавлял оборону Кёнигсберга в 1945 году.

«СМЕРШ» (Смерть шпионам!) — наименование органов военной контрразведки в СССР в 1943–1946 годах.

Volkssturm (*нем.*) — воинские ополченческие подразделения, сформированные по указу Гитлера осенью 1944 года из гражданского населения, когда вермахт исчерпал все резервы и военные действия были перенесены на территорию Германии.

Hitlerjugend (*нем.*) — молодежная нацистская организация военизированного типа, существовавшая в гитлеровской Германии в 1936–1945 годах.

Фаустпатрон, или, как его официально называли, панцерфауст, — стоящий на вооружении в германской армии с 1943 года гранатомет одноразового использования для поражения танков и других бронированных целей.

Геббельс Йозеф Пауль (1897–1945) — один из главарей нацистского режима в Германии, министр пропаганды, имперский комиссар по обороне Берлина и уполномоченный по тотальной войне.

Waffen hinlegen! (*нем.*) — Бросай оружие!

ППШ — пистолет-пулемет Шпагина.

Река Дейма в Калининградской области.

Scharführer (*нем.*) — звание члена СС, соответствующее воинскому званию младшего фельдфебеля.

Ruhe! (*нем.*) — Молчать!

Штауффенберг Клаус Шенк фон (1907–1944) — подполковник германского Генерального штаба, один из организаторов заговора против Гитлера и исполнителей покушения на него в 1944 году; расстрелян во дворе Военного министерства в Берлине.

Komm! (*нем.*) — Иди!

«*Континенталь-Силента*» — марка пишущей машинки, производимой в Германии в 1930-е годы.

Jungvolk (*нем.*) — детская полувоенная организация в гитлеровской Германии, в которую принимались мальчики в возрасте 10–14 лет.

Поселок Люблино Калининградской области.

Город Черняховск Калининградской области.

Город Гусев Калининградской области.

Поселок Большаково Калининградской области.

Поселок Славинск Калининградской области.

Местечко Янково Гданьские под Гданьском в Польше.

После покушения на Гитлера в июле 1944 года, в котором были замешаны немало офицеров абвера, в том числе его руководитель адмирал Канарис, военная разведывательно-контрразведывательная служба была полностью реорганизована, а большая часть подразделений передана в Имперское управление безопасности.

Ныне поселок Пушкарево Калининградской области.

Польский город Гданьск.

Интеллидженс Сервис — общее наименование разведывательных и контрразведывательных служб Великобритании.

НСДАП — сокращенное наименование фашистской Национал-социалистской рабочей партии Германии.

Город Полесск Калининградской области.

В настоящее время эти населенные пункты, находящиеся в Калининградской области, называются Гурьевск и Добрино, соответственно.

Город Гвардейск Калининградской области.

НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности.

В настоящее время город Добровольск Калининградской области.

Город Кутузово Калининградской области.

Фильтрация — проверка военнопленных и перемещенных лиц в целях выявления сотрудников и агентов спецслужб противника.

Фольварк — небольшая усадьба, хутор.

Район в центре Кёнигсберга, ныне — прилегающий к улице Октябрьской в Калининграде.

Ortsgruppenleiter (*нем.*) — руководитель партийной ячейки НСДАП в гитлеровской Германии.

Так пренебрежительно население гитлеровской Германии именovalo руководящих функционеров нацистской партии, большинство из которых имели «золотой партийный знак».

Wir nicht schießen! (*нем.*) — Мы не стреляем!

Waffen (*нем.*) — оружие.

Ури (искаж. от нем. Uhr) — часы.

Так немцы называли случаи мародерства, имевшие место среди советских солдат.

Нихт геен! (искаж. от *нем.* Nicht gehen!) — Не ходите!

Ферштэен? (искаж. от *нем.* Verstehen!) — Понимаете?

Алькасар — название укрепленных замков в Испании; использовалось гитлеровской пропагандой для обозначения очагов сопротивления в последние месяцы Второй мировой войны.

Балтийский район Калининграда.

Luftwaffe (*нем.*) — военно-воздушные силы фашистской Германии.

Школа ФЗО — школа фабрично-заводского обучения в СССР.

Volksdeutsche (*нем.*) — по нацистской классификации — «этнические немцы», то есть лица, принадлежащие к германской расе и проживающие за пределами Германии.

Ortskommandantur (*нем.*) — комендатура фашистской администрации в населенном пункте на оккупированной территории.

Feldpost (*нем.*) — полевая почта.

RSHA — Reichssicherheitsamt (*нем.*) — Главное управление имперской безопасности в гитлеровской Германии.

Групп (нем.) — команда, отделение, группа бойцов; взвод (в фашистских штурмовых или охранных отрядах).

Sturmbannführer (кем.) — звание члена СС, соответствующее войсковому званию майор.

Hauptsturmführer (*нем.*) — звание члена СС, соответствующее воинскому званию капитан.

Obersturmführer (*нем.*) — звание члена СС, соответствующее воинскому званию обер-лейтенант.

Hauptscharführer (нем.) — звание члена СС, соответствующее воинскому званию старший фельдфебель.

Город Видмины в Польше.

20 июля 1944 года произошло покушение на Гитлера в его ставке «Волчье логово» под Растенбургом. После провала заговора тысячи военнослужащих и чиновников гитлеровской Германии, в том числе ряд сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов, были арестованы гестапо, многие из них осуждены к смертной казни или заключению в тюрьмах и концлагерях.

Wolfschanze (нем.) — «Волчье логово» — условное наименование ставки Гитлера под Растенбургом, расположенной в непосредственной близости от озер Цайсерзее и Мойзее в Восточной Пруссии.

Населенный пункт Полецдже в Польше.

Oberführer (*нем.*) — звание высшего офицера СС, не имеющее соответствия воинскому званию (между полковником и генерал-майором).

Obergruppenführer (*нем.*) — звание высшего офицера СС, соответствующее воинскому званию генерал рода войск.

Соответственно, польские города Эльк и Гжицко.

Польский город Вегоржево.

Город Голдап в Польше.

Поселок Радужное Нестсровского района Калининградской области.

U-Bahn (*нем.*) — метро.

Waldteufel (*нем.*) — леший, лесной чёрт.

Kosaken-Kaffee (*нем.*) — «казацкий кофе» — кофейный ликер, традиционно производившийся в Восточной Пруссии.

Bärenfang (*нем.*) — «беренфанг» — изготовленная по старым прусским рецептам хвойная водка с медом.

OKW — Oberkommando der Wehrmacht (*нем.*) — Верховное главнокомандование вооруженными силами фашистской Германии.

ОКН — Oberkommando des Heeres (*нем.*) — Верховное командование сухопутными войсками фашистской Германии.

OKL — Oberkommando der Luftwaffe (*нем.*) — Верховное командование военно-воздушными силами фашистской Германии.

«Waldteufel» (*нем.*) — «лесной черт».

Польский город Олецко.

Города Черняховск и Знаменск Калининградской области.

Город Добровольск Калининградской области.

Город Гусев Калининградской области.

Город Стембарк в Польше.

Город Олыштын в Польше.

Город Илава в Польше.

Город Оструда в Польше.

Поселок Большаково в Калининградской области.

Город Элк в Польше.

Город Моронг в Польше.

Город Озерск в Калининградской области.

Город Бартошице в Польше.

Город Мамоново в Калининградской области.

Калининградский залив.

Местечко Парц в Польше.

Город Бартошице в Польше.

Бакелит — искусственная смола, служащая для изготовления изделий с высокими антикоррозийными свойствами, в данном случае — для маскировочной сети.

Город Мальборк в Польше.

Город Миколайки в Польше.

Город Кентшин в Польше.

Kreishaus (*нем.*) — здание, в котором размещалась районная администрация, в том числе руководство НСДАП.

121

Район улицы Тельмана в Калининграде.

Улицы Лермонтова и Тургенева в Калининграде.

123

Район улицы Кутузова в Калининграде.

Населенный пункт Свободное Калининградской области.

Поселок Рябиновка Калининградской области.

Поселок Александра Космодемьянского в Калининграде.

GSP (сокp.) — Geheime Staatspolizei (*нем.*) — Тайная государственная полиция в гитлеровской Германии.

Kreisleiter (*нем.*) — окружной руководитель нацистской партии, в данном случае — руководитель кёнигсбергской НСДАП.

Поселок Менделеево в Калининграде.

Балтийский район в Калининграде.

Район улицы Полецкого в Калининграде.

Район Аллеи Смелых в Калининграде вблизи мясокомбината.

Район улицы Муромской в Калининграде.

Район улицы Краснокаменной в Калининграде.

Соответственно, районы улицы Пролетарской, проспектов Мира и Московского в Калининграде.

Район улицы Тельмана в Калининграде.

Район проспекта Победы в Калининграде.

Район улицы Бассейной в Калининграде.

Универмаг «КЕПА» (КЕРА) (*нем.*) — одно из немногочисленных сохранившихся зданий на Ленинском проспекте в Калининграде, где до недавних пор размещался универмаг фирмы «Вестер».

Ныне в Калининграде в этом месте улица Барнаульская вливается в Ленинский проспект.

Район поселка Майский в Октябрьском районе Калининграда; здесь до 1945 года располагалось имение гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха.

Volksgewehr (*нем.*) — тип винтовки, выпускавшейся в конце Второй мировой войны в условиях тотальной мобилизации в гитлеровской Германии, представляющей собой упрощенный до примитивности вариант карабина К-98.

Балтийская коса в Калининградской области.

Поселок Коса, расположенный на Балтийской косе в Калининградской области.

Дом труда — место пребывания фашистской организации «Германский трудовой фронт», а также штаб-квартира крайслейтера Вагнера в Кёнигсберге.

Улица Клиническая в Калининграде.

Штрассер Отто (1897–1974) — нацистский функционер, сторонник леворадикальных националистических идей, противник Гитлера. Эмигрировал из фашистской Германии в Чехословакию.

Штрассер Грегор (1892–1934) — нацистский функционер, руководитель фракции НСДАП в рейхстаге, сторонник леворадикальных националистических идей, активно выступал против Гитлера. Убит своими соратниками во время массовой резни в так называемую «ночь длинных ножей».

NSKK (сокр.) — National-Sozialistisches Kraftfahr-Korps (*нем.*) — Национал-социалистский автомобильный корпус — гитлеровская военно-спортивная молодежная организация.

По народному немецкому преданию, в Вальпургиеву ночь (30 апреля) ведьмы и колдуны собираются на Броккене — одной из горных вершин Гарца — и устраивают там шумные гуляния.

ПВО (сокр.) — противовоздушная оборона.

Площадь Победы в Калининграде.

Улица Барнаульская в Калининграде.

Район Северная гора в Калининграде.

Улицы Барнаульская, Генерала Соммера и Рокоссовского в Калининграде.

Alarm! (*нем.*) — Тревога!

Генерал-губернаторством в гитлеровской Германии именовалась территория бывшей Польши.

Немецкое название эстонского города Таллина.

Район улицы Дзержинского в Калининграде.

«Группа Кюнсберга» — подразделение войск СС, осуществлявшее после вступления фашистских войск в советские населенные пункты по специально разработанному плану захват культурных и исторических трофеев.

Поселки Поддубное, Лесной и город Гурьевск в Калининградской области, а также пригород Калининграда Чкаловск.

Поселок Дорожное Калининградской области.

Город Ушаково Калининградской области.

Поселки Ласкино, Западное и Котельниково Калининградской области.

Район улиц Суворова и Керченской в Калининграде.

Улица Чекистов в Калининграде.

Четырехэтажная постройка в юго-восточной части Королевского замка, возведенная по проекту архитектора Иоахима Людвига фон Унфрида.

Ныне — пустырь, примыкающий к восточной стороне недостроенного здания Дома Советов в Калининграде.

Шлезвиг-Гольштейн — земля и гау (административно-территориальная единица) в северной части Германии.

Улица Генделя в Калининграде.

Улица Офицерская и проспект Мира в Калининграде, соответственно.

Немецкое название литовского города Каунас.

Город Мамоново в Калининградской области.

Fliegealarm! (*нем.*) — Воздушная тревога! (сигнал).

LSK — Luftschutzkeller (*нем.*) — бомбоубежище.

Korvettenkapitän (*нем.*) — капитан третьего ранга в военно-морских силах гитлеровской Германии.

«К» — Kleinkampfverband (*нем.*) — соединение малого боя.

Улица Старшины Дадаева в Калининграде.

Улица Александра Невского в Калининграде.

Улица Некрасова в Калининграде.

«Seehund» (*нем.*)—«Тюлень» — наименование серии немецких подводных лодок-малюток, строившихся на верфях Киля и Эльбинга в 1944 году.

«Негер» и «Бибер» — типы германских подводных лодок-малюток в период Второй мировой войны.

Reichsführer (*нем.*) — высший руководитель СС в гитлеровской Германии. С 1929-го по 1945 год им был Генрих Гиммлер.

Города Гдыня и Мальборк в Польше.

Ремтер — столовая в средневековом замке или монастыре.

Pr.Mus. (*сокр.*) — Prussia-museum (*нем.*) — Прусский музей.
Размещался в южном крыле Королевского замка.

Город Зеленоградск Калининградской области.

Проспект Победы в районе поселка Менделеево в Калининграде.

Luftwaffe (*нем.*) — военно-воздушные силы Германии.

Подразделение «VI S» РСХА занималось организацией диверсионной и повстанческой деятельности в тылу противника, а подразделение «VI G» — проблемами изъятия и научных материалов, и культурных ценностей в оккупированных странах; оба подразделения структурно входили в VI управление РСХА в Берлине.

Так гитлеровцы называли советские реактивные минометы — «катюши».

ОРПО — сокращенное наименование так называемой полиции порядка в гитлеровской Германии, в состав которой входили имперская и муниципальная охранная полиция, жандармерия, пожарная охрана и другие службы.

Район улицы Университетской в Калининграде.

Улица Пролетарская в Калининграде.

Ручей Парковый в Калининграде.

Район улиц Портовой и Суворова в Калининграде.

Город Светлый Калининградской области.

ГДР (сокр.) — Германская Демократическая Республика — социалистическое государство, существовавшее на территории бывшей восточной оккупационной зоны Германии с 1949-го по 1990 год.

«Замком трех королей» калининградцы нередко называли развалины Королевского замка.

Реферат — структурное подразделение в германских учреждениях, аналог российского отдела или сектора.

BND (сокр.) — Bundesnachrichtendienst (*нем.*) — Федеральная разведывательная служба в ФРГ.

Ostforschung (нем.) — деятельность разветвленной сети различных научных обществ, институтов, специальных кафедр в университетах, а также информационно-разведывательных организаций и пропагандистских центров, занимающихся в Германии изучением стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

Канарис Фридрих Вильгельм (1887–1945) — руководитель абвера — военной разведки гитлеровской Германии в 1935–1944 годах.

«Bund der Vertriebenen» (*нем.*) — «Союз изгнанных» — общественная организация в Германии, занимающаяся проблемами граждан, выселенных после Второй мировой войны с бывших немецких территорий, и проповедующая идеи их возврата.

«Drang nach Osten» (*нем.*) — «Натиск на Восток» — традиционный лозунг германских милитаристов.

«Gastarbeiter» (*нем.*) — гражданин иностранного государства, находящийся в Германии на заработках.

Немецкое наименование Куршской косы.

Мазурия — историческая область, находящаяся в настоящее время на территории Польши.

Косидо — традиционное испанское блюдо из турецкого гороха, картофеля, капусты, мяса, сала и наперченных колбасок; варится и подается в специальных горшочках.

Флэш-карта — сменный накопитель для мини-компьютера, расширяющий объем его памяти.

Windows CE — основная компьютерная операционная система, использовавшаяся в мини-компьютерах в 1980-е годы.

Stadthaus (*нем.*) — ныне здание городской администрации на площади Победы, в котором раньше размещались органы городского управления Кёнигсберга.

Пуллах — пригород Мюнхена (Германия), где размещается штаб-квартира Федеральной разведывательной службы (БНД).

Асунсьон — столица Парагвая.

Реституция — в международном праве — возвращение одним государством другому имущества, незаконно захваченного им во время войны.

Sprechen Sie deutsch? (*нем.*) — Вы говорите по-немецки?

217

Улица Боткина в Калининграде.

218

Нерчинская улица в Калининграде.

«Семерка» — на сленге советских контрразведчиков — служба наружного наблюдения.

Festina lente (*лат.*) — спеши медленно (Октавиан Август, II век н. э.)